Книгоиздательство «ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ».
Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227—42.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. Книга 13-ая.

С. Т. Семеновъ.

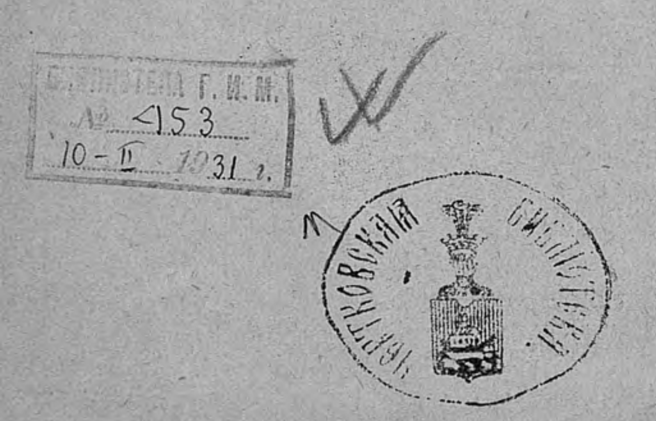
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

4648

Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ.

I.

Первыя десятилѣтія послѣ освобожденія, крестьянская жизнь въ нашей мѣстности была не особенно красна. Главнымъ образомъ ее тяготила крайняя скудость всего, что̀ нужно для удовлетворенія самыхъ насущнѣйшихъ потребностей. Въ нашей деревнѣ, напримѣръ, рѣдко кто нарабатывалъ для себя хлѣба, и пополнялъ недостатокъ его привозомъ изъ Москвы. Во всей нашей деревнѣ, можетъ быть, въ пяти-шести дворахъ обходились своимъ запасомъ, а у остальныхъ его хватало у кого до Михайлова дня, у кого до Рождества, у кого до масленицы; съ этого же времени они должны были его покупать. Причина этого заключалась въ томъ, что земля, нарѣзанная крестьянамъ при выпускѣ ихъ на волю, была очень плохого качества, покосовъ было убавлено наполовину, держать въ надлежащемъ количествѣ скота было нельзя, а поэтому и земледѣльческій трудъ вознаграждался крайне скудно. Рожь и овесъ обыкновенно приходили самъ-два; самъ-три считалось рѣдкимъ урожаемъ; ячмень хорошо родился только съ удобреніемъ; картофеля еще садили мало. Другихъ же хлѣбовъ не

сѣяли, да и трудно было сѣять, такъ какъ по всей округѣ ничего такого не сѣялось, не съ кого было брать примѣръ, а затѣвать что-нибудь самимъ ни у кого не хватало ни знанія, ни средствъ.

Всѣхъ обременяли тяжелыя подати. Кромѣ выкупныхъ, земскихъ и государственныхъ, тогда еще собиралась подушная подать. На каждую надѣльную душу ложилось около 15 рублей въ годъ, а такъ какъ земельный надѣлъ былъ по 1 душѣ на каждую ревизскую душу, то въ среднемъ на дворъ ложилось около 50 рублей (въ нашемъ обществѣ 102 души и въ то время въ немъ было около 30 дворовъ). А гдѣ было взять такія деньги? Отъ земли всѣ открещивались, какъ отъ лихой напасти, и ее приходилось навязывать „силомъ".

При такихъ условіяхъ всѣ деревни въ то время были далеко не приглядны и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Порядочныя избы были только у тѣхъ хозяевъ, которые во время крѣпостничества успѣли какъ-нибудь „заправиться", у остальныхъ же были кое-какія: изъ тонкаго лѣса, съ крышами „подъ захмылъ"; характерные „коньки", обшитые тесомъ и украшенные различными вырѣзками, какъ это рисовалось на лубочныхъ картинахъ, отходили въ область преданій. Топились многія избы по „черному", т.-е. не имѣли трубъ, а во время топки печи отворялась дверь. Чистоты при этомъ, конечно, нельзя было требовать, такъ какъ мыть такія избы было нельзя. Ихъ иногда передъ праздникомъ скоблили скребкомъ, но этимъ не счищали грязи, а только дѣлали пятна, свидѣтельствовавшія какъ будто бы, что постройки сооружены не изъ чернаго дерева, а изъ бѣлаго; но и то не надолго: пятна опять вскорѣ подергивались чернотой. Освѣщались избы лучиной, для которой воровались въ темныя осеннія ночи березки въ сосѣднемъ барскомъ лѣсу, иначе лучины взять было негдѣ:

на надѣльной землѣ у насъ, кажется, не было ни одной березки.

Не лучше избъ были и прочія постройки и дворы. Скота на дворахъ было немного. Лошаденки держались низкорослыя, косматыя; коровенки тоже невзрачныя, маломолочныя. У иной и вымя-то появлялось только въ половинѣ лѣта. Мертвый инвентарь соотвѣтствовалъ живому: соха, борона; плуговъ и въ поминѣ не было. Если же случалось поднимать цѣлину, то работали отрѣзомъ, что̀ было и нескоро и кропопливо, а поэтому поля раздѣлывались плохо; межники межъ полосъ годъ отъ году дѣлались шире, концы полосъ, съ трудомъ поддававшіеся сохѣ, запускались; запускали нерѣдко цѣлыя полосы.

Внутренняя обстановка избъ была тоже довольно неказистая. Самоваровъ всего имѣлось два-три въ деревнѣ: у бывшаго бурмистра, которому удалось при выпускѣ крестьянъ на волю оборудовать съ управляющимъ выгодное дѣльце — тайкомъ продать изъ запаснаго магазина нѣсколько сотъ четвертей ржи и поэтому жившему тогда богатой рукой; у печника, занимавшагося, кромѣ кладки печей, портняжнымъ ремесломъ по зимамъ. Въ этихъ же домахъ имѣлись стѣнные часы съ гирями. У бурмистра, кромѣ того, изба освѣщалась не лучиной, а лампой, которую старуха, жена его, называла „ланка“, а керосинъ, горѣвшій въ ней, „финогентомъ“. Былъ еще домъ, въ которомъ заводились и самоваръ и часы; но въ этомъ домѣ все это какъ-то не приживалось: самоваръ никогда не чистился, часы ходили невѣрно. Было это потому, что хозяева не умѣли съ этими вещами обращаться, такъ какъ обзавелись они ими не изъ прямой потребности въ нихъ, а изъ простого подражанія зажиточнымъ людямъ.

Кромѣ этихъ дворовъ да еще двухъ-трехъ, остальные

жили, какъ говорится, „часомъ съ квасомъ, порой съ водой“. Продовольствовались всѣ кое-какъ, и на отсутствіе, напримѣръ, мяса и каши въ обиходѣ говорили: „говядина наша въ полѣ жиръ нагуливаетъ, а кашный горшокъ въ гостяхъ гоститъ, какъ изъ гостей придетъ, такъ и до каши чередъ дойдетъ“. На самомъ же дѣлѣ это были однѣ шутки. Иногда, дѣйствительно, теленокъ или ягненокъ гуляли въ полѣ, но нагуливали жиръ для продажи, а горшокъ изъ-подъ каши загащивался постольку, что въ иную избу по цѣлому году не заглядывалъ.

Заработковъ мѣстныхъ не имѣлось никакихъ: ни желѣзной дороги, ни фабрикъ поблизости не было. Имѣнія помѣщичьи пустовали, такъ какъ наймомъ обрабатывать ихъ помѣщикамъ не было никакого расчета, а дарового труда уже негдѣ было взять. Поэтому помѣщики ихъ покинули; если же которые и жили въ деревнѣ, то такъ бѣдствовали, что и дорого стоящія угодья продавали за безцѣнокъ. Были случаи, когда земля продавалась въ собственность по 13—15 рублей за десятину, 18 же рублей считалось красная цѣна.

Только и цѣнился одинъ лѣсъ. Лѣсъ покупали всюду, рубили его безпощадно и сплавляли по рѣкѣ въ Москву. Нѣкоторыя деревни имѣли въ такихъ лѣсахъ по зимамъ заработокъ, но наша деревня стояла отъ этого въ сторонѣ, и развѣ кто-нибудь въ одиночку ходилъ гонять плоты и то очень рѣдко.

Жалобъ на свое положеніе, конечно, слышалось много, особенно въ малоурожайные годы или послѣ какого-нибудь несчастія: пожара, падежа скота... Жалѣли даже иногда о крѣпостномъ правѣ. „Что-жъ это за жизнь,—говорили,—хуже барщины. При господахъ, бывало, плохо-плохо, а случится какая бѣда, идешь къ барину, и онъ тебѣ поможетъ, потому что ты ему нуженъ. А теперь куда итти? Кому мы нужны?“

И съ первыхъ же годовъ послѣ „воли“ все сильное, здоровое, способное бѣжало изъ деревни въ Москву и поступали кто куда могъ: кто на фабрику, кто въ услуженіе. Кто отъ себя какое дѣльце заводилъ—извозъ, разносную торговлю и т. п. Уходили мужики, уходили бабы, мальчишки. Правда, и въ Москвѣ не всѣ-то хорошо устраивались: инымъ не выпадало счастія, а инымъ и выпадало, да они не умѣли имъ пользоваться. Но несмотря и на это, домашніе про нихъ говорили: „ну, да ладно. Дома хлѣба не ѣстъ—и то слава Тебѣ Господи; а то здѣсь и совсѣмъ пришлось бы „по-міру“ ходить“.

„По-міру“ ходило тогда очень много, особенно зимою. Щелкали иногда такіе молодцы, съ которыми на дорогѣ встрѣтиться опасно. Нерѣдко случалось и воровство, въ особенности съ наступленіемъ темныхъ ночей въ осеннее время. Бывало, то и дѣло слышишь: тамъ въ сарай забились, тутъ лошадей увели, здѣсь амбаръ подломили. Случались и разбои. Помнятся разсказы, какъ одну бабу, шедшую изъ Москвы, убили камнемъ. Она было защищалась, загородила голову кистями рукъ, но ей размозжили и руки и голову. Потомъ въ одномъ мѣстѣ зарѣзали старика и старуху. Зарѣзалъ какой-то молодой парень, который и попался въ сосѣдней деревнѣ въ кабакѣ. Еще одна баба убѣжала изъ-подъ ножа съ постоялаго двора и спаслась отъ смерти какимъ-то чудомъ.

Бывали и жестокіе самосуды. Особенно памятенъ одинъ разсказъ о замученномъ дурачкѣ. Въ сосѣдней съ нами деревнѣ у одного мужика былъ „дурачокъ“ сынъ. Онъ кормился милостыней, ходилъ по разнымъ деревнямъ, заходилъ иногда далеко. Однажды онъ забрелъ въ деревню, въ которой его не знали, ночевалъ въ сараѣ и, должно быть, прозябъ. Передъ разсвѣтомъ ему захотѣлось погрѣться, и онъ зашелъ въ первую попавшуюся избу деревни и залѣзъ на печку. Въ избѣ въ

это время никого не было, хозяева ушли молотить. Черезъ нѣсколько времени въ избу пришла изъ овина баба. Почуявъ, что кто-то есть въ избѣ, она взглянула на печку и увидала мужика. Она подняла тревогу. Сбѣжался народъ, вломился въ избу и, подозрѣвая, что это воръ или разбойникъ, стащили дурачка съ печки и начали бить. Дурачокъ отъ страха лишился языка и не могъ проговорить ни одного слова. Тогда подумали, что онъ притворяется. Дали знать старшинѣ, жившему въ этой же деревнѣ, и тотъ посовѣтовалъ его „попытать". Ему жгли пятки, опускали въ колодецъ, нагоняли на голову желѣзный обручъ, но, конечно, ничего добиться не могли. Дурачокъ не вынесъ мученій, умеръ. Только послѣ его смерти мучители узнали, кто онъ такой, какъ попалъ въ избу.

Такихъ и подобнаго рода случаевъ было многое множество, и разсказы о нихъ наполняли ужасомъ наши дѣтскія души. Мы съ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда мы подрастемъ настолько, что станемъ на что-нибудь пригодны въ Москвѣ и когда намъ придется покинуть родную деревню и переселиться туда.

II.

Для меня такая пора наступила, когда мнѣ пошелъ 11-й годъ. Въ Москвѣ меня опредѣлили на фабрику резиновыхъ лентъ. Первый годъ я прожилъ тамъ до покоса. На покосъ меня потребовали домой помогать домашнимъ въ работѣ. По окончаніи работъ я опять вернулся въ Москву на эту же фабрику и прожилъ въ ней всю зиму до Пасхи. На Пасху я опять ушелъ домой. По милости того, что я долженъ былъ съ первыхъ лѣтъ зарабатывать хоть гроши и посылать ихъ домой и на

извѣстное время самъ уѣзжать въ деревню, я не могъ поступить куда-нибудь въ „ученье“, куда берутъ на нѣсколько лѣтъ безъ всякой платы, ни прочно основаться на какомъ-нибудь мѣстѣ, а устраивался гдѣ придется: то на фабрику, то пріемщикомъ въ литографіи, то въ водопроводное заведеніе, то въ будку, торговавшую минеральными водами.

Мои отходы не ограничивались одной Москвой. На 13 году меня взялъ къ себѣ жившій въ Петербургѣ дядя и устроилъ къ одному художнику, любителю, съ тѣмъ, чтобы мнѣ учиться рисовать, къ чему я проявлялъ нѣкоторую склонность. Художникъ увезъ меня въ Полтаву, куда ему пришлось уѣхать „по независящимъ обстоятельствамъ“. Рисовать однако меня художникъ не научилъ—ему было совершенно некогда, да и не хотѣлось со мной заниматься, зато я въ досужее время подучился, живя у него, грамотѣ, которую я зналъ очень плохо — такъ какъ читать и писать выучился дома самоучкой,— и прочелъ нѣсколько дѣльныхъ книгъ, опредѣлившихъ въ моемъ представленіи болѣе вѣрное понятіе о мірѣ Божіемъ.

Черезъ годъ я уѣхалъ изъ Полтавы домой и, пробывши въ деревнѣ Пасху, опять отправился въ Москву. Въ Москвѣ до покоса я опять жилъ на фабрикѣ, а послѣ покоса поступилъ къ одному слѣпому купцу, чтобы читать ему книги и газеты, помогать собирать коллекцію монетъ и сопровождать его въ прогулкахъ и поѣздкахъ. Послѣ полуторагодовой жизни у этого купца меня выписали одни родственники въ Екатеринославъ торговать у нихъ въ чайной. Изъ Екатеринослава я опять попалъ въ Полтаву, изъ Полтавы въ Бѣлгородъ, Курской губ., изъ Бѣлгорода опять въ Москву.

Въ это время мнѣ пошелъ уже 18-й годъ. Еще въ Бѣлгородѣ я встрѣтилъ разносчика съ книжками, къ

которымъ я вообще, какъ только выучился читать, питалъ большую слабость. Среди этихъ книжекъ мое вниманіе обратили двѣ брошюры съ красными рамками на обложкѣ, съ рисунками и съ девизомъ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ". Я купилъ книжки. Одна изъ нихъ называлась „Кавказскій плѣнникъ", другая „Чѣмъ люди живы". Онѣ принадлежали одному автору—графу Л. Н. Толстому. „Кавказскаго плѣнника" я проглотилъ съ удовольствіемъ, но на меня большого впечатлѣнія разсказъ не произвелъ. Но „Чѣмъ люди живы" подѣйствовали такъ, какъ ни одна книга еще не дѣйствовала. Эта книжка пробудила во мнѣ очень многое. Она заставила меня задуматься надъ самыми коренными вопросами жизни и установить къ нимъ до сихъ поръ несложившіяся какъ слѣдуетъ отношенія. Между прочимъ у меня измѣнились отношенія и къ книгамъ беллетристическаго характера. До сихъ поръ я относился къ такого рода книгѣ не совсѣмъ серьезно — она была для меня предметомъ развлеченія. Проглотишь одну, откладываешь въ сторону и тянешься поскорѣй за другой. Такихъ читателей много. Они читаютъ всю жизнь, но вычитанное не прививается къ нимъ, скользитъ по верху и исчезаетъ. Будь это какая угодно духовная пища, она вліянія на ихъ практическую жизнь не имѣетъ никакого. Такимъ читателемъ, можетъ быть, остался бы и я, если бы мнѣ въ то время не попалась эта вещь.

Послѣ прочтенія „Чѣмъ люди живы" я къ каждой попадавшейся мнѣ книжкѣ сталъ относиться болѣе внимательно. Я искалъ въ ней идеи, содержанія, и это-то содержаніе стало заключать для меня въ книгѣ главный интересъ. Болѣе всѣхъ удовлетворяющими этому требованію были изданія той серій, которую начинали двѣ вышеозначенныя брошюры. Я съ жадностью слѣдилъ за вновь выходящими №№ ея, пріобрѣталъ ихъ, читалъ

самъ, читалъ другимъ. Всѣ мои слушатели раздѣляли мои чувства, говорили, что эти книги не побасенки, а „въ родѣ притчъ", что въ нихъ говорится удивительная правда, и цѣнили ихъ такъ же высоко, какъ и я.

Правда книжекъ заключалась въ томъ, что въ нихъ опредѣлялись благо и необходимость христіанскаго жизнепониманія и вся безсмыслица жизни при отсутствіи этого пониманія. Навидавшись за свои скитанія и перекочевки съ мѣста на мѣсто въ достаточной степени мучительной житейской безсмыслицы—я не могъ не признать проповѣдуемой въ книжкахъ правды за абсолютную истину. У меня сталъ складываться такой ходъ мыслей, который подтверждался и упрочивался все болѣе и болѣе выходящими книжками этого издательства. Наконецъ, наступилъ и „предѣлъ": вышелъ „Иванъ дуракъ". Весь огромный смыслъ этой сказки открылся мнѣ во всей полнотѣ, и у меня явилось опредѣленное желаніе бросить эту обмертвляющую, механическую городскую жизнь среди людей, связанныхъ одними матеріальными интересами, и пойти домой въ деревню, осѣсть тамъ и жить праведными трудами хлѣбопашца. Дальше — больше, желаніе это разгоралось сильнѣй, и деревенская жизнь стала мнѣ представляться раемъ.

У меня нерѣдко появлялся писательскій зудъ. Читая стихи Кольцова, Шевченка, Никитина, я въ подражаніе имъ тоже пробовалъ кропать стишки, но относился къ этому не глубоко. Но теперь меня потянуло къ писательству серьезно. Хотѣлось вылить то, что̀ опредѣлилось на душѣ. И я принялся писать и написалъ свой первый разсказъ. Я прочиталъ его фабричнымъ на той фабрикѣ, на которой жилъ. Впечатлѣніе получилось самое желательное. Тогда у меня явилась забота пустить его въ свѣтъ. Мнѣ хотѣлось издать его въ той серіи, въ которой появлялись такъ привлекавшія меня книжечки, и я

сталъ узнавать, кто завѣдуетъ этимъ издательствомъ. Мнѣ объяснили, что въ этихъ изданіяхъ большое участіе принимаетъ Л. Н. Толстой, и я рѣшился обратиться къ нему.

Левъ Николаевичъ мой разсказъ одобрилъ и направилъ его въ Петербургъ къ занимавшемуся народнымъ книгоиздательствомъ В. Г. Черткову. Тамъ его переписали и представили въ цензуру. По разрѣшеніи цензурою разсказъ сталъ готовиться къ печати. Мнѣ за него выплатили гонораръ. Деньги были хотя небольшія, но онѣ давали возможность не съ пустыми руками приступить къ деревенскому хозяйству, и я, не долго думая, расчелся съ того мѣста, на которомъ жилъ, и уѣхалъ изъ Москвы.

III.

Въ деревню я пріѣхалъ около масленицы. Время для моего занятія хозяйствомъ въ то время выпало очень благопріятное, въ сравненіи съ прежнимъ. Деревня въ хозяйственномъ отношеніи начала понемногу подниматься на ноги и преображаться. Въ нашей мѣстности сталъ распространяться новый продуктъ земельнаго производства — ленъ. Сначала онъ привился въ одномъ пунктѣ нашего уѣзда, въ селѣ Ярополъцѣ и окружающихъ его деревняхъ, поля которыхъ имѣютъ супесчаную почву, гораздо лучше и плодороднѣе нашей глинистой, но потомъ районъ посѣва льна все расширялся и расширялся и, достигнувъ до нашихъ мѣстъ, захватилъ нашу деревню. У насъ ленъ хотя родился и хуже яропольскаго, но все-таки сноснымъ, а по цѣлинѣ очень-таки недурнымъ. Въ то время цѣлины у насъ было достаточно: чуть ли не половина полей пустовала, много было пустой земли и на сторонѣ, которую можно было снять въ аренду за

недорогую цѣну. Крестьяне понемногу стали браться за ленъ, тѣмъ болѣе, что заниматься имъ было очень удобно: сѣмянъ его было нужно немного, 5—6 мѣръ на десятину, и стоили они очень недорого, а прибыль получалась значительная. На новыхъ земляхъ онъ первые годы родился очень хорошо, давалъ много и сѣмянъ и волокно довольно хорошаго качества. Съ двухъ мѣръ льняного сѣмени, посѣяннаго на пустыряхъ, получалось продуктовъ чуть ли не на 50 рублей; десятина же льна приносила отъ 100 до 150 рублей.

Въ послѣднее лѣто все уродилось хорошо—и озимое и яровое, особенно хорошъ былъ ленъ; на него и цѣны стояли высокія. Средняго качества волокно продавалось около пяти рублей за пудъ. Продавши ленъ, многіе, у кого не хватало хлѣба, запасшись хлѣбомъ, заплатили недоимки; тѣ же, у которыхъ были лошади и сбруя, брались, кромѣ того, возить съ рынковъ ленъ въ пункты ихъ крупнаго сбыта, въ сосѣдніе города Ржевъ, Вязьму. Плата за извозъ была сносная; когда же приходилось захватывать изъ тѣхъ городовъ какой-нибудь клади на обратный путь, то заработокъ былъ и совсѣмъ хорошъ.

Нѣкоторые по зимамъ ѣздили изъ нашего города въ Москву, возили кладь, сѣдоковъ. Иного сообщенія, кромѣ какъ на подводахъ, у насъ съ Москвой тогда не было, и въ то время много работало на этой дорогѣ. Но работа тутъ была менѣе удачна: дорога большая, движенія много, трактиры частые: нѣкоторыхъ прорывало — загуливали; у нѣкоторыхъ воровали кладь, за которую приходилось отдуваться; кто портилъ лошадей, рвалъ сбрую. Нѣкоторые благоразумные старички предсказывали этимъ извозчикамъ доѣздиться „до кнута", и эти предсказанія надъ многими сбылись.

Великимъ постомъ сынъ нашего бывшаго бурмистра, жившій всю жизнь въ Москвѣ на доходномъ мѣстѣ и на-

жившій десятки тысячъ денегъ, задумалъ возвести въ деревнѣ хорошую постройку. Онъ купилъ въ разоренномъ имѣніи княжескій домъ и подрядилъ общество перевозить его.

Общество съ радостью взяло этотъ подрядъ. Заработанными деньгами покрылась часть новыхъ податей, это еще болѣе подбодрило моихъ односельцевъ, и они были довольны и веселы.

Мое появленіе въ деревнѣ изъ Москвы не было единично. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ годовъ всѣ считали, что крестьянствомъ заниматься можно и заниматься съ выгодой; нѣкоторымъ эти выгоды рисовались такими заманчивыми что они прежде меня перестали жить въ Москвѣ и перебрались въ деревню. Нѣкоторые старики пріостановили ходившихъ въ Москву домочадцевъ. „Зачѣмъ я пущу его въ Москву, — говорилъ какой-нибудь старикъ про своего сына,—посѣю на его долю полдесятины льну, сработаемъ—вотъ тебѣ и деньги, а больше-то и въ Москвѣ онъ мнѣ не добудетъ.“

И дѣйствительно, многіе, жившіе на фабрикахъ или на какихъ-нибудь незначительныхъ малодоходныхъ мѣстахъ, стали бросать эти мѣста и перебираться домой. Въ Москвѣ же остались такіе, которые уже не могли жить въ деревнѣ, окончательно отвыкнувъ отъ нея, или живущіе на хорошихъ мѣстахъ съ многочисленнымъ бюджетомъ, какъ, напримѣръ, биржевые артельщики, приказчики, разносчики или иначе какъ ведущіе дѣла отъ себя. Были, правда, и фабричные, но это были какіе-то калѣки. Привыкнувъ сидѣть за станкомъ, они совершенно отклонились отъ деревенской жизни и ея интересовъ, работы, и если имъ приходилось дома косить, жать, молотить, то они дѣлали это такъ, что на ихъ дѣло и глядѣть было тошно. Въ деревнѣ поэтому вошло въ пословицу: если кто работаетъ плохо, тому прямо говорятъ,

что „ты работаешь какъ фабричный", или „эхъ ты, фабричный!" Уже нѣсколько послѣ одинъ арендаторъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ однажды на общественномъ покосѣ замѣтилъ одного молодца, очень плохо косившаго. Онъ подошелъ къ нему и спросилъ: „Ты что, фабричный?" — „А почемъ вы знаете?"—живо обернулся къ нему паренекъ. Арендатору неловко было сказать, что онъ догадался по плохой работѣ, а пришлось соврать, что онъ примѣтилъ его лицо около какой-то фабрики въ Москвѣ.

IV.

Населеніе нашей деревни всегда было самое разнохарактерное и въ матеріальномъ, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Были въ ней и богачи, въ родѣ бурмистрова сына-тысячника, и такіе, у которыхъ, какъ говорили въ шутку, рогатаго скота былъ ухватъ, выѣздного—кочерга. Считалось нѣсколько человѣкъ, которыхъ почитали не только въ своей деревнѣ, но и по всей округѣ; но были и такіе, которыхъ никто не хотѣлъ почитать даже въ своей семьѣ. И въ вѣрѣ не было единства. Одни были церковные, другіе старообрядцы, третьи безпоповцы. Вышло это потому такъ, что наша деревня, образовавшаяся, какъ говорили старики, въ 1818 году, была по распоряженію помѣщика навезена. На мѣстѣ деревни былъ прежде господскій хуторъ, помѣщику же захотѣлось населить это мѣсто, и онъ приказалъ изъ разныхъ деревень своей вотчины взять по нѣскольку семей и поселить на хуторѣ. Церковные, какъ и бѣдняки, въ деревнѣ преобладали. По хозяйственности и скромности жизни отличались старообрядцы. Они были нѣсколько строже къ себѣ, не такъ распущены въ повседневной жизни и тише держали себя

съ другими; изъ церковныхъ же было много чванныхъ, распущенныхъ, относившихся къ старовѣрамъ свысока, норовившихъ прижать ихъ гдѣ нибудь на міру, взвалить на нихъ какую-нибудь непріятную имъ повинность.

Село, куда мы были прихожи, было въ 20 верстахъ. Ходить за иконами и возить поповъ было трудно, особенно къ Пасхѣ въ распутицу, и вотъ на міру установили обязанность носитъ иконы и возить поповъ не однимъ церковнымъ, а всѣмъ безъ исключенія. Старообрядцы роптали, но подчинялись, такъ какъ церковныхъ было большинство.

Первую зиму я общественныхъ дѣлъ еще не касался. Мнѣ было только 19 лѣтъ. Я ничего касающагося деревенскихъ распорядковъ не зналъ, уже нѣсколько лѣтъ я не бывалъ въ деревнѣ даже на Пасхѣ. На сходку ходилъ мой отецъ, пока я якшался со своими сверстниками. Съ старшими себя я сошелся только съ двоими. Одинъ, съ кѣмъ я сошелся на первыхъ порахъ, былъ Платонъ, ему было уже лѣтъ 40. Онъ былъ высокій, стройный, складный и въ оборотахъ и на рѣчахъ. Смолоду онъ отличался разгульною жизнью и подозрительною славой любителя чужой собственности. Онъ былъ не маленькій воришка, а на его совѣсти лежали крупные грѣхи. Онъ перепрягалъ на дорогѣ лошадей, забирался въ амбары и т. п. Но, женившись на хозяйственной и серьезной дѣвкѣ, онъ подъ вліяніемъ ея всю эту блажь бросилъ, сдѣлался честнымъ, трезвымъ, трудолюбивымъ и удивительно работоспособнымъ хозяиномъ. Жена ему попалась подъ стать. Ихъ окрестили „двужильными“. Дѣйствительно, никто столько не нажиналъ въ жнитво, никто такъ легко не скашивалъ своей полосы въ покосъ. Лѣтомъ Платонъ работалъ на землѣ, а зимою выдѣлывалъ овчины. Хозяйственностью и разсудительностью онъ выдѣлялся изъ всѣхъ мужиковъ.

Кромѣ этого, онъ любилъ пѣсни, книжки, занимательные разговоры. Къ моему намѣренію взяться за хозяйство онъ отнесся какъ нельзя болѣе сочувственно и очень поощрялъ меня, ѣдко критикуя чуждающихся земли.

„Деревенская жизнь, говорилъ онъ, разлюбезное дѣло. Ты на каждомъ шагу самъ себѣ господинъ. Отдалъ старостѣ оброкъ—никакой чортъ къ тебѣ не подступитъ, а постараешься, и оброкъ будетъ изъ чего взять. Все зависитъ отъ себя и что ни сдѣлаешь, все для себя. Работа у тебя честная, а раздолье-то какое!.. Пашешь-ли, косишь-ли—отойди, обожгу!.. Другіе говорятъ „тяжело". Какъ будешь считать, а то все покажется тяжело, даже на постели лежать. А я то думаю: дѣйствительно, порой бываетъ тяжело, да слободно... Никто надъ тобой съ палкой не стоитъ; а это, братъ, великое дѣло..."

Другой, къ кому я тоже хаживалъ, былъ Феклистъ. Онъ былъ много моложе Платона, всего на нѣсколько лѣтъ старше меня. Это былъ угрюмый, неразговорчивый, какъ будто бы совсѣмъ лишенный дара рѣчи малый. Онъ былъ запуганъ, хотя въ то время ему бояться было некого. Запуганность его являлась слѣдствіемъ того, что отецъ его, уже умершій къ тому времени, отличался страшнымъ самодурствомъ. Я его хорошо помнилъ. Звали его Сергѣй Бурило. Это былъ маленькій, корявый, вѣчно грязный, нечесаный, косой старичишка. У него былъ богатый братъ, онъ ему помогалъ, и Бурило занимался разными оборотами, главнымъ образомъ ссужалъ бѣдняковъ на посѣвъ овсомъ за большіе проценты. Кромѣ этого, онъ торговалъ кое-какою мелочью. Онъ былъ очень самолюбивъ и грубъ при обращеніи, онъ мало съ кѣмъ обращался по-людски и каждому говорилъ: „ну, чортъ, дьяволъ, проклятый, окаянный"; эти четыре прилагательныя вошли у него въ поговорку, и онъ не могъ обходиться безъ нихъ. Съ домашними онъ былъ прямо

жестокъ, жена у него была съ перебитою спиной, отъ чего ходила согнувшись; дочь отъ испуга сдѣлалась „дурочкою". Однажды ночью Бурило возвращался откуда-то пьяный; домашніе всегда боялись возвращеніе его въ пьяномъ видѣ. На этотъ разъ Бурило былъ особенно золъ. Машка спросонья почувствовала это очень сильно, выскочила при появленіи отца изъ избы и убѣжала въ сосѣднюю деревню, версты за три, въ одномъ сарафанѣ и босикомъ. Была уже зима и морозно, она обморозила ноги и „помутилась въ разумѣ".

Отъ характера отца сложился такимъ и характеръ сына. При жизни онъ трясся передъ нимъ, какъ осиновый листъ, и послѣ смерти его и послѣ женитьбы, тогда, когда у него появились дѣти и силы физическія развились до того, что онъ сталъ первымъ силачомъ въ деревнѣ, онъ никакъ не могъ повѣрить въ свою самостоятельность и робѣлъ всѣхъ. Меня притягивало къ нему то, что у него было много книжекъ. Когда у отца шла торговля, онъ отшибалъ отъ нея кое-что и на эти копейки покупалъ при случаѣ книжки, читалъ ихъ самъ и давалъ другимъ. У него въ то время было самое богатое собраніе ихъ, хотя почти всѣ онѣ были лубочнаго характера.

Изъ другихъ деревенскихъ тогда я сошелся только съ нашимъ волостнымъ писаремъ, Иваномъ Матвѣичемъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, скромный, развитой, очень любившій литературу и самъ даже писавшій стихи. Съ нимъ мы скоро подружились; у него собраніе книгъ было довольно богатое, и я чтеніемъ ихъ сталъ пополнять свои досуги. Онъ къ моему намѣренію взяться за крестьянское хозяйство отнесся равнодушно, но писательство мое очень его интересовало. На этомъ мы больше всего съ нимъ и сходились.

Мое намѣреніе взяться за хозяйство вызывало со-

чувствіе не у одного Платона; были и другіе, которые говорили, что работа на землѣ—половина спасенья, что за хлѣбный трудъ святые отцы благословляли, и его Самъ Богъ благословилъ; но были и такіе, которые относились къ этому иначе. „Ну, это пустое дѣло молодому да грамотному не подъ стать сохою землю ковырять, это кому другого дѣла не выдумать, ну, тому еще простительно, а то безъ толку."

Бабы же—тѣ прямо совѣтовали ѣхать торговать полотномъ, благо у меня деньги были. Торговля полотномъ распространилась въ нашей мѣстности недавно. Она заключалась въ томъ, что нѣсколько бойкихъ молодцовъ, изъ сосѣдней деревни, покупали въ Москвѣ на одной фабрикѣ бумажной ткани, очень похожей на полотно, и ѣхали съ нею по разнымъ захолустьямъ, продавая его деревенскимъ господамъ, помѣщикамъ, купцамъ, попамъ за настоящее голландское или ярославское полотно; покупалась эта ткань по 18—20 коп. за аршинъ, продавалась же по 50—60 к. Барыши получались огромные; нѣкоторые въ два-три года наживали тысячи. Меня однако это не прельщало, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія весны, когда мнѣ можно будетъ приниматься за то, къ чему я такъ стремился, за земледѣльческое хозяйство.

V.

Наконецъ наступила и весна, но прежде чѣмъ приниматься за земледѣльческія работы, нужно было встрѣтить и проводить Пасху.

Пасха въ деревнѣ—это самый торжественный праздникъ, какъ первый праздникъ весны. Ни Рождество, ни масленица не имѣютъ и сотой доли того значенія, какое

имѣетъ Пасха. Встрѣчаютъ и проводятъ ее съ необыкновенною радостью, подъемомъ духа. Въ эти дни забывается всякое горе, всѣ заботы отходятъ на дальній планъ. И въ тотъ годъ и въ многіе другіе впослѣдствіи я не одинъ разъ наблюдалъ: сколько заботъ, безпокойства, несчастія охватывало передъ праздникомъ людей! У одного ѣсть нечего и онъ метался, раздобывая себѣ мѣшокъ муки, у другого стоялъ голодный скотъ, третій не получилъ чего-нибудь жданнаго изъ Москвы, четвертаго угнетала какая-нибудь обида. Но наступалъ праздникъ, всѣ горести забывались, никто ни на что не жаловался, всѣ какъ будто расцвѣтали и въ такомъ счастливомъ состояніи люди находились если не всю недѣлю, то по крайней мѣрѣ нѣсколько дней...

Готовиться къ празднику начинаютъ задолго. Еще съ половины поста молодежь справляетъ себѣ наряды; старые и молодые шьютъ новую обувь, одежду. Послѣ Вербнаго начинается уборка въ избѣ. Все скребется, моется. За день, за два всѣ избы украшаются лубочными картинками. У кого есть новыя—новыми, у кого нѣтъ новыхъ—довольствуются старыми. На такихъ картинкахъ, кромѣ изображенія чтимыхъ святыхъ, царствующихъ особъ, прежде встрѣчались „грѣхи и добродѣтели", „ступени человѣческой жизни", портреты разныхъ генераловъ на коняхъ съ обнаженными саблями и малюсенькими солдатиками подъ ногами коней, сраженія изъ русско-турецкой войны, „Аника-воинъ", „Небылица въ лицахъ, найденная въ свѣтлыхъ свѣтлицахъ, завернутая въ рваныхъ тряпицахъ, или исторія о томъ, какъ мыши кота хоронили". Позднѣе же появились декольтированныя красавицы, или исторія о томъ, какъ дядя, заставъ племянника съ красоткой, отодралъ его за ухо, а потомъ племянникъ засталъ дядю въ подобномъ же сообществѣ и упрекнулъ его за строгость. Не-

рѣдко стали попадаться картины совершенно порнографическія.

Къ Пасхѣ обыкновенно въ деревню собираются москвичи: фабричные, мастеровые. Всѣ тянутся на это время домой; даже у кого уже не осталось своего дома въ деревнѣ, такъ и тѣ приходятъ къ брату, свату или еще какому-нибудь родственнику. Въ Москвѣ остаются только живущіе въ дворникахъ, лакеяхъ, кухонныхъ мужикахъ. Остаются они на это время въ городѣ по той причинѣ, что тамъ къ праздникамъ дарятъ подарки, даютъ много на чай. Москвичи въ значительной степени оживляютъ деревню, приносятъ массу новостей, новыхъ картинъ, новыхъ книжекъ, разсказовъ про всякую всячину. Они приносятъ домашнимъ обновъ, денегъ. Этимъ значительно усугубляется пасхальное торжество.

Въ ту весну Пасха была особенно веселая, погода въ теченіе праздниковъ была благопріятная, молодежи было много, гулянье всю недѣлю шло небывалое.

На Ѳоминой праздники оборвались, и всѣхъ охватили будничныя заботы. Кто искалъ сѣмянъ для посѣва, кто собирался покупать лошадь, кому нужна была въ аренду земля. Первымъ дѣломъ пошли чинить разнесенные въ половодье мосты, ровнять дороги.

Обыкновенно на эти работы собираются съ каждаго тягла по человѣку, и вотъ мужики, дѣлая дѣло, сговариваются о предстоящихъ работахъ и о другихъ общественныхъ дѣлахъ. Въ тотъ годъ у насъ былъ поднятъ вопросъ о заброшенномъ участкѣ земли десятинъ въ десять, который валялся у стороны много лѣтъ, и только въ прошломъ году его снимали подъ ленъ крестьяне одной деревни, гдѣ льноводство было развито довольно значительно.

— А что, ребята, со вредовой стороной что дѣлать?

Опять, что ли, кому сдать или по себѣ раздѣлить?— поднялся вопросъ.

— Сдать, такъ сдать, зачѣмъ дѣло стало?

— Зачѣмъ сдавать? Раздѣлить по дворамъ.

— Что ее дѣлить,—валяться будетъ. Мало ее у насъ валяется-то!.. А сдашь—деньги получишь.

— Не будетъ валяться, — посѣешь. Забрызгаешь льномъ или овсомъ, все приполонъ будетъ.

— Знамо дѣло, люди деньги платятъ да сѣютъ, а намъ чего зѣвать?

— Раздѣлить, раздѣлить!

На другой день всѣ мужики высыпали на вредовую сторону и, вырубивъ нѣсколько шестовъ, начали мѣрять землю въ длину и въ ширину, потомъ разбивать на полосы и кидать жребій. Ходили почти цѣлый день и надѣлили на каждый дворъ по пяти полосъ. Почти всѣ надѣялись эти полосы распахать и засѣять.

Вообще земля входила въ моду. Въ міру было свободныхъ четыре души, оставшихся безъ хозяевъ. Ихъ сначала предложили тоже сдать кому-нибудь, но нѣкоторые стали требовать придѣлить ихъ по рукамъ, и принять землю находилось много охотниковъ. Въ прежнее время осиротѣвшая земля нагоняла страхъ на крестьянъ, имѣвшихъ подростковъ: всякій боялся, какъ бы ему не навязали ее; но теперь нашлось столько желающихъ получить землю, что между ними приходилось дѣлать выборъ: у кого подростокъ старше, кто обладаетъ большею платежеспособностью. Мало того, съ тѣхъ, кому досталась земля, было выговорено по полведра водки за каждую душу, и они охотно поставили водку.

VI.

Запахали у насъ тогда въ концѣ Ѳоминой недѣли. Обыкновенно передъ запашкой собирается сходка, выбирается человѣкъ, которому поручаютъ запахивать, и молится всѣмъ міромъ Богу. Потомъ выбранный запахивать человѣкъ вечеромъ или утромъ проѣзжаетъ по первому ярусу полосъ поперекъ три борозды, и тогда уже всѣ ѣдутъ пахать.

Я пахалъ первый разъ и волновался, думая, что это очень трудная работа, но дѣло большой хитрости въ себѣ не заключало. Вся суть — правильно запрячь лошадь и уставить соху, на что̀ были выработаны извѣстные пріемы, которые могутъ быть поняты съ одного раза. На первой полосѣ я постигъ всю премудрость пахоты, и мнѣ ужъ не нужно было указаній. „Разборка“ земли была хорошая, какую рѣдко кто помнилъ. Сытыя лошади ходили ходко. Но сытыя были не у всѣхъ, у многихъ лошади еще не вылиняли: клоки старой шерсти торчали у нихъ и на бокахъ и на спинахъ. Иногда нахальная ворона налетитъ на такую лошадь, выщипываетъ клокъ торчащей шерсти и проворно улетаетъ къ себѣ въ гнѣздо. Многія лошади часто останавливаются, и хозяева, какъ ни понукаютъ ихъ, даже не могутъ стронуть съ мѣста. И хозяева должны бываютъ выждать, пока лошадь немного отдохнетъ. Про такія остановки крестьяне иронически замѣчаютъ: такой-то „жаворонковъ слушаетъ“, хотя тутъ вовсе неумѣстна насмѣшка. Лошадь не идетъ не отъ сладости,—у нея нѣтъ силы: или она очень стара, или ей не хватало достаточно корма, всю зиму питалась стрясками; а тутъ передъ работой дали овса, она съ жадностью набросилась на него, набила оскомину на зубахъ и лишилась возмож-

ности хотя что-нибудь пережевывать. Бываетъ, что въ сохѣ идетъ жеребая кобыла, ходящая послѣдніе дни. Примѣчательно, что у всѣхъ бѣдняковъ изъ крестьянъ лошади все больше кобылы. Богатый кобылу держитъ рѣдко, развѣ ужъ очень хорошую „на поконъ"; онъ больше работаетъ на меринкахъ, которымъ и цѣна дороже. Бѣдняки же берутъ что подешевле, т.-е. кобылъ; кромѣ дешевизны, кобыла соблазняетъ бѣдняковъ надеждою на приплодъ; но такъ какъ хорошій приплодъ бѣдняку трудно удержать отъ продажи, то для себя остается что похуже, т.-е. опять кобылы. И какой жалкій видъ онѣ имѣютъ за пахотой! Тощія, съ огромнымъ отвисшимъ брюхомъ, съ мокрой головой, съ широко раздутыми ноздрями, изъ которыхъ вылетаетъ паръ, съ измученнымъ взглядомъ, съ дрожащими „мышками" тащатся онѣ, еле ступая по полосѣ. Ихъ стегаютъ кнутомъ, онѣ взвизгиваютъ, прикладываютъ уши къ затылку, бьютъ задней ногой... Но на это никто не глядитъ, да и какъ глядѣть? Пахота и такъ туго подвигается... ихъ опять погоняютъ. Часто отъ этого кобылы жеребятся не доносивши, часто заболѣваютъ и валяются по нѣскольку дней.

Пахота мнѣ далась легко, бороньба была еще легче. Не труденъ былъ и посѣвъ. Къ концу мая всѣ работы въ яровомъ полѣ были окончены.

Послѣ этихъ работъ недѣли на двѣ, на три наступаетъ перерывъ. Хлѣба только-что всходятъ и растутъ, травы еще не поспѣли. Въ деревнѣ въ это время кто занимается рубкой дровъ, кто строитъ что-нибудь: сарай, овинъ, кто мастеритъ телѣгу, а кто просто гуляетъ. Время это очень веселое, особенно въ праздники. Въ деревнѣ не сидится, тянетъ куда-нибудь на лугъ, въ лѣсъ. Обыкновенно еще въ самый разгаръ весны молодежь съ разныхъ деревень встрѣчается гдѣ-нибудь

въ церкви за обѣдней и тутъ сговариваются „собираться въ луга", назначаютъ какое-нибудь мѣсто и послѣ обѣда сходятся тамъ. Весь день поютъ пѣсни, водятъ хороводы, пляшутъ подъ гармонику, веселье продолжается вплоть до вечера; передъ вечеромъ всѣ расходятся, каждый въ свою сторону.

Въ эту весну для такихъ сборищъ или гулянья выбрали площадку въ Якшинскомъ лѣсу, верстахъ въ трехъ отъ насъ, и до Троицы еще стали собираться на ней по праздникамъ; сходилась молодежь деревень съ десяти, хороводъ бывалъ огромный. На хороводъ приходили поглядѣть мужики, бабы. Для меня это было очень интересно, потому что ново, новыя были лица, новые наряды у молодежи. Это было не то, что въ пору моего дѣтства. Той бѣдности и убожества тутъ уже не замѣчалось; дѣвки большею частью были въ шерстяныхъ платьяхъ, сшитыхъ по-городскому съ басками, въ шагреневыхъ полусапожкахъ, въ шелковыхъ платкахъ. Ребята въ пиджакахъ. Въ Троицынъ день къ одному богатому мужику въ сосѣдней деревнѣ пріѣхалъ погостить изъ Москвы сынъ артельщикъ. Онъ былъ одѣтъ франтомъ: сѣрая пиджачная пара, крахмальное бѣлье, соломенная шляпа. Его костюмъ и самый видъ парня производили сильное впечатлѣніе. Если онъ выходилъ въ хороводы и бралъ съ собою какую-нибудь дѣвушку, то та какъ въ огнѣ горѣла отъ удовольствія. Ребята глядѣли на него съ большою завистью, и многіе въ слѣдующій же праздникъ въ подражаніе ему явились съ выпущенными поверхъ голенищъ панталонами.

Стремленіе пощеголять у деревенской молодежи сильно развито у обоего пола. Я узналъ, чтобы справить какой-нибудь пиджакъ, продавали теленка, овецъ, дѣвкѣ на платье — корову. Родители нерѣдко испы-

тывали огромныя лишенія, чтобы вырядить дѣвку. Всѣ гнались другъ за другомъ и никому не хотѣлось отстать.

VII.

Въ появленіи въ деревнѣ нарядовъ была повинна Москва. Они перекинулись оттуда въ деревню черезъ отцовъ, братьевъ и другихъ домочадцевъ, жившихъ тамъ. Съ городскими нарядами вторгались въ деревню городскіе мотивы въ пѣсняхъ и въ играхъ. Въ хороводахъ попрежнему распѣвались „Травушка-муравушка“, „Взойди, взойди, солнышко“, и „Настя ты моя, Настасья“—мелодичныя, содержательныя, полныя жизненной правды и интереса, но онѣ начали передаваться уже съ болѣе легковѣсными порожденіями фабричной жизни. Новыя струи пробивались и въ обыкновенныхъ, нехороводныхъ, а такъ называемыхъ тяговыхъ пѣсняхъ. Вмѣсто „О чемъ задумался, служивый“, „Ты воспой, воспой, младъ соловушко“, „Ужъ мы сядемъ съ милымъ рядомъ“, Снѣги бѣлые пушистые“ стали пѣть уже чисто „собачьи“, какъ ихъ окрестили любители старины:

Стояла я у озера,
Калоши приморозила.
Часты дождички пошли,
Мои калоши отошли.

Или:

Не на то мальчикъ родился,
Чтобъ работу работать,
А на то мальчикъ родился,
Чтобъ попить и погулять.

Въ нихъ нѣтъ ни мелодіи, ни содержанія, ни смысла; вмѣсто движеній человѣческой души въ нихъ отражаются аппетиты разнузданнаго забулдыги, видящаго все житейское благополучіе за трактирнымъ столомъ.

Кромѣ новыхъ пѣсенъ, въ деревню стали проникать и новыя игры для молодежи, имѣющія не деревенское происхожденіе: „вьюны“, „соседи“. Въ игрѣ во „вьюны“ парень или дѣвка выходятъ на середину круга и расхаживаютъ тамъ приплясывая, и имъ поютъ какую-нибудь пѣсню, непремѣнно оканчивающуюся: „поцѣлую, прочь пойду“. Тогда парень беретъ себѣ смѣну. Оставшейся поютъ новую пѣсню. Пѣсни въ этихъ случаяхъ поютъ иногда очень несложныя:

Въ огородѣ сарай,
А въ сараѣ сѣно;
Овцы сѣно ѣдятъ,
Цѣловаться намъ велятъ.

Или:

Журавли вы, долги ноги,
Не нашли пути-дороги,
Пролетѣли стороной,
Прочертили бороной,
Борона желѣзная,
Поцѣлуй, любезная.

Немного спустя стало распространяться нѣчто въ родѣ танцевъ, кадрили, напримѣръ. Соберутся нѣсколько паръ, запоютъ „метелицу“ или „цѣпочку“ и танцуютъ до седьмого пота.

Гулянье на Якшинскомъ лугу продолжалось всю весну. За эти гулянья многіе незнакомые другъ съ другомъ перезнакомились. Выучились новыя пѣсни, дѣвки узнали, какіе у кого изъ ихъ товарокъ наряды. Изъ ребятъ, навѣрное, кто-нибудь выглядѣлъ себѣ невѣсту. Съ наступленіемъ Петровокъ гулянья прекратились, по всѣмъ деревнямъ стали готовиться къ навозницѣ.

Навозницей начинаются главнѣйшія крестьянскія работы, которыя уже съ этихъ поръ пойдутъ безпрерывно вплоть до „бѣлыхъ мухъ“, т.-е. до снѣга. Приступаютъ къ

ней съ нѣкоторою торжественностью: запасаются хорошими харчами, мукой для киселя, сельдями, водкой. Иные дѣлаютъ эту работу въ складчину: прежде у одного вывозятъ, потомъ у другого. Нѣкоторые побогаче нанимаютъ нѣсколько подводъ. Работа эта тяжелая, и на первыхъ порахъ я оказался плохимъ работникомъ. Для работы въ эту пору нужно много увертливости, сноровки и физической силы, чтобы побольше отобрать пластъ навоза, ловчѣй вкинуть его въ телѣгу. У меня же этого въ должной мѣрѣ не оказалось, и я съ завистью поглядывалъ на другихъ, работавшихъ хорошо. Въ каждой крестьянской работѣ есть своего рода артисты. Бываютъ артисты и на эту работу. Въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревняхъ у насъ есть мужики, которымъ при наймѣ на навозницу всегда платятъ дороже другихъ, поятъ водкой. Они, мало того, что сильны, обладаютъ еще необыкновенною ловкостью и находчивостью. Вилы въ навозъ у нихъ всегда втыкаются очень удачно, потомъ они обладаютъ смѣткой въ свое время крикнуть, въ свое время выпустить острое словцо для ободренія другихъ работниковъ, и дѣло подъ ихъ руководствомъ всегда кипитъ: возъ нарывается необыкновенно быстро, укладывается такъ хорошо, что и много на немъ, и не валится съ него. Только срывальщицы жалуются, что такіе воза трудно срывать.

VIII.

Слѣдующей работой былъ покосъ. Покосъ у насъ начинается около Петрова дня—или дня за два до него, или же на другой день. Обыкновенно передъ этимъ собирается сходка, разбираются осьмаки. Осьмакъ—это такая доля, въ которую входятъ 12 душъ. На эти-то доли

и дѣлятъ и землю и покосъ. Напримѣръ, у насъ въ деревнѣ 102 души, значитъ восемь съ половиною осьмаковъ. Обыкновенно подбираются семьи съ одинаковымъ количествомъ душъ: полосьматчики, третьяки, четверточники и тягольщики, или „бакланы“, какъ ихъ въ шутку называютъ въ покосное время. Разобравшись съ осьмаками, т.-е. третьяки соединившись съ третьяками, четверточники съ четверточниками, „бакланы“ съ „бакланами“, каждый осьмакъ беретъ себѣ жребій, небольшой деревянный цилиндрикъ съ прожженной середкой для насадки на проволоку. Каждый жребій имѣетъ свою мѣтку: двѣ прямыхъ, прямая рубка, косая рубка, двѣ косыхъ, крестъ, лысинка, перепояска, цѣлый. Жеребья находятся у старосты. Наканунѣ съ каждаго осьмака по человѣку идутъ дѣлить траву. Начинается дѣлежъ съ какой-нибудь линіи: отъ дороги, отъ поля, отъ загороди. По этой линіи косами вымѣриваютъ ея ширину. Положимъ, отмѣряли 85 косъ, потомъ 40 косъ въ длину, потомъ одинъ идетъ по первоначальной линіи, а другой— параллельно, и черезъ каждыя 10 косъ дѣлаютъ закоски. Если гдѣ трава не ровна, то отъ одной полосы убавляютъ, къ другой прибавляютъ. Если гдѣ выходитъ немного неточно, то говорятъ: „Ну, ровняй Богъ жеребьемъ на другой полосѣ“. Такимъ образомъ получается $8^1/_2$ полосъ одинаковой мѣры.

Сдѣлавши по одной полосѣ, дѣлаютъ по другой. Если трава ровна, то полосы дѣлаютъ большія, если не ровна, то мелкія: мелкими полосами думаютъ лучше не ошибешься. Къ утру надѣлаютъ полосъ по 15, по 20. Утромъ же чуть свѣтъ встаютъ и идутъ къ первой полосѣ. Староста вынимаетъ жеребья, опускаетъ ихъ къ кому-нибудь въ шапку, объявляетъ, откуда будетъ первая полоса: „отъ солнца“, „отъ дороги“, „отъ деревни“ и т. п., и жеребья трясутъ; потомъ сажаютъ ихъ на про-

волоку въ томъ порядкѣ, въ какомъ они выскакиваютъ изъ шапки, громко выкрикиваютъ, какой жребій какъ выскочилъ: „двѣ прямыхъ“—первый, „крестъ“—второй, „цѣлый“—третій и т. д. Иногда какой-нибудь балагуръ, выкрикивающій жеребья, позволяетъ себѣ шутки. Напримѣръ, нужно кричать „лысый“, онъ выбираетъ плѣшиваго мужика и кричитъ его имя: „Василій Петровъ“—первый, „Марья Сергѣевна“ (косая баба)—вторая. Покосники гогочутъ и идутъ отыскивать свои осьмаки. Отыскавъ осьмаки, мужики становятся на закоски и проходятъ броды, чѣмъ отдѣляютъ одинъ осьмакъ отъ другого. Потомъ измѣриваютъ осьмаки косами, дѣлятъ ихъ на надлежащія доли и бросаютъ жребій между себя, и кому какая доля достанется, ту и начинаютъ косить.

Все это очень просто, дѣлается быстро и выходитъ очень вѣрно. Если тягольщикъ везетъ возъ сѣна домой, то съ четверки получаютъ полтора, съ трети—два воза. Ни больше, ни меньше. Можетъ быть, у кого будетъ разница на пудъ, на два—и только. Косили, пока на травѣ была роса. Когда же роса обсыхала, шли домой и пили чай.

Чай уже въ то время входилъ въ большое употребленіе, самовары заводились почти во всякомъ дворѣ. И нужно отдать ему полную справедливость: чай въ рабочее время для крестьянина безцѣнное средство. Какъ устанешь въ покосѣ, жнитво, молотьбу, въ горлѣ пересохнетъ, руки и ногу ослабнутъ, языкъ не ворочается. Иногда съ луга или съ поля еле двигаешься, думаешь про себя: „Ну, теперь безъ отдыха ужъ я больше не работникъ“. Но попьешь чаю, и все какъ рукой сниметъ: весь оживишься, усталости какъ не бывало, опять идешь куда угодно и работаешь до вечера.

На самовары сначала въ деревнѣ нападали. Осо-

бенно старики. Его называли „шипящимъ мѣднымъ зміемъ“ и новымъ бариномъ. Новымъ бариномъ самоваръ называли потому, что на чай, сахаръ для семьи приходилось работать лишнюю десятину. „Ну, что за бѣда,—говорили почитатели самовара,—поработаемъ и на новаго барина, онъ все-таки милостивѣе: не бранитъ: не поретъ, а чайкомъ поитъ; а въ рабочую пору какъ хорошо косточки-то имъ пораспарить, точно возъ съ себя снимешь!“

Кромѣ того, что чай прогоняетъ усталость, онъ нерѣдко служитъ подспорьемъ въ харчахъ, замѣной варева. Напримѣръ, въ покосъ или въ жнитво какой можетъ быть ужинъ? Печка топится утромъ, и къ вечеру въ ней одно прокиснетъ, а другое засохнетъ. При самоварѣ же былъ бы хлѣбъ, чай съ молокомъ всякое варево замѣнитъ.

Напившись чаю послѣ покоса, молодежь отправляется на лугъ огребать подкошенную траву, а пожилые сушатъ и убираютъ сѣно у сарая. Высушивъ сѣно и убравъ его, собираются и ѣдутъ въ лугъ. Когда я былъ еще мальчикомъ, то для ѣзды на лугъ тогда не было никакого порядка, а какъ кто управится, такъ тотъ и поѣдетъ. Теперь же установили порядокъ: ѣхать должны были всѣ въ одно время; въ 4 часа у одного изъ сараевъ, находящагося посрединѣ деревни, выкидывается флагъ, и вся деревня длиннымъ гужомъ, съ немилосерднымъ громомъ и трескомъ, устремляется на лугъ. Сѣно поднимается дружно, въ какой-нибудь часъ-два, потомъ лугъ пустѣетъ и по немъ только перепархиваютъ черные грачи да вороны, ища шмелиныхъ гнѣздъ да червяковъ себѣ въ пищу.

IX.

Покосъ—время веселое, но очень суетливо. Цѣлый день приходится метаться. То вставай косить, то иди въ сарай сушить сѣно, то огребка на лугу, то возка. Къ концу покоса эта суетня такъ надоѣстъ, что съ нетерпѣніемъ ждешь конца его.

Съ наступленіемъ жнитва крестьянская жизнь входитъ въ совсѣмъ иную колею. Суетня и горячка исчезаютъ. Всякъ разбредется по своимъ полосамъ, гдѣ ему полная свобода работать, какъ хочетъ; никто его не подгоняетъ, никто не грозитъ стравить или стоптать его добро. Изъ дому выходятъ не такъ уже рано, а когда спадетъ роса; каждая семья идетъ на работу, позавтракавши и напившись чаю. Но работа въ жнитво гораздо труднѣе покоса. Жать приходится цѣлый день согнувшись и работать обѣими руками: одной набирать въ горсть рожь, а другой подрѣзать ее серпомъ. Особенно трудно бываетъ въ жару: разбаливается голова, мучитъ жажда, поглощается неимовѣрное количество воды, у многихъ отъ согнутаго положенія плохо работаетъ желудокъ и мучаетъ изжога. Труднѣе всего достается рукамъ. Пальцы деревенѣютъ, задираются заусенцы, всюду вонзаются занозы, часто пальцы попадаютъ подъ серпъ. Ломитъ руки и въ плечахъ. Послѣ двухъ-трехъ дней жнитва многіе возвращаются съ поля точно разбитые, угрюмые. Кое-какъ влѣзаютъ за столъ, пьютъ чай или ужинаютъ и бросаются въ постель. А утромъ нужно опять итти въ поле.

Все жнитво продолжается съ недѣлю; кончивши его, всѣ облегченно вздыхаютъ и принимаются за другія работы.

Во время жнитва въ деревнѣ, кажется, больше всего

заболѣваетъ и взрослыхъ и дѣтей. Кто напьется съ распалу холодной воды и остудится, кто заболѣетъ животомъ, кто обрѣжется серпомъ. Ребятишки, оставляемые дома со старыми или малыми, страдаютъ въ это время отъ плохого кормленія: или ихъ перепаиваютъ испортившимся молокомъ, или пичкаютъ зеленью; дѣтскіе поносы въ это время особенно свирѣпствуютъ.

Не мало страдаютъ деревни въ это время и отъ пожаровъ. Оставшіеся ребятишки раздобываютъ спичекъ и разводятъ гдѣ-нибудь огонь, отъ огня загорается дворъ и гибнетъ нѣсколько гнѣздъ. Часто гибнетъ все, такъ какъ условія для этого очень благопріятны: дерево и солома на постройкѣ сухія отъ жары и полное отсутствіе людей. Не только некому вытащить что-нибудь изъ дворовъ, а некому подбѣжать съ ведромъ воды и вылить его на начинающійся пожаръ. Поэтому удивительно не то, что деревни лѣтомъ много горятъ, а то, что онѣ не всѣ выгораютъ.

Послѣ жнитва расчищаются гумна, возятся снопы и начинается молотьба. Готовятъ рожь—кто для ѣды, кто на сѣмена. Въ это же время поспѣваетъ ленъ. Ленъ брать тоже трудно, какъ и жнитво, тоже нужно быть весь день въ согнутомъ положеніи и выдергивать его обѣими руками. Иногда земля бываетъ крѣпкая, волокно не выдергивается, оно рвется и деретъ руки. Но бранье льна не такъ бываетъ спѣшно, какъ жнитво. Ленъ не осыпается, развѣ ужъ когда переспѣетъ.

Мнѣ съ непривычки къ этимъ работамъ онѣ показались очень трудны. Не любили ихъ и мои старики. Особенно отецъ. Онъ все время ворчалъ и говорилъ, что эта работа—пустая затѣя. „Это кто не умѣетъ двухъ перечесть, тому ленъ брать,—говорилъ онъ,—а если кто можетъ рубль-два въ день заработать, изъ чего такъ себя нудить?“ Онъ грозился на будущее время предо-

ставить все мнѣ: „какъ хочешь, такъ и валандайся, а я тебѣ не работникъ“.

Я однако не падалъ духомъ, а продолжалъ вести свою линію. Озимаго мы въ этотъ годъ посѣяли побольше. Я поднялъ нѣсколько пустыхъ полосъ и рѣшилъ ихъ засѣять хотя безъ навоза. Посѣявши озимь, мы приступили къ косьбѣ ярового.

Яровое скосили благополучно, но свозить его во̀время не успѣли. Пошли дожди и захватили снопы въ полѣ. Они тамъ стояли цѣлый мѣсяцъ. Кое-кто пробовалъ возить ихъ сырыми, садить на овинъ и сушить, но это было очень рискованно. Посаженные на овинъ сырые снопы сохли неравномѣрно и высохшіе раньше вспыхивали отъ жары, отъ этого загорался овинъ. Въ ту осень у насъ въ деревнѣ сгорѣло три овина. Одинъ мужикъ, не имѣвшій своего овина, выпросилъ овинъ у сосѣда, насадилъ его, сталъ сушить и сжегъ. Въ другой деревнѣ хозяинъ овина, у котораго тоже просили его, чтобы намолотить ржи на ѣду, потребовалъ залога. У мужика залога не было, кромѣ лошади, и онъ привелъ ее въ обезпеченіе владѣльцу овина. Овинъ сгорѣлъ, и мужикъ остался безъ хлѣба и безъ лошади.

Въ октябрѣ погода уставилась, снопы перевозили, все обмолотилось. Несмотря на то, что дождями много было погублено ярового, много и собралось его. Мои односельцы очень радовались этому.

X.

Несмотря на хорошій урожай, цѣны на всѣ хлѣба стояли высокія. И въ этотъ годъ всѣ подати были уплачены безъ натяжки. Предполагали пустить больше скота. Подумывали о прісканіи земли для аренды. Мой трудъ

тоже вознаградился хорошо. Я окончательно укрѣпился въ намѣренiи жить на землѣ. И въ эту же осень я женился. Мнѣ пока о землѣ на сторонѣ думать не приходилось,—для подспорья по хозяйству у меня опредѣлялся литературный заработокъ, а для продовольствiя на нашу семью достаточно было надѣла, на которомъ больше половины полосъ пустовало. Другимъ же съ надѣла просуществовать было невозможно. Какъ ни хорошо роди надѣльная земля, а съ нея одной не могло на все хватать. Особенно гдѣ были лишнiе рты. Я попробовалъ, строго соображаясь со всѣмъ своимъ заработкомъ, высчитать, что̀ могъ дать крестьянскiй надѣлъ, и получилось вотъ что̀.

Надѣлъ въ урожайный годъ можетъ принести только слѣдующее:

Двѣ души ржи при полномъ посѣвѣ въ 20 мѣръ,
при урожаѣ самъ-три, за вычетомъ сѣмянъ, дадутъ 40 мѣръ.

3 четв. овса, за вычетомъ сѣмянъ, дадутъ . .	4½ четверти.
1½ мѣры сѣмени льняного дадутъ прибыли . .	4½ мѣры.
Волокна	5 пудовъ.
Травы съ двухъ душъ накосятъ	8 возовъ.
На усадьбѣ 1 мѣра конопель принесетъ . . .	5 мѣръ.
Пеньки получится	2 пуда.
Картофель, при посѣвѣ 12 мѣръ, дастъ . . .	60 мѣръ.

Перевести все это на деньги, получится:

40 мѣръ ржи по 50 к.	20 р. — к.
6 четв. овса по 3 р.	18 „ — „
4½ мѣры сѣмени по 1 р.	4 „ 50 „
5 пуд. волокна по 2 р. 50 к. . . .	12 „ 50 „
5 мѣръ конопли по 90 к.	4 „ 50 „
2 пуда пеньки по 2 р.	4 „ — „
48 мѣръ картофеля по 10 к. . . .	4 „ 80 „
8 возовъ сѣна по 2 р. 50 к. за возъ	20 „ — „
Итого . .	88 р. 30 к.

Изъ этого пойдетъ на собственное продовольствіе:

Рожь безъ остатка	20 р. — к.
1 четв. овса	3 „ — „
1½ мѣры сѣмени	1 „ 50 „
2 пуда волокна	5 „ — „
Конопли	4 „ 50 „
½ пуда пеньки	1 „ — „
Сѣна	20 р. — к.
Картофеля	4 „ 80 „
Итого . .	59 р. 80 к.

Остается для сбыта на 28 р. 50 к.

Изъ этой суммы нужно будетъ истратить:

На мельницу	1 р. 25 к.
На маслобойню	1 „ 62½ „
Податей: выкупныхъ, земскихъ, государственныхъ и частныхъ . .	16 „ — „
Страховки	1 „ 50 „
Пастушни	2 „ — „
Итого . .	22 р. 37½ к.

Остается 6 р. 12½ к. Кромѣ этого, остаются солома, мякина, кое-какіе овощи; но все это пойдетъ на кормъ и подстилку скоту и на собственное потребленіе. Но на денежный остатокъ нужно, если семья больше трехъ человѣкъ на этомъ надѣлѣ, прикупить хлѣба, такъ какъ своего недостаточно, справить обувь, одежду, купить дровъ, освѣщенія, дегтю для подмазки колесъ, соли, солоду, крупъ, чайку, сахарку, заплатить священнику, справить престольный праздникъ и сшибокъ, отложить на случай какой невзгоды: неурожая, похоронъ, на ремонтъ постройки, на починку или замѣну отслужившаго инвентаря и проч. и проч. Конечно, съ надѣла это имѣть и думать нельзя и нужно или добывать на это на сторонѣ, у насъ большею частью въ Москвѣ, или же брать въ аренду земли и лишнее „присѣвать“ тамъ.

И вотъ многіе бросились добывать арендной земли. У насъ земли для аренды было достаточно: кругомъ насъ было три до сихъ поръ пустовавшихъ имѣнія, гдѣ ее и можно было найти. Владѣльцы имѣній подбодрились и стали устанавливать цѣну на землю, чего прежде не было: прежде за сколько кто сторгуетъ, за столько и снимаетъ. Подъ ленъ за десятину назначали 10 р., подъ овесъ 5 руб. на одно лѣто. Но эта цѣна была „сходная", такъ какъ помѣщичьи земли первые годы родили не въ примѣръ крестьянскимъ. Всѣ онѣ во время барщины хорошо удобрялись, а потомъ много лѣтъ гуляли. Урожаи льна и овса на этихъ земляхъ могли быть двойные.

XI.

Возраставшій интересъ къ сельскому хозяйству среди моихъ односельцевъ былъ очень осязателенъ, и я этому только радовался, такъ какъ, глядя на другихъ, и мнѣ было охотнѣе втягиваться въ крестьянскій хомутъ. Но вмѣстѣ съ радостью приходилось испытывать и огорченія. Въ нравственной сторонѣ крестьянской жизни начали выясняться большіе дефекты, характеризовавшіе моихъ односельцевъ вовсе не съ такой стороны, съ которой мнѣ хотѣлось бы ихъ видѣть. Въ началѣ слѣдующей весны у насъ въ деревнѣ случился пожаръ. Была свадьба. Два пьяныхъ мужика поссорились, одинъ другого поколотилъ; обиженный, чтобъ отомстить, поджегъ обидчика. Сгорѣло девять дворовъ и нѣсколько овиновъ. Началась стройка. Стройка послѣ пожара дѣло не легкое. Погорѣло все до послѣдней заборины. Чтобы возстановить постройку, нужно было множество матеріала. И у зажиточныхъ хозяевъ не хватало на все средствъ, а у бѣдняковъ и подавно. И вотъ начались тайныя поѣздки

въ сосѣдніе лѣса. Легче всего было ѣздить въ одну рощу въ майоратномъ имѣніи одного князя, не жившаго въ нашихъ краяхъ, а сдававшаго имѣніе въ аренду. Надзоръ у арендатора за чужимъ лѣсомъ былъ слабый, сторожъ былъ старый старикъ. Наткнувшись однажды на порубщиковъ, онъ хотѣлъ было ихъ пріостановить, порубщики были не изъ робкихъ, и одинъ изъ нихъ прикрикнулъ на старика. Старикъ струхнулъ и, отправившись къ хозяину, заявилъ, что ему нѣтъ силъ пріостановить озорниковъ, что съ ними при строгости не долго и до бѣды. Хозяинъ сказалъ ему, что ему и нечего изъ-за чужого добра подвергать себя опасности, пусть рубятъ, коли рубится. Увидавши такое „слободное" отношеніе къ лѣсу со стороны арендатора, сторожъ, не долго думая, сталъ подъѣзжать къ порубщикамъ съ другимъ. Онъ заявилъ, что рубить онъ пріостановить не можетъ, но за это имъ слѣдовало бы поблагодарить его, такъ какъ сухая ложка-то ротъ деретъ. Кому нуженъ былъ лѣсъ, за этимъ не останавливались. И вотъ старику кто повезъ хлѣба, кто говядины, кто денегъ, кто вина. Когда распространилась молва, что суровцевскій сторожъ допускаетъ въ рощѣ рубку, за лѣсомъ потянулись не одни погорѣльцы. Всю весну ѣздили туда какъ на отводъ. У насъ изъ всей деревни не ѣздили, можетъ быть, двора три-четыре и ихъ за это осуждали, говорили, что они не ѣздятъ не почему-нибудь, а изъ-за лѣни.

Конецъ этому пришелъ неожиданно. Кто-то написалъ о хищеніи въ его лѣсу князю. Князь прислалъ своего управляющаго, и тотъ съ полиціей нагрянулъ на порубку. Про наѣзды управляющаго узнали все-таки раньше, и тутъ-то пошла суета. Теперь начали отвозить лѣсъ со своихъ усадебъ. Одинъ везъ его въ оврагъ, другой на рѣку, кто просто на полосу въ паровое поле. Въ одну ночь исчезли цѣлые наготовленные костры. На прогонѣ

у насъ одинъ мужикъ срубилъ было угольникъ къ сараю, но теперь онъ его разобралъ и куда-то увезъ, другой отвезъ срубъ для избы. Оханій, аханій было какъ будто бы передъ какимъ-нибудь непріятельскимъ нашествіемъ. Бабы плачущія перебѣгали изъ двора во дворъ, мужики блѣдные, перепуганные съ нетерпѣніемъ ждали развязки.

Развязка вскорѣ наступила; повѣренный князя, оглядѣвъ порубку, оштрафовалъ на нѣсколько сотъ арендатора, а арендаторъ притянулъ къ суду порубщиковъ и взыскалъ свои убытки съ нихъ. Мужики поплатились и были очень довольны, что отдѣлались такъ легко—никому не пришлось посидѣть въ тюрьмѣ.

— Зачѣмъ же было ѣздить,—говорилъ я,—вѣдь лѣсъ чужой?

— Онъ не чужой, а Божій,—говорили мнѣ.—Хлѣбъ съ поля грѣхъ брать, потому его сѣяли, надъ нимъ трудились, а надъ лѣсомъ кто трудился?..

Такъ думало въ деревнѣ большинство, и увѣренность, что на ихъ сторонѣ правда, была непоколебимая.

Были случаи и еще огорчительнѣе; правда, въ этихъ случаяхъ выступали отдѣльныя личности; кажется, въ эту же весну вернулся изъ Москвы одинъ легковой извозчикъ.

— Какова была работка?

— Нонче, слава Богу, хороша. Ѣзда ѣздой, окромя этого удача выпала.

— Какая же удача?

— Да взыскалъ Богъ. Три вещи хорошихъ попало.

— Какія вещи?

— Перво-на-перво пледъ. Нанялъ какой-то студентъ къ гостиницѣ, накрылъ ноги подъ полостью. Подъѣхалъ, слѣзъ, расчелся со мной и пошелъ, а про пледъ-то и забылъ. Отъѣхалъ я немного, сталъ поправлять полость,

гляжу, а онъ въ санкахъ. Ну, сейчасъ его подъ сидѣнье подбилъ, а самъ скорѣй на дворъ; на другой день за семь рублей продалъ.

— А другіе случаи какіе?

— Другой разъ штуку сукна забыли, за ту двадцать рублей выручилъ, а потомъ мѣшочекъ кожаный. Тамъ не знаю что̀ было, побоялся, ну-ка какія дорогія вещи, не попасть бы съ ними, тѣ рѣшился свезть. Пять рублей на чай получилъ.

— А если бы тебѣ и тѣ вещи отвезть бы?

— Съ тѣми-то я самъ сумѣлъ справиться, за нихъ бы я ничего не получилъ, а самъ-то выручилъ... Выходило было еще одно дѣло, да сорвалось.

— Какое дѣло?

— Нанялся я какую-то мамзель съ первой Мѣщанской въ „Золотой Якорь“ везть и должно изъ пѣвичекъ; гляжу, узелокъ въ рукахъ. Привезъ, соскочила она, отдала деньги и забыла узелокъ-то. Я это хлестнулъ лошадь, отъѣхалъ, щупаю, а въ немъ шелкъ да парча: должно, платье ея. Ну, думаю, хороша штука, сейчасъ ее въ колѣнки, а самъ настегиваю. Проѣхалъ это я подъ мостъ, ѣду къ Красному Селу, чую, кто-то катитъ за мной. Ну, думаю, это за узломъ. Сейчасъ это я его спустилъ внизъ и ногой-то подъ полость, какъ будто я ничего не знаю. Гляжу, такъ и есть за мной. „Извозчикъ, стой!“—„Чего изволите?“—„Ты привозилъ въ „Золотой Якорь“ съ Мѣщанской?“ — „Привозилъ“. — „Подожди, у тебя узелокъ забыли“. Я это будто ничего не знаю. „Гдѣ?“ говорю. „Въ санкахъ“.—„Поглядите“. Сунулись, нашли, взяли и спасибо не сказали...

Говорилось это откровенно, безо всякаго помысла о томъ, что этимъ неудобно хвастаться. Нѣкоторые не стѣснялись даже и дѣлать такія вещи на виду. У насъ было нѣсколько мужиковъ, промышлявшіе возкой льна.

Возили они ленъ изъ Ярополъца въ Вязьму. Нагрузивши воза, эти извозчики заѣзжали домой. Дома они открывали воза, выбирали тамъ лучшіе связки льна, оставляли ихъ дома, а на ихъ мѣсто клали свои худшаго качества. Такимъ образомъ, обмѣнивши пять пудовъ льна, каждый получалъ рублей на 10 отъ обмѣна, кромѣ платы за извозъ. Обмѣнявши такъ весь свой ленъ, нѣкоторые покупали плохой ленъ у сосѣдей и мѣшали его. При сдачѣ же льна въ большой партіи малое количество плохого не замѣчалось, и всѣмъ это сходило съ рукъ.

Такая легкость въ отношеніи къ чужой собственности и увѣренность, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, были сначала мнѣ непонятны. Какъ же это такъ?— думалъ я. Есть заповѣдь, которая прямо говоритъ: „не укради“; есть статьи закона, строго карающія присвоеніе чужого, и все-таки нарушеніе этихъ установленій дѣлается настолько явно, какъ будто бы это самое обычное дѣло. Мало этого, такими поступками нѣкоторые были склонны хвастаться, хотя грѣхами, болѣе невинными, они бы хвастаться не рѣшились. Я долго ломалъ надъ этимъ голову и пришелъ къ тому убѣжденію, что дѣлающіе такъ не вѣрятъ тому, что это *грѣхъ*; грѣховность такого рода поступковъ не вошла въ ихъ сознаніе, ну, настолько, напримѣръ, какъ увѣренность въ недопущеніи употребленія скоромнаго въ постный день, начать работать по утру неумывшись и т. п. Ни внушеніями отъ другихъ, ни практикой жизни не воспитано въ нихъ чувства недозволенности этого, а напротивъ, воспитывалось другое. Во всей своей прошлой жизни стѣсненный въ пользованіи дарами природы, а часто и произведеніями рукъ своихъ, крестьянинъ, желавшій этимъ пользоваться, могъ дѣлать это только „урывомъ“, тайкомъ. А такъ какъ обстоятельства, стѣснявшія его, длились цѣлые вѣка, то этотъ способъ вошелъ въ такое

обыкновеніе, что крестьянское общественное мнѣніе пріучилось относиться къ нему безразлично. Такое отношеніе переходило изъ поколѣнія къ поколѣнію и сохранилось до нашихъ поръ, когда условія нѣсколько измѣнились. Что это именно такъ, видно изъ того, что легкое отношеніе къ чужой собственности многими допускается только къ чужимъ и людямъ другого положенія. Мужикъ, съ легкимъ сердцемъ обмѣнивающій ленъ, не возьметъ у сосѣда клока сѣна, не рѣшится перемѣнить косы, грабель, и такихъ большинство.

Барщина же, а впослѣдствіи городская жизнь, породила среди мужиковъ не менѣе непріятную черту—„хамство", т.-е. стремленіе сорвать на выпивку, на чай, т.-е. за какую-нибудь пустячную услугу получить осязательную мзду. Эта черта у насъ особенно была развита въ деревнѣ Бухолово, гдѣ было волостное правленіе и гдѣ „бары" въ родѣ чиновниковъ появлялись часто и до сихъ поръ. Мнѣ она тоже была не по душѣ. Чтобы разобраться въ этомъ со своими односельцами, я сталъ разъ читать имъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей" разсказъ Зудермана „Пастухъ". Разсказъ этотъ былъ такого содержанія. Какая-то барышня въ дѣтствѣ подружилась съ однимъ крестьянскимъ мальчикомъ. Дружба ихъ была очень горячая. Потомъ они разстались. Мальчикъ остался въ деревнѣ, а дѣвочку увезли въ городъ, гдѣ она училась; выучившись, она путешествовала за границей, потомъ заболѣла и пріѣхала опять въ ту деревню, гдѣ родилась и росла. Заболѣла она какою-то разслабленностью. Ее однажды вынесли на лугъ подышать воздухомъ и оставили одну на травѣ. Другіе отъ нея всѣ куда-то ушли. Когда она захотѣла домой, то около нея оказался только одинъ ея братъ. Одному ему трудно было поднять ее съ травы и усадить въ коляску, такъ какъ съ больной нужно было обращаться очень осто-

рожно. Они стали искать, кого бы позвать на помощь и замѣтили невдалекѣ пастуха. Братъ крикнулъ ему. Пастухъ подошелъ. Это оказался молодой, здоровый парень. Больная вглядѣлась въ него и узнала въ немъ товарища своихъ дѣтскихъ игръ. Въ ней воскресли воспоминанія о прежнемъ, и въ сердцѣ ея пробудились теплыя чувства. Она съ нѣжностью глядѣла на него, пока онъ помогалъ ея брату усаживать ее въ коляску, не сводила съ него глазъ, пока онъ стоялъ около коляски, опустивъ глаза. И она и братъ поблагодарили его, но онъ не отходилъ отъ нихъ. Тогда братъ о чемъ-то догадался, полѣзъ въ карманъ, вынулъ монету и подалъ пастуху. Тотъ взялъ монету, поблагодарилъ и съ веселымъ видомъ побѣжалъ къ своему стаду. Бѣдную больную такой поступокъ друга ея дѣтства точно обдалъ холодной водой.

Я попробовалъ объяснить мораль этого разсказа, ее поняли, но никто не соглашался, что это дурно. „Да что-жъ такого-то?—говорили мнѣ.—Эка бѣда, что взялъ! А съ нашего-то брата нешто не берутъ? Къ кому ни кочнись, всѣмъ нужно дать. Въ иномъ дѣлѣ безъ денегъ-то не добьешься ничего. Отчего-жъ и нашему брату не взять?“

И какъ я ни старался объяснить, что „бранье“ „бранью“ рознь, доводы мои оказывались мало убѣдительными; такъ я и не просвѣтилъ никого въ этомъ отношеніи.

XII.

Школы въ нашей деревнѣ не было. Она была верстахъ въ 7 по зимнему пути. Въ содержаніи ея однако участвовала и наша деревня, но въ то время ею пользовались мало, по той причинѣ, что она отстояла далеко:

зимой ребенку нужно было пріискивать квартиру, а это было сопряжено съ нѣкоторыми расходами. Потомъ учила въ школѣ учительница, и этимъ были тогда недовольны. Отъ учительницы не ждали никакого толку, потому что она „баба“ и у ней „волосъ дологъ“. Такое отношеніе мнѣ приходилось наблюдать не только къ той учительницѣ, которая тогда дѣйствительно занималась плохо, но и къ другимъ, вполнѣ стоящимъ на высотѣ своего положенія. Основывалось оно на томъ, что у ней „настоящей строгости быть не можетъ“. Потребность въ грамотѣ все-таки уже была. Вытекала она изъ того обстоятельства, что грамотный куда ни на есть лучше пробьется: и въ Москвѣ скорѣе мѣсто найдетъ, и въ солдатахъ ему легче будетъ. Поэтому въ деревнѣ былъ свой учитель. Это былъ одинъ крестьянинъ. Онъ набиралъ зимой нѣсколько мальчиковъ и училъ ихъ, получая за учебу по гривеннику въ недѣлю съ каждаго.

Дѣвочекъ еще не считали нужнымъ учить. „Ну, куда ей грамотѣ учиться, не за лавочника, чай, замужъ-то пойдетъ. Пеленки-то безъ записки не растеряетъ.“

Старинныя понятія не выкуривались еще во многомъ. Суевѣрія въ то время были развиты почти-что такъ же, какъ и во время моего дѣтства. Вѣрили, что дѣлаютъ „пережины“, вѣрили въ „глазъ“, въ „доспѣвъ“. Въ болѣзняхъ обращались за помощью къ бабкамъ, старикамъ, умѣющимъ заговаривать. Больницы боялись, говорили, что тамъ рѣжутъ людей. Говорили о порчѣ на свадьбахъ. Но сильнѣе всего была вѣра въ пятницы, въ то, что Богъ накажетъ за работу въ эти дни, а также въ маленькіе праздники: Казанскую, Смоленскую, Тихвинскую, Ильинъ день. Утверждали, что Богъ грозу пошлетъ, вихремъ за это разнесетъ и т. п. Разсказывались такіе случаи, бывшіе, должно быть, еще во время крѣпостного права: крестьяне захотѣли почесть Ильинъ день,

а управитель нѣмецъ не захотѣлъ этого: было много сѣна подкошено. И велѣлъ онъ собирать мужиковъ убирать сѣно. Мужики собрались, принялись за работу, вдругъ разразилась гроза; все залило, сарай съ сѣномъ спалило. Закаялся нѣмецъ работать въ этотъ день.

Еще, разсказывали, былъ случай, какъ одна баба хотѣла въ Смоленскую сѣно посушить. Только она растрясла сѣно и стала его ворошить, какъ откуда ни возьмись вихорь: поднялъ бабу кверху да какъ хлопнетъ о землю, а сѣно размело Богъ знаетъ куда, разметало его по клочкамъ, такъ что и собрать было нельзя.

Не допускалась пахота въ праздничные дни; приводилась пословица: „въ праздникъ пашеньку пахалъ, въ будни лошадь проискалъ", намекавшая на то, что Богъ найдетъ, чѣмъ за это покарать. По этимъ причинамъ почитанiе праздника строго соблюдалось. Наканунѣ староста ходилъ подъ окнами и вѣстилъ: „завтра не работать", и никто уже не смѣлъ итти работать, а направлялись въ лѣсъ за ягодами, за грибами, за орѣхами.

Проявлялись суевѣрiя и въ другихъ случаяхъ.

— Сколько рожь можетъ родить на нашей землѣ?— спрашивалъ я у нѣкоторыхъ хозяевъ.

— Сама третья, сама четвертая-то рѣдко когда.

— И такъ у всѣхъ, ни у кого больше?

— У Артамонихи вонъ бываетъ, чай, сама шестая, да то у Артамонихи, а не у насъ.

— Отчего же у ней лучше родится?

— Оттого, что она такой человѣкъ.

— Чѣмъ же она отличаетая отъ другихъ?

— Слово знаетъ. У ней вотъ уродится, а у насъ нѣтъ. У ней и рожь, и ленъ, и овесъ — все лучше другихъ идетъ; скотина сытѣй, коровы молока больше даютъ, куры и то больше несутся.

— Да отчего же такое?—недоумѣвалъ я.

— Съ нечистымъ знается, — таинственно сообщали мнѣ.—У ней свекровь колдунья, черезъ нее и она маракуетъ. Поди-ка купи что̀ у ней, небось не разживешься.

Повѣрить тому, что удача въ хозяйствѣ Артамонихи есть слѣдствіе того, что она знается съ „нечистой силой“, я не могъ. Меня, однако, затронуло любопытство узнать, какъ она добивается подобныхъ результатовъ. Артамониха была вдова, но жила съ братомъ своего мужа. Онъ былъ холостой, и она была ему вмѣсто жены. Жили они много лѣтъ такъ, у нихъ была куча ребятишекъ. Одинъ былъ мой сверстникъ. И то ли обстоятельство, что ихъ семья была „незаконная“ и поэтому они какъ бы испытывали виновность передъ другими, или то, что они, какъ было слышно, принадлежали къ какой-то сектѣ, они были по отношенію къ другимъ самые мирные люди; всегда трезвые: никто изъ нихъ никогда не пилъ ни водки, ни пива, ни чаю даже; они не курили табаку, всегда ко всѣмъ были ласковые и услужливые; никогда ни съ кѣмъ они не ссорились, не тягались; на общественныхъ работахъ Сильверстъ, деверь Артамонихи, шелъ всегда впереди всѣхъ, дѣлалъ больше всѣхъ; никогда онъ не льстился на сосѣднюю дровину, клокъ сѣна; никогда никого не задиралъ ни по сосѣдству, ни на сходкѣ. На зиму онъ ходилъ въ Москву и жилъ въ дворникахъ у одного каретника. Хозяинъ былъ „чортъ“, мѣсто безпокойное; никто не выживалъ на этомъ мѣстѣ и мѣсяца, а Сильверстъ жилъ по цѣлымъ зимамъ ужъ лѣтъ двадцать подъ рядъ.

Сойдясь съ ихъ парнемъ Егоромъ и выспрашивая его о подробностяхъ ихняго хозяйства, я догадался о причинѣ такой успѣшности его. Они, оказывалось, работаютъ такъ, что все стараніе направляютъ на то, чтобы было сдѣлано какъ можно лучше. Они не задорятся, не торопятся, а если пашутъ, такъ ужъ такъ, чтобы ни

одного огрѣха не было, боронуютъ, косятъ, жнутъ тоже, чтобы было первый сортъ. Рогатый скотъ у нихъ ведется не какой-нибудь, а они добываютъ его въ одной экономіи, гдѣ ведется спеціальное молочное хозяйство, держатъ телятъ и выращиваютъ ихъ. Кормятъ они ихъ хорошо, поятъ правильно. Куры у нихъ тоже особой породы. Сѣмена отборныя. Зерна они продаютъ только охвостье, поэтому, конечно, кто купитъ у нихъ ихъ для посѣва, не разживется.

XIII.

Старательныя и заботливыя семьи были не у одной Артамонихи; были и другіе хорошіе хозяева, но у нихъ не въ такой степени соотвѣтствовали ихней старательности и ихъ общая жизнь и отношенія къ другимъ. Первыми послѣ этой семьи можно было назвать Ивана Нужду и Степана Кузьмина.

Иванъ Нужда прозвалъ себя этимъ прозвищемъ самъ. Прозвалъ онъ себя по тому случаю, что когда его отецъ выдѣлилъ изъ своего дома за пьянство и за сварливый характеръ его жены, то ему достались одна корова да старенькій сарайчикъ. Глядя на свое имущество, онъ какъ-то пьяный сказалъ: „За что ни хватись, все въ люди катись—во всемъ нужда; буду я теперь Иванъ Нужда". И это прозвище осталось за нимъ.

Но въ нуждѣ ему пришлось жить недолго. Онъ занялъ у шурина денегъ, купилъ по случаю избенку, на дворъ лѣсу навозилъ изъ окружающихъ лѣсовъ тайкомъ и построился. Жена его взяла двухъ питомцевъ изъ Воспитательнаго дома, заложила ихъ билеты барышнику, и они начали хозяйствовать. Работали они старательно. Пить Ивану жена не давала. Понемногу они завели порядочно скота, раздобылись хорошими сѣменами ржи,

хлѣбъ у нихъ сталъ родиться отличный; они стали покупать покосы на сторонѣ, выращивали и продавали скотъ. Баба какъ-то приспособилась брать грибы и ухитрялась находить ихъ тамъ, гдѣ другимъ не удавалось. Въ урожайный на грибы годъ она нанашивала ихъ на 20—30 рублей. По всему этому ихъ домъ за нѣсколько лѣтъ сдѣлался однимъ изъ хозяйственныхъ домовъ.

Степанъ Кузьминъ смолоду отличался тѣмъ, что пьянствовалъ, ходилъ жить въ Москву, но не приносилъ оттуда ни копейки. Отецъ его неоднократно поролъ, но ничто не помогало. По смерти отца онъ бросилъ пить, пересталъ курить, поселился въ деревнѣ и сдѣлался однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ крестьянъ. Никто раньше его не вставалъ въ деревнѣ, никто больше его не переворачивалъ земли. Жена ему попалась изъ сѣрой, работящей деревни, крѣпкая, выносливая. Она безропотно шла куда угодно вслѣдъ за мужемъ. Дѣтей она ему нарожала здоровыхъ, правда, умственно туповатыхъ, зато физически крѣпкихъ. Они также брали питомцевъ, или „шпитонковъ", какъ у насъ ихъ зовутъ, потомъ отдавали дѣвокъ въ работницы. Кромѣ своей работы, они нанимались у кого пахать, у кого молотить. Зимою Степанъ возилъ ленъ, дрова, праздно время у него не проходило никогда, зато у нихъ имѣлось все: и хлѣбъ, и одежда, и сбруя.

Была въ то время у насъ одна семья, которая даже копила деньги со своего тягла. Это была одна вдова съ дочерью. Деньги, впрочемъ, у нихъ остались послѣ мужа вдовы, но онѣ ихъ не только не истратили, а еще пріумножили. Лѣтъ за 15 передъ тѣмъ вдова приняла-было зятя въ домъ къ дочери, но зять у нихъ не ужился, ушелъ въ Москву, завелъ другую семью и остался тамъ навсегда. Не понравилось зятю то, что вся цѣль жизни его тещи съ женой была какъ можно болѣе до-

быть и какъ можно меньше прожить. Поэтому онѣ мало того что однѣ безъ найма обрабатывали свое тягло, но нанимались у всѣхъ, кто только желалъ ихъ нанять на какую-либо работу. Ѣдятъ онѣ бывало кое-что. Хлѣбъ умышленно дѣлали невкусный; мясо если заведется, то онѣ непремѣнно его протушатъ. Онѣ продавали и яйца, и масло, и теленка, и ягненка,—ничего у нихъ не было завѣтнаго. Онѣ брали рабочаго на харчи, пускали прохожаго торговца-татарина ночевать, конечно, за плату. Старуха прежде торговала-было водочкой, принимала заклады, но ее надували: то возьмутъ въ долгъ, да не отдадутъ, то принесутъ мѣшокъ золы вмѣсто муки, то побьютъ стекла; потомъ разъ къ ней подвели урядника, и она перестала торговать. Онѣ также брали питомцевъ, но тѣ у нихъ мерли, какъ мухи.

Во всѣхъ этихъ семьяхъ уходъ за дѣтьми былъ очень плохой, особенно въ лѣтнюю пору. Взрослые всѣ уходятъ на работу, съ дѣтьми остаются няньки, сами еще дѣти лѣтъ 7—8. Онѣ, конечно, не могли путемъ ни уходить, ни накормить дѣтей; за ними самими еще нуженъ былъ надзоръ. Но въ послѣдней семьѣ никакихъ нянекъ не полагалось: своихъ нянекъ не было, а нанимать не входило въ ихъ расчеты. Поэтому „шпитонку“ приходилось оставаться въ люлькѣ чуть ли не на весь день съ огромной соской во рту. Ребенокъ сначала кричитъ до хрипоты; сосѣди слышатъ, но не могутъ войти въ избу, такъ какъ она кругомъ заперта. Потомъ ребенокъ заболѣваетъ и черезъ нѣсколько дней умираетъ. Въ первый праздникъ его хоронили; потомъ брали новаго. Умиралъ второй, брали третьяго.

XIV.

Былъ у насъ хорошо устроившійся мужикъ другого типа звали его Михайло Платоновъ. Онъ жилъ очень зажиточно, а раньше былъ очень бѣденъ. Я помню, какъ онъ жилъ въ омшанникѣ съ землянымъ поломъ, чего у насъ почти никогда не бываетъ. Это было тогда, когда онъ отдѣлился отъ своихъ братьевъ. При раздѣлѣ ему очень мало досталось изъ семейнаго имущества, но однако онъ вскорѣ построился, обзавелся всѣмъ какъ слѣдуетъ, и въ то время, когда я вернулся домой, онъ жилъ въ деревнѣ первый сортъ и велъ небольшую торговлю солодомъ, солью, крупой, селедками, дегтемъ, чаемъ, сахаромъ. Торговля велась домашнимъ образомъ, безъ всякихъ „правовъ", но обороты были порядочные, и ему она приносила доходъ. Онъ умѣлъ вѣшать товаръ такъ что изъ 7/8 фунта выходилъ цѣлый фунтъ; умѣлъ подмѣшать всякой дряни въ деготь, керосинъ; гречневую муку онъ „стращивалъ" со ржаной, бралъ барыши копейка на копейку, — словомъ, пользовался всѣми пріемами, какіе практикуются у деревенскихъ торговцевъ, ведущихъ дѣло съ бѣднякомъ. По зимамъ онъ ѣздилъ съ сѣдоками въ Москву, оттуда тоже сажалъ сѣдоковъ; когда же сѣдоковъ не было, онъ клалъ товары. Ему въ то время было около 50 лѣтъ.

— Какъ же это ты добился такого положенія?—спросилъ я его однажды, ѣдучи съ нимъ въ Москву.

— Какъ добился? не очень-то легко. Тоже всего видалъ. Какъ отдѣлился я отъ братьевъ-то, мнѣ всего ничего досталось, а нужно строиться, нужно обзаводиться... Что дѣлать? Сгоношилъ я немного деньжонокъ, — гдѣ прикупилъ лѣсу, гдѣ ночью тайкомъ добылъ, кое-какъ и построился. Построился, думаю: нужно будетъ жить,

а какъ жить? Смолоду-то я на фабрику ходилъ, потомъ дворникомъ жилъ. Дѣла хорошія, а все на нихъ не разжирѣешь. Нужно круглый годъ жить, а мнѣ никакъ нельзя: у бабы ребятишки были, работница она плохая, если же нанимать, то значитъ изъ пустого въ порожнее переливать. Дай, я думаю, погадаю, какая мнѣ будетъ судьба.

„Добылъ я оракулъ, кинулъ на оракулъ, и вышло мнѣ: „Твое счастіе на конѣ, въ чужой дальней сторонѣ“. Задумался я: что же это значитъ? Какъ-быдто мужику это не подходитъ; это донскому казаку или Еруслану Лазаревичу, можетъ быть, подошло бы, а нашему брату какъ это понимать? Однако, думалъ я, думалъ и надумалъ: поѣду я въ Москву въ извозчики, можетъ быть, пошлетъ Богъ удачу. Убрался я это лѣтомъ со всѣмъ, навилъ возъ корму, запрягъ лошадь и поѣхалъ на зиму въ Москву. Пріѣхалъ въ Москву, сталъ на постояломъ дворѣ, сбрую да санки напрокатъ взялъ и началъ ѣздить. Ну, знамо дѣло, со смѣткой повелъ. За копейкой гонишься и копейку бережешь. Другой тамъ выѣздитъ что, сейчасъ пріѣдетъ въ трактиръ, давай ему водки, колбасы, того, другого; за столъ-то полтинникъ, а то и больше выйдетъ. А ты спросишь чайку да выпьешь стаканчикъ, достанешь изъ кармана хлѣбушка, купишь легкаго или рубцовъ копеечки на три, знамо, чего подешевле, да какъ упишешь все это: и сытъ-то, и тепелъ, и веселъ, и истратилъ немного. Проходитъ мѣсяцъ, глядишь, у тебя въ карманѣ-то шевелится. Пошлешь бабѣ денегъ, накажешь, чтобы овса тебѣ присылала, и опять дѣло пойдетъ. На другой годъ я упряжь свою купилъ, завелъ другую лошадь. Купилъ одра, посадилъ его на овесъ и сталъ работать. На хорошей-то лошади днемъ ѣздить, а на плохой-то ночью. Хороша эта ѣзда ночью. Выѣдешь это часиковъ въ 11. Другіе тамъ норовятъ къ

кіятру или цирку, или еще къ какому блудному мѣсту, а я этого не любилъ. Ну, что въ тѣснотѣ стоять. Цѣны хорошей никогда не возьмешь. А ты, бывало, заберешься куда-нибудь либо въ глухую улицу, либо въ переулокъ. Ѣдешь и глядишь, гдѣ освѣщено? Замѣтишь свѣтъ, ну, сейчасъ къ дворнику или сторожу: что тутъ такое? „Именины, либо картежная игра, либо такъ вечеръ". А много гостей? „Много". Станешь у воротъ и стоишь, дремлешь. Стоишь часъ, два, вдругъ отворяется дверь:—Извозчикъ! За Покровскій мостъ или на Серпуховку, или въ Хамовники. Ну, и гладишь съ него, что̀ вздумается: потому—конецъ дальній, мѣсто глухое, другихъ извозчиковъ нѣтъ. Сдѣлаешь такъ въ ночь-то конца три, глядишь, въ карманѣ двѣ бумажки. Ѣдешь домой и спишь до обѣда. Послѣ обѣда опять выѣзжаешь и ѣздишь до вечера. И выходитъ, какъ нельзя лучше. Проѣздишь зиму, одра это откормишь, сведешь на конную, хорошія деньги за него возьмешь. Домой-то ѣдешь, у тебя въ карманѣ дуется, и на сердцѣ веселитъ. Поработаешь дома, купишь опять одра или нутреца, который въ деревнѣ не годится, да и опять въ Москву.

„Оракулъ меня не обманулъ. Поѣздилъ я годовъ десятокъ и все исправилъ какъ нельзя лучше: обстроился и скотиной обзавелся, и хлѣбомъ запасся. Можно хоть и въ Москву не ѣздить. А въ Москвѣ-то дѣла хуже пошли: конки эти развелись, много онѣ у нашего брата хлѣба отбили, потомъ строгости пошли. Лучше въ деревнѣ жить. Пріѣхалъ я разъ домой въ деревню, гляжу—голодъ у насъ. Прошлое лѣто хлѣбъ-то плохо уродился, ну, почти всѣ и забѣдствовали. У меня хлѣба много было: скотину я держалъ, поля навозилъ, а баба въ зиму-то развѣ много съ мальчишкомъ съѣстъ? Вотъ и повадились къ намъ за мукой ходить: просятъ кому пудикъ, кому лукошечко. Я думаю: такъ давать что-жъ,

ужъ лучше продавать. И сталъ я продавать муку; живо все лишнее распродали и по хорошей цѣнѣ. Пришелъ покосъ, хлѣбомъ еще пуще забилися, а деньги повольнѣй стали: кто возикъ сѣнца свезетъ продастъ, кто полоску травы. Слышу я, въ Можаѣ мука дешева. Тамъ машина, ну, изъ степи подвозъ идетъ. Поѣхалъ я одинъ разъ, привезъ два воза, вывезъ на улицу: „Идите, говорю, муку покупать“. Живо собрался народъ и разобрали у меня муку, да еще заказываютъ къ другому празднику привозить. Вижу, выгода есть: по пятеркѣ отъ воза чистой пользы осталось. Лошади у меня хорошія, потому я лошадей наблюдалъ, чтò хошь онѣ свезутъ; самому на телѣгѣ сидѣть не трудно, наложить же возъ наложатъ, найдутся такіе черти; отдамъ двугривенный, въ одну минуту накатаютъ. Управился я передъ праздникомъ да опять поѣхалъ за мукой. Привезъ два воза, и опять расхватали.

„Съѣздилъ я нѣсколько разъ. Домашняго дѣла ничего не упустилъ, а заработалъ порядкомъ и думаю себѣ: дай я буду торговать, може, и выйдетъ чтò. Поѣхалъ я въ Москву. Продалъ всю извозчичью амуницію; набралъ тамъ соли, крупъ, чаю, сахару, дегтю и началъ торговать. Поторговалъ годикъ, вижу—все въ долгъ берутъ, а на деньги мало. Дай, думаю, посѣвъ побольше заведу и буду съ должниковъ работой получать. Попробовалъ, и тутъ вышло дѣло“.

Когда у насъ только-что развивался посѣвъ льна, Михайло П. шелъ прежде всѣхъ на сторону снимать землю, больше всѣхъ сѣялъ льна, а особенно овса. Овесъ онъ отвозилъ въ Москву, а ленъ и сѣмя — въ крупные центры ихъ сбыта, въ сосѣдніе города: Гжатскъ, Вязьму, Ржевъ, при чемъ въ сѣмя онъ передъ отправкой всегда сыпалъ песку. Всыплетъ въ возъ пуда три и ходитъ, похваливается: „Вотъ у меня и прибыль, равняйся кто

со мной". А какъ же, тамъ развѣ не догадаются? спросишь его бывало. „Догадаются, какъ не догадаться, да скажешь, молъ, земля у насъ такая песчаная, они и повѣрятъ. Ну, скинутъ съ цѣны по гривеннику съ куля, а у тебя его пудъ на куль-то, онъ рубль принесетъ". А не будетъ за это грѣхъ? „Ну, грѣхъ въ орѣхъ, а Спасъ на насъ", отшучивался Михайло.

Кромѣ этого, онъ отдавалъ сѣмя и овесъ для посѣва, конечно, за большіе проценты, и бывалъ очень доволенъ, когда ему удавалось собрать эти проценты. „Вотъ какъ хорошо,—говорилъ онъ:—не работаешь, не заботишься, а въ закромѣ прибываетъ! Что̀ бы, если побольше колесо завесть!"

XV.

Слѣдующее лѣто урожаемъ вышло нѣсколько похуже. Травы, рожь и яровое уродились сносными, но ленъ былъ поврежденъ червякомъ, и волокно вышло плохого качества. Кто сѣялъ его много, тотъ ошибся въ расчетахъ и никакой пользы отъ его посѣва не получилъ. Однако, крестьяне не упали духомъ и съ осени опять стали снимать въ аренду землю. Цѣны на землю поднялись еще больше. И подъ распашку и подъ покосы.

Наше общество много лѣтъ уже покупало покосъ въ сосѣднемъ имѣніи Степанковѣ, сначала за 150 р., потомъ его цѣну подняли до 180 р., а потомъ уже до 200 р. за лѣто, хотя покосъ былъ лѣсной, и урожай травы въ немъ съ каждымъ годомъ уменьшался... И на пахатную землю повысилась цѣна: за ленъ до 20 и слишкомъ рублей, подъ овесъ до 8 рублей въ лѣто.

Многими сознавалась невыгодность подесятинной съемки, и кое-кто сталъ уже мечтать найти и снять земли

кускомъ. Первымъ это мечтаніе осуществилъ Михайло П. Онъ снялъ десятинъ пять въ сосѣдней деревнѣ Павловскѣ и сталъ раздѣлывать ее. Я уже перепахалъ всѣ свои пустыри, мнѣ тоже надѣльной земли показалось мало, и я снялъ небольшой кусокъ земли вмѣстѣ съ Платономъ и тоже сталъ поднимать ее подъ ленъ.

Первый годъ я пахалъ сохою, на послѣдующій перешелъ на плугъ. Плуги у насъ быстро распространялись. Сначала плуги заводились въ рѣдкихъ случаяхъ, въ одиночку. Ихъ пріобрѣтали только для распашки цѣлины. Дальше плугомъ стали пробовать и мякоть. Плугъ на той и на другой почвѣ зарекомендовалъ себя какъ нельзя лучше. Сработать имъ оказалось возможнымъ гораздо больше, чѣмъ сохою. Онъ годился для всякаго рода пашни: сырой и сухой. Соха въ иныхъ случаяхъ была непримѣнима и если ею работали, то крайне медленно и съ большимъ трудомъ. Для плуга же всякія затрудненія были ни по чемъ. Онъ лучше разрѣзывалъ почву и сокращалъ время. Сохою обыкновенно свое поле пахалось въ первый разъ пять дней—недѣлю, на плугахъ же самое большее работали эту же работу три дня; кромѣ этого, и пахарю и лошади за работой было легче, такъ какъ плугъ вездѣ шелъ ровно, лошади рваться не приходилось и управлять имъ было легко.

Сначала плуги покупали болѣе зажиточные, кто побѣднѣе же бралъ у нихъ только для распашки цѣлины за плату 50—60 коп. въ день. Попробовавши же работать на нихъ, всякій старался обзавестись имъ. А такъ какъ цѣна его была не высока: 8, 7 и даже 6 руб., то вскорѣ обзавелись ими чуть ли не всѣ. Когда я вернулся въ деревню, одноконныхъ плуговъ было два — три, черезъ три года у насъ не осталось двухъ дворовъ, не имѣющихъ этихъ орудій.

XVI.

Мнѣ деревенскія работы казались тяжелы только первое лѣто, слѣдующій же годъ я сталъ въ нихъ втягиваться, и онѣ уже не были для меня такими трудными. Во многихъ деревенскихъ работахъ есть огромная неописуемая прелесть, устраняющая или совсѣмъ уничтожающая кажущіяся трудности ихъ. Прелесть ея заключается въ томъ, что человѣкъ, занимающійся земледѣльческимъ трудомъ, всегда находится въ самомъ нутрѣ природы. Онъ видитъ, какъ эта природа пробуждается весной, и это пробужденіе интересуетъ его каждой своей стадіей. Для него все тутъ близко и интересно. Интересно, какъ сходитъ съ полей снѣгъ, обнажается голая, безжизненная земля. Оживаютъ замиравшіе на зиму корешки и начинаетъ показываться зелень травы, озими. Все это для него важно какъ нельзя болѣе. А разъ важно это, то интересно все сопутствующее ему: и прилетъ птицъ, и набуханіе почекъ на деревьяхъ, и гудѣніе первыхъ пчелъ въ солнечный день, когда такъ пріятно и весело пригрѣваетъ, а слухъ ласкаетъ журчащій съ горы ручеекъ и плескъ мутныхъ волнъ разлившейся изъ береговъ рѣчки.

Вездѣ приходъ весны вызываетъ бодрость, удовольствіе, подъемъ духа, забвеніе горечей жизни, воспріимчивость и къ малымъ радостямъ жизни, въ деревнѣ же всѣ прелести пробужденія къ жизни тянутся болѣе продолжительное время. Въ городѣ съ наступленіемъ теплыхъ дней сейчасъ же поднимается пыль, воздухъ портится. Отъ разогрѣтыхъ камней начинается жара. Въ деревнѣ же прелести и красоты пробуждающейся природы съ каждымъ днемъ увеличиваются, и это такъ обаятельно дѣйствуетъ, что затягиваетъ, иной разъ выбиваетъ изъ

колеи. Я, напримѣръ, люблю чтеніе и писательство, но съ наступленіемъ вешнихъ дней занятіе ими дѣлается совсѣмъ неинтереснымъ. Перо валится изъ рукъ, голова дѣлается невоспріимчивой къ сообщаемому что-нибудь книгой или журнальной статьей. Гораздо пріятнѣе быть у сарая и рубить дрова или копаться въ огородѣ, или дѣлать что-нибудь въ саду. Когда же земля просыхаетъ совсѣмъ и можно начинать запахивать, то удовольствіе увеличивается. Полный радости идешь въ поле, уставляешь плугъ на первую борозду, трогаешь лошадь, вонзаешь заржавѣвшій лемешъ въ сыроватую землю, и каждый отворачиваемый тобою пластъ бываетъ не менѣе пріятенъ и интересенъ, какъ переворачиваемый листъ талантливой книги, хотя книга говоритъ разуму и чувству, а пластъ земли—одному только чувству.

Пропахавши полдня, ѣдешь домой кормить лошадь и самъ ѣшь и отдыхаешь. Съ какимъ удовольствіемъ ѣшь простую пищу! Никогда я не ѣдалъ съ такимъ аппетитомъ, не участвуя въ земельной работѣ. Я не могу себѣ представить, какими яствами человѣкъ не физическаго труда можетъ усладить свои вкусовыя потребности. А съ какимъ наслажденіемъ спишь во время отдыха!

Бороньба для меня никогда не представляла большого интереса: эта работа механическая, ее можно дѣлать машинально, поэтому у насъ выполняютъ ее часто подростки и женщины. Но посѣвъ всегда производится съ интересомъ. Эта работа не менѣе важна, чѣмъ пахота. Въ пахотѣ нужно, чтобы не было непропашки, борозды были бы на одинаковой глубинѣ; при посѣвѣ же нужно, чтобы сѣмена ложились ровно, не скидывать ихъ на середки и не закидывать ихъ на чужую полосу. Отъ посѣва часто зависитъ урожай, особенно озимаго. У насъ говорятъ, что „озимь сѣять—можно корову просѣять, но можно и высѣять“. Къ посѣву нужно прино-

ровиться. Есть такіе, что всю жизнь сѣютъ и никогда „не потрафляютъ“. Мнѣ эта работа далась безъ особеннаго труда, и посѣвы у меня выходили большею частью ровные.

Хорошо также чувствуется при работахъ въ огородѣ: дѣлать гряды, сажать, поливать ихъ. Тѣмъ болѣе, что всѣ эти работы производятся при удивительной обстановкѣ. Начинаются онѣ съ солнечнымъ восходомъ, лучи солнца играютъ на росистой зелени распустившихся деревьевъ. Цвѣтетъ черемуха, покрывается сметаной вишня, раскидываются яблочные цвѣты. Кругомъ щебечутъ птички, устраивающія себѣ гнѣзда, на дворахъ кудахчутъ куры, снуютъ толкушечки. Все спѣшитъ дѣлать дѣло жизни, и ты въ это время способствуешь творческой дѣятельности природы, свободно, независимо. Великое въ этомъ удовлетвореніе!..

Не мало привлекательнаго представляетъ собою и покосъ. Каждый день видишь какъ лучи солнца играютъ всѣми цвѣтами радуги въ капляхъ росы, обильно покрывающей разноцвѣтные ковры луговъ, и ослѣпительно рѣжутъ глаза, отражаясь въ блестящихъ косахъ косцовъ. Разноцвѣтные наряды бабъ и дѣвокъ—удивительное сочетаніе яркихъ живописныхъ красокъ, не изображенныхъ, кажется, ни однимъ художникомъ; къ этому надо прибавить веселый говоръ, шутки, пѣсни. Все такъ пріятно, привлекательно, что, несмотря на недосыпанье (встаешь въ два часа, ложишься въ 10), на суетню въ продолженіе дня, все-таки это время одно изъ пріятныхъ въ теченіе всего года. Не даромъ многіе, живущіе круглый годъ въ Москвѣ, стараются вырваться и хотя на двѣ, на три недѣли пріѣхать домой. А одинъ парень, живя въ ученьѣ, въ сапожникахъ, убѣгалъ отъ хозяина на это время и жилъ дома цѣлый мѣсяцъ, а потомъ отживалъ за него послѣ...

Большое достоинство деревенскихъ работъ въ томъ, что онѣ не однообразны, а мѣняются все лѣто. Къ нимъ приступаешь то по-одному, то по-другому. Это не то, что работа сапожника, портного, часового мастера, канцеляриста. Тѣ скорѣе могутъ „очертѣть“. Менѣе пріятны бываютъ работы во время уборки хлѣбовъ; тутъ уже и декораціи не тѣ, и самыя работы болѣе механическія; притомъ иногда угнетаетъ то, что продуктивность работъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ ожиданіямъ, какія на нихъ возлагались. Или пострадало отъ жары, или заглушено травой, или еще какія-нибудь поврежденія. Но при хорошихъ урожаяхъ и эти работы бываютъ веселы и дѣлаются съ неменьшимъ удовольствіемъ.

У насъ сплошныхъ неурожаевъ почти никогда не бывало, да и не могло быть. Таковы свойства нашей почвы. Если лѣто засушливое, то плохо родится овесъ, ленъ, травы, но хороши бываютъ рожь, картофель, конопля. Если мочливое, то наоборотъ. Къ урожаямъ овса прибавляется урожай грибовъ, и чѣмъ-нибудь хотя, но всѣ выручаются.

Но у насъ никогда не бываетъ хорошихъ урожаевъ. Иногда чудная рожь; думаешь, что вотъ сколько наберешь сѣмени, станешь, молотить: самъ пять-шесть. А овесъ на надѣльныхъ поляхъ при удивительной густотѣ и ростѣ соломы всегда приходитъ самъ-три. Меня это очень удивляло, и за объясненіемъ этого я бросился къ сельско-хозяйственной литературѣ. Оттуда я почерпнулъ такое объясненіе этому явленію, что наша земля бѣдна веществами, изъ которыхъ составляется зерно, поэтому урожаи хлѣбовъ у насъ никогда не могутъ быть высоки. Чтобы поднять урожаи, нужно или усиленно удобрять землю, при чемъ къ обыкновенному навозу прибавлять химическихъ туковъ, или давать землѣ перегуливать.

XVII.

Чтобы удобрять землю, нужно было больше держать скота, а чтобы больше держать скота, слѣдовало запасать больше корма. А у насъ корма съ каждымъ годомъ набиралось меньше, потому что стадо увеличивалось и имъ все больше затравлялось луговинъ; нужно было пріискивать покоса на сторонѣ и покоса дешеваго, такъ какъ дорогой могъ быть въ накладъ. Я входилъ все больше и больше въ хозяйственный азартъ и сталъ пріискивать себѣ покосы и нашелъ. Это былъ уголокъ лѣса въ Суровцевской сѣчи, гдѣ наши такъ безцеремонно дѣлали порубки. Всего десятинъ 10. Посрединѣ этого угодья была болотистая площадка десятины въ 4. Послѣдніе годы по ней какъ-то плохо родилась и трава, но я площадку рѣшилъ распахать подъ посѣвъ и снялъ все это на нѣсколько лѣтъ за плату по 30 руб. въ годъ.

На первый же годъ я распахалъ съ $^3/_4$ десятины. Пахать было очень трудно: верхній слой былъ очень залужелымъ, пласты отваливались назадъ. Приходилось ползти на колѣняхъ и поднимать обратно отвалившіеся пласты, однако, мы (я пахалъ съ женой) кое-какъ все это преодолѣли, весной засѣяли льномъ, и стали дожидаться, что̀ будетъ.

Ленъ уродился удивительный, у насъ никто никогда не получалъ такихъ урожаевъ. Этой же осенью мы стали поднимать еще такую же площадь, а прежде посѣянную рѣшили засѣять овсомъ.

На слѣдующій годъ и овесъ уродился такимъ, какого никто не видалъ: съ 20 мѣръ мы намолотили 17 четвертей. Ленъ тоже уродился хорошъ, но попалъ подъ дождь и у него повредило головку, отчего сѣмени со-

брали мало. Моимъ сборамъ на арендѣ стали завидовать, и слѣдомъ за мной Михайло П., Степанъ К., Иванъ Нужда, Сильверстъ и кое-кто другіе мужики потянулись въ этотъ лѣсъ, сняли въ немъ по участку и стали распахивать площадки. И у нихъ тоже все родилось необыкновенно хорошо.

Глядя на такіе урожаи, даваемые свѣжей землей, мнѣ думалось, что и на надѣльной можно бы было повысить урожаи: стоило распахать выродившіеся луга, а на поляхъ сѣятъ культурныя травы, тѣмъ болѣе, въ уѣздѣ кое-гдѣ уже были попытки такихъ посѣвовъ, и попытки, давшія самые блестящіе результаты. Я сталъ говорить объ этомъ кое съ кѣмъ въ отдѣльности. Меня слушали и соглашались, что это было бы очень хорошо Заручившись сочувствіемъ нѣсколькихъ крестьянъ, я рѣшился завести подобную рѣчь на сходѣ. Собравшись съ духомъ, я однажды высказалъ, что̀ меня занимало, и сталъ ждать, что̀ будетъ. Гляжу, одни молчатъ, другіе переминаются, третьи высказываютъ, что попытать не мѣшало бы, потому извѣстно, что свѣжая земля лучше родитъ. Мужики оживляются, говоръ усиливается, и когда, натолкавшись досыта, всѣ были готовы высказать окончательное рѣшеніе, вдругъ поднимается одинъ изъ стариковъ и съ апломбомъ заявляетъ, что все это пустяки. Раньше жили, ничего этого не затѣвали, такъ къ чему же теперь заводить? Богъ уродитъ, такъ и такъ уродитъ, а коли не пошлетъ Богъ, все равно ничего не подѣлаешь, хитрѣе Бога вѣдь не будешь. Начинается галдежъ. Одни набрасываются на старика, другіе заступаются за него, кричатъ всѣ до усталости, потомъ слышны рѣчи: „Подождемъ до другого раза, надо пока погодить“. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Тормозило дѣло не все общество, а нѣсколько мужиковъ. Мужики были сильные, жили хорошо, доходы

имѣли не отъ одного земледѣлія, а главнымъ образомъ со стороны. Поэтому ихъ улучшеніе земельныхъ угодій не интересовало, а напротивъ, пугало все, что̀ грозило нарушить установившееся обыкновеніе. Нѣкоторые изъ нихъ были еще начинены самымъ грубымъ тщеславіемъ. Имъ льстило то, что оказывалась возможность хвастнуть, что они перевернули „міръ". И только ради этого они мутили „міръ". Особенно выдавался одинъ изъ такихъ—Василій „Шишокъ". Его и прозвали такъ за то, что онъ дѣйствительно имѣлъ всѣ „шишковскія" ухватки. Въ одну весну Пасха была поздняя. Къ Вербному все просохло, и на Страстной хотѣли запахивать. Думали поработать среду, четвергъ и пятницу. Совсѣмъ было уже согласились. Вдругъ выступилъ „Шишокъ" и началъ укорять „міръ" за его намѣреніе работать въ такіе дни. Онъ такъ подѣйствовалъ на всѣхъ, что всѣ согласились съ нимъ и постановили не работать. Уходя со сходки, онъ, самодовольно посмѣиваясь, заявилъ: „Ну, вотъ и славно, коли не будутъ пахать, а то мнѣ въ эти дни-то за сыномъ на машину ѣхать, что-жъ мои однѣ полосы не пахаными-то остались бы, а теперь всѣмъ ровно". Это было очень досадно, но преодолѣть этого было нельзя. Не работать постановилъ „міръ", и противъ міра что̀ сдѣлаешь?

XVIII.

Дальше—больше; оказывалось такого рода случаевъ многое множество. Они донимали тебя круглый годъ, и не предвидѣлось выхода, чтобы отъ нихъ избавиться.

Попробую ихъ перечислять хотя съ весны. Наступаетъ весна. Пасха поздняя; до Пасхи работъ не начинали, а предполагали начать ихъ въ первые дни Ѳоми-

ной; въ деревняхъ играется свадьба, на свадьбахъ мужикамъ подносятъ водки, они загуливаютъ, запашка откладывается, несмотря на то, что пахота поспѣла. А безъ запашки выѣхать въ поле нельзя. Если же найдется самовольщикъ и рѣшится на это, противъ него всегда найдутся „насердники“ натравятъ на него старосту, а староста имѣетъ полное право посадить его подъ арестъ въ волостномъ правленіи на двое сутокъ, какъ общественнаго „супротивника“.

Ты имѣешь пчелъ, съ наступленіемъ весны пчелы въ ульяхъ зажужжали и просятся на волю. Но еще не выгнали скотъ, и пчелъ выставлять нельзя, а то есть повѣрье, что пчела у скотины кормокъ отниметъ, и она долго не будетъ наѣдаться.

Наконецъ выгнали скотину, запахали—самое горячее время: картофель садить, огородъ пахать, сѣвъ начинать, а въ это время наступаетъ Николинъ день (9-го мая), деревня празднуетъ сшибокъ, зоветъ гостей и гуляетъ съ ними 3 дня. Работать въ эти дни не полагается.

А тутъ опять подходятъ праздники, наканунѣ которыхъ староста ходитъ подъ окнами и вѣститъ: „Завтра не работать въ конторѣ приказали!“

Тутъ своевременно не вспашешь, здѣсь пропустишь бороньбу, тамъ не во̀-время посѣешь, и глядишь: одно вышло кое-какое, другое пропало, третье хорошо взошло, да до морозовъ вызрѣть не успѣло.

Кончится весна, наступаетъ навозница. По времени нужно бы ее начинать: навозъ вывезти, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, онъ лучше перегоритъ въ землѣ къ посѣву. Собирается сходка, начинается сговоръ, вдругъ выступаетъ Михайло П. Онъ набралъ въ Петровки 3 воза ивоваго корья, и ему нужно свезти его въ Москву, поэтому онъ кричитъ, что съ навозницей нужно недѣльку подождать. Ему вторитъ другой, которому нужно

въ десятую пятницу ѣхать въ гости, такъ какъ его шуринъ справляетъ „сшибокъ"; третьему—все равно: „какъ міръ, такъ и мы". И вотъ навозница откладывается еще на недѣлю, а тамъ, глядишь, трава поспѣла; прошла половина покосовъ—уже рожь желтая. Покосъ откладывается до тѣхъ поръ, когда уберутся съ рожью, и приступаютъ къ жнитву. Кончили жнитво, нужно перевозить снопы, а тамъ нѣкоторые помолотить просятъ, такъ какъ ѣсть нечего. Оставшійся покосъ все откладывается. Наконецъ, приступаютъ къ нему, но травы уже не собираютъ и половины очень плохого качества, такъ какъ она вся высохла на корню.

Кончаются работы, приходитъ престольный праздникъ; всѣ готовятся къ нему. Готовься и ты, бери водки, отворяй двери и угощай всякаго заходящаго. Въ это время въ избу заходитъ и свой деревенскій, и чужой, и прохожій, и нищій. Всѣ требуютъ угощенья, такъ какъ таковъ обычай. Я справляю праздникъ безъ водки и на первыхъ порахъ испытывалъ не мало огорченій. Въ избу все-таки заходятъ, садятся на лавку, ждутъ водки. Когда же имъ объясняешь, что нѣтъ водки—мы сами не пьемъ и другихъ не угощаемъ, то гуляющій настораживается. „Это почему же такъ? На такое время и не взять водки, или денегъ не хватило?"—„Да нѣтъ, не по тому, начинаешь объяснять ему: вообще, мы считаемъ, что водка—нехорошее дѣло и угощать ею дурно".—„Тебѣ-то дурно, да намъ-то хорошо, и ты долженъ насъ уважить. Эна, батюшка, въ селѣ, вонъ Василій Ивановичъ,—указываетъ онъ на бурмистрова сына:—у него, може, денегъ-то маленькій чертенокъ на печку не вскинетъ, и то свои уставы-то не уставляетъ. Зайдешь къ нему, а онъ тебѣ рюмочку, другую, а ты какой такой есть?"

XIX.

Несогласіе съ деревенскими обычаями, ненависть къ суевѣріямъ, легкое отношеніе къ нѣкоторымъ уставамъ, напримѣръ ѣда скоромной пищи въ постные дни, создали мнѣ недобрую славу какого-то безбожника. Объясняли это тѣмъ, что я зачитался, отчаялся, и у меня „умъ за разумъ зашелъ“. И чѣмъ дальше, тѣмъ такая молва распространялась все больше. Она ближе и ближе доходила до меня, хотя для меня всѣ эти толки были только пустымъ звукомъ, не имѣвшимъ никакого значенія. Но для моихъ семейныхъ, особенно отца съ матерью, они имѣли огромное значеніе. Имъ было больно, что ихъ единственный сынъ сталъ „притчей во языцѣхъ“, и они часто отъ всѣхъ этихъ разговоровъ по поводу меня страдали.

Нажившійся въ Москвѣ и пріѣхавшій на покой бурмистровъ сынъ, Василій Иванычъ, ханжеватый старикъ, часто говорившій, что мужика напрасно отпустили на волю, что при господахъ ему было лучше, часто бесѣдовалъ съ отцомъ и просвѣщалъ его въ томъ, что мое поведеніе нехорошо, оно ведетъ къ погибели и меня и другихъ. Онъ снабжалъ отца троицкими листками и другой литературой, объяснявшей весь вредъ отступленія отъ старины и всю его пагубность. Назидаясь такой литературой, отецъ глядѣлъ на меня очень косо и при всякомъ случаѣ дѣлалъ мнѣ непріятныя сцены.

Нелѣпая, лживая молва обо мнѣ дальше-больше распространялась и шла далеко; вслѣдствіе этого мнѣ неоднократно приходилось натыкаться на непріятности не въ одной семьѣ или въ своей деревнѣ. Однажды на волостномъ сходѣ, при выборахъ на какія-то должности нѣсколькими мужиками было пущено мое имя. Сейчасъ

же съ другой стороны поднялся протестъ. Протестующіе крикнули, что я невѣрующій, что на мнѣ нѣтъ креста и т. п. Другой разъ гулявшій у насъ въ вешнюю Николу мужикъ съ чужой деревни, увидавшій мою жену съ ребятишками, набросился на нихъ съ грубою бранью. Онъ говорилъ, что ребятишекъ нужно перебить, а меня вонъ изъ деревни выгнать. Ребятишекъ ругали „некрещеными" и сверстники. Выскакивали въ такомъ родѣ словечки и у взрослыхъ...

Конечно, все это были нелѣпости, являвшіяся слѣдствіемъ крайняго невѣжества обидчиковъ, но мало-помалу оно стало донимать и раздражать. Тѣмъ болѣе, что сами-то обидчики не имѣли никакого права считать себя болѣе преданными даже обрядовой религіи. Благочестіе ихъ было только формальное, и вызывалось оно тѣмъ соображеніемъ, что отъ этого ты не надсядешься, и какъ бы за несоблюденіе этого „чего не напрѣло". Въ другихъ же случаяхъ оно у многихъ ретивыхъ поборниковъ благочестія улетучивалось. Въ Михайловъ день, когда у насъ справляли престольный праздникъ, гульба начиналась до молебна, и когда пріѣзжали попы, то всѣ уже бывали пьяными. Въ Крещенье, когда ходили со святой водой, то многіе запирали отъ поповъ калитки.

Постомъ послѣ говѣнья многіе мужики и бабы серьезно говорятъ: „Слава Тебѣ, Господи, свалили тягость, теперь можно опять погрѣшить". И дѣйствительно, воздержаніе, бывающее передъ говѣньемъ, оставляется, и люди опять живутъ какъ ни въ чемъ не бывало. На Пасху, въ вешнюю Николу иногда бываетъ некому носить иконъ. Старыя бабы возмущаются этимъ и объясняютъ это вліяніемъ нарядовъ. „Все наряды: разрядятся какъ барыни, имъ и не до образовъ."

Однажды у насъ произошелъ такого рода случай:

принесли на Пасхѣ иконы. Принесла ихъ изъ Бухалова молодежь. Наши приняли иконы, поставили ихъ въ избу, стали дожидаться поповъ. Пріѣхали попы. Они были, по обыкновенію для этого времени, подвыпивши. Такъ какъ наша деревня была послѣднею въ ихъ приходѣ, то они особенно торопились ее обходить. Въ этомъ случаѣ они удивительно быстро совершаютъ службу. Еще входя въ дверь, священникъ обыкновенно запѣваетъ одинъ тропарь, дьяконъ подхватываетъ другой; когда они подойдутъ къ столу, то уже половина молебна бываетъ пропѣта, а черезъ минуту и все кончено. Обойдя деревню, они остались у насъ „позаправиться", а молодежь понесла иконы на мѣсто, въ село верстъ за 20. На другой день послѣ хожденія иконъ къ намъ въ деревню пріѣзжаетъ церковный староста и заявляетъ, что иконы принесли не всѣ, одной недостаетъ. Какъ такъ? Гдѣ же она дѣлась?.. Стали производить дознаніе. Сколько иконъ ходило по деревнѣ, никто не зналъ. Наконецъ догадались спрашивать, по скольку свѣчей покупали. У насъ въ деревнѣ покупали по восьми свѣчей, значитъ и иконъ было восемь, а иконъ изъ церкви было отпущено девять, слѣдовательно одной иконы не было еще у насъ. Отправились въ Б., тамъ ходило девять иконъ. Какого образа нѣтъ? Воскресенія Христова. „Какъ это вы празднику служили,—упрекнули нашихъ,—а образа праздника не видали?"—„А кто ее знаетъ-то, служили и служили; причетникамъ бы лучше знать, они и то не догадались."— „Гдѣ же теперь икону взять?" Вдругъ проносится слухъ, что какой-то мужикъ, приходившій въ нашу деревню, видѣлъ какую-то икону въ лѣсу. Разыскали этого мужика. Дѣйствительно, онъ видѣлъ, что какая-то икона валялась подъ елкой. „Я, говоритъ, понять не могъ, какъ она тутъ очутилась, испугался и перепряталъ ее

въ кусты.“—„Пойди покажи.“—„Пойдемъ.“ Пошли, дѣйствительно нашли пропавшую икону въ лѣсу. Очутилась она тамъ такъ. Несшая иконы б—ская молодежь дѣлала на этомъ мѣстѣ привалъ. Задумавъ отдохнуть, они положили иконы подъ елку, а сами кто сѣлъ посидѣть, кто закурилъ, нѣкоторые стали возиться. Отдохнувши, они взялись за иконы, кому какая попадетъ, и одну по разсѣянности оставили.

XX.

Въ нашей деревнѣ не было мірского пьянства. Причиной этому было то, что у насъ уже нѣсколько лѣтъ ходилъ старостой очень умный, хозяйственный и трезвый мужикъ, Степанъ Астафьевъ. Онъ за все время своего хожденія не допускалъ ни одной выпивки на мірскія деньги. Сначала такая воздержанность многимъ не нравилась. Любители выпить пытались выклянчить у него хоть четвертушку. Но старикъ отходилъ шуточками: онъ говорилъ, что у него денегъ нѣтъ, мірскія пошли на подати, а свои, что были, вложилъ за недоимщиковъ; а такъ какъ поползновеніе къ выпивкѣ проявляли все больше неаккуратные плательщики, то имъ невольно приходилось прикусывать языкъ.

Отсутствіе мірского пьянства было хорошо тѣмъ, что у насъ, какъ и вездѣ, водились любители выпить, которымъ ежели бы дать ходъ, то совсѣмъ бы не было возможности вести общественное хозяйство. Они бы все готовы были пропить. Этихъ любителей было много: сапожникъ Данило, печникъ Василій Петровъ, братья Сѣдовы, братья Ривцовы, Егоръ Емельяновъ. Это были настоящіе забулдыги. У большинства изъ нихъ семьи и безъ мірского пьянства были самыми несчастными.

Они были осуждены круглый годъ мыкать горе, изводиться и отъ работы и отъ заботы и все-таки не видать никогда никакого просвѣта. У нихъ была всегда нужда, и денежный вопросъ всегда былъ самымъ тяжелымъ вопросомъ. Нужно ѣхать на мельницу, чѣмъ разсчитаться за помолъ? Чѣмъ заплатить за ковку, портному, маслобойщику? Или выпадетъ какой неожиданный случай: похороны, крестины, гдѣ на это взять денегъ? Онѣ всегда пропиты или прожиты прежде полученія ихъ. И эти хроническія нужды гнетутъ всю семью. Взрослые всегда истощенные, забитые; ребятишки— рахитики, золотушные, съ большой головой, какъ будто отъ испуга съ широкими глазами, анемично блѣдные, съ большимъ брюхомъ на тонкихъ ногахъ. Питаніе ихъ плохое, и по зимамъ они осуждены сидѣть въ душной избѣ, потому что выйти на улицу имъ не въ чемъ. Они часто мрутъ, или же которые остаются жить—не на радость. Они почти не знаютъ беззаботнаго дѣтства; еле поднявшись на ноги, они уже начинаютъ впрягаться въ хозяйственную нужду: сначала они няньчатъ ребятишекъ, потомъ ихъ отдаютъ въ городъ въ ученіе въ мастерство, въ подпаски. Грамотѣ они не учатся; ихъ назначеніе въ жизни предполагается быть рабочей скотиной.

Плохо у такихъ хозяевъ и скотинѣ. Она всегда тоща, по зимамъ часто жалобно мычитъ, такъ какъ всю зиму она питается впроголодь: кормомъ, полученнымъ съ тягла, досыта не накормишь, а прикупить корма бываетъ не на что. Стройка у нихъ кое-какая, ни красоты въ ней, ни удобства. Иногда, когда дѣлятъ участокъ общественнаго лѣса, на такой домъ тоже достается нѣсколько бревенъ, хозяинъ чувствуетъ, что ими можно бы что-нибудь починить, и медлитъ ихъ продавать. Онъ складываетъ ихъ въ костеръ у сарая, надѣясь, что заведутся деньги и онъ подстроитъ, что̀ нужно. Но про-

ходитъ годъ, большихъ денегъ не случается, а мелочь идетъ на пропой. Лѣсъ загниваетъ, стоимость его уменьшается, и онъ идетъ на дрова. Такъ же пропадаютъ лапы, слеги. У иныхъ гніютъ даже срубы. Скоро тратятся и дѣлаются никуда негодными колеса, которыя купить и соберутся, но на оковку не хватитъ; гибнетъ зря надорванная сбруя, которую слегка бы починить и она лы другой вѣкъ прожила, но хозяинъ вмѣсто ремешка на рынкѣ покупаетъ полбутылки, а сбруя дѣлается вскорѣ никуда негодною.

Такіе хозяева, не имѣя ремесла, часто по цѣлымъ зимамъ сидятъ, ничего не дѣлая. Онъ съ удовольствіемъ поразмялся бы, поработалъ, такъ какъ отъ лежанья на печи одурь возьметъ, но ему некуда податься, потому что у него нѣтъ ни валенокъ, ни рукавицъ, ни путной одеженкп. Если же ѣхать на лошади, то у него ни шлея, ни дуга, ни гужи не выдержатъ ни малѣйшаго напряженія. Чтобы сдвинуться съ мѣста, ему нужно затратить на покупку этихъ необходимыхъ вещей нѣкоторую сумму, а ее взять негдѣ: кредитъ у всѣхъ пьяницъ ограниченъ до безконечности.

И такая жизнь продолжается день за день; сѣютъ они свои тощія полосы дрянными сѣменами, взятыми въ магазеѣ или у кулака, родится у нихъ все плохо, раздѣлывается хлѣбъ умышленно кое-какъ, чтобы намѣрять больше; потомъ имъ некогда дожидаться установки настоящей цѣны, поэтому продаютъ они произведеніе своего труда всегда дешево. Дешево они получаютъ и за работу, если гдѣ работаютъ, потому что забираютъ плату впередъ. Если же имъ приходится покупать, то они платятъ всѣхъ дороже, потому что покупаютъ микроскопическими долями. Соль, крупу, солодъ они покупаютъ по фунтикамъ и берутъ у самаго мелкаго торговца.

Все это давитъ всю семью кошмаромъ, и у нихъ нѣтъ надежды выбиться на другую дорогу.

Можетъ быть, такая жизнь озлобляетъ нужняковъ, а можетъ быть, и по другимъ причинамъ, но пьяницы въ большинствѣ случаевъ въ пьяномъ видѣ страшно злы. Всякая выпивка ихъ для семьи несчастье. Въ пьяницѣ разгорается неутолимая жажда пить, и онъ ищетъ водки, гдѣ только можетъ найти и на какихъ угодно условіяхъ: онъ тащитъ мѣру ржи, овса, сѣмени, кусокъ говядины, пятокъ яицъ. Беретъ онъ это или тайкомъ, или смѣло поднявъ кулакъ на супротивничающую семью. Противорѣчить ему во время загула никто не смѣй; онъ отъ всякаго противорѣчія разъяряется, въ немъ просыпается звѣрь, онъ бросается на жену и домочадцевъ и бьетъ ихъ. Онъ колотитъ, что попадется подъ руку: посуду, утварь, окна. Не удовлетворившись этимъ, онъ бѣжитъ искать разбѣжавшихся домочадцевъ и если находитъ кого, опять бьетъ. Такимъ нравомъ отличались почти всѣ изъ перечисленныхъ мною односельцевъ, такимъ былъ покойный Бурило, который, какъ я говорилъ, запугалъ и дочь и сына. Изъ живыхъ же Егоръ Емельяновъ заколотилъ двухъ женъ, женился на третьей и ту состарилъ въ нѣсколько лѣтъ, хотя она по возрасту была моложе его лѣтъ на 20. Сынъ у него отъ испуга сдѣлался заикой, а одна изъ дочерей дѣвушкой ушла изъ дому въ Москву. Другія дочери спѣшили уйти отъ такихъ родителей и выходили за перваго встрѣчнаго замужъ.

XXI.

Выходившія замужъ въ такихъ случаяхъ рѣдко пользовались удачей. Въ большинствѣ случаевъ, убѣгая отъ волка, они попадали на медвѣдя; ихъ мужья оказыва-

лись сами пьяницами, и ихъ ожидала жизнь хуже, чѣмъ въ родительскомъ домѣ.

Жена пьяницы — самое несчастное существо въ деревнѣ, и я не знаю, есть ли какое положеніе болѣе безпросвѣтное, чѣмъ положеніе деревенской бабы, жены пьяницы. Сколько мукъ физическихъ и нравственныхъ испытываетъ она, и какъ такая жизнь отзывается на ней! Когда я былъ еще ребенкомъ и когда я только вернулся въ деревню, я зналъ нѣсколько дѣвушекъ умныхъ, дѣльныхъ, красивыхъ. Но выйдя замужъ и попавъ за пьяницу мужа, онѣ быстро выцвѣтали, старились, изъ веселыхъ дѣлались угрюмыми и изъ добродушныхъ—сварливыми. И это не мудрено.

Баба въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, исполняетъ всѣ полевыя работы наравнѣ съ мужчиной: она и пашетъ, и боронуетъ, въ покосъ коситъ и огребаетъ, въ жнитво жнетъ, молотитъ, мнетъ и треплетъ ленъ. Во всѣхъ этихъ работахъ она дѣлаетъ ничуть не меньше мужчины; но, кромѣ этого, на ней лежитъ домашняя работа. Придя изъ поля домой обѣдать, баба должна собрать на столъ, принести воды или квасу, молока. Собравъ на столъ, куда мужикъ садится уже за все за готовое, она должна взять ребенка, кормить его и въ это время ѣсть сама; ребенокъ часто капризничаетъ, безпокоится, нужно его утѣшать; поэтому ей большею частью достаются одни объѣдки, особенно если свекровь или старшая невѣстка не любитъ сноху. Пообѣдавъ, ей опять нужно помочь убрать со стола и, пока мужикъ отдыхаетъ, сбѣгать на прудъ съ пеленками, уложить ребенка или вымыть его. Рѣдко-рѣдко когда ей удастся минуточку прикурнуть, а потомъ опять иди съ мужемъ на работу. Вечеромъ такимъ же порядкомъ для нея идетъ ужинъ. Но въ эту пору ей бываетъ нужно еще подоить корову или на-

кормить поросенка. Когда всѣ ложатся спать, сплошь и рядомъ случается, что выспавшійся днемъ ребенокъ въ это время не хочетъ спать, требуетъ, чтобы съ нимъ или играли, или качали его въ люлькѣ, или же у него отъ перекорма разболится животикъ, и онъ кричитъ всю ночь напролетъ. Тогда бабѣ вовсе не приходится спать, и такъ, не выспавшись, утромъ она должна отправляться на работу.

Въ праздникъ, когда мужикъ большею частью спитъ досыта (если ему не нужно ѣхать на базаръ въ городъ съ какой-нибудь мірской подводой), ей опять бываетъ некогда отдохнуть. Съ утра надо помогать стряпухѣ у печки: мѣсить лепешки, разводить творогъ, загибать пироги. Старуха никогда въ праздникъ одна стряпать не будетъ: она ссылается на то, что ей и въ будни стряпня надоѣла. Отстряпавъ, сноха должна итти на полдни, такъ какъ стряпуха и отъ этого въ праздникъ старается себя освободить. А послѣ полденъ глядишь, нужно зашить прорѣху.

Если случается дождикъ, когда на работу нельзя итти, тогда бабѣ приходится стирать бѣлье.

Словомъ, лѣтнею порой баба рѣдко-рѣдко видитъ просвѣтъ, особливо если у ней есть ребенокъ или нѣсколько ихъ. Вотъ почему, когда въ деревнѣ умираетъ ребенокъ, говорятъ, что его Богъ прибралъ, и баба мало горюетъ о немъ; напротивъ, многія крайне печалятся, когда ребенокъ родится на рабочую пору.

Конечно, мало легче бабѣ бываетъ и безъ ребенка. Но той все-таки спокойнѣе, она хоть выспится наравнѣ съ мужчиной, пообѣдаетъ чередомъ.

И этакое положеніе бабы бываетъ въ семьяхъ обстоятельныхъ, когда и старики степенные и мужъ трезвый. Каково же оно, когда свекоръ или мужъ пьяница, когда бываютъ частые побои, во всемъ нужда! Если

пьяница-мужъ и чета пьяницы находится въ семьѣ, то женѣ поневолѣ приходится переносить еще многое отъ другихъ домочадцевъ. На нее косятся старики, попрекаютъ невѣстки, золовки, считая, что она со своимъ мужемъ не оправдываетъ себя.

Обыкновенно пьяницу не долго держатъ въ семьѣ, а выдѣляютъ: когда же его выдѣлятъ, тогда для несчастной бабы начинаются истинныя мытарства. Вся забота, вся домашняя тягота ложится прямо-таки на нее одну. Ей нужно стараться не только добыть, но и сохранить добытое. А это не такъ-то легко. Мужикъ живетъ дома — ѣстъ, пьетъ, работаетъ. Кончилось лѣто, сжали рожь, обмолотили, нужно ѣхать на мельницу, — не бабѣ же ѣхать! У бабы и дома много хлопотъ. Ѣдетъ мужъ. Проходитъ упряжка, другая, цѣлый день — мужа нѣтъ. „Неужели такъ завозно,—думаетъ баба,—что череду не дождется?“ А у самой сердце ноетъ. Вдругъ ночью или на другой день является мужъ. Онъ пьяный весь въ грязи, иногда безъ шапки или безъ рукавицъ. Баба всплескиваетъ руками, бросается къ возу: тамъ вмѣсто шести мѣшковъ пять,—одного нѣтъ.

Молотятъ яровое. Староста спрашиваетъ подати, сборщикъ пастушню; нужно чего-нибудь купить на зиму. Надобно везти продавать овесъ. Бабѣ опять ѣхать нельзя, опять надо снаряжать мужа. Она его упрашиваетъ, умоляетъ не пить. Онъ божится и клянется, что все сдѣлаетъ какъ нельзя лучше: не запьетъ и сбережетъ все, что выручитъ за проданное. Онъ отправляется. Жена опять его ждетъ. Но опять онъ пріѣзжаетъ пьяный.

XXII.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше мнѣ открывалось въ деревенской жизни темныхъ сторонъ, и временами каза-

лась самая жизнь въ деревенскомъ обществѣ безсмысленной. Въ то время въ печати какъ разъ поднялся вопросъ объ общинѣ: подлежитъ ли она уничтоженію или сохраненію? Я способенъ былъ примкнуть скорѣе къ противникамъ общины, чѣмъ къ защитникамъ ея. Я горячо былъ убѣжденъ, что подворное хозяйство—это самая лучшая форма жизни для нашего брата, представителя поколѣнія, народившагося послѣ реформъ. Причины на это представлялись очень уважительныя.

Прежде всего на отдѣльномъ участкѣ, на такомъ же количествѣ, такого же качества земли мои труды должны быть продуктивнѣе, такъ какъ мнѣ не нужно будетъ переѣзжать съ полосы на полосу во время пахоты бороньбы, не нужно бѣгать сломя голову во время покоса; я не оставляю безъ вниманія землю, не дающую ничего, а постараюсь, чтобы она давала, что только могла; я могу сѣять тогда отборными сѣменами, завести травосѣяніе, держать какой угодно скотъ. Я могу развести садъ и огородъ, въ подходящемъ мѣстѣ посѣять и расширить лѣсъ. Я тогда буду болѣе обезпеченъ отъ эпидеміи на скотѣ и на людяхъ, застрахованъ отъ разлагающаго вліянія улицы въ дѣлѣ воспитанія дѣтей.

Защитниками общины говорилось, что крестьяне, очутившіеся на отдѣльныхъ участкахъ, скорѣе подвергаются опасности быть согнанными съ земли со всѣми потрохами. Но развѣ въ общинѣ они застрахованы отъ этого? Развѣ мало крестьянъ находится въ постоянной кабалѣ у своихъ сосѣдей? Кулакъ, если захочетъ, что угодно слопаетъ,—община ему нисколько не помѣшаетъ. Говорилось, что бѣднякамъ, несовершеннолѣтнимъ и другимъ маломочнымъ въ общинѣ живется легче, но и это было не совсѣмъ вѣрно. Маломочные только тогда пользуются общественной выгодой (владѣютъ мірской землей, участвуютъ въ арендѣ, въ ссудахъ), когда они обладаютъ

достаточною платежеспособностью. Если же у нихъ нѣтъ возможности исправно платить за получаемую статью, то имъ нечѣмъ пользоваться — ни земли, ни покосовъ, ни хлѣба изъ общественнаго магазина не дадутъ.

Крестьяне въ общественной жизни далеко не филантропы. Они всюду преслѣдуютъ выгоду и едва ли какъ допустятъ кого пользоваться общественнымъ добромъ безвозмездно. Примѣромъ этому ярко могутъ послужить общественные магазины, или „магазеи". „Магазеи", по мнѣнію многихъ, служатъ для подспорья неимущимъ. На самомъ же дѣлѣ они, если и служатъ, такъ только на пользу богатыхъ. Для основанія магазеи хлѣбъ собирается со всѣхъ, глядя по надѣлу, напримѣръ, съ каждой души по четверти овса и по осьминѣ ржи. У кого нѣтъ хлѣба, тотъ долженъ покупать его да всыпать. Потомъ, этотъ хлѣбъ, по мѣрѣ надобности, выдается этимъ же крестьянамъ на обсѣмененіе, на продовольствіе. Напримѣръ, каждою весною составляется приговоръ, въ приговорѣ пишется: „Въ виду просьбы бѣднѣйшихъ крестьянъ (при чемъ перечисляются ихъ имена) постановили выдать имъ—тому столько-то, этому столько-то" и т. д. Приговоръ подается на утвержденіе къ начальству, и когда начальство приговоръ утвердитъ, ссуда разрѣшается. Такъ дѣлается каждую весну. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти приговоры составляются фиктивно. Бѣднякамъ выдается хлѣбъ, когда онъ дешевъ; выдается онъ не задаромъ, а за проценты: за четверть овса осенью платятъ двѣ мѣры прироста, за рожь — одну мѣру. Хлѣбъ отъ этого съ каждымъ годомъ прирастаетъ, въ пять лѣтъ количество его удваивается и все на счетъ бѣдняковъ. Вдругъ хлѣбъ поднимается почему-нибудь въ цѣнѣ. Хотя ссуда приговоромъ испрашивается только тоже наибѣднѣйшимъ, но къ магазеѣ уже прутъ всѣ, и состоятельные уже всѣхъ впереди. Обладая

большими надѣлами, они получаютъ и помногу хлѣба. Какъ бы въ виду его дороговизны, устанавливаютъ на этотъ годъ меньшій процентъ. Потомъ богатые продаютъ свои доли или на рынкахъ или тѣмъ же бѣднякамъ, а осенью, когда хлѣбъ много дешевле, снова пополняютъ „магазею“.

И такія комедіи бываютъ во многомъ. Благодѣтельствовать неимущему силой, не просвѣтивъ у человѣка сознаніе, нельзя. У насъ дѣлаютъ благодѣянія, но совершенно не зависящія отъ формъ и устройства ихъ жизни: дается ночлегъ нищему и прохожему, безплатно кормятъ ихъ, даютъ подводы проходящему больному, помогаютъ подвозить матеріалы для постройки погорѣльцамъ. И это будетъ дѣлаться, гдѣ крестьянинъ ни живи, потому что всѣ могутъ очутиться въ такой нуждѣ, „всѣ подъ Богомъ ходимъ“.

Въ пользу общинной жизни очень основательно представлялось то, что она необходима нашей деревнѣ, во-первыхъ, по климатическимъ условіямъ. Деревней легче поддержать дорогу зимой, устроить перевозы, мосты, водоемы въ родѣ пруда и колодцевъ лѣтомъ; во-вторыхъ, въ общинѣ легче устроить пастбище, дешевле обходится содержаніе скота; въ-третьихъ, каждый хозяинъ въ общинѣ находится въ меньшей опасности подвергнуться нападеніямъ воровъ, грабителей и поджигателей; наконецъ, самая жизнь среди людей имѣетъ больше разумнаго смысла. Чтобы жить на отдѣльномъ участкѣ, нужно преслѣдовать только личные интересы, при жизни же въ обществѣ, защищая интересы свои, невольно защищаешь интересы общіе. Если же добиваешься разумной пользы себѣ, то, при извѣстныхъ способностяхъ, невольно принесешь пользу другимъ, такъ какъ если ты ратуешь за что-нибудь дѣйствительно полезное и подходящее, то мало-по-малу всякій способный шевелить

мозгами невольно склоняется на твою сторону и подаетъ голосъ за тебя. Такіе голоса увеличиваются и, въ концѣ концовъ, они берутъ перевѣсъ, и несогласные остаются въ меньшинствѣ. Въ силу этого всякое улучшеніе въ жизни въ хозяйствѣ общины всегда можетъ быть насаждено скорѣй, чѣмъ при подворномъ хозяйствѣ.

XXIII.

Вмѣстѣ со всѣмъ дурнымъ не мало встрѣчалось и примиряющихъ съ деревенскими порядками явленій. Наблюдалось не одно невѣжество, тупость и суевѣрность,— встрѣчались и положительныя стороны, способность шевелить мозгами и горячія сердца и желаніе поддерживать справедливость. По крайней мѣрѣ, я не былъ свидѣтелемъ ни одной прижимки, сдѣланной сознательно міромъ, которую онъ легко бы могъ сдѣлать, если бы только захотѣлъ. У насъ никогда не сажали никого противъ его желанія въ старосты, не притѣсняли подводами, не лишали лишеннаго права—голоса на сходахъ, никогда не криводушничали при раздѣлахъ. Безземельныхъ, желавшихъ взяться за хозяйство, свободно и безъ всякихъ для него обремененій надѣляли землей; переходящаго въ другое общество или уходящаго въ другое сословіе тоже никогда не тѣснили. Бывали отдѣльно выраженныя пожеланія „потянуть“, но большинство всегда это отклоняло. Дѣлъ же, подтверждавшихъ, что у мужика жива душа, совершилось множество. Михайло Пастухъ, поджегшій деревню, на второй годъ моего хозяйничанья, взятый урядникомъ въ станъ и пересылаемый оттуда въ городъ черезъ нашу деревню, вызвалъ такое сочувствіе къ своему положенію, что чуть ли не вся деревня съ оханьями и аханьями окружила его. Ему нанесли лепе-

шекъ, яицъ. Сначала было думали удалить его изъ общества, но потомъ, когда на міру стали голосовать удаленіе, всѣ отъ этого отказались. Когда кончилось судебное дѣло, судомъ оправдали поджигателя, и онъ вернулся въ деревню, то деревня приняла его опять, взяли его въ пастухи, только обязали не пить водки. Пастухъ принялъ это обязательство и съ тѣхъ поръ пасетъ общественное стадо.

Удивительная незлобивость и желаніе сдѣлать доброе дѣло встрѣчаются очень часто. Безъ отказа подается милостыня. Накормить обѣдомъ нищаго считается хорошимъ поступкомъ. На праздники Рождество, Пасху неимущимъ несутъ мяса, молока, творогу. Всякое проявленіе милосердія, душевныхъ поступковъ усердно восхваляется.

Что въ деревнѣ была почва для живой жизни—можно заключить по тому, съ какимъ интересомъ деревенское населеніе стало относиться хотя бы къ книжкамъ, которыхъ на народномъ книжномъ рынкѣ достаточно появилось въ то время.

Еще въ первые годы моего поселенія въ деревнѣ я шелъ изъ одного села домой. По дорогѣ шли возвращавшіеся отъ обѣдни. Я догналъ одну кучку, которая шла очень плотно. Оказалось, одинъ изъ мужиковъ что-то разсказывалъ, а другіе слушали. Я прислушался къ разсказу и узналъ, что пересказывается разсказъ „Чѣмъ люди живы“. Разсказчикъ говорилъ съ большимъ увлеченіемъ. Онъ возстановилъ въ разсказѣ всѣ подробности, отмѣтилъ всѣ характерныя мѣста, сохраняя и торжественность тона разсказа. Слушали его всѣ съ большимъ вниманіемъ.

Когда разсказчикъ кончилъ, то оказалось, и другіе знали этотъ разсказъ, читали и хорошо помнятъ.

Одинъ разъ я занесъ въ сосѣднюю деревню одному

родственнику нѣсколько книжекъ для его дѣвочки. Онъ человѣкъ неграмотный, грубый, пьяница. Увидавъ книжки, онъ полюбопытствовалъ, что это за книжки. Я ему перечислилъ. „А какъ ангелъ въ сапожникахъ жилъ—нѣту?“—„Нѣту“.—„Жаль, вотъ хорошая книжка-то! Я тутъ вотъ въ больницѣ лежалъ, такъ тамъ читали ее, вотъ занятно, такъ занятно“.

Разсказъ „Два старика“ пользовался не меньшей славой и любовью. Разъ у меня взялъ прочитать его одинъ мужикъ. Прочитавши книжечку, онъ пришелъ въ сильное волненіе и сказалъ: „Нужно отнести ее почитать дѣдушкѣ Петру. Онъ не любитъ маленькихъ-то книжекъ, говоритъ, что въ нихъ все пустяковина, анъ вотъ и маленькая книжка, да дѣльная, вѣдь это въ родѣ притчи“. Онъ не ошибся, и на дѣдушку Петра разсказъ произвелъ такое же впечатлѣніе, какъ и на него.

Старые грамотеи бываютъ очень интересны въ деревнѣ. Однажды во время перестройки избы мнѣ понадобился столяръ сдѣлать рамы. Я далъ слухъ въ одну деревню, гдѣ былъ столяръ. Черезъ нѣсколько дней столяръ заявился. Это былъ уже пожилой человѣкъ, болѣзненнаго вида, съ темнаго цвѣта лицомъ, глубоко впавшими глазами, говорившій слабымъ голосомъ.

Мы сговорились съ нимъ о работѣ. Кончивши разговоръ, столяръ оглянулся кругомъ и, увидавши у меня книжку толстаго журнала, потянулся къ ней и сталъ ее разсматривать. Разглядѣвъ ее, онъ проговорилъ: „Ишь ты, должно хорошая, много въ ней всего“. Я сказалъ, что почитать есть что. Онъ поглядѣлъ на другія книжки и вдругъ спросилъ: „А что, у тебя Дарвина сочиненій нѣту?“ Я отвѣтилъ, что нѣту. „А мнѣ его очень хочется почитать; онъ, говорятъ, все противъ священнаго писанія возстаетъ“. Я сказалъ, что едва ли это такъ, и разсказалъ, что̀ зналъ о содержаніи и сущности сочиненій

Дарвина. Столяръ вздохнулъ и проговорилъ: „Хорошо бы все это самому прочесть, да негдѣ взять. У меня вотъ есть Иванъ Златоустъ, Василій Великій—большія книги, а такихъ вотъ нѣтъ. Опроверженіе мнѣ приходилось читать и противъ Дарвина и противъ графа Толстого, попы давали, а самихъ-то этихъ сочиненій не читалъ".

Я предложилъ ему взять у меня какихъ-нибудь книжекъ; онъ взялъ нѣсколько брошюръ, хотя не совсѣмъ охотно. „Вѣдь эти книжки для забавы,—сказалъ онъ,— а намъ это не подходитъ". Однако, прочитавши „Два старика", „Упустишь огонь" и нѣкоторыя другія въ этомъ родѣ, онъ остался очень доволенъ ими; только Лермонтовскаго „Ангела смерти" возвратилъ нечитаннымъ. „Я думалъ, это про божественное, а тутъ какіе-то стихи, да непонятные".

Позже я нѣсколько разъ встрѣчался съ этимъ столяромъ, и бесѣды съ нимъ были всегда очень интересны. Онъ былъ очень начитанъ въ писаніи, отличался вдумчивостью и широтою взгляда. Онъ отчасти напоминалъ Ивана Ѳедотыча изъ извѣстнаго романа Эртеля „Гарденины". Только онъ былъ очень боленъ: у него была чахотка. Вскорѣ онъ умеръ.

Книжки „въ родѣ притчи" пользуются большою любовью въ деревнѣ. Ихъ съ жадностью выслушиваютъ, охотно запоминаютъ.

Разсказъ „Галя" Шмидтъ однажды, по прочтеніи вслухъ, такъ увлекъ слушателей, что его просили наперебой всѣ грамотные. При чтеніи „Фабіолы" неоднократно проливались слезы. Очень хорошо дѣйствуетъ на читателей „Жадный мужикъ" Эртеля и другія вещи въ этомъ родѣ.

Какъ-то зимой ко мнѣ зашли нѣсколько мужиковъ и попросили что-нибудь прочитать. Мнѣ захотѣлось прочитать имъ что-нибудь изъ Некрасова, и я сталъ читать.

Читалъ я изъ „Кому на Руси жить хорошо“, „Размышленіе у параднаго подъѣзда“ и мелкіе стихи, но слушателей многихъ это не захватывало. Когда же я дошелъ до „Дядюшки Якова“, то меня прямо остановили. „Брось! что пустяковину-то читать, прочитай что-нибудь подѣльнѣй“, сказалъ овчинникъ Платонъ. Я отложилъ Некрасова и сталъ читать сказаніе Лѣскова „О Ѳедорѣ христіанинѣ и другѣ его Абрамѣ Жидовинѣ“. И слушатели мои совсѣмъ преобразились. Сколько вниманія они проявили во время чтенія и какое сильное впечатлѣніе произвела на нихъ эта повѣсть! Когда я кончилъ, то Платонъ воскликнулъ: „Вотъ это книжка такъ книжка, маленькая, да удаленькая! Очень хорошо“. Другой тоже былъ очень доволенъ и сказалъ, что и у него есть книжка съ такими же хорошими разсказами. Онъ вызвался принесть ее посмотрѣть мнѣ. Книжка, оказалось, была: „Примѣры благочестія Макарія“. Обладатель этой книжки очень ею гордился.

Есть почитатели книжекъ: „Гоголь, какъ учитель жизни“, „Маркъ Аврелій“, „Эпиктетъ“, „Паскаль“ и „Діогенъ“. Одинъ парень, познакомившись съ этими книжками, не захотѣлъ выпускать ихъ отъ себя, и мнѣ пришлось уступить ихъ ему.

XXIV.

Охотнѣе всего читаются въ деревнѣ книжки безъ всякихъ лирическихъ описаній и отступленій, а гдѣ просто и ясно вырисовывается основная мысль. Увлекательная фабула усугубляетъ интересъ. Поэтому съ удивительнымъ успѣхомъ читаются передѣлки Диккенса и Джорджа Элліота (Изданія „Посредника“: „Дочь каторжника“, „Дѣти богача“, „Воровская шайка“, „Адамъ Бидъ“

и проч.) и совсѣмъ не читается Тургеневъ, даже его „Записки Охотника“; это я и самъ наблюдалъ и слышалъ отзывъ читающихъ народу учителей, хотя обыкновенно русская книга предпочитается переводной. Не удовлетворяются многiе „Хозяиномъ и работникомъ“ Л. Н. Толстого и разсказомъ „Три смерти“. Одинъ парень, будучи въ Москѣ, купилъ „Мѣднаго всадника“ Пушкина, соблазнившись его заглавiемъ, и пришелъ ко мнѣ за разъясненiемъ написаннаго въ немъ, такъ какъ онъ никакъ ничего тутъ „не пойметъ“. Плохо понимается разсказъ Короленка „Лѣсъ шумитъ“, хотя разсказъ того же автора „Убивецъ“ читается и слушается съ большимъ интересомъ. Къ большому моему сожалѣнiю, плохо понимаются прекрасные по содержанiю разсказы: „Въ потемкахъ“ Потапенка, „Четыре дня“ Гаршина, „Дѣти подземелья“ Короленка. Очень милая книжечка Бунина „На край свѣта“ возвращалась непрочитанной. Изъ Глѣба Успенскаго пользуются успѣхомъ только „Про счастливыхъ людей“ да „Нужда пѣсенки поетъ“. Изъ разсказовъ Мамина охотно читали и слушали только разсказъ „Постой-ко“. „Человѣкъ за бортомъ“ Станюковича, „Кривая доля“, „Дѣдъ Софронъ“, Савихина, „Сигналъ“ и „Сказанiе о гордомъ Аггеѣ“ Гаршина, можно назвать любимыми книжками среди деревенскихъ читателей.

Книжка, доступная по изложенiю, но если содержанiе ея противорѣчитъ пониманiю слушателей, вызываетъ критическое отношенiе къ себѣ и различныя разсужденiя. Въ своей средѣ они не стѣсняются высказывать сужденiя въ какой угодно формѣ. Однажды у насъ читалась книжка „Гризельда“, передѣланная изъ новеллъ Боккачiо и изданная „Чит. нар. школы“ еще въ 1888 г. Содержанiе ея заключается въ томъ, что одинъ король взялъ за себя замужъ какую-то простолюдинку, и она оказалась ему хорошей женой. По прочтенiи книжки

одинъ изъ слушателей высказался: Это неправда, были такіе случаи, да ничего не выходило“. И онъ разсказалъ слѣдующую исторію: „Былъ одинъ богатый купецъ. Увидалъ онъ разъ дѣвушку нищенку, которая ходила по дворамъ и собирала милостыню и была очень красивая, польстился на нее и взялъ замужъ. Разодѣлъ онъ ее, може, въ золотой каретѣ каталъ, по гостямъ, по кіатрамъ возилъ, а все она своей привычки не бросала. Знамо, по дворамъ ходить ей уже было нельзя, такъ она надѣлаетъ куколъ, уйдетъ къ себѣ въ комнаты, насажаетъ ихъ по угламъ, ходитъ около ихъ да кланяется, а сама: „Милостыньку Христа ради“, „Милостыньку Христа ради“. Увидалъ разъ купецъ ее за этимъ дѣломъ, взялъ да прогналъ“.

Другой разъ читали книжку: „Праздники и зрѣлища у разныхъ народовъ“, Калмыковой. Слушателей было нѣсколько и слушали всѣ съ большимъ интересомъ. Кулачные бои вызвали у двухъ мужиковъ, бывшихъ фабричныхъ, воспоминанія изъ прежняго времени, когда они сами видѣли такіе бои. Глава о праздникѣ стрѣлковъ произвела необычайное оживленіе, но особенный интересъ былъ вызванъ послѣдней главой—о всемірныхъ выставкахъ и американцахъ. Высказывалось удивленіе американской предпріимчивости и изобрѣтательности и осуждалась наша русская косность. „У насъ этого не будетъ, чѣмъ мы можемъ похвастаться?—“съ грустью сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

Книжками по прикладнымъ знаніямъ пользуются только тогда, если онѣ понятно изложены. Были случаи, когда книжка измѣняла взгляды на нѣкоторыя жизненныя явленія въ цѣлыхъ сельскихъ обществахъ. Напримѣръ, при началѣ моего хозяйствованія сосѣдняя съ нами деревня бывшихъ государственныхъ крестьянъ отличалась особенною невѣжественностью и суевѣріемъ.

Каждую весну они дѣлали приговоръ, въ которомъ обязывались въ теченіе лѣта почитать пятницы, т.-е. не работать въ эти дни. Иванъ Матвѣевичъ, свидѣтельствуя этотъ приговоръ, спрашивалъ, почему они такъ чтутъ этотъ день—вовсе не праздникъ, а праздникъ у насъ воскресенье. На это ему отвѣчали: „Воскресенье воскресеньемъ, а матушка пятница сама собой". Какъ-то лѣтомъ я встрѣчаю одного мужика изъ той деревни и спрашиваю, работаютъ ли они въ пятницы, и получаю отвѣтъ, что давно работаютъ. „Да что пятница, это и праздникъ-то не христіанскій, а татарскій, мы это разъ въ книжкѣ вычитали и перестали ее почитать".

Начинаютъ кое-кого интересовать книжки по теоретическимъ знаніямъ. „Тайны и чудеса Божьяго міра" Чижова читаются съ большимъ увлеченіемъ. Нравятся книжки Н. А. Рубакина „О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы", „Исторія двухъ кораблей" и проч. О книжкѣ Беренъ „О борьбѣ человѣка съ природой" одинъ читатель высказался, что онъ такой занятной книжки сроду не читалъ. „Дерево здоровья", „Витязи сѣвера" изданія М. Н. Слѣпцовой также пользуются такимъ успѣхомъ, какого народнымъ книжкамъ и желать больше нельзя.

XXV.

Чѣмъ больше я узнавалъ условія деревенской жизни, тѣмъ больше видѣлъ, что въ деревнѣ темныя явленія неудивительны, что деревенскимъ людямъ не съ кого брать хорошаго примѣра, въ деревенской средѣ нѣтъ почти людей, безкорыстно и доброжелательно относящихся къ своему меньшому брату. По крайней мѣрѣ ихъ не могутъ указать, чтобы подкрѣпить указа-

ніемъ на нихъ, что есть на свѣтѣ и настоящіе сердечные доброжелатели.

Въ началѣ моего поселенія въ деревнѣ у насъ ссылались, какъ на дѣльнаго могущаго разъяснить законы и защитить обиженнаго, на барина по фамиліи Сомова, считавшагося поэтому большимъ авторитетомъ для крестьянъ. Но этотъ баринъ, служившій мировымъ посредникомъ, потомъ непремѣннымъ членомъ, давно уже умеръ.

Пользовался нѣкоторымъ престижемъ мой пріятель Иванъ Матвѣевичъ, но онъ, какъ только пронесся слухъ объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, бросилъ должность волостного писаря и уѣхалъ въ Москву. Другія же лица: земскіе врачи, учителя, священники, не имѣли никакого благотворнаго вліянія на окружающую среду.

Больше всего, конечно, могли бы что-нибудь сдѣлать священники. Но, оказывается, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ они-то менѣе всѣхъ были способны что-либо сдѣлать. Мнѣ со многими изъ нихъ приходилось сталкиваться, и изъ всѣхъ ихъ я встрѣтилъ только одного глубоко религіознаго, кроткаго, смиреннаго, всегда хорошо относившагося ко всѣмъ людямъ. Другіе же не имѣли и одной части этихъ достоинствъ. Преобладающее большинство нашего духовенства у насъ не отличается свойствами людей заслуживающихъ уваженіе.

Былъ у насъ одинъ благочинный, не знаю почему, но въ простолюдинахъ онъ видѣлъ только однихъ пьяницъ и лѣнтяевъ, ругалъ земскія школы, говоря, что онѣ плодятъ непочетниковъ, жалѣлъ о крѣпостномъ правѣ и о томъ, что у насъ очень мало практикуется тѣлесное наказаніе. Встрѣчалъ я одного молодого попика. Онъ при первой встрѣчѣ производилъ пріятное впечатлѣніе своею благообразною внѣшностью: бѣлокуренькій, кудрявенькій,

въ золотыхъ очкахъ, точно персонажъ изъ произведеній г. Потапенка. Во многихъ отношеніяхъ онъ проявлялъ рѣдкую для священника терпимость, но при дальнѣйшемъ знакомствѣ кажущаяся терпимость оказалась полнѣйшею индифферентностью ко всему духовному. Всѣ жизненныя блага для него заключались въ рюмочкѣ. Пьяный, онъ былъ страшный скандалистъ. Однажды въ Страстную пятницу онъ допился до того, что не могъ явиться на службу. Когда же его попытался замѣнить его товарищъ и выйти съ плащаницей, то онъ, проснувшись, прибѣжалъ въ церковь, и между ними на глазахъ молящихся произошла ожесточенная схватка въ самомъ алтарѣ, дошедшая до рукопашной передъ раскрытыми царскими дверями. Слѣдствіемъ этого было то, что молодого попика отправили „толочь воду“, а потомъ разжаловали въ причетники...

Вотъ еще священникъ, котораго прозвали цыганомъ. Онъ былъ страстный барышникъ, горькій пьяница и озорникъ. Однажды онъ шелъ по селу выпивши. Встрѣтившійся ему мужикъ, тоже подвыпившій, присталъ къ нему, прося благословенья. Попъ было прошелъ мимо, но мужикъ не отставалъ. Тогда попъ остановился, рѣзко перекрестилъ мужика и, суя ему руку для поцѣлуя, проговорилъ: „На̀“, и выругался обычнымъ русскимъ сквернымъ словомъ.

Въ Середѣ появился однажды молодой, дѣятельный священникъ. Онъ энергично повелъ борьбу съ мѣстными воротилами, попиравшими въ ближнихъ понятія о законахъ божескихъ и человѣческихъ, требовалъ отъ прихожанъ болѣе достойнаго христіанъ поведенія и въ храмѣ и въ жизни. Но его хватило не надолго. Сначала онъ увлекся обстановочкою, лошадьми, потомъ стуколкой. Появившееся было къ нему уваженіе прихожанъ стало пропадать, они даже составили приговоръ, которымъ

хотѣли ограничить его требованія отъ нихъ. И хотя такой приговоръ не былъ утвержденъ, но священникъ догадался, что при такихъ отношеніяхъ жизнь въ приходѣ ему будетъ не очень хороша, сталъ хлопотать о другомъ мѣстѣ и перебрался въ Москву.

XXVI.

Земскихъ начальниковъ у насъ вводили на моихъ глазахъ. Къ введенію ихъ крестьяне отнеслись далеко не равнодушно. Еще слухи объ учрежденіи этого института встрѣчались нѣкоторыми съ большой тревогой. Одни говорили, что это начало возрожденія крѣпостного права, что опять въ деревнѣ появится баринъ, могущій чинить судъ и расправу въ широкой степени. Другіе этому радовались, говорили, что это очень хорошо, народъ слѣдуетъ поджать, онъ очень избаловался: пьянствуетъ, завелъ самоваръ, наряды, сталъ жить самъ себѣ бариномъ.

На первыхъ порахъ въ земскіе начальники у насъ были назначены четыре мѣстныхъ помѣщика. Одинъ— старый человѣкъ, служившій прежде исправникомъ и мировымъ судьей, другіе—молодые, служившіе прежде непремѣнными членами. Тогда мнѣнія крестьямъ о сущности новаго начальства опредѣлились по-новому. Про стараго помѣщика стали говорить, что онъ дѣйствительно поставленъ для порядку, „а молодыхъ придѣлили затѣмъ чтобы кормиться", такъ какъ матеріальныя дѣла ихъ были поразстроены, а жалованье земскаго начальника могло оказать имъ существенную поддержку.

Особенной строгости сначала новыми начальниками не было проявлено. Но ими также не было и внесено чего-нибудь болѣе опредѣляющаго мужицкія права, хотя

въ этомъ чувствовалась очень острая нужда. По причинѣ отчасти невѣжества, отчасти кое-чего другого, крестьянинъ тогда начинаетъ интересоваться своими правами, когда ему грозитъ что-нибудь внушительное. И это-то обстоятельство всегда приводитъ къ результатамъ, порождающимъ массу путаницы, незаконныхъ проступковъ. и т. п. Крестьянинъ не знаетъ, что̀ онъ можетъ сдѣлать у себя въ обществѣ. Рѣдкій староста знаетъ предѣлы своей власти; старшина не имѣетъ должнаго понятія о своей компетентности. Вслѣдствіе этого творится много темнаго и несправедливаго. Напримѣръ, въ одномъ селѣ, неподалеку отъ насъ, отецъ, разобидѣвшись на своего сына, нѣсколько развитаго, начитаннаго, служившаго приказчикомъ въ рощѣ, хорошо устроившаго домашнее хозяйство, но недовольнаго поведеніемъ своего часто запивавшаго старика, потащилъ сына въ волостное правленіе. Тамъ онъ попросилъ старшину дать ему хорошую порку. Старшина исполнилъ просьбу отца, хотя по закону онъ не имѣлъ на то никакого права. Другой отецъ заставилъ старосту посадить въ холодную своего сына за то, что тотъ защитилъ отъ него свою жену. Во многихъ случаяхъ должностныя лица не рѣшаются дѣйствовать, видя прямо незаконное поведеніе кого-нибудь, не зная, какъ они могутъ тутъ этому воспрепятствовать, и этимъ невольно и пособничаютъ незаконному дѣлу. Это бываетъ въ дѣлахъ приписки, отписки, при передачѣ имущества, надѣленіи кого-нибудь землей. Особенно много путаницы и несправедливости происходило въ послѣднемъ случаѣ. Съ введеніемъ земскихъ начальниковъ многое въ этой области должно бы было упорядочиться, но на дѣлѣ вышло не такъ.

Земскіе начальники не могли разсѣять спустившуюся надъ деревней тьму правового невѣдѣнія. Они рѣдко и

руководствовались въ своихъ рѣшеніяхъ закономъ, а пользовались въ большинствѣ случаевъ 62-й статьей своего положенія. Конечно, легко понять, почему они такъ дѣлаютъ: чтобы разобрать дѣло по существу, нужно быть къ этому подготовленнымъ, нужно знать и уважать бытъ народа и всѣ тѣ условія, порождающія тѣ или другія явленія, а какъ это знать лицамъ въ большинствѣ случаевъ замѣщающимъ эти должности. Они къ этому нерѣдко никакой подготовки не получили. На это указываетъ то обстоятельство, что при введеніи у насъ земскихъ начальниковъ изъ четырехъ лицъ, назначенныхъ на эту должность, только одно имѣло удовлетворительный образовательный цензъ, а остальные трое принуждены были хлопотать о льготахъ. Съ такими же знаніями замѣщали уходившихъ земскихъ начальниковъ и въ дальнѣйшихъ случаяхъ.

XXVII.

Предоставленіе земскимъ начальникамъ такого широкаго пользованія 62-й статьей положенія отразилось на мѣстныхъ жителяхъ далеко не благопріятно. Опираясь на эту статью, многіе изъ земскихъ начальниковъ стали показывать себя далеко не какъ служители закона и справедливости. Первый нашъ земскій начальникъ былъ еще туда-сюда, хотя онъ проявлялъ себя больше съ „барской стороны“ и держался „сократительной“ политики: устранилъ хорошаго, желательнаго крестьянамъ старшину и замѣнилъ его другимъ; при выборѣ земскихъ гласныхъ онъ настаивалъ, чтобы въ гласные выбирался непремѣнно старшина; требовалъ, чтобы сельскіе старосты каждыя двѣ недѣли являлись въ волостныя правленія и доносили, что въ деревнѣ

произошло за этотъ срокъ; запрещалъ должностнымъ лицамъ и крестьянамъ, имѣвшимъ до него дѣло, являться къ нему, облаченными въ пиджаки, сюртуки и т. п., а внушалъ, что имъ всего приличнѣе носить русскую, національную одежду. Но съ нимъ все-таки можно было по-человѣчески говорить и не опасаться, что вотъ онъ сейчасъ вскочитъ и выкинетъ такую штуку, что ты пожалѣешь о томъ, что надумалъ явиться къ нему. Когда онъ умеръ и на его мѣсто явился другой—дѣло пошло гораздо хуже.

Этотъ другой былъ еще молодой человѣкъ, но съ еще болѣе консервативными взглядами. Онъ былъ явный мужиконенавистникъ. Всѣхъ крестьянъ онъ не считалъ достойными никакого вниманія или человѣческаго обращенія съ ними. Лишь только онъ появился въ нашихъ мѣстностяхъ, какъ началъ „щипать" встрѣчныхъ и поперечныхъ: штрафовать, сажать подъ арестъ. Ни одинъ сельскій староста не уцѣлѣлъ, и въ короткій срокъ каждый получилъ отъ него какое-нибудь наказаніе. Никакихъ возраженій или разсужденій отъ крестьянъ онъ прямо не терпѣлъ. Всякій, кто только пытался было что-нибудь сказать ему, слышалъ окрикъ: „молчать", „не разговаривать", нерѣдко съ притопываніемъ ногой. На судебныхъ разбирательствахъ признанные имъ виновными подвергались самымъ высшимъ мѣрамъ наказанія. Во время разбирательства онъ не допускалъ никого постороннихъ лицъ. Вообще пользовался предоставленною ему властью въ самой широкой степени, пока не наскочилъ на одну маленькую непріятность. Непріятность эта заключалась въ слѣдующемъ.

Пріѣхавъ въ одно волостное правленіе, земскій начальникъ созвалъ къ себѣ всѣхъ старостъ. Одинъ изъ старостъ попался ему на глаза безъ знака. „Почему у тебя знака нѣтъ?" сурово обратился къ нему земскій

начальникъ. „А потому, ваше высокоблагородіе, что я теперь уже не староста“,—„Какъ не староста! кто тебя высадилъ?“ — „Общество, оно выбрало на мое мѣсто другого“. — „Какъ смѣетъ общество безъ моего разрѣшенія мѣнять старосту! Это ты ихъ склонилъ на это, мерзавецъ!“ Бывшій староста обидѣлся. „Позвольте, что же вы ругаетесь?“ — „Тебя не только ругать, но бить слѣдуетъ“. И земскій начальникъ двинулся на мужика; мужикъ сталъ въ оборонительное положеніе, и какъ только земскій начальникъ надвинулся на него, онъ оттолкнулъ его отъ себя. Земскій начальникъ, не ожидавшій такого оборота, совсѣмъ растерялся и съ минуту находился точно въ столбнякѣ. Оправившись, онъ тотчасъ же отправилъ телеграмму губернатору о случившемся, а на другой день самъ поѣхалъ въ Москву. Бывшаго старосту, конечно, арестовали, потомъ судили и держали въ тюрьмѣ.

Послѣ этого земскій начальникъ круто измѣнилъ политику. Въ обращеніи съ крестьянами сталъ мягче и вѣжливѣе, хотя въ рѣшеніяхъ попрежнему былъ строгъ. Вскорѣ онъ началъ хлопотать о переводѣ его въ другое мѣсто. Однако передъ самымъ уходомъ отъ насъ его постигла новая непріятность: домъ, въ которомъ онъ жилъ въ одномъ имѣніи, сгорѣлъ, какъ носились слухи, отъ поджога.

Заступившій его мѣсто земскій начальникъ оказался еще хуже. Онъ ненавидѣлъ мужиковъ сильнѣе своего предшественника. Числясь еще только кандидатомъ, онъ уже сучилъ кулаки на крестьянъ, грозясь показать имъ Кузькину мать съ горбинкой. Вступивши на должность, онъ показалъ ее воочію. Онъ такъ же, какъ и его предшественникъ, донималъ крестьянъ штрафами и арестами иногда совсѣмъ безъ уважительныхъ причинъ. Например, онъ узналъ распоряженіе губернской земской

управы о томъ, чтобы крестьянскія постройки, въ цѣляхъ предостереженія отъ распространенія огня во время пожара, не заваливались какими-нибудь горючими матеріалами въ видѣ дровъ, лѣса; такъ онъ и требовалъ буквально этого даже въ томъ случаѣ, если кѣмъ-нибудь изъ крестьянъ производилась постройка и заваливать переулокъ ему приходилось неминуемо. Нельзя стало держать дровъ на дворѣ, городить шалаши для храненія корма на зиму. Первое распоряженіе такого рода появилось зимой, около рождественскихъ праздниковъ, когда все было завалено снѣгомъ и всѣ были должны подчиниться его требованіямъ, отрывать изъ снѣга лѣсъ, слеги, разорять шалаши и отвозить за деревню. Такое усердіе было даже вопреки циркуляру управы, освобождавшей крестьянъ отъ такой предосторожности на зимнее время, потомъ есть земское правило, предписывающее пожарныя бочки имѣть всегда съ водой. Конечно, подразумѣвается для этого лѣтнее время, но онъ подвергалъ взысканію цѣлыя общества, если не находилъ въ бочкахъ воды зимой, или если она была замерзшею. Всякая неисправность крестьянъ доставляла ему удовольствіе, и онъ, объявляя ту или другую кару за эту неисправность, весело хохоталъ.

На второй или третій годъ своего служенія онъ проѣзжалъ по одному селу. Дѣло было послѣ Пасхи. Навстрѣчу ему попался паренекъ, одѣтый довольно франтовато, съ гармоникой въ рукахъ. Земскій начальникъ потребовалъ, чтобы онъ провелъ его къ старостѣ. Парень, не подозрѣвавшій, кто къ нему обращается, ограничился тѣмъ, что издали показалъ, гдѣ живетъ староста. Земскій начальникъ оскорбился этимъ и когда подъѣхалъ ко двору старосты, вызвалъ его и спросилъ, что это за парень. Староста отвѣтилъ, что парень изъ ихъ села. „А нѣтъ ли за ихъ домомъ недоимки?“ Недоимка въ

этомъ селѣ была за всѣми, числилась она и за домомъ, изъ котораго былъ парень. Для земскаго начальника этого оказалось достаточно; онъ приказалъ взять парня и привести къ нему. Парня взяли и привели предъ земскаго начальника. Земскій начальникъ бросился на него съ руганью за то, что онъ зазнается и не признаетъ власти, приказалъ раздѣть, разуть его, отобрать гармонику и все это продать на пополненіе недоимки, а самого парня отправить въ холодную. Парень такъ былъ пораженъ надругательствомъ надъ нимъ, что когда его тащили въ холодную, онъ вытащилъ по пути супонь отъ хомута и, когда его заперли въ арестантскую, повѣсился на этой супони. Когда онъ уже захрипѣлъ, сторожъ волостного правленія, услыхавъ этотъ хрипъ, ворвался въ арестантскую, перерѣзалъ супонь и освободилъ парня изъ петли. Парень былъ безъ памяти. Его тотчасъ же отправили въ больницу. Парень въ больницѣ оправился. Тогда земскій начальникъ снова взялся за него. Онъ рѣшилъ не отпускать его въ Москву, гдѣ жилъ парень. Онъ требовалъ отъ его дома сразу покрытія всѣхъ недоимокъ, иначе приказалъ не выдавать парню паспорта. Дому это было не по силамъ, тѣмъ болѣе весной. Парень жаловался въ другія инстанціи, но жалоба его осталась безъ послѣдствій. Парень рѣшилъ около дома поискать себѣ заработка и поступилъ въ торговое село въ булочную. Земскій начальникъ, узнавши объ этомъ, вызвалъ къ себѣ хозяина булочной и подвергъ его взысканію за то, что онъ осмѣлился взять къ себѣ его „опальнаго“, и потребовалъ отъ старосты того села, чтобы онъ не давалъ парню жить въ селѣ.

XXVIII.

Такое поведеніе земскихъ начальниковъ поселило не мало безпокойства среди крестьянъ. Появились опасенія на каждомъ шагу натолкнуться на непріятную встрѣчу. Должностныя лица сельскаго управленія были въ постоянномъ страхѣ, и болѣе обстоятельные мужики стали настойчиво избѣгать всякихъ должностей. Особенно стали упираться при выборахъ на должность старосты. „Стану я себя подъ такое безпокойство подводить",—говорили они. — Я сроду въ клоповникѣ не сидѣлъ, а тутъ придется; нѣтъ, ужъ выберите кого-нибудь другого".

Жалованье этимъ лицамъ значительно возросло, и все-таки на должности пошли болѣе плохіе крестьяне, стали чаще встрѣчаться растраты мірскихъ суммъ. Дѣятельность волостного схода свелась на нѣтъ, такъ какъ никакого вопроса безъ разрѣшенія земскаго начальника возбуждать не разрѣшалось, а всѣ вопросы у крестьянъ только могутъ и выясниться-то во время схода. Старшинамъ пришлось изощряться, чтобы и выборщикамъ угодить, и начальства не прогнѣвать, поэтому на этихъ должностяхъ съ успѣхомъ служатъ только заинтересованные въ матеріальномъ положеніи старшины.

Снова началось высказываться недружелюбное отношеніе мужика къ барину, сгладившееся было въ промежутокъ между освобожденіемъ крестьянъ до введенія земскихъ начальниковъ. Баринъ попрежнему сталъ считаться или безтолковымъ, но могущественнымъ самодуромъ, или же наивнымъ простачкомъ, котораго надуть никакого грѣха нѣтъ. Появились разсказы, рисующіе тотъ или другой типъ барина и изъ прежнихъ и изъ новыхъ временъ. Разсказы эти съ любовью стали повторяться. Вотъ нѣсколько разсказовъ подобнаго рода.

Поѣхалъ мужикъ на базаръ продавать овесъ. Вышелъ покупать какой-то баринъ. Баринъ былъ въ очкахъ. Сторговалъ овесъ и велѣлъ везти къ себѣ на усадьбу. Мужикъ повезъ. Баринъ вышелъ принимать овесъ, а очки-то снялъ. Глядитъ, и кажется ему, овесъ-то мельче. „Ты, мерзавецъ, плутъ, обмѣнилъ овесъ?“ кричитъ баринъ на мужика. „Никакъ нѣтъ“, говоритъ мужикъ. „Какъ нѣтъ? Онъ на базарѣ былъ крупнѣе“. Мужикъ догадался, почему барину такимъ овесъ кажется, и говоритъ: „У васъ тогда, баринъ, не тѣ глаза были“. Баринъ полѣзъ за очками, надѣлъ, сталъ глядѣть овесъ. „Правда твоя“, говоритъ. Мужикъ обрадовался. „Ну, вотъ, — говоритъ, — дай Богъ вашимъ переднимъ глазамъ-то добраго здоровья, а задніе хоть бы и лопнули“.

Другой разсказъ изъ ближайшаго времени. Ѣхалъ мужикъ въ городъ, а навстрѣчу ему баринъ. Встрѣчаются. „Поворачивай“, говоритъ баринъ. „Нѣтъ,—отвѣчаетъ мужикъ, — моя лошадь ни за что въ сугробъ не полѣзетъ. „Зачѣмъ же ты, дуракъ,—кричитъ баринъ,— такую упрямую выростилъ?“ — „Я ее, — говоритъ мужикъ,—не выростилъ, а у земскаго начальника купилъ“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ распространяются слухи, если кто-нибудь изъ господъ попадется впросакъ. „Слышалъ,—кричитъ одинъ другому,—нашъ земскій-то какъ ш—скому рендателю въ карты продулся“.—„Ну?“— „Ей-Богу“. — „Ѣздилъ онъ въ городъ получать жалованье. Получилъ, поѣхалъ домой, да запоздалъ; заѣхалъ въ Ш—во, ну, дѣлать-то нечего, давай въ карты играть. Играть да играть, и проигралъ земскій-то все до копѣйки. Сталъ подъ лошадей играть и лошадей проигралъ. Приходитъ утро, нужно домой ѣхать, а ѣхать-то не на чемъ. Ну, сейчасъ къ м—скому старшинѣ кучера,— чтобы прислалъ 300 рублей. Старшина прислалъ ему 300 рублей, — выкупилъ онъ лошадей и поѣхалъ до-

мой". — „Ловко. Ха-ха-ха!" — „Чего чище! Ха-ха-ха! Попался-таки бычокъ на веревочку!" „Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу!"

Особенно много злорадствовали, когда тотъ земскій начальникъ, о которомъ я говорилъ въ послѣднемъ случаѣ, зарвался и попалъ въ такой просакъ, слѣдствіемъ котораго, говорили, былъ уходъ его со службы, съ которой онъ не думалъ и не желалъ уходить. Онъ ѣхалъ зимой по уѣзду на тройкѣ гусемъ. Ему навстрѣчу попалась какая-то барыня на парѣ лошадей. Земскій, какъ и всѣ земскіе, не любившіе сворачивать, потребовалъ, чтобы и тутъ дали ему дорогу. Тѣ позамѣшкались, земскій понялъ это какъ нежеланіе уступить ему дорогу, разгорячился, выскочилъ изъ саней и ударилъ чужого кучера. Когда они разъѣхались, то кучеръ, по приказанію сидѣвшей въ саняхъ барыни, воротился за земскимъ начальникомъ и доѣхалъ до первой деревни. Въ деревнѣ они спросили у мужиковъ, кто проѣхалъ на тройкѣ. Имъ сказали, что это—земскій начальникъ. Барыня спросила, что̀ онъ за человѣкъ; ей отрекомендовали его какъ лютого человѣка; барыня записала все. Черезъ нѣсколько времени земскаго начальника вызвали въ Москву будто бы изъ-за этой встрѣчи, такъ какъ встрѣчница была богатая помѣщица изъ сосѣдняго уѣзда, очень вліятельная въ Москвѣ. А потомъ къ нему была назначена ревизія, обнаружившая большое запущеніе въ дѣлахъ. И онъ принужденъ былъ подать въ отставку.

Дѣйствительно, насколько крестьяне не расположены къ земскимъ начальникамъ, можно заключить по тому факту, что когда этого земскаго начальника „отставили", по выраженію крестьянъ, отъ должносги, то никто изъ крестьянъ изъ окружающихъ деревень ни за какія деньги не шелъ къ нему работать въ сѣнокосъ, и онъ долженъ былъ посылать за рабочими въ другой уѣздъ.

XXIX.

Во время неурожая въ началѣ девяностыхъ годовъ у насъ были урожаи. Цѣны на хлѣбъ стояли высокія, и крестьяне, много нарабатывавшіе хлѣба, хорошо выручились за эти годы. Потомъ пошли урожаи и въ неурожайныхъ мѣстахъ, цѣны на хлѣбъ стали падать въ нашей мѣстности.

Крестьянамъ это было ничего, но крупные владѣльцы затужили: при дороговизнѣ рабочихъ рукъ не было никакихъ выгодъ вести хозяйство. Особенно трудно пришлось граничащему съ нашимъ надѣломъ имѣнію Никольскому. Прежде въ имѣніи около нѣкоторыхъ деревень были обрѣзки. Ихъ продали тѣмъ крестьянамъ, къ надѣламъ которыхъ они примыкали. Крестьяне купили обрѣзки въ долгъ и нѣсколько лѣтъ работали на помѣщика за нихъ. Наконецъ, долги всѣ были заработаны, а за деньги они не хотѣли наниматься, предпочитая уходить на заработки въ Москву. Владѣлица, одинокая старушка, испугалась въ будущемъ такихъ неудачъ, задумала развязаться съ имѣніемъ и предложила купить его крестьянамъ окружающихъ деревень. Деревни стали обсуждать это соблазнительное предложеніе. Цѣна хотя была назначена высокая,—имѣніе цѣнилось въ 35 тысячъ за 700 десятинъ, но перспектива прибавить къ надѣлу собственной земли съ лѣсомъ казалась очень привлекательной. Большинство кричало, что нужно покупать, благо случай подходитъ. Упустишь, будешь каяться. Влѣзетъ какой-нибудь паукъ, въ бараній рогъ согнетъ. Сговорились покупать. Сначала всѣхъ деревень, согласившихся на покупку, было пять, но потомъ одна деревня отказалась, и купить имѣніе рѣшили четыре деревни. Наша деревня шла на покупку охот-

нѣе всѣхъ. Она брала на себя третью часть всего имѣнія.

Тотчасъ же собрали денегъ на первоначальный задатокъ. Выбрали уполномоченныхъ, каждая деревня по одному человѣку, который порасторопнѣй. Наша деревня выбрала уполномоченнымъ меня. Выслушавъ напутствія и пожеланія уполномочившихъ насъ, мы отправились къ владѣлицѣ торговать имѣніе.

Мнѣ и моимъ сотоварищамъ по арендѣ земли въ Суровцевской сѣчи пока нужды въ землѣ не было. Мы заарендовали свои участки на нѣсколько лѣтъ. Наши земли были куда лучше земли въ Никольскомъ, но желаніе имѣть собственную землю соблазняло и насъ; никто изъ насъ не возставалъ противъ покупки.

Владѣлица жила далеко отъ насъ по другую сторону Москвы. Черезъ нѣсколько дней мы пріѣхали къ ней и сторговали имѣніе.

Начались хлопоты для оформленія покупки, исканіе денегъ, формальности по выхлопатыванію ссуды въ крестьянскомъ банкѣ.

За все это время я хорошо узналъ, что значитъ быть крестьяниномъ и какъ не легко вести крестьянскія дѣла, даже съ горячимъ желаніемъ привести ихъ къ благополучному концу.

Прежде всего не легко было ладить съ товарищами. Всѣ они были люди различные по положенію. Одинъ—ломовой извозчикъ, возившій на мѣстныхъ торговцевъ кладь изъ Москвы, другой—торговецъ мороженымъ изъ Петербурга, третій—торговецъ-разносчикъ изъ Москвы. Имъ взбрело въ голову во время переговоровъ съ владѣлицей, чтобы выторговать побольше льготъ въ уплатѣ, стать передъ ней на колѣни. Я сталъ доказывать, что это нелѣпо: она намъ никакой милости не дѣлала, такъ какъ брала за землю по 50 рублей за десятину, а два

года тому назадъ Степанково было куплено новымъ владѣльцемъ по 23 руб. „Ну, такъ что же, — говорили мнѣ, — этотъ трудъ не великъ, а ей будетъ лестно. Я отказался наотрѣзъ и просилъ не конфузить себя и меня. Товарищи нехотя согласились. Но когда мы, окончивши переговоры съ ней, пришли къ ея повѣренному, очень почтенному изъ московскихъ адвокатовъ, то они вдругъ вздумали „смазать“ его, чтобы онъ былъ подобрѣе. Опять пришлось убѣждать, что это неумѣстно.

Не мало мытарствъ пришлось перенести съ добычею плана, обмѣркой имѣнія, возстановленіемъ бумагъ, подачей ихъ въ банкъ, съ отыскиваніемъ денегъ. Дѣло для крестьянъ было новое. Законы требовательные. Составишь бумагу, явишься къ нотаріусу, — не годится. Землемѣръ нанесъ имѣніе на планъ, но плана не подписалъ,—опять возвращайся назадъ. Тотъ уполномоченный, который ѣздилъ извозчикомъ, былъ другой волости. Онъ составлялъ бумаги подъ руководствомъ волостного писаря, такъ ему приходилось съ ними ѣздить взадъ и впередъ до 10 разъ.

Оформивши дѣло съ банкомъ, приступили къ фактическому раздѣлу участковъ. Условія покупки были такія. Часть денегъ собрали наличными, часть выдавалъ банкъ, а остальныя владѣлица разсрочивала намъ подъ вторую закладную на нѣсколько лѣтъ. Чтобы выплатить долгъ по второй закладной, мы рѣшили сдать землю самимъ себѣ въ аренду и самимъ же себѣ продавать лѣсъ, а кто не въ состояніи былъ платить, то его доля угодій продавалась на сторону. Составили объ этомъ договоръ, и чтобы этотъ договоръ не былъ простой бумагой, рѣшили его засвидѣтельствовать; сунулись въ волостное правленіе, — нельзя свидѣтельствовать, такъ какъ тамъ свидѣтельствуются акты, не превышающіе 500-рублевой цѣнности, а мы договаривались о цѣнности въ десять

слишкомъ тысячъ. Отправляемся къ земскому начальнику, тотъ направляетъ насъ къ уѣздному члену, исполняющему обязанности нотаріуса. Уѣздный членъ потребовалъ личнаго присутствія всѣхъ членовъ товарищества, заключающихъ договоръ, а ихъ въ четырехъ деревняхъ было болѣе 100 и ихъ было трудно собрать, такъ какъ одни жили въ Петербургѣ, другіе въ Москвѣ. Пришлось оставить договоръ не засвидѣтельствованнымъ, за что пришлось поплатиться нашей деревнѣ. Сводился лѣсъ на нашей землѣ, и когда долгъ былъ выплаченъ, то тѣ деревни оцѣнили лѣсъ на ихъ землѣ по цѣнѣ ниже стоимости и оставили его за собою, мы же остались съ одними голыми пнями.

Хлопоты съ оформленіемъ покупки продолжались нѣсколько лѣтъ. Наконецъ всѣ хлопоты были оформлены, мы сдѣлались „собственниками“ довольно порядочной полосы земли. Необходимость снимать на каждый годъ въ аренду землю устранялась и являлась возможность вести хозяйство на новыхъ, болѣе разумныхъ началахъ. И мы стали это понемногу осуществлять.

При дѣлежкѣ купленной земли старинный способъ дробленія на мелкія полосы былъ оставленъ, и вся земля разверсталась на крупныя доли, по двѣ полосы въ каждомъ полѣ. Разбили землю на четыре поля, на одномъ изъ которыхъ рѣшили испробовать посѣять десятинъ 20 клеверу. Поручили Михайлѣ П. привезти изъ Москвы сѣмянъ. Сѣмена были привезены, но плутоватый мужикъ, ради своей выгоды, купилъ самыя дешевыя сѣмена, они оказались плохого качества. Посѣяны они были съ овсомъ, лѣто задалось сухое, и клеверъ нашъ погибъ, а съ нимъ погибли 150 руб. общественныхъ денегъ, затраченныхъ на сѣмена.

XXX.

Въ Никольскомъ, которое мы купили, былъ только-что выстроенъ барскій домъ. Когда мы еще покупали имѣніе, думали, что съ нимъ дѣлать, думали, что хорошо бы употребить его на школу, но имѣть школу вдали отъ деревни было неудобно, перевезти же его не знали куда. Но дѣло разрѣшилось прежде, чѣмъ мы обдумали его. Въ нашей волости былъ выбранъ новый старшина, бывшій приказчикъ въ лавкѣ. Парень онъ былъ шустрый; узнавши, что земство намѣтило примѣрную сѣть новыхъ школъ въ уѣздѣ, при чемъ школа должна прійтись и на ихъ деревню,—купилъ у насъ этотъ домъ и сталъ строить школу.

Это было по душѣ всѣмъ, потому что потребность въ школѣ увеличивалась, и разстояніе школы отъ насъ было очень велико. Въ новую же школу было всего 2 версты. Въ первый же годъ школа набилась биткомъ; изъ нашей деревни стали ходить въ нее 25 человѣкъ, при чемъ 11 было мальчиковъ, а 14 — дѣвочекъ; изъ однокомплектной она должна была превратиться въ двухкомплектную, но и двѣ учительницы едва справлялись съ нахлынувшими въ нее учениками. Такой наплывъ былъ первый годъ, не меньше онъ сталъ и на второй, потребность въ грамотѣ опредѣлилась для всѣхъ, и съ каждымъ годомъ стало меньше и меньше сомнѣвающихся въ законности этой потребности.

За класснымъ обученіемъ стало проявляться и внѣклассное. Начали устраиваться библіотеки и чтенія съ туманными картинами. Въ Середѣ одна библіотека открылась при волостномъ правленіи, и она стала работать очень хорошо.

Чтенія съ туманными картинами шли успѣшно въ тѣхъ случаяхъ, когда предлагался удобопонятный и интересный для крестьянской жизни матеріалъ. Первыя чтенія, заведшіяся въ нашей школѣ, мнѣ не пришлось наблюдать. Читалось „Приключеніе двухъ кораблей“ Н. А. Рубакина. По словамъ учителя, который велъ чтеніе, оно прошло съ успѣхомъ. Съ неменьшимъ успѣхомъ былъ прочтенъ „Сигналъ“ Гаршина. На слѣдующія чтенія попалъ и я. На этотъ разъ должны были быть прочитанными двѣ вещи: „Объ уничиженіи Господа Іисуса Христа“ и „Кавказскій плѣнникъ“ Л. Н. Толстого. Народу набилось полная школа. Чтобы очищать воздухъ, приходилось держать открытыми всѣ форточки, иначе фонарь не дѣйствовалъ. Пришли старики, бабы; пріѣхали крестьяне изъ сосѣднихъ деревень и обставили школу подводами, какъ церковь въ праздничный день во время службы. Первымъ читалось „Уничиженіе“. Всѣ слушали со вниманіемъ, картины выходили удачно. Послѣ небольшого перерыва началось чтеніе „Кавказскаго плѣнника“. Съ первыхъ же строкъ чувствовалось, что вся аудиторія превратилась въ слухъ. Настала полная тишина, нарушавшихъ ее окликали сами слушатели. Привлекали и картины. Фигуры на картинахъ узнавались, угадывались, вызывали къ замѣчаніямъ и разсужденіямъ. Когда картина исчезала и опять начиналось чтеніе, снова водворялась тишина, и всѣ жадно слушали. Бодры были слушатели, бодръ лекторъ, съ необычайнымъ воодушевленіемъ читавшій прекрасныя страницы повѣсти. Интересъ въ слушателяхъ развивался чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Подъ конецъ разсказа, когда Жилинъ, бѣжавшій второй разъ, выскакиваетъ на поляну неподалеку отъ крѣпости и вдругъ видитъ трехъ татаръ въ сторонѣ,— по аудиторіи проносится досадливое „эхъ, ты!..“ Но досада исчезаетъ, когда Жилина выручаютъ казаки. Ауди-

торія расходится и громкими голосами благодаритъ лекторовъ и прощается съ ними.

Въ слѣдующій разъ читалась сокращенная „Капитанская дочка“ Пушкина, вызвавшая въ слушателяхъ тоже большой интересъ. Послѣ этого въ чтеніяхъ наступилъ перерывъ: фонарь долженъ былъ перекочевать въ другую школу. Вернулся фонарь въ нашу школу только постомъ. Изъ чтеній, предполагавшихся на этотъ разъ, на первомъ планѣ стояли „Стефанъ Пермскій“ и разсказъ „Объ Индіи“. Народъ, несмотря на постъ и на будничный день, все-таки собрался, хотя не такъ много, какъ прежде. Меньше было крестьянъ окольныхъ деревень.

Это чтеніе оказалось не изъ удачныхъ: не подходящимъ оказался матеріалъ.

Языкъ брошюры „О Стефанѣ“ очень плохъ, мертвенъ, лишенъ простоты. Смыслъ улавливался съ трудомъ, и аудиторія скоро начала зѣвать, стали вести разговоры, направились къ выходу, не дождавшись конца. Кое-какъ брошюра все-таки прочиталась, приступили къ разсказу „Объ Индіи“. Тутъ интересъ нѣсколько возстановился, неудача перваго отдѣла отчасти искупилась, но только отчасти. Чувствовалось, что слушатели неудовлетворены.

Чтобы поправить дѣло, для слѣдующаго чтенія опять возвратились къ беллетристикѣ и остановились на разсказѣ г. Короленко „Дѣти подземелья“. Для духовнаго отдѣла не было ничего подходящаго, но батюшка не хотѣлъ выпустить этотъ отдѣлъ, тѣмъ болѣе постомъ. Онъ привезъ съ собою небольшую брошюру и сталъ читать ее безъ картинъ. Во вступленіи батюшка объявилъ, что вотъ изъ слушателей были многіе пьяницы, а пьянствовать грѣхъ, такъ вотъ онъ и хочетъ помочь имъ избавиться отъ этого грѣха, разсказавъ о томъ, какъ одинъ пьяница сдѣлался мученикомъ. И сталъ чи-

тать исторію мученика Вонифатія, составленную плохо, скучно, непонятно. Аудиторія видимо недовольна и конецъ чтенія встрѣтила молчкомъ. Чтеніе „Дѣтей подземелья“ прошло также безъ всякаго успѣха. Прекрасный языкъ повѣсти никого изъ слушателей не захватилъ. Настала очередь картинъ. Показывается замокъ, но и картина встрѣчена съ недоумѣніемъ. Слѣдующая картина, изображающая пана Тыбурція, немного оживила слушателей, но не стороной, къ чтенію относящейся, а тѣмъ, что на Тыбурція оказывается похожимъ одинъ изъ присутствующихъ. Раздался смѣхъ, потомъ опять тишина, позѣвыванье, и одинъ за другимъ слушатели начали уходить. Аудиторія пустѣетъ, только ребятишки сидѣли на полу, но и среди нихъ кто-то уже храпитъ. На лектора находитъ уныніе. Бросить чтеніе неловко, и перескакивая съ пятаго на десятое, кое-какъ чтеніе доводится до конца. Когда немногіе оставшіеся въ аудиторіи слушатели расходятся,—ни слова благодарности за чтеніе, ни даже прощальнаго привѣтствія. Невыразимое чувство досады испытывается и батюшкой, и лекторомъ, и лицомъ, орудовавшимъ у фонаря.

— Ну, ихъ теперь и калачомъ не заманишь на чтеніе,—слышится досадливое замѣчаніе.

— Нужно строже выбирать матеріалъ для чтенія,— замѣчаетъ батюшка и разсерженный уходитъ.

Слова батюшки приняты были за то, что строже нужно выбирать матеріалъ въ смыслѣ пригодности его для произнесенія передъ народомъ, и всѣ съ нимъ согласились. Но смыслъ словъ, къ прискорбію, оказалось впослѣдствіи, имѣлъ совершенно другой характеръ. Батюшка, оказалось, лично былъ обиженъ въ повѣсти г. Короленко. Тамъ упоминалось объ одномъ предметѣ, похожемъ на шляпу священника. Фраза эта вызвала смѣхъ среди ребятишекъ, а батюшка обидѣлся... И поль-

зуясь тѣмъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность за чтеніе, батюшка рѣшилъ весь матеріалъ, поступающій для народной аудиторіи, строго контролировать. Въ книгѣ „О растеніяхъ“ батюшка вычеркнулъ мѣсто о пальмѣ, потому что объ этомъ растеніи упоминалось въ читанной уже книжкѣ „Объ Индіи“, вычеркнулъ о картофелѣ, ибо это растеніе всѣмъ извѣстно, хотя исторіи картофеля у насъ не знаютъ, а въ книгѣ она излагается.

Какъ я послѣ узналъ, добровольными цензорами у насъ выступали нерѣдко лица, стоящія и выше священника по табели о рангахъ. Происходитъ, напр., засѣданіе училищнаго совѣта, устанавливающее систему народныхъ чтеній и выбирающее матеріалъ для нихъ. Вдругъ одно лицо заявляетъ:

— „Сигналъ“ Гаршина нельзя допустить; въ немъ есть вредныя тенденціи: почему Семенъ, когда думаетъ о предстоящемъ крушеніи поѣзда, жалѣетъ только дѣтей и пассажировъ 3-го класса, а нисколько не озабоченъ о судьбѣ пассажировъ другихъ классовъ?

Другое лицо вторитъ:

— „Купецъ Калашниковъ“ тоже, мнѣ думается, не допустимъ, вѣдь Кирибѣевичъ—царскій любимецъ, слѣдовательно, лицо высшаго сословія, и вдругъ его убиваетъ какой-то купецъ?

XXXI.

Покупка земли, неудача травосѣянія на купленной землѣ и постройка школы ввели въ большіе расходы моихъ односельцевъ, и многимъ было тяжеленько. Я ясно видѣлъ это и обдумывалъ различные выходы изъ этого положенія. Самымъ удобоподходящимъ было то, чтобы ввести травосѣяніе на надѣльной землѣ. Земли

пахотной у насъ увеличилось, но покосовъ и на купленной землѣ у насъ не было, кормомъ приходилось бѣдствовать больше прежняго, тѣмъ болѣе, что перестали снимать въ аренду покосъ въ Степанковѣ. Я лично не бѣдствовалъ ничѣмъ, у меня на арендѣ родилось все хорошо, послѣдніе годы я завелъ тамъ посѣвъ клевера съ тимоѳеевкой и каждый годъ набиралъ возовъ по 20 прекраснаго сѣна. Убирался я съ нимъ до начала мірского покоса. Нѣкоторые завидовали мнѣ:

— Экій ты счастливый-то! Мы еще за косу не брались, а у тебя уже цѣлый угольникъ.

На надѣльныхъ поляхъ въ нашемъ уѣздѣ травосѣяніе тогда уже распространилось значительно, и я говорилъ:

— А кто же вамъ не велитъ? Можно и всѣмъ такое добро убирать.

— Да гдѣ же, нешто съ міромъ столкуешься!

Завидующихъ мнѣ стало больше и больше. Подмѣтивши это, я сталъ просить поддержать меня на сходѣ— и однажды весною передъ началомъ работъ заговорилъ:

— А что, братцы, не передѣлимъ мы нынче поля?

— На што?

— Да подъ клеверъ. Нужно намъ начинать его сѣять. Земли теперь у насъ много, есть гдѣ и хлѣбъ сѣять, и скотину пасти.

— А гдѣ мы сѣмянъ возьмемъ?

— Въ управѣ въ долгъ, она дастъ...

— Въ долгъ, спаси Христосъ! Мы еще отъ земельныхъ долговъ не ослобонились, а ты хочешь на насъ еще хомутъ повѣсить. Покорно благодаримъ.

— Вѣрно что...

Поднялся галдежъ; большинство не желало никакого травосѣянія, указывали на примѣръ посѣва на купленной. И что я ни говорилъ, что этотъ хомутъ не можетъ

быть въ тягость, что съ нимъ легче прежнія нужды избудешь, все было ни къ чему: даже обѣщавшіе поддержать меня и тѣ молчали и готовы были сознаться, что траву сѣять пока нужно подождать.

Поневолѣ пришлось ждать, и докуда ждать, ничего не было извѣстно. Но дѣлу помогла сама природа.

Наступившее лѣто выдалось необыкновенною засушливостью. Травы на мірскихъ лугахъ уродились плохо, но у меня на арендѣ опять вышли очень хороши клеверъ съ тимоѳеевкой, опять я наклалъ до начала покоса половину сарая. Завидовать моей удачѣ стали больше и больше. Михайло П., ходившій въ то время старостой и тоже склонявшійся къ тому, чтобы ввести травосѣяніе—во время покоса увидавши гдѣ-нибудь выросшій клокъ тимоѳеевки, срывалъ ее и говорилъ:

— Глядите, православные, навѣрно тутъ С. Т—ва скотина ходила. Ишь отъ хорошаго корму-то и хорошая трава растетъ, а отъ нашихъ что̀ вырастетъ?

Говорилось это шутя, но нѣкоторые стали соглашаться, что въ этомъ кроется правда. Кромѣ меня, клеверъ хорошъ уродился въ одной деревнѣ верстахъ въ пяти отъ насъ, въ Брюхановѣ, гдѣ въ прошломъ году было посѣяно первый разъ 50 десятинъ клевера, по ржи на надѣльной землѣ. Эта деревня обладала большимъ надѣломъ, но земля у нихъ была въ такомъ забросѣ, что не давала ни травы, ни хлѣба. Они всегда покупали траву въ Степанковѣ, и всѣ праздники лѣтомъ, бывало, гремѣли телѣгами по нашей деревнѣ, ѣздя туда на покосъ. И вдругъ въ этомъ-то году имъ не только не пришлось ѣздить покупать траву, но они сами стали продавать ее. Для себя они столько запасли корма, сколько, какъ они говорили, сроду не бывало. Дѣйствительно, у нихъ клеверъ уродился необыкновенный. По расчету, съ десятины его накашивали возовъ 20—25. При про-

дажѣ на корню травы съ десятины выручалось рублей по 80, чего никогда не давалъ никакой хлѣбъ. Ленъ въ хорошее время давалъ больше, но онъ требовалъ столько труда и заботъ, чего за клеверомъ и третьей доли не было.

Всѣ, конечно, заахали отъ удивленія и зависти. У самыхъ закоснѣлыхъ рутинеровъ измѣнился взглядъ на травосѣяніе. Въ серединѣ покоса ко мнѣ пришли староста и нѣкоторые воротилы и стали просить составить приговоръ для подачи въ уѣздную управу съ просьбой ввести у насъ правильное травосѣяніе.

Весною уже надѣльныя поля были разбиты вмѣсто трехъ на четыре, и одно изъ нихъ засѣяно клеверомъ.

Послѣ посѣва клевера обнаружилось, что яровое поле стало значительно меньше. Рѣшили, хотя не безъ споровъ, увеличить его, поднять подъ ленъ бывшую въ этомъ полѣ часть луговины, много лѣтъ уже почти не родившей травы. Ленъ на этой луговинѣ вышелъ необыкновенно хорошъ. На другой годъ тутъ была посѣяна рожь, которая уродилась тоже выдающейся изъ всего поля. На слѣдующій годъ былъ первый укосъ клевера. Клеверъ уродился средняго качества, все-таки его получилось на каждую душу отъ 8 до 10 возовъ. Кромѣ этого, съ августа до самой зимы скотина кормилась на дворѣ отавой, которой было изобиліе, и скотъ сталъ на зиму такимъ сытымъ, какимъ никогда не бывалъ.

Въ первый же годъ скота прибавилось въ деревнѣ 20 дней (одинъ день считается съ крупной головы, мелочь же $^1/_2$ и $^1/_4$ дня). На другой годъ всѣ молодые жеребята были пущены на племя, прежде же они пускались рѣдко, а уничтожались, чтобы не мѣшались въ работѣ. Хорошіе стриганы поднялись въ цѣнѣ настолько, что за нѣкоторыхъ платили по 40 рублей.

Удовольствіе отъ нововведенія было полное и пого-

ловное; старые мужики стали говорить, что вотъ когда пришла настоящая воля-то, а до сихъ поръ они ея не знали. Теперь бы вотъ намъ начинать жить-то.

XXXII.

Въ другихъ случаяхъ старина оказывалась не такъ легко поколебимой и возставать противъ нея было все равно, что прать противъ рожна.

Однажды послѣ святокъ вернулся домой изъ извоза, съ большой дороги изъ нашего уѣзднаго города въ Москву мой сосѣдъ. Его сейчасъ обступили нѣсколько односельцевъ и первымъ дѣломъ спросили, что̀ новенькаго.

— Что̀ новенькаго? Новенькаго-то есть много,—значительно сказалъ мой сосѣдъ,—да говорить-то не хочется.

— Что же такое?

— Да больно страшно.

— Что же это за страсти?—съ загорѣвшимся любопытствомъ пристали къ нему.

— А вотъ какія страсти, — началъ сосѣдъ. — Около большой дороги есть деревушка, въ деревушкѣ, какъ и во всякой деревнѣ, была молодежь. Вотъ эта молодежь-то нонче на святкахъ собралась гулять въ одной избушкѣ. Собирались они каждый вечеръ и въ гульбѣ-то не видали, какъ и время прошло. Подошли „свѣчки“ (канунъ Крещенья), а имъ все еще повеселиться хочется. Вздумали они и наканунѣ „свѣчекъ“ погулять, да чередомъ. Раздобыли винца, самоваръ поставили. Одинъ парень гармонію взялъ и сталъ наигрывать. Одинъ играть, а другой выискался плясать, а ко плясуну-то плясунья нашлась Вотъ и начали они откалывать, разошлись, удержу нѣтъ. Гармонистъ играть замучился, а они все пляшутъ. Онъ

бросилъ играть, а они все не бросаютъ. Ихъ стали уговаривать, а они и слова не говорятъ. Ихъ хотѣли остановить, такъ куды ты, не подступишь. Ну, ребята и дѣвки видятъ, что дѣло-то плохо, изъ избы-то вонъ, созвали народъ, пришли къ нимъ, а народъ-то что̀ же можетъ сдѣлать? Прошла вся ночь, а они все пляшутъ, изъ глазъ слезы катятся, почернѣли всѣ, а перестать не могутъ. Днемъ отъ пляса-то полъ въ избѣ провалился, а они и въ подпольѣ все пляшутъ...

Это извѣстіе быстро распространилось по всей деревнѣ, перешло въ другую, и весь мясоѣдъ только и разговоровъ было что про плясуновъ. Такая способность къ легковѣрію создаетъ не только разговоры, но и большія по значенію дѣла.

Въ слѣдующую же весну въ селѣ Черленковѣ вер стахъ въ 7 отъ насъ, на старомъ кладбищѣ, появилась какая-то пожилая баба и стала бродить между могилками. Потомъ она остановилась около камня, до половины вросшаго въ землю, безъ всякой надписи, а только съ признакомъ выпуклаго креста на верхней сторонѣ, и припала къ нему. Ее замѣтилъ кто-то изъ сельчанъ и, заинтересовавшись, спросилъ, что она тутъ дѣлаетъ. Баба заявила, что искала и нашла мѣсто успокоенія богоугоднаго человѣка. Этотъ человѣкъ являлся къ ней ночью и заявилъ, что онъ былъ „застеганъ при господахъ“, а теперь находится въ милости у Бога. „Я угоденъ Богу, и Богъ, чего я ни попрошу, то для всякаго сдѣлаетъ“. Молва объ этомъ тотчасъ же распространилась по селу. Стали узнавать, откуда баба. Оказалось, она изъ деревни Холмецъ, верстъ за 10 отъ Черленкова,—баба, большого довѣрія не заслуживающая,—отчасти придурковатая, отчасти „тронутая“. Молва объ ея разсказѣ мало-по-малу прекратилась и замерла на цѣлый годъ.

Въ Николинъ день, 9 мая, въ Черленковѣ бываетъ ярмарка, куда изъ окружающихъ деревень всегда съѣзжается множество народа. Въ этомъ году нѣкоторые изъ досужихъ людей, вспомнивъ прошлогодній разсказъ о богоугодномъ человѣкѣ, покоющемся на старомъ кладбищѣ, пошли туда полюбопытствовать. Сначала образовалась кучка, а затѣмъ она выросла въ цѣлую толпу. Нашлись такіе, которые не полѣнились отправиться къ бабѣ на домъ и разспросить ее подробно, какъ она узнала, что въ Черленковѣ открываются мощи. Баба отъ своихъ словъ не отказалась, а еще добавила, что „святого“ зовутъ Филиппомъ, но только онъ не изъ мірского званія, а изъ духовнаго. Онъ будто бы являлся къ ней вновь, но уже въ духовной одеждѣ. А что это достойный человѣкъ, не трудно убѣдиться: стоитъ приложить ухо къ могилѣ, и услышишь, какъ Филиппъ съ Богомъ бесѣдуетъ. Богъ спрашиваетъ, кому и что̀ сдѣлать: кого наказать, кого наградить, и Филиппъ Ему докладываетъ.

Сильнѣе всего это подѣйствовало на черленковскихъ бабъ. Онѣ собрались въ одинъ праздникъ и рѣшили отслужить на могилкѣ панихиду по Филиппѣ. Причтъ отъ этого не отказался и отслужилъ панихиду. Сейчасъ же по окрестностямъ разнеслась молва, что на могилкѣ „служатъ“. Тогда въ Черленково со всѣхъ сторонъ потянулся народъ. Панихиды шли одна за другой. Стали брать землю съ могилы, здоровые для здоровья, больные—въ надеждѣ на исцѣленіе. Стали говорить, что земля эта отъ всего помогаетъ, что ее можно ѣсть, и ее брали и ѣли, настаивали ею воду и пили, подбавляли въ чай. Скоро на могилкѣ образовалась такая яма, что въ ней могъ спрятаться человѣкъ. Причетники засыпали яму рѣчнымъ пескомъ, но и песокъ скоро разобрали; подвезли еще, но и этого не надолго хватило. Тогда подрядили одного крестьянина, который и

сталъ возить песокъ ежедневно. Песокъ, такъ же какъ и землю, ѣли, пили его настой, натирали больныя мѣста, сыпали въ больные глаза, въ уши. Въ Черленковѣ появились кликуши, слѣпые, хромые, горбатые, параличные, сифилитики. Пріѣзжали даже изъ другихъ губерній. Распространились слухи о чудесахъ. Про одного крестьянина говорили слѣдующее: онъ усомнился въ правдѣ того, что разсказывала баба, и былъ наказанъ: у него родила жена, сочли ребенка дѣвочкой, а послѣ крещенья онъ оказался мальчикомъ. Другой мужикъ, поѣхавшій въ лѣсъ, не дождавшись окончанія крестнаго хода на могилку, попалъ подъ возъ и ему раздробило ногу. Одна дѣвочка была нѣмою до 6 лѣтъ, но, побывавъ на могилкѣ, сразу стале говорить. Одна больная ногами, только посидѣвъ на могильномъ камнѣ, почуствовала облегченіе, и т. п. Стали говорить, что отъ могилы исходитъ благоуханіе, что къ ней ѣдутъ московскій митрополитъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій, губернаторъ. Ждали со дня на день вскрытія могилы и открытія мощей. Панихиды служились и въ церкви и на кладбищѣ. На могилу устраивались крестные ходы...

Сборы за службу достигали невиданныхъ сельскимъ причтомъ суммъ. Мѣдныя деньги измѣрялись кружками въ гарнецъ величиной. Изготовлялось и продавалось въ одинъ день по нѣскольку тысячъ просфоръ. Уѣздный свѣчной складъ не успѣвалъ поставлять для церкви свѣчи. Измучались за весну и причтъ и сельчане; всѣхъ богомольцевъ не вмѣщало вь себѣ имѣющееся въ селѣ трактирное заведеніе, и каждая изба обратилась въ чайную лавочку, гдѣ поили приходящихъ чаемъ, продавали съѣстное, кувшинчики для воды, платочки для земли. Ситный, баранки пекли чуть ли не возами, и все разбиралось нарасхватъ, при двойныхъ цѣнахъ.

Наконецъ, обо всемъ этомъ дошло до свѣдѣнія какъ

епархіальнаго, такъ и свѣтскаго начальства. Сначала былъ вызванъ въ Москву старый священникъ и послѣ опроса устраненъ отъ мѣста; затѣмъ поручено прокурорскому надзору произвести строжайшее разслѣдованіе причины слуховъ, вліявшихъ на массу, и если окажется, что они распространялись съ цѣлью получить матеріальную выгоду, то привлечь виновныхъ къ отвѣтственности. Но вѣра въ чудотворца не поколебалась, и паломничество простодушныхъ богомольцевъ въ Черленково продолжалось очень долго, пока не было окончательно запрещено служить панихиды и новому священнику не внушено говорить проповѣди и вразумлять народъ, что никакихъ мощей тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Тогда только паломничество мало-по-малу прекратилось.

XXXIII.

Однажды, я пріѣхалъ въ волостное правленіе по какимъ-то дѣламъ. Попалъ я какъ разъ въ день засѣданія волостного суда, и тамъ мнѣ пришлось прослушать одно дѣло, вызванное появленіемъ черленковскаго „чудотворца“. Крестьянка сосѣдней съ Черленковой деревни—Дятлово, по имени Мароа, жаловалась на своего односельца Илларіона и его сноху Анну, которые распускаютъ про нее, Мароу, молву, что будто бы она колдунья. Вслѣдствіе этого ея положеніе въ деревнѣ стало невыносимымъ. Она жила дома одна, и каждый часъ должна опасаться, какъ бы съ ней не учинили самосуда.

— Подумайте сами, господа судьи,—говорила Мароа,—каково мнѣ теперь приходится жить? Я вѣдь старому и малому черезъ это не мила стала. Встрѣчи со мной чураются, ругаются, когда я нечаянно дорогу кому перейду, ребятишки дразнятъ, кошку увидятъ, что ко

мнѣ бѣжитъ,—думаютъ, что это нечистый. Я ни сномъ ни духомъ ничего не знаю, хоть присягу готова принять, а на меня говорятъ. Вѣдь я черезъ это день и ночь жду себѣ бѣды...

— Почему же они тебя этимъ упрекаютъ?—спрашиваетъ предсѣдатель.—Началось же это съ чего-нибудь?

— Началось съ того: мимо насъ въ Черленково богомольцы ходили, такъ иной разъ они ночевали у насъ. Были межъ нихъ и порченыя, одна бобылка наша Домна любила ихъ пріучать у себя. Порченыя и стали кричать у ней, что и въ нашей деревнѣ есть такіе же. Глядимъ, и правда, у насъ кричать стали. И будто на меня жалятся, будто я ихъ испортила. Одинъ разъ была сходка. Послѣ сходки староста и говоритъ мнѣ: „Маѳа, желаютъ тебя мужики въ избу къ Ильѣ Петрову, пойдемъ“.—„Пойдемъ,—говорю,—я отъ людей не прочь“. Приходимъ мы къ Ильѣ Петрову. Онъ зажегъ лампадки, открылъ божественную книгу и говоритъ: „Вотъ, православные, завелись у насъ, грѣшнымъ дѣломъ, бѣсноватые; вотъ молитва, какъ отчитывать ихъ; я буду читать, а вы слѣдите, кто, говоритъ, на нихъ бѣса напустилъ, того заломаетъ“. Сталъ онъ читать, мы стали молиться. Всѣ поглядываютъ на меня,—меня ничего. Вдругъ какъ заблажатъ эти, нездоровыя-то, а Анна всѣхъ пуще, и называетъ она меня колдуньей, за ней и другія. Такъ и рвутся ко мнѣ. Ларивонъ тогда и говоритъ: „Пустите ихъ къ ней, пусть онѣ ее поцапаютъ“. Ну, тутъ за меня староста, спасибо, вступился. Анна еще пуще. Она, говоритъ, колдунья, 20 человѣкъ въ деревнѣ испортила, она пережины дѣлаетъ, заломы ломаетъ... Ну, на меня и стали съ тѣхъ поръ всѣ медвѣдемъ глядѣть. Заступитесь, судьи праведные, не дайте въ обиду...

— Экая глупость! — восклицаетъ предсѣдатель. — Нешто можно такъ оговаривать? И Илья этотъ дуракъ,

зачѣмъ онъ въ своей избѣ такія дѣла заводитъ. Позовите Ларивона.

Ларивонъ, бородатый мужикъ, съ сизымъ носомъ, заявилъ, что онъ никакого намѣренія оскорблять Маръу не имѣлъ, а если и говорилъ что̀, то только повторялъ слова снохи.

Зовутъ его сноху. Анна молодая бабочка, но уже съ посинѣвшими губами и страдальческимъ выраженіемъ лица; на вопросъ, почему она называла Маръу колдуньей,—вдругъ мѣняется въ лицѣ и съ страшной силой топаетъ ногою и истеричнымъ голосомъ выкрикиваетъ:

— Испортила она меня... Колдунья она... Проклятая... Она! она! она!.. Дайте, я ее убью!.. Дайте, я ее задушу!..

Баба мечется въ страшномъ неистовствѣ и рвется къ Маръѣ; нѣсколько мужиковъ схватили ее и вывели въ прихожую. И тамъ Анна продолжала вопить и биться, и ее долго не могутъ успокоить. Маръа стояла блѣдная. Судьи оробѣли. Писарь одинъ храбрился и проговорилъ:

— Горячихъ бы ей всыпать,—небось бы...

— Нынче этого не полагается, — сказалъ предсѣдатель,—а бывало этимъ лѣчили.

— Вотъ слышали, судьи праведные,—со слезами на глазахъ заявила Маръа,—каково мнѣ это терпѣть?

— Что-жъ дѣлать, это, видно, крестъ твой,—терпи!— утѣшалъ ее предсѣдатель.

— За что̀ терпѣть-то, кабы я што?..

— Ну, Божье попущенье.

Начался опросъ свидѣтелей. Свидѣтелей трое. Они старались обѣлить Ларіона и ясно высказывались, что если Маръу обзываютъ такъ, значитъ, не напрасно; напрасно всѣ не закричатъ.

Староста ихъ деревни подтвердилъ, что начали кри-

чать у нихъ съ тѣхъ поръ, какъ у Домны пожила какая-то богомолка, сама одержимая. Она черезъ Домну давала бабамъ пить травы, и онѣ послѣ этого стали кричать и выкрикивать Марѳу. Судьямъ сообщили, что Анна успокоилась; они велѣли удалиться Марѳѣ и вызвали Анну. Анна успокоилась и стала говорить искреннимъ тономъ, что чувствуетъ въ своемъ нутрѣ что-то страшное, мучительное, распирающее ее, точно у ней тамъ ворочается человѣкъ, и когда она кричитъ, то сама себя не помнитъ. На вопросъ, почему она думаетъ, что ее испортила Марѳа, Анна при одномъ этомъ имени теряетъ спокойстввіе, опять ее всю подергиваетъ судорога, и она, зажмуривъ глаза, кричитъ:

— Она! Ея дѣло! Она проклятая! — И цѣлый градъ ругательствъ сыплется изъ ея устъ. Ее опять удалили. Судьи не хотѣли признать невмѣняемость, а признали ее виновною и приговорили Анну за подтвержденное оскорбленіе Марѳы къ семи днямъ строгаго ареста при волостномъ правленіи.

XXXIV.

Какъ и все въ природѣ борется, и въ деревнѣ шла борьба нарождающагося съ отжившимъ, стараго съ новымъ. Сильно старое, но и новое крѣпло, набиралось силы и съ каждымъ годомъ давало больше и больше о себѣ знать. Развитіе нововведеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ нашемъ уѣздѣ развилось, главнымъ образомъ, при поддержкѣ молодыхъ хозяевъ, грамотныхъ, пожившихъ на сторонѣ, поэтому способныхъ попроворнѣй шевелить мозгами. Старое же поколѣніе только выдвигало этому различныя препятствія. Первые плуги у насъ завелись и распространились въ большинствѣ

случаевъ при помощи жившей на сторонѣ молодежи. Ими же покупались и присылались сѣмена лучшихъ хлѣбовъ, сѣянныхъ травъ. Нѣкоторыми пріобрѣтались и присылались лучшей породы телята и жеребята для выростки, яблони и садовые кусты для посадки.

Грамотнымъ хозяевамъ присылались книжки, сельскохозяйственныя изданія, настойчиво рекомендуя читать ихъ для руководства. Старики иногда это принимали, но больше были равнодушны; они не понимали, какой отъ печатной бумаги можетъ быть толкъ, и утилизировали ее для другихъ цѣлей. Выписалъ я своему отцу разъ „Земледѣльческую Газету", — говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ молодцовъ: — пускай, думаю, почитаетъ, авось что-нибудь пойметъ да на усъ намотаетъ. Пріѣзжаю къ Пасхѣ домой, гляжу, вся изба свѣжей бумагой оклеена. Вглядываюсь, а это моя „Земледѣльческая Газета". „Что же это такое, — говорю: — я вамъ выписалъ ее, чтобы читать, а вы ею стѣны оклеили?" Старикъ мнѣ на это: „Ну, что тутъ читать, это не про насъ писано". — „Какъ не про васъ, вѣдь тутъ насчетъ хозяйства?" — „Знаемъ, что насчетъ хозяйства, да дураки пишутъ, — дураки и читаютъ; что̀ они знаютъ, то мы уже давно забыли".

Другой отцу пчеловоду прислалъ книжку о пчелахъ, очень обстоятельную и дорогую. И когда тоже пріѣхалъ домой, отъ книжки была одна середочка. Остальное все обтрепали ребята. „Ты что же ее не берегъ? — обратился парень къ старику. — Она вѣдь тебѣ полезна". — „Ничего нѣтъ полезнаго, — отвѣчаетъ старикъ: — что̀ тамъ говорится, то намъ не подходитъ, — не по нашему климату".

Молодежь нисколько не чуждается деревенскаго хозяйства. Если она и жила на сторонѣ, то ихъ отходъ былъ временный, цѣль этого отхода для многихъ лучшее

устройство въ деревнѣ. Главная забота для нихъ—домъ въ деревнѣ, часто въ этомъ для нихъ все благополучіе. Причина ихъ отхода — скудно вознаграждавшее пока земледѣліе, которое одно не могло удовлетворить всѣхъ потребностей. Потомъ пугали и неизбѣжныя стычки со стариками. Нѣкоторыхъ страшилъ общинный порядокъ жизни и землепользованія, который не давалъ развернуться какъ слѣдуетъ и устроить хозяйство болѣе раціонально. Отсюда вытекали вожделѣнія пріобрѣсти отдѣльный кусокъ земли и поселиться на немъ. Такія вожделѣнія одни питали въ одиночку, другіе вдвоемъ, втроемъ. Я много разъ получалъ письма отъ москвичей, которые убѣдительно просили меня узнать, не продается ли въ нашей мѣстности небольшой кусочекъ земли для пріобрѣтенія имъ. Другіе уже купили и хозяйствовали.

XXXV.

Изъ стариковъ въ деревнѣ есть очень почтенные люди, вызывающіе къ себѣ непоколебимое уваженіе, но ихъ уже немного, и ряды ихъ съ каждымъ годомъ уменьшаются. Слѣдующее за ними поколѣніе какое-то безцвѣтное, безустойчивое. Несмотря на то, что они захватили немного крѣпостного права, отмѣна его произошла на ихъ глазахъ, они совершенно равнодушны ко всему касающемуся крестьянской общественности. Пьяницъ больше изъ этого поколѣнія. Но изъ ихъ дѣтей то и дѣло встрѣчаются такіе, которые способны искупить всѣ недостатки отцовъ.

Я не знаю выходили ли прежде изъ крестьянъ въ такой степени безо всякой систематической подготовки образованные люди. Въ наше же время они явились. Изъ моихъ земляковъ многіе могли быть названы интел-

лигентными въ полномъ смыслѣ слова. Одинъ изъ нихъ жилъ въ Москвѣ конторщикомъ на одной фабрикѣ. Онъ родился и выросъ въ деревнѣ, былъ кое-какъ обученъ грамотѣ и отданъ въ Москву въ мальчики къ бакалейному торговцу. У него развилась любовь къ чтенію. Онъ по половинѣ ночи просиживалъ у себя въ уголкѣ, съ огаркомъ свѣчи за книжкой. Тратилъ на книжки последнія копѣйки и жадно глоталъ, что попадалось въ нихъ. Онъ много прочиталъ, и этимъ развилъ себя настолько, что сталъ очень сознательно относиться ко всему окружающему, сталъ многимъ интересоваться. Онъ очень мечталъ сѣсть на землю. Разъ онъ сдѣлалъ попытку, но попалъ вь недобросовѣстную компанію „интеллигентныхъ“ артельщиковъ, которые обманули его: воспользовавшись его довѣрчивостью, они забрали у него имущество и тайно уѣхали отъ него, оставивъ его съ пустыми руками.

Другой — болѣе пожилой. Онъ жилъ въ Москвѣ и многихъ другихъ городахъ, многое перечиталъ, многое передумалъ. Этотъ пріобрѣлъ себѣ землю, перебрался на нее и нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ ведетъ хозяйство.

Вотъ еще одинъ мастеровой. Онъ учился только въ сельской школѣ и не окончилъ ея, но его начитанность и свѣдѣнія въ разныхъ областяхъ довольно обширны, а между тѣмъ онъ росъ и жилъ въ самой обыденной обстановкѣ, гдѣ господствовали „шпандырь“, водка и картежная игра. Вотъ парень сапожникъ, этотъ даже и въ начальной школѣ не былъ, но любовь къ книгѣ сдѣлала то, что онъ благоговѣетъ передъ всѣмъ свѣтлымъ и разумнымъ, увлекается героями Достоевскаго, особенно Алешей Карамазовымъ, читаетъ философскія книги...

Есть интеллигентныя фигуры изъ бабьей среды. Одну

я очень хорошо зналъ. Она, поучившись въ сельской школѣ, полюбила чтеніе. Любовь къ чтенію свела ее съ такими людьми, которые доставили ей возможность прочитать много полезнаго. Прочитавши массу книгъ, она сама захотѣла учить другихъ читать и стала готовиться на учительницу, выдержала экзаменъ и получила мѣсто. Книжными теоріями она увлеклась настолько, что въ обыденной жизни даже пересаливала. Она на все стала глядѣть съ точки зрѣнія нормальности и гигіеничности. За работой она не уставала, а „переутомлялась". Для здоровья, по ея мнѣнію, очень было „гигіенично" больше гулять. Въ разговорахъ она всегда употребляла ученыя слова. Вмѣсто „я съ вами согласна", говорила: „я съ вами солидарна". Слово „отдѣльно" замѣняла словомъ „изолировано". Желая сказать: „я это не люблю", говорила „я къ этому отношусь отрицательно". Барышника величала: „утилитаристомъ" и т. п. Теперь она бросила школьное дѣло, перекочевала въ другую губернію и вышла замужъ.

Подобные типы встрѣчаются и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Они бросили городскую жизнь и живутъ дома, перенося иногда большія невзгоды. Невзгодъ же встрѣчается не мало. Многіе изъ стариковъ не способны понять тѣхъ душевныхъ побужденій, которыя руководили такими людьми при поселеніи въ деревнѣ. Имъ страннымъ кажется предпочтеніе сытой и чистой, правда, подневольной городской жизни свободному, но плохо матеріально обставленному, деревенскому житью. Для нихъ, если человѣкъ хорошо могъ жить въ Москвѣ или Петербургѣ и зарабатывать хорошія деньги, только въ городскихъ условіяхъ и кажется онъ на своемъ мѣстѣ. Въ деревнѣ же онъ—бѣльмо на глазу, и они никакъ не могутъ переварить этого и вскорѣ начинаютъ выражать неудовольствіе. „Что тебя шутъ притащилъ, куда тебя

не звали? Худо тебѣ тамъ-то было? Съ жиру, должно, блажь въ голову пришла“... А тутъ еще, оказывается, вернувшійся изъ города человѣкъ осуждаетъ старую систему хозяйства, говоритъ, что въ обществѣ много нехорошаго, многое нужно измѣнить; непочтительно относится къ почтеннымъ деревенскимъ лицамъ, называетъ ихъ міроѣдами, критикуетъ ихъ, не прочь и въ глаза правду сказать. Старики выдумываютъ различныя небылицы, и вдругъ деревенскій новоселъ въ одно прекрасное утро слышитъ, что его обвиняютъ въ томъ, что онъ въ Бога не вѣруетъ, противъ порядка бунтуетъ. Доходятъ такіе слухи до причта, причтъ перетрухиваетъ, совѣтуетъ съ такими людьми не церемониться. „За ноги—да въ воду“, посовѣтовалъ одинъ дьяконъ крестьянамъ одной деревни способъ избавиться отъ такого смутьяна. Въ другомъ случаѣ причтъ брался самъ посодѣйствовать устраненію такого человѣка изъ общества. Онъ просилъ только приговора, характеризующаго поступки такого человѣка.

XXXVI.

Не сошло безнаказанно и мнѣ мое настойчивое желаніе жить въ „міру“, но не во всемъ подчиняться этому „міру“. Дошло дѣло до того, что и меня нѣкоторые мои односельцы подвели подъ уголовный судъ.

Еще когда я только снялъ аренду въ Суровцовской сѣчѣ и завелъ тамъ посѣвы травы, мнѣ пришлось возбуждать противъ себя міръ тѣмъ, что я сталъ тамъ въ неположенное время работать. Напримѣръ, травы тамъ у меня вырастали быстро, къ половинѣ іюня ихъ ужъ можно было косить, да и нужно, такъ какъ тимоѳеевка въ это время цвѣла, а ее, чтобы получить хорошій кормъ,

нужно было скосить въ началѣ цвѣтенія, иначе кормъ будетъ хуже соломы. Въ это же время въ деревнѣ какъ разъ идетъ навозница. Въ будни косить некогда. Поджидаешь праздника, берешь нѣсколько односельцевъ и скашиваешь все. Накашивалъ я обыкновенно возовъ 15—20. Скосить было легко, но возить не такъ скоро: нужно ее высушить, окопнать и потомъ уже возить; работы бывало на нѣсколько дней. Въ это же время случаются маленькіе праздники: 23 іюня — Аграфены купальницы, 24—Ивановъ день, 26—Тихвинская, 28—канунъ Петрова дня, въ нашемъ городѣ ярмарка, и вотъ кто ѣдетъ туда за покупками, кто ведетъ продавать лошадь или корову. Установилось, чтобы въ эти дни мірскихъ работъ не работать. Значитъ, и я не долженъ былъ убирать покоса. Сначала я было подчинялся этому, но потомъ рѣшилъ, что подчиняться этому установленію нѣтъ никакого смысла. Бывало такъ, что не поработаешь 23—24, а 25 пошелъ дождикъ, и мало того, что попортится сѣно, работа затягивается. Празднованія же все равно у насъ никакого не было, въ церковь, за дальностью разстоянія, не ходили, и дѣлали по дому мелкія работы: пололи гряды, вязали вѣники, насаживали косы и грабли. Моя работа никакого порядка не нарушала. А такъ какъ я работалъ не на общественной землѣ, то и общественному уставу не обязанъ подчиняться. И я сталъ въ эти дни работать. Мужики сначала косились, потомъ начали ворчать, а дальше стали и поругиваться, но я не обращалъ на это никакого вниманія.

Лѣтомъ 1899 года, я не помню, почему-то у насъ затянулся ржаной сѣвъ. Обыкновенно его кончали сейчасъ же послѣ Успенья, но въ этотъ годъ послѣ Успенья только начинали. Успенье же былъ не рабочій день, на другой день—третій Спасъ, тоже обыкновенно гуляли, слѣдующій день — было воскресенье. Начинать сѣвъ

приходилось въ понедѣльникъ, но только въ понедѣльникъ встали утромъ, какъ староста зазвонилъ на сходку. Дѣло въ томъ, что по округу носили деревянную статую Николая чудотворца, или „угодника“, какъ называютъ у насъ, находящуюся въ нашемъ городскомъ соборѣ и носимую каждое лѣто по деревнямъ. Сопровождавшее ее духовенство прислало предложить принести его намъ. Стали совѣтоваться, многимъ было желательно устроить богомолье, но и время-то было упущено, значитъ, еще день или два не работать; посовѣтовавшись, рѣшили поступить такъ: послать двухъ уполномоченныхъ въ Бухолово, куда угодника должны были принести, и отслужить передъ нимъ молебенъ, на что изъ мірскихъ суммъ было отпущено три рубля, а самимъ ѣхать пахать. Такъ и сдѣлали. Я тоже поѣхалъ пахать. Я въ этотъ годъ сѣялъ рожь съ фосфоритомъ, посѣвъ руками, дѣло было трудное, но я собрался совсѣмъ и принялся за работу. Пока мы принимались тамъ за работу, объ угодникѣ пришелъ новый слухъ: его берутъ не только бухоловскіе, но и игнатковскіе. Василій Петровъ, печникъ, горячій и безтолковый старикъ, былъ уязвленъ въ своемъ общественномъ самолюбіи. „Какъ, игнатковскіе берутъ, а андреевскіе нѣтъ? Что же мы хуже ихъ, что ли? Староста, почему мы не взяли въ деревню угодника?“

— Да міръ не пожелалъ. Ты былъ на сходѣ-то, слышалъ, что говорили: отслужить въ Бухоловѣ молебенъ.

— Это ты все перетянулъ,—загорячился Василій Петровъ:—ты самъ колувѣръ (Михайло П. былъ старообрядецъ) и другимъ мѣшаешь молиться; намъ, може, изъза этого Богъ и дождя-то не даетъ, такой-проэтакій.

Старосту взорвало, и онъ проговорилъ:

— Да мнѣ-то что, Господи Боже! Да давай хоть сей-

часъ позовемъ, что тебѣ, что мнѣ. Что ты меня урекаешь!

— Знамо, зови, что-жъ мы ниже игнатковскихъ будемъ!

Староста зазвонилъ снова на сходку; когда мужики собрались, онъ проговорилъ:

— Братцы, меня урекаютъ, что я будто отъ угодника міръ отстраняю, а я этого не хочу; ступайте, несите его, батюшку, въ деревню.

— А какъ же работать-то?

— И работать пріостановимъ. Гришка, поѣзжай въ поле, гдѣ пашутъ, говори, чтобы домой ѣхали,—не нужно работать... За угодникомъ пусть идутъ.

Григорій пріѣхалъ въ поле (мы пахали на купленной землѣ) и оповѣстилъ всѣхъ, чтобы ѣхали домой, пойдутъ за угодникомъ. Я спросилъ, кто это перерѣшилъ общественный уговоръ. Григорій разсказалъ мнѣ. Я рѣшилъ продолжать пахать, и домой не поѣхалъ, пока не вспахалъ и не засѣялъ своей полосы.

Когда я пріѣхалъ домой, то меня встрѣтили чуть не съ плачемъ мои домашніе; говорили, что міръ, проводивши угодника, разсвирѣпѣлъ: мужики долго ругались и постановили оштрафовать меня пятью рублями. Я сказалъ, что если они имѣютъ на это право, то пусть, я уплачу штрафъ; но ни міръ, ни староста такого права не имѣлъ,—и рѣшеніе міра вскорѣ забылось.

Ругань и злобствованіе за нарушеніе мірскихъ обычаевъ происходили за глазами; въ глаза же мнѣ никто ничего не говорилъ, и отношенія съ односельцами моими продолжали быть самыми хорошими. Такъ все шло до лѣта 1901 года. Это лѣто было жаркое. Покосъ, по случаю уборки клевера, затянулся, и подоспѣла рожь. Подходилъ Ильинъ день. Послѣднюю пятницу передъ Ильинымъ днемъ у насъ не работали, но въ этотъ годъ

кое-кто изъ молодыхъ мужиковъ стали поговаривать, что нынче слѣдовало бы этотъ день поработать. Праздникъ не Богъ знаетъ какой, а время дорого. Останется одна упряжка корма, и то будетъ потеря; я присоединился къ этому отъ всей души и ждалъ, когда объ этомъ зайдетъ рѣчь, чтобы настаивать на томъ, чтобы въ этотъ день работать. Рѣчь зашла наканунѣ, послѣ покоса. Староста обычно спросилъ: „Ну, ребята, какъ завтра: работать или нѣтъ?“—„Вѣстимо, нѣтъ!—послышались голоса.—Прежде не работали, а нонче почему же работать? Я приглядѣлся къ тѣмъ, кто говоритъ. Это оказалось Григорій Львовъ, самоварщикъ; у него скопилось нѣсколько самоваровъ, и онъ, очевидно, надѣялся въ этотъ день ихъ полудить; Егоръ Емельяновъ, которому хотя бы весь вѣкъ не работать; Данила сапожникъ, всегда поддерживавшій всякую не-работу, и Иванъ солдатъ. Доводы у всѣхъ противъ работы были своекорыстные, и меня это раздражило. Я сказалъ, что нужно работать, нѣтъ резона не работать; меня поддержали два-три голоса, но большинство набросилось на меня: „Да ты что! Ты всегда такъ! Ты весь міръ баламутишь. Ты въ праздники работаешь,—а въ будни гуляешь. Ты вотъ, когда къ намъ угодникъ приходилъ, и то пахалъ!“ Я сталъ отгрызаться отъ нихъ и заявилъ, что я работать буду, пусть грѣхъ будетъ на моей душѣ, я за него самъ отвѣчу, а другимъ обо мнѣ заботиться нечего; въ рай за волосы не тянутъ. Споръ былъ долгій и горячій; многіе были раздражены и ушли съ покоса съ рѣшеніемъ завтра не работать.

Я хотѣлъ-было въ этотъ день жать, но у меня оказалась рожь еще не поспѣвшею. Другихъ же дѣловъ не было, пришлось волею-неволей гулять.

XXXVII.

И эта вспышка забылась, но, оказалось, не надолго, а только до слѣдующей весны. Въ слѣдующую весну холода затянулись. Пахота не начиналась до начала мая. Это было дѣло небывалое, по крайней мѣрѣ для меня. Но только начали пахать, опять пришли праздники. 5-го мая было воскресенье. Въ Игнатковѣ образовалось село, построили церковь, гдѣ былъ молодой ретивый попъ. У насъ носили иконы по случаю праздника 9-го мая, Николина дня. На другой день былъ табельный праздникъ, у насъ табельные праздники рѣдко почитаются, но въ этотъ годъ не было никакой возможности не работать въ него. Пропустивши этотъ день, мы должны были посреди недѣли не работать еще 3 дня, такъ какъ праздники были 8, 9 и 10. Никола у насъ былъ второй престольный праздникъ. Работа могла оттянуться надолго, а, по народному понятію, „вешній день осенней недѣлей правитъ". Но послѣ общественнаго молебна молодой священникъ обратился къ мужикамъ и спросилъ, будутъ ли они завтрашній день работать? Мужики сказали, что будутъ. „Какъ же такъ, развѣ можно, вѣдь табель?"—„Что-жъ, у насъ прежде работали, а нонче поготову нужно работать". Священникъ сталъ ихъ стыдить за работу въ такіе дни, и въ концѣ концовъ пригрозилъ имъ тѣмъ, что они могутъ за это и пострадать; онъ знаетъ случай, когда за работу въ эти дни цѣлое общество подвергнули аресту. Мужики заколебались: а ну-ка, правда, нагоритъ—вѣдь плохо дѣло-то? и нѣкоторые стали говорить, что, правда, работать не нужно. Меня въ этотъ день дома не было, я уѣзжалъ; когда я вернулся и мнѣ передали увѣщанія священника и его запугиваніе, мнѣ это показалось ни

на чемъ не основаннымъ. Какъ разъ въ это время въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ было опубликовано сенатское разъясненіе, что работать запретить, по закону, никто никогда не можетъ, тѣмъ болѣе въ сельскохозяйственной области. Я сказалъ старостѣ и нѣсколькимъ другимъ мужикамъ, что за работу никто наказывать не можетъ и что завтра работать лучше будетъ, чѣмъ не работать. Мужики согласились съ этимъ, и староста на утро хотѣлъ собрать сходку, чтобы уговориться работать. Я заявилъ, что я, не дождавшись сходки, буду работать, и, дѣйствительно, утромъ уѣхалъ пахать.

Сходка собралась не сразу. Дѣло совпало какъ разъ съ тѣмъ, что Осипъ Ривцовъ въ этотъ день выдавалъ замужъ дочь. Пріѣхавшіе за невѣстой привезли, по обычаю, мужикамъ водки. У пьющихъ потекли слюнки. Когда староста поднялъ вопросъ, не поработать ли имъ сегодня, они набросились на него: „Какъ работать? Зачѣмъ работать? Вчера вѣдь согласились не работать?“— „Да гулять-то нечего, время-то упоздано“.—„Мало что, видишь, кстати свадьба“. Тогда староста заявилъ, что въ обществѣ одинъ работаетъ, и назвалъ меня. Тутъ взбеленились всѣ; опять началась ругань по моему адресу, упреки, что я баламучу міръ, что міръ этого больше не позволитъ, онъ можетъ сократить, и сейчасъ же рѣшили написать жалобу на меня земскому начальнику. Пока не остыла горячка, написали жалобу и отослали.

Я былъ этому очень радъ: у меня была надежда, что земскій начальникъ разъяснитъ имъ, что они не имѣютъ тѣхъ правъ, въ какихъ они увѣрены, и это лишитъ ихъ необходимости на будущее время раздражаться въ подобныхъ случаяхъ и грозиться другимъ. Я сталъ ждать, каковъ будетъ результатъ общественной жалобы, и былъ совершенно увѣренъ, что дѣло съ за-

конной точки зрѣнія никакими непріятностями мнѣ не грозитъ. Дѣло почему-то затянулось. Потомъ, слышу, земскій начальникъ вызываетъ старосту, черезъ нѣсколько времени требуютъ двухъ мужиковъ: Григорія Львова и Егора Емельянова, потомъ старосту вызываютъ въ волостное правленіе. Я думалъ, что его зовутъ затѣмъ, чтобы объявить ему объ оставленіи общественной жалобы безъ послѣдствій, не тутъ-то было: оказалось, что жалоба ихъ передается къ судебному слѣдователю; о чемъ старостѣ и было объявлено.

Я сталъ разузнавать, по какимъ статьямъ я подлежу привлеченію къ судебной отвѣтственности; оказалось, за нарушеніе 182 статьи. Статья эта опредѣляетъ кощунство и караетъ тюрьмой отъ 4 до 8 мѣсяцевъ.

Черезъ нѣкоторое время въ деревню пріѣхалъ судебный слѣдователь и предъявилъ мнѣ обвиненіе. Обвиненіе состояло въ томъ, что я въ 1901 году, лѣтомъ, въ спорѣ съ Егоромъ Емельяновымъ объ Ильинской пятницѣ будто бы сказалъ нѣчто оскорбительное для его религіознаго чувства, и это подтвердилъ Григорій Львовъ, потомъ Осипъ и Захаръ Ривцовы. Сначала они показывали разнорѣчиво, но потомъ спѣлись и говорили всѣ въ одно; несмотря на то, что я никакой оскорбительной фразы не произносилъ, Судебный слѣдователь все-таки придалъ значеніе ихъ показанію больше, чѣмъ моему, и, оформивши слѣдствіе, послалъ его на заключеніе прокурору.

Черезъ нѣкоторое время я получилъ копію съ обвинительнаго акта и въ декабрѣ 1902 года предсталъ предъ выѣздной сессіей Московскаго окружнаго суда, гдѣ свидѣтели подъ присягой подтвердили свое показаніе. И хотя товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія, судъ все-таки не оправдалъ меня, а призналъ виновнымъ и приговорилъ къ 5 днямъ ареста, только приговоръ по-

становилъ въ исполненіе не приводить, такъ какъ прошла какая-то давность.

XXXVIII.

Съ девятисотыхъ годовъ вся наша мѣстность ближе придвинулась къ общей культурѣ: чрезъ нашъ уѣздъ прошла новая желѣзная дорога Московско-Виндавская и внесла въ захолостную жизнь всѣ особенности промышленнаго обновленія. Проведенію дороги многіе радовались потому, что дорога облегчала сношеніе съ Москвою и съ другими пунктами болѣе культурной жизни, куда ходили на заработки; оживляла торговлю; приближала рынки для сбыта мѣстнаго производства. Но въ то же время являлись люди, которые теряли отъ проведенія дороги: цѣлый полкъ крестьянъ, занимавшихся извозомъ, долженъ былъ прекратить ѣзду изъ уѣзднаго города въ столицу,—ихъ работу перебила машина. Потомъ давніе коренные торговцы въ разныхъ пунктахъ вдругъ увидали рядомъ съ собою откуда-то взявшихся энергичныхъ конкурентовъ, объявившихъ имъ безпощадную войну. Съ открытіемъ желѣзнодорожныхъ станцій перемѣстились торговые центры. Купля-продажа сосредоточилась въ новыхъ мѣстахъ и старыя торговыя площади въ Середѣ и Яропольцѣ стали пустѣть. Измѣнилось направленіе дорогъ. Прежніе большаки заглохли и стали заростать травою, а вновь облюбованные проселки превратились въ бойкіе тракты: явились новые рѣдковиданные продукты на базарахъ; пооткрывались веселые трактиры съ машинами, загнусилъ граммофонъ. Мужики, возившіе на станцію дрова, лѣсъ, сѣно, когда заходили подъ вывѣску пить, чай слушали во время своей трапезы шумные марши, визжанье шансонетныхъ пѣ-

вицъ, рулады первоклассныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Старые старики при этомъ углублялись памятью въ прошлое, вспоминая, что было тогда, и сравнивали, что̀ стало теперь—глубоко вздыхали и качали головами, а молодые снисходительно поглядывали на нихъ, какъ бы гордясь тѣмъ, до чего дошелъ человѣкъ въ ихъ время и насколько онъ превзошелъ времена старыя, патріархальныя, гдѣ ни объ чемъ такомъ не помышляли, а жили сѣренькою, нетребовательною жизнью и удовлетворялись ею.

Городъ значительно приблизился къ деревнѣ. Москвичи, прежде являвшіеся въ деревню разъ, два въ годъ, стали пріѣзжать домой во всѣ значительные праздники, а изъ деревни стали чаще ѣздить въ Москву. Какъ-то незамѣтно появилось больше требованія на грамотность. Земство спѣшило выполнить школьную сѣть, которая дала бы возможность всему населенію безъ труда пользоваться школой. Все болѣе открывалось народныхъ библіотекъ, учрежденъ былъ земскій санитарный пунктъ куда на первыхъ порахъ былъ приглашенъ очень энергичный, просвѣщенный и благородно настроенный санитарный врачъ. Началось объединеніе земскихъ учителей и другихъ представителей деревенской интеллигенціи. Явилась попытка показать мѣстному населенію театры, и устроился спектакль. Первый опытъ народнаго спектакля былъ устроенъ въ Ярополыцѣ въ имѣніи графа Чернышева-Кругликова. Опытъ удался. Пришлось заводить новый спектакль, потомъ повторять. Изъ Ярополыца дѣло театра перенеслось въ Середу и вездѣ крестьяне, попадавшіе въ театръ, испытывали огромное удовлетвореніе; новое дѣло давало новую пищу деревенскому жителю, въ немъ возникали новыя мысли, новые вопросы. Главное мѣсто въ деревенскихъ театрахъ занимали пьесы Островскаго. И вотъ его характерные типы, немного

устарѣвшіе для крупныхъ городскихъ центровъ, для деревни, которая съ натискомъ на нее культуры только начинала превращаться въ Замоскворѣчье, выдвигая изъ среды себя Титъ Титычей, Гордѣй Карпычей, Петровъ Ильичей, являлась широкой ареной для могучаго творчества знаменитаго драматурга. Это чувствовали всѣ устроители спектаклей и тѣмъ охотнѣе отдавались новому дѣлу.

Но эта прекрасно начавшаяся дѣятельность сельской интеллигенціи неожиданно встрѣтила серьезное препятствіе. Участники спектаклей, устраиваемыхъ въ Середѣ въ земской больницѣ, во время репетицій останавливались у мѣстнаго врача. Врачъ гостепріимно предоставлялъ имъ свою квартиру и просторныя комнаты съ роялью. И гости проводили время очень оживленно. Но эти собранія заподозрили въ неблагонадежности. Злые языки говорили, что мѣстный становой, обиженный, что на собранія не приглашали его съ женой, наклеветалъ по начальству, результатомъ чего было то, что въ нашихъ углахъ вдругъ появилась жандармерія и стала дѣлать обыски у многихъ участниковъ театральныхъ собраній. И хотя эти обыски мало дали нужнаго для жандармеріи, но все-таки нѣсколько учителей, у кого былъ обыскъ, были немедленно уволены училищнымъ совѣтомъ. Возникла боязнь какъ бы чего-нибудь подобнаго не повторилось, и новая дѣятельность мѣстной интеллигенціи стала ослабѣвать, а потомъ и вовсе прекратилась.

У меня во время этого разгрома тоже произвели обыскъ, потомъ установили усиленный надзоръ. Жандармамъ почему-то оказалась не по душѣ моя книжка „Отчего Парашка не выучилась грамотѣ“, прежде напечатанная въ „Журналѣ для всѣхъ“ и потомъ переизданная „Донской рѣчью“. Надзоръ явно сказывался всюду. Напримѣръ, земство выбрало меня попечителемъ

одной школы, но „Училищный Совѣтъ“ не утвердилъ. Крестьяне зачислили меня сходочнымъ, но земскій начальникъ послѣ перваго же схода предложилъ Съѣзду меня устранить. Конечно, жить въ деревнѣ при такомъ отношеніи стало не сладко, и я сталъ подумывать не уйти ли мнѣ изъ нея. Отъ этого намѣренія меня очень отговаривалъ Л. Н. Толстой, съ которымъ я все время велъ и письменныя и личныя сношенія. Потомъ мнѣ совершенно неожиданно пришлось отдохнуть отъ деревни цѣлые полгода: меня пригласилъ погостить у себя жившій въ то время въ Англіи В. Г. Чертковъ. Я очень охотно поѣхалъ въ чужую землю и всю зиму 904—5 гг. прожилъ на берегу моря, въ южной части культурнѣйшей въ мірѣ земли и издали наблюдалъ за развертывавшимися событіями какъ внутри Россіи, такъ и на окраинѣ ея, на Дальнемъ Востокѣ.

XXXIX.

Вернулся я изъ заграницы весной. Шестимѣсячное отсутствіе изъ дома казалось мнѣ очень большимъ срокомъ. Меня очень интересовало, въ какомъ-то положеніи теперь наша деревня, какъ чувствуютъ себя и какъ относятся ко всему, что̀ теперь дѣлается въ Россіи, наши крестьяне. Въ газетахъ были слухи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начались крестьянскія движенія, столкновенія съ помѣщиками, захватъ хлѣба и земли. У насъ такой остроты не могло быть, потому что въ большинствѣ случаевъ наше крестьянство было обезпечено землей, или собственной, или арендованной. Кромѣ того, земля по своей малопроизводительности не особенно привлекала крестьянъ. У насъ всѣ старались устроиться какъ-нибудь помимо земли: въ Москвѣ, Петербургѣ, дру-

гихъ мѣстахъ. Но, можетъ быть, у нашей деревни обнаружились свои нужды; можетъ быть, волнующій всѣхъ ходъ государственной жизни Россіи захватилъ чѣмъ-нибудь другимъ нашу деревню?

Поѣздъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ мнѣ нужно было выходить. Паровозъ убавилъ ходъ, и черезъ минуту мы остановились около небольшого полустанка, гдѣ я вышелъ изъ вагона.

Поѣздъ ушелъ дальше, а я, усѣвшись на телѣгу случайно подъѣхавшаго къ полустанку Михайлы Платонова, по грязной весенней дорогѣ поѣхалъ къ родному двору.

— Ну, какъ тамъ въ деревнѣ поживаете?—спросилъ я Михайлу П..., когда мы уже порядочно отъѣхали отъ полустанка.

— Живемъ, хлѣбъ жуемъ.

— Перемѣнъ никакихъ въ деревнѣ нѣтъ?

— Какія перемѣны съ нашимъ народомъ, — безнадежно вздохнувъ, сказалъ старикъ.—Все то же. Одинъ ждалъ въ водополье лебедей, не подплывутъ ли, — не подплыли, другой ходитъ стеречь, когда въ сѣчѣ сморчки покажутся.

— На что же?—спросилъ я.

— Жарить да ѣсть,—заглядывая мнѣ въ лицо и улыбаясь, сказалъ Михайло П...

— А новаго ничего не затѣваете?

— Затѣваемъ, — сказалъ Михайло, снова становясь серьезнымъ, и, подумавъ нѣсколько, добавилъ:—хозяйственное общество думаемъ открыть.

— Неужели?—удивился я.

— Въ самомъ дѣлѣ. Думаемъ, какое ни на есть, а подспорье. Самъ знаешь, народъ у насъ несугласный, ничего съ нимъ не подѣлаешь. Нужно хорошаго быка въ стадо завести, а нешто всѣхъ подобьешь. Другой

этого не понимаетъ, онъ разсчитываетъ, что хорошая скотина дорога, и кричитъ—не надо. Онъ кричитъ—не надо, другой—не надо, а третьему-то и говорить ничего не остается,—безсиленъ онъ противъ нихъ.

Онъ замолчалъ, раздраженный воспоминаніями о несогласныхъ однообщественникахъ. Помолчавши немного и обойдясь, онъ опять заговорилъ:

— А въ этомъ обществѣ, по крайности, соберутся такіе, которые желаютъ себѣ добра. Соберемся съ разныхъ деревень, сложимся, быка себѣ купимъ, жеребца, лавку заведемъ, сѣмянъ какихъ понадобится, съ другой земли раздобудемъ. Въ лавкѣ будемъ все отборное держать, плугъ ли, косу ли, а тамъ можно всякихъ товаровъ набрать, — вѣдь все это надо намъ, все покупаемъ, и торговцу-то мы платимъ за это, а тогда заплатимъ себѣ. Потомъ Тимофей Иванычъ, это устроитель-то нашъ, и говоритъ, что можно намъ банку будетъ завесть, собрать среди себя, да тамъ государственная банка дастъ, и будутъ у насъ деньги, и будемъ мы эти деньги давать, кому нужно.

— Это хорошо бы,—согласился я, зная, что деревня насчетъ кредита очень стѣснена.

— Какъ же не хорошо. Теперь нужно мнѣ, положимъ, въ ходъ маслобойню пускать; время, а сѣмя у меня нѣту или мало, положимъ, и денегъ, купить его, негдѣ взять. И идетъ время зря. А тогда возьму я полсотни, какой ни на есть процентъ заплачу, все-таки мнѣ будетъ выгода: у меня на заводѣ остановки не будетъ. А другому на другое бываетъ нужно. Перевертка въ деньгахъ на время очень дорога.

— И много записалось на общество?

— Человѣкъ сорокъ пока, а послѣ еще будетъ, только бы разрѣшили.

— А думаешь, разрѣшатъ?

— Чего же не разрѣшатъ. Вѣдь кому отъ этого вредъ, если разобрать съ толкомъ? Всѣмъ польза. У меня дѣло хорошо пойдетъ, и тебѣ отъ этого лучше, такъ и въ другомъ. Оно, правда, старшина, когда мы бумагу-то отправляли, отговаривалъ насъ, зачѣмъ вамъ общество, жили вы безъ общества. И писарь говоритъ: прежде, чѣмъ дѣло затѣвать, нужно бы съ нами посовѣтоваться. Ну, да, думаю, имъ изъ-за своихъ выгодъ это не любо. Старшина-то кое-чѣмъ приторговываетъ, а къ писарю-то мы съ поклонами не ходимъ, бумагу-то не у него составляли, безъ него, значитъ, обошлись. Ну, вотъ имъ и нелюбо. Ну, да вѣдь всякъ свою пользу соблюдаетъ...

— Д-да! пора намъ браться за умъ, — помолчавъ, опять заговорилъ Михайло П.—Землей мы довольны, а вотъ, что съ земли-то беремъ очень мало, трудовъ не стоитъ, а вѣдь и съ нашей землей можно бы кое-что сдѣлать, только стоило бы ее въ одно мѣсто согнать.

— Какъ согнать?—не сразу сообразилъ я.

— Передѣлить на большіе куски. У меня теперь всей земли числится десятинъ 20, а она, знаешь, во сколькихъ мѣстахъ? Въ своемъ полѣ въ четырехъ мѣстахъ по 16 полосъ, да на купленной полосъ 20, да на другой купленной 6, да на сватовой 10, подъ сто полосъ. Такъ мнѣ переѣзжать, да перебѣгать съ полосы на полосу сколько время положить нужно. А будь она въ одномъ мѣстѣ-то, такъ я паномъ зажилъ бы.

— Такъ что-жъ, передѣлить бы?

— Легко это сказать, а ты попробуй, сдѣлай это, анъ всѣхъ-то не усамишь... Поди-ко, что они тебѣ скажутъ. Не нами свѣтъ начался, не нами кончился. И сколько отъ этого зла. Теперь пруды у насъ заросли, нужно бы ихъ вычистить, міромъ-то это дешево бы и стоило, а какъ міръ подобьешь? Одному свободно, дру-

гому некогда, этому время прошло... Луговина кочками зарастаетъ, лѣсъ засѣлъ безъ всякаго порядку. Griомнясь проѣзжалъ мимо казенный лѣсничій... „Что же это, говоритъ, вамъ за разсчетъ такое мѣсто подъ корявыми елками держать, вы бы лучше свалили ихъ, а не то распахали бы, да еще подсадили". И много у насъ такихъ угодьевъ ни за что пропадаетъ.

— Такъ надо бы подбивать міръ, чтобы за умъ брался.

— Какъ его подобьешь? Кто поотзывистѣй, тотъ не всегда дома живетъ, а кто дома-то живетъ, ему сплошь и рядомъ ничего не нужно бываетъ. Эна, они на меня какъ косятся. Ты, говорятъ, очень завистливъ, у тебя всего много, а тебѣ еще давай. А я нешто о себѣ одномъ хлопочу?

Старикъ замолчалъ и насупился; видимо, онъ разбередилъ сердце, вспоминая о своихъ супротивникахъ. Я этихъ супротивниковъ зналъ. И сталъ представлять ихъ себѣ.

XL.

Первымъ изъ общественныхъ воротилъ былъ у насъ Стефанъ Астафьевъ. Это былъ старикъ лѣтъ за 80, но удивительно крѣпкій и сильный. Онъ до сихъ поръ косилъ въ міру, пахалъ, сѣялъ. Онъ много перевидалъ на своемъ вѣку. Еще во время крѣпостного права онъ ходилъ старостой у помѣщика, потомъ нѣсколько выборовъ служилъ сельскимъ старостой, волостнымъ судьей. Онъ былъ совѣстливый старикъ, но подъ старость— главнымъ двигателемъ въ жизни сталъ признавать одну строгость, а заслуживающимъ уваженія только старшинство, и за старшинствомъ только и признавалъ всѣ права. Въ молодыхъ, которые бѣгали на его глазахъ

безъ штановъ, онъ не признавалъ ни ума, ни дѣловой способности, ни настоящихъ разсужденій. Онъ думалъ, что они еще не доросли до этого, и, слыша ихъ голосъ на сходѣ, или еще гдѣ,—что̀ бы они дѣльнаго ни говорили,—онъ всегда старался имъ противорѣчить. Когда же съ нимъ не соглашались и вступали въ споръ, онъ считалъ это вольностью, озорствомъ и непочетничествомъ. Въ семьѣ онъ эту вольность искоренялъ кулаками, граблями или тѣмъ, что̀ подъ руку попадется; въ міру же, гдѣ онъ власти на это не имѣлъ, ему приходилось отходить тѣмъ, что онъ начиналъ презирать не признающихъ его значенія. Презирая, онъ не прочь былъ съехидничать. Про одного онъ говорилъ, что онъ оттого не хорошъ, что заучился—„рехметику, грамматику" знаетъ; про другого, что въ городѣ избаловался. Жилъ онъ зажиточно. Его внукъ въ Москвѣ имѣлъ собственное заведеніе и давалъ ему денегъ на все, безъ отказа. Онъ въ трудную минуту кое-кого выручалъ, поэтому его голосъ на міру имѣлъ не малое значеніе.

Другой былъ Ефимъ Степановъ. Этотъ былъ помоложе Ст. Астафьева и тоже еще крѣпкій. Смолоду онъ ходилъ на фабрику и тамъ сколотилъ деньжонки. Деньжонки были, конечно, небольшія, но онъ съ ними сумѣлъ такъ поставить свой домъ, что жилъ, ни въ чемъ не нуждаясь. Подати онъ платилъ исправно, покупалъ, что̀ ему нужно было, обдуманно, выбирая время. Ему никогда не нужно было ни сѣмянъ, ни хлѣба, ни корма,—всего онъ себѣ припасалъ. Тратилъ онъ все съ оглядкой, у него сапоги носились по десять и больше лѣтъ, въ праздники онъ надѣвалъ поддевку, въ которой вѣнчался; а этому было ужъ лѣтъ 50. Жилъ онъ скупо, бережно, безъ дѣла онъ никогда не уводилъ со двора лошадь, боясь, что она растеряетъ навозъ. Онъ не давалъ лишняго клочка корма коровѣ или овцамъ, и онѣ

у него обыкновенно такъ подводили животы за зиму, что при выгонѣ еле волочили ноги. Онъ надѣялся, что лѣтомъ онѣ поправятся. Въ хорошую весну онѣ, конечно, скоро отъѣдались, но если весна была неудачна, то онѣ хирѣли и долго хворали или падали. Старикъ тогда рѣшалъ, что это его Богъ наказалъ, и старался догадаться о причинѣ. Онъ никогда ни къ кому не ходилъ ни за какой нуждой, и за другими не признавалъ права на помощь. Онъ нерѣдко запирался отъ нищихъ, не додавалъ пятачка попу за молебенъ. Онъ надо всѣмъ трясся; трясся онъ и надъ мірскими угодьями. Затратить что-нибудь на улучшеніе мірского хозяйства—для него было преступленіемъ. Онъ считалъ, что ничего обдумывать не надо, а что есть, то и есть,—всякія нововведенія всегда встрѣчали въ немъ противника. Онъ осуждалъ самовары, плуги, новую одежду. На все онъ глядѣлъ съ сердечной болью и видѣлъ въ этомъ разоръ. Но больше всего онъ не любилъ какихъ-нибудь общественныхъ предпріятій. Онъ думалъ, что если что хорошаго и явится для кого, такъ это сдѣлаетъ самъ человѣкъ, только самъ для себя, больше же ему никто не поможетъ. Время шло, у него выросъ сынъ, отслужилъ въ солдатахъ и ушелъ въ Москву, взрослый внукъ жилъ при немъ дома. Молодое поколѣніе смотрѣло на все иначе и относилось ко многому по другому, но онъ оставался твердъ какъ камень.

Былъ еще одинъ въ деревнѣ Могачевъ. Этотъ жилъ какой-то коровьей жизнью. Онъ былъ настолько беззаботенъ, что не обрабатывалъ своего надѣла. Кое-какъ пахалъ онъ, кое-какъ сѣялъ. Что получалось, онъ съѣдалъ, чего не хватало, онъ ѣхалъ въ базарный день въ торговое село или въ городъ и тащилъ тамъ, гдѣ что попадется: муку, рыбу, чай, спички, ситецъ, и не съ тѣмъ, чтобы промышлять этимъ, а для собственнаго

потребленія. Такъ онъ существовалъ и растилъ дѣтей. Когда же дѣти подрастали, онъ промышлялъ ими. Мальчиковъ онъ отдавалъ въ пастухи, а дѣвочекъ—въ няньки и проживалъ все, что они заживали. Онъ ихъ не обувалъ, не одѣвалъ какъ слѣдуетъ, стройка у него была кое-какая, сбруя тоже, но это его нисколько не печалило. Онъ тоже противился всякимъ нововведеніямъ и поддерживалъ строгость. Особенно, когда у него подросли сыновья и начали „фордыбачить". Онъ прибѣгалъ тогда ко всему, что̀ давала ему родительская власть. Выгонялъ ихъ изъ дому, отправлялъ въ волость подъ арестъ, т.-е. въ полномъ смыслѣ вступалъ въ родительскія права.

И другіе были такіе же или же въ родѣ Ривцовыхъ Григорія Львова, Егора Емельянова—безпечные, пьяные, тупые, ничего не понимающіе. И съ этими односельцами такимъ хозяевамъ, какъ Михайлу Платонову приходилось жить, вести хозяйство и думать объ улучшеніи его. На такомъ обществѣ трудно было о чемъ-нибудь столковаться и прійти къ чему-нибудь хорошему.

Извнѣ стремленіе къ новому и лучшему устройству ничѣмъ не поддерживалось. Правда, въ Игнатковской школѣ былъ учитель, но онъ былъ вѣчно занятъ и мало вмѣшивался въ деревенскую общественную жизнь. Священникъ появлялся только въ праздникъ, служилъ молебны, собиралъ деньги, болящихъ соборовалъ и причащалъ, мертвыхъ отпѣвалъ. Въ церкви онъ говорилъ, что нужно трудиться и поститься, самъ же сдавалъ всю работу на своей землѣ тѣмъ же мужикамъ и къ нимъ же осенью пріѣзжалъ собирать хлѣбъ, а чтобы они были потароватѣе, подпаивалъ ихъ винцомъ. Никакого добраго вліянія поэтому онъ не могъ имѣть, да и не стремился къ этому.

Старшиной ходилъ все тотъ же, что выхлопоталъ у

себя школу, но онъ былъ человѣкъ малограмотный, малознающій, держался онъ на должности потому, что умѣлъ какъ-то умасливать мужиковъ словами, на дѣлѣ же онъ былъ совершенно чуждъ мужицкимъ интересамъ. Привлекало его то, что онъ получалъ отъ должности до 1000 рублей чистоганомъ въ годъ и полную возможность купить въ волости самое лучшее, что вольно или невольно шло у мужиковъ на продажу.

Такъ прочно держаться на своемъ мѣстѣ онъ могъ только при содѣйствіи земскаго начальника, глядѣвшаго на мужиковъ не какъ на людей, а какъ на стадо, которое нужно пасти, оберегать отъ волковъ, главное же—заботиться, чтобы они не зазнавались.

XLI.

Но, несмотря на крѣпость старины, и въ нашей деревнѣ уже била незамѣтная Михайлѣ Платонову струя новаго отношенія ко всему. Въ первые дни, какъ я пріѣхалъ, этого нельзя было замѣтить: вся деревня была поглощена приготовленіемъ къ празднику, но какъ только праздникъ начался, сталъ выясняться и новый тонъ, который преобладалъ въ деревнѣ. Возвращаясь изъ церкви въ первый день праздника, гдѣ молились о мирѣ всего міра и дарованіи намъ всѣхъ побѣдъ на враговъ и супостатовъ и объ утишеніи враговъ внутреннихъ, я услышалъ разговоръ на больную тему,—говорилось о нашихъ неуспѣхахъ на полѣ брани.

— Куда мы суемся съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ, — говорилъ Степанъ Кузьминъ, первый крикунъ на сходкѣ, опираясь на палку и тономъ далеко не миролюбивымъ.—Намъ не японцевъ нужно покорять, а прежде бы самихъ себя за жабры взять. Мы еще у себя

порядка не установимъ, а лѣземъ въ чужой край занимать,—нешто это мысленно?

— Да, безпорядковъ у насъ много,—поддержалъ его другой.

— Да какъ же, другъ ты мой? Жалуемся, что у насъ начальства путнаго нѣтъ, — командовать некому, да какъ же у насъ хорошему быть, когда у насъ кто маленько посмышленѣе, того и оттираютъ. Вонъ С. Т—ва отъ сходочныхъ отставили, а почему? Потому, что онъ одинъ осмѣлился сказать, что не нужно контору строить. Вѣдь видимое дѣло, не нужно, намъ теперь не до этого,— а его сейчасъ въ сторону. Да и на нонѣшній годъ старшина старостѣ говоритъ: „Смотри, его не назначай,— земскій начальникъ нипочемъ не велитъ... Такъ и другого...“

— И другого не допустятъ. Вонъ, Дмитрій Николаичъ, то ли не голова, какой старатель-то для нашего брата,—заявилъ бородатый мужикъ изъ другой деревни, намекая на неутвержденнаго въ должности Д. Н. Шипова.

— А изъ господъ-то нешто хорошихъ нѣтъ,—поспѣшилъ вставить Кузьминъ.

— А его не допустили. Девять лѣтъ служилъ и все хорошъ былъ, а на десятый вдругъ вреднымъ оказался. Такъ, небось, и въ другихъ дѣлахъ,—гдѣ же тутъ хорошему порядку быть?.. Изъ кого тутъ командировъ подобрать?..

— У насъ, въ Москвѣ,—вступилъ въ разговоръ одинъ москвичъ,—устроили, это, рабочія собранія: „Ну, высказывайте кто какъ о своихъ нуждахъ понимаетъ“. Ну, стали высказывать, и кто всѣхъ лучше говорилъ, смотримъ, на другомъ собраніи его уже нѣтъ. Одного нѣтъ, другого нѣтъ. Гдѣ же они? А оказалось, — ихъ всѣхъ сцарапали да въ каменный мѣшокъ...

— Вотъ тутъ и думай, что хошь.

— Что говорить...

— Шелъ ономнясь раненый солдатъ съ войны,— сказалъ опять Кузьминъ.— Ночевалъ онъ у меня. Вотъ онъ и говоритъ: „Прежде бы, чѣмъ намъ новую стройку-то заводить, надо бы старую получше вымести“. Я сразу-то не понялъ, а послѣ-то раскусилъ: истинная правда это.

Праздникъ развертывался, развертывалось и настроеніе деревенской молодежи. И тутъ было что-то особенное; молодежь разбилась на партіи: одни водились съ одними, другіе—съ другими. Больше было такихъ, которые собирались въ кучки и говорили, читали какія-то книжечки, пѣли новыя пѣсни. Пѣсни были дѣйствительно новыя, неслыханныя въ деревнѣ! „По пыльной широкой дорогѣ“, „Отречемся отъ стараго міра“ и пр. Послѣдняя пѣсня особенно распространилась. Она переходила изъ деревни въ деревню, и ее вездѣ сейчасъ же разучивали и распѣвали. Объ ней дошло свѣдѣніе до офиціальныхъ мѣстъ, по деревнямъ сталъ ѣздить жандармъ и узнавать, кто занесъ въ деревню эту преступную пѣсню. Ѣздили урядники и сотскіе, разыскивая прокламаціи.

Къ полиціи у насъ до сихъ поръ относились равнодушно. Звали полицейскихъ всегда крючками и считали ихъ неизбѣжнымъ зломъ, какъ крапиву въ огородѣ, но большого нерасположенія къ нимъ не чувствовали. Теперь же отношеніе нѣсколько измѣнилось. Послужило этому отчасти то, что въ нашей мѣстности въ началѣ войны смѣнился урядникъ. До сихъ поръ у насъ лѣтъ 12 подъ рядъ служилъ урядникомъ пьяный солдатъ изъ нашего приходскаго села, Грошиковъ, котораго всѣ считали своимъ, и онъ всѣхъ считалъ своими,—такъ со всѣми и держался. И только началась война, какъ его

уволили, а на его мѣсто назначили другого. Дѣло же вышло потому, что новый урядникъ былъ изъ запасныхъ, сынъ мастерка, человѣкъ обезпеченный. Поступилъ онъ въ урядники, подмазавъ кого слѣдуетъ, и единственно потому, чтобы не попасть грѣшнымъ дѣломъ на войну. Прежній урядникъ мало того, что лишился мѣста, но, прослуживши все время на казенной службѣ, не сегодня-завтра могъ быть потребованъ дослуживать оставшіеся 2—3 года до отставки на Дальнемъ Востокѣ. Это очень возстановило всѣхъ противъ полиціи; на новаго урядника и на другихъ полицейскихъ чиновъ глядѣли какъ на „продажныя шкуры" и, конечно, никакого содѣйствія имъ не оказывали. Полиція чувствовала это, и еще болѣе совала носъ во всякую щелку.

XLII.

Въ концѣ Пасхи я попалъ въ чужое село. Въ селѣ была чайная лавка, въ которой и толклись отъ утра до ночи мѣстные мужики и, распивая чаекъ, вели разговоры. За стойкой сидѣлъ хозяинъ, полный, бѣлокурый, рябоватый мужикъ Тетеринъ, прежде содержавшій мельницу, очень добивавшійся попасть въ старшины, но послѣ многихъ неудачъ снявшій, наконецъ, чайную и кормившійся тутъ. Прежде я его зналъ всегда жалующимся на невозможность жить съ народомъ, который, по его мнѣнію, своего счастія не понималъ и не хотѣлъ его искать. Любопытно было, что̀ онъ теперь говоритъ...

Когда я въ первый разъ зашелъ въ чайную и усѣлся за столъ, Тетеринъ обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Ну, что объ войнѣ слышно новаго?

Я сказалъ, что̀ зналъ.

— Будемъ мы что-ль ихъ бить-то, иль не будемъ?

— Можетъ быть, и будемъ.

— А я думаю, скорѣй всего, что нѣтъ. Ужъ коли на первыхъ порахъ не взяли за силу, теперь едва ли. Духомъ ослабли... И зачѣмъ намъ нужно было воевать?

— Такъ обстоятельства сложились.

— Обстоятельства! . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Мужики, сидѣвшіе за столомъ, какъ я замѣтилъ, были склонны поддакнуть ему.

— А то убытки-то убытками, — продолжалъ Тетеринъ, — да и соблазнъ большой. Мнѣ недавно одинъ человѣкъ говорилъ, въ одной губерніи, на Волгѣ, гдѣ-то взбунтовались мужики. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .

— Правда, потому и нечего,—сказалъ худощавый мужикъ, который жилъ на одномъ петербургскомъ заводѣ.

Онъ былъ среднихъ лѣтъ, совсѣмъ не задѣтый городской жизнью, нисколько не утратившій своего мужицкаго облика. Говорилъ онъ жиденькимъ голоскомъ, и глаза его глядѣли устало.

— . . . .

Онъ пилъ чай съ своимъ крестникомъ-москвичемъ. Крестникъ былъ не похожъ ужъ на деревенскаго. На немъ было модное пальто и шляпа. Онъ служилъ въ фабричной лавкѣ потребителей.

Къ разговору внимательно прислушивался старый землекопъ въ бѣломъ кафтанѣ изъ домотканнаго сукна, пріѣхавшій въ село окапывать канавой новое кладбище. Ему, видимо, не нравилось такое свободное сужденіе мужиковъ, онъ съ неудовольствіемъ проговорилъ:

— Намъ ихъ судить не приходится, они старшіе надъ нами.

Петербургскій рабочій вскинулъ свои усталые, загорѣвшіеся огонькомъ глаза на старика и ехидно спросилъ:

— Знать, тебя вошь не кусала,—вотъ ты такъ и говоришь.

— Отчего не кусала,—кусала.

— Такъ что-жъ ты говоришь, не судить ихъ! Кого же судить, какъ не ихъ? Кто-жъ это весь народъ-то довелъ до этого, какъ не они? Ты вотъ въ канавахъ весь вѣкъ роешься, какъ кротъ, а ты бы попробовалъ на другомъ полозу поѣздить, другую пѣсню запѣлъ бы. Ты землю-то не пашешь?

— Какой толкъ ее пахать-то?

— А-а! Вотъ ты такъ и говоришь. Тебѣ земля-то не нужна, да, може, у тебя дѣтей никого нѣтъ, да ты къ обществу приписанъ. Вотъ ты и разсуждаешь. А у другого-то другое. Намъ земля нужна, а гдѣ ее взять? Я вотъ про себя скажу. Мы—бывшіе дворовые, землю-то сами покупали. У моего дѣда было шестьдесятъ десятинъ земли и два сына. Онъ раздѣлилъ имъ по тридцать десятинъ, а у моего отца насъ было пять братьевъ, намъ досталось по шесть десятинъ. А у меня шесть человѣкъ дѣтей,—по скольку же имъ достанется?

— Кому не достанется, тотъ въ городъ ступай, легче будетъ жить,—сказалъ старикъ.

— Легко это сказать, въ городъ. А гдѣ на всѣхъ работы взять? Во всемъ пошли машины. Въ твоихъ рукахъ-то ужъ не нуждаются, а что̀ въ ротъ класть, все дорожаетъ. Бывало, харчи-то въ артели сходили меньше пяти, а теперь восемь, а то и дороже... Такъ и другое что... Я вотъ работаю, — часу не пропущу, каждой копѣйкой дорожу, а домой-то остается каждый годъ все меньше и меньше, а дома ребята-то на ноги поднимаются, имъ всего больше нужно, нужда-то и въ дверь и въ окно стучится...

Онъ говорилъ возбужденно, глаза его блестѣли и голосъ звенѣлъ. Старикъ слушалъ его, не моргая, но его, должно быть, нисколько это не задѣвало. Когда худощавый кончилъ, онъ проговорилъ:

— Вотъ и надо бы смириться да тѣмъ, что есть-то, дорожить, а то теперь многія дѣла совсѣмъ пріостановились, и рабочихъ разочли, значитъ, совсѣмъ безъ хлѣба остались... Я самъ слышалъ, какъ одинъ солдатъ говорилъ: пригнали ихъ на одну фабрику, гдѣ рабочіе-то бастовали; выходитъ къ нимъ хозяинъ. „Вы бастуете, братцы?“—„Бастуемъ!“—„Ну и я забастую. Прикрываю

фабрику на годъ; идите, получайте расчетъ!“—Хозяева знаютъ, по какому мѣсту ударить. Сказано: съ сильнымъ не борись,—побѣдоносно тряхнувъ головою, проговорилъ старикъ.

— Ерунда это, дѣдушка! — сказалъ молодецъ въ шляпѣ.

— Что̀ ерунда?—нѣсколько опѣшивъ отъ тона парня, спросилъ старикъ.

— А вотъ про хозяина-то! Ты думаешь въ такомъ дѣлѣ хозяинъ много значитъ?

— А то какъ же?—недоумѣвающе выпучивъ глаза, проговорилъ старикъ. — Хозяинъ всякому дѣлу голова.

— Ну, только не заводскій. Во всякомъ промысловомъ дѣлѣ есть другой хозяинъ—потребитель. Вотъ если потребитель забастуетъ, ну, тогда, правда, всѣ волкомъ завоютъ. А если одному нуженъ ситецъ, другому—сукно, а тебѣ вонъ—спички, то никакой хозяинъ нашей нужды не остановитъ. Ну, одинъ закроетъ фабрику. Закрывай. Сейчасъ на его мѣсто откроетъ другой... Если и выйдетъ заминка, то временная.

— А короткое время нешто легко перенесть? Не поѣшь-ка ты полгода, пожалуй, и не понравится, — замѣтилъ старикъ.

— А вотъ на такой-то случай земля всѣмъ и нужна,— подалъ голосъ еще одинъ посѣтитель, маленькаго роста, съ пушистыми бачками, но безъ усовъ.

Землекопъ тупо молчалъ, на его сторону никто не склонялся, и онъ чувствовалъ это...

XLIII.

Тетеринъ протянулъ парню съ бачками листокъ, принесенный кѣмъ-то изъ Москвы, гдѣ говорилось о землѣ

и о необходимости распредѣленія ея среди всего народа, и сказалъ:

— На-ка, прочитай!

Парень взялъ листъ и только развернулъ его, какъ бѣлобородый мужикъ, сидѣвшій у окна, проговорилъ:

— Урядникъ!

Дѣйствительно, къ чайной подъѣхалъ урядникъ и, очевидно, намѣревался войти. Листокъ моментально исчезъ у кого-то за голенищемъ. Мужики переглянулись между собою, и одинъ вдругъ воскликнулъ:

— Будетъ городить зря!..

— А ты чего городишь?

— Я говорю дѣло.

— А я не дѣло?

— Лучше туда итти и тамъ выпить, — вмѣшался въ разговоръ третій.

— А я говорю, сюда принесть,—заявилъ первый, — что зря землю мѣсить да сапоги топтать.

— Вѣрно, туда!—послышались еще голоса.

— Нѣтъ, сюда!

Поднялся галдежъ. Мужики съ жаромъ и ожесточеніемъ начали спорить, нѣкоторые пускали трехъэтажныя словечки. Урядникъ, вошедшій въ трактиръ, снялъ фуражку и, держа ее за козырекъ, цѣлую минуту съ изумленіемъ глядѣлъ на взбеленившихся мужиковъ и, должно быть, думалъ, не придется ли ему составить протоколъ.

Мужики одинъ за другимъ замолчали и обратили взоры на урядника. Тотъ подсѣлъ къ буфету и, глядя на нихъ, спросилъ:

— О чемъ это вы толкуете?

— О чемъ, о выпивкѣ,—дѣло извѣстное; время праздничное,—о чемъ же намъ толковать больше?

— Выпивка дѣло хорошее, жаль, что у васъ казенки нѣтъ, а то и я выпилъ бы.

— Вотъ и мы о томъ жалѣемъ, изъ-за этого и споръ поднялся. Одни говорятъ—собирай да туда посылай, а другіе—всѣ пойдемъ; не знаемъ, что̀ лучше.

— Конечно, лучше послать, а то всѣ-то пойдете и сидѣльца испугаете,—подумаетъ, не разгромить ли его хотятъ.

— Ну вотъ, съ какой стати?—какъ бы не допуская этого и въ мысляхъ, проговорило нѣсколько мужиковъ.

— Нонче это въ модѣ: казенки громятъ, имѣнья разоряютъ,—такой озорной народъ сталъ!..

— Должно, передъ послѣднимъ концомъ, — съ притворно серьезнымъ видомъ сказалъ петербуржецъ.

— А я думаю, выпить не на што, вотъ и озорничаютъ,—замѣтилъ плутовато бѣлобородый.

— У насъ еще есть пока, мы объ этомъ и не думаемъ.

— И не думайте,—наставительно сказалъ урядникъ.— Не слушайте, если кто и подбивать васъ на это будетъ; книжки какія попадутся, не читайте, а если листки какіе попадутся, не берите.

— Ну, гдѣ намъ читать, у насъ не всѣ грамотные-то, да гдѣ мы возьмемъ-то,—запротестовали мужики.

— Принесетъ кто-нибудь или на дорогѣ найдете. Если найдете что-нибудь такое, жгите или мнѣ представляйте.

— Да мы и брать-то не будемъ, пусть валяется!— убѣжденно воскликнулъ одинъ мужикъ.—Чортъ съ нимъ совсѣмъ, пропади онъ пропадомъ. Може, на немъ зараза какая.

— Хуже заразы! — убѣдительно сказалъ урядникъ, поднимаясь съ мѣста и поправляя шашку.

— А гдѣ васъ въ случаѣ найти-то?—спросилъ опять

не безъ плутовства тотъ мужикъ, который объяснялъ, что погромы идутъ оттого, что выпить не на что.

— У меня, на квартирѣ.

— А если васъ дома не будетъ?

— Ну, женѣ оставьте.

— А она, какъ прочтетъ, да заразится?..

Лица мужиковъ расползались въ широкія улыбки. Урядникъ, чувствуя, что надъ нимъ глумятся, неловко повернулся на мѣстѣ, не найдясь сразу, что̀ сказать; наконецъ онъ проговорилъ:

— Ну, она у меня смотрѣть не будетъ.

— О, о, ну, ладно!

— Такъ прощайте.

— Съ Богомъ!

Урядникъ вышелъ изъ чайной, но, я думаю, онъ не прошелъ еще сѣней, какъ раздался громкій, единодушный хохотъ мужиковъ. Мужики радовались, что они одурачили „крючка", и смѣялись отъ удовольствія до слезъ. Одинъ закашлялся, другой повалился грудью на столъ. Смѣялся и трактирщикъ. Когда они насмѣялись досыта, послышались возгласы:

— Успокоился!

— Жди, мы тебѣ принесемъ!

— Предоставимъ!

— А надо бы ему что-нибудь снесть.

— Ну его къ чорту, давай читать.

Чтеніе началось.

XLIV.

Изъ жившихъ раньше въ городахъ на это лѣто многіе остались въ деревнѣ. У Степана Кузьмина не пошли въ городъ два сына: одинъ — работавшій въ литографіи, другой—служившій возчикомъ на какомъ-то заводѣ. И

тотъ и другой получили расчетъ по случаю затишья въ дѣлахъ у хозяевъ, вызваннаго войной. Остался сынъ печника Петръ Дарьинъ, и еще кое кто. Для нихъ эта бѣда была небольшая. Степанъ снялъ себѣ въ аренду землю и, чтобы дать ребятамъ дѣло, намѣревался ее засѣять всю. Петръ тоже хотѣлъ поднять остававшіеся у него пустыри. Но были и такіе, которымъ переходъ изъ городской жизни въ деревенскую былъ довольно чувствительнымъ; къ такимъ принадлежалъ одинъ изъ нашихъ крестьянъ—Плѣшаковъ тоже сынъ Василія Петрова.

Плѣшаковъ былъ любопытный человѣкъ. Онъ былъ еще не старый, средняго роста, плечистый, плотный и сильный. Смолоду онъ жилъ дома, возилъ лѣсъ съ отцомъ, пахалъ, косилъ, но, женившись, пошелъ въ Москву, устроился тамъ рабочимъ въ артели. Артель поставила его въ лавку, торгующую красками оптомъ. Плѣшаковъ въ лавкѣ скоро прижился, онъ оказался очень услужливымъ, вкрался въ довѣріе хозяина и старшихъ приказчиковъ, которымъ онъ доносилъ на мелкихъ служащихъ и рабочихъ и льстилъ. Льстилъ онъ грубо, нахально; глядя со стороны, всегда думаешь, неужели могутъ быть люди, которымъ была бы пріятна его лесть. Но люди находились; по крайней мѣрѣ, онъ долго держался на первомъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не обанкротился и не прикрылъ торговлю. Послѣ этого артель перевела его на такую же работу въ другое мѣсто. Только эта фирма была посолиднѣе.

На новомъ мѣстѣ Плѣшакову выпалъ счастливый случай. За всѣмъ подсматривая и подслушивая, онъ узналъ, что хозяевамъ нуженъ опытный приказчикъ. Одинъ изъ приказчиковъ бывшаго его хозяина жилъ безъ дѣла. Плѣшаковъ тотчасъ же сообщилъ ему, что у нихъ можно устроиться; тотъ явился къ новымъ хозяевамъ Плѣшакова и, дѣйствительно, поступилъ.

Плѣшакову онъ остался очень благодаренъ за это. Лишь только онъ обжился немного, онъ предложилъ Плѣшакову уйти изъ артели и поступить „отъ себя". Отъ этого все жалованье, которое платили за него въ артель, Плѣшаковъ сталъ получать себѣ. Помимо жалованья ему открылись „доходы". Краски—товаръ дорогой; иногда горсть ея, всыпанная въ карманъ, промѣнивалась въ москательной лавкѣ на порядочныя деньги; поэтому Плѣшакову пошла не жизнь, а масленица. Деньги у него стали гремѣть во всѣхъ карманахъ. Онъ сталъ быстро богатѣть, отдѣлился отъ отца, купилъ себѣ лучшую въ деревнѣ усадьбу, домъ подъ желѣзной крышей, оставшійся послѣ смерти бурмистрова сына; прислалъ изъ Москвы мебель, тарантасъ съ плетеной корзинкой, лошадь. Правда, его жена, высокая, худая, какъ сушеная вобла, морщинистая и неопрятная, лѣнилась мыть полы, и въ домѣ у нихъ была грязь и плѣсень; на тарантасѣ некуда было ѣхать,—лошади безъ ухода худѣли, паршивѣли и въ короткое время дѣлались никуда негодными, но онъ, пріѣзжая домой, хвастался, какъ онъ дорого за нихъ заплатилъ, и выставлялъ въ нихъ такія качества, какихъ въ нихъ никогда не было.

Хвастливъ и тщеславенъ онъ былъ до безконечности. Онъ не зналъ грамоты и поэтому, конечно, не могъ читать ни книжекъ, ни газетъ, но онъ, не смущаясь, чтобы только пустить другимъ пыль въ глаза, разсуждалъ и о политикѣ, и о коммерціи, и о мѣстныхъ дѣлахъ. Слыша въ лавкѣ разсужденія хозяевъ и приказчиковъ послѣ чтенія газетъ, онъ пускалъ нахватанныя у нихъ слету слова въ оборотъ и говорилъ, что у насъ всѣмъ дѣламъ мѣшаютъ евреи; студенты заучились и бунтуютъ потому, что работать не хотятъ, деревнѣ же мѣшаетъ земство, при чемъ къ земству, по его мнѣнію, принад-

лежали: становой, урядникъ, земскій начальникъ. Больницы, по его мнѣнію, были народу не нужны, такъ какъ докторишки сами ничего не смыслятъ, а въ школахъ только отбиваютъ отъ православной вѣры.

Плѣшаковъ, какъ и многіе другіе наши міряне, считалъ себя православнымъ. Онъ думалъ, что православнымъ быть необходимо и что этому ничто не можетъ помѣшать. И, считая себя христіаниномъ, онъ съ спокойнымъ сердцемъ обкрадывалъ хозяевъ, безпутничалъ, гулялъ съ „красотками", и не только не стѣснялся этимъ, а даже хвастался. Нерѣдко, подвыпивши, онъ хвастался передъ женой, при дѣтяхъ, какъ онъ погуливалъ въ Москвѣ. Мало этого, онъ часто позволялъ себѣ, по православному, прямо-таки кощунственныя вещи. Прогулявши въ какой-нибудь праздникъ съ „красотками" за городомъ, онъ опаздывалъ на службу, но, чтобы ему не сдѣлали за это выговоръ, онъ говорилъ, что ѣздилъ на богомолье или къ Сергію-Троицѣ, или Саввѣ Звенигородскому, и въ доказательство подносилъ своему старшему просфору, которую онъ покупалъ по дорогѣ и самъ выковыривалъ изъ нея частичку. Когда въ Игнатковѣ отстроили церковь, онъ для украшенія ея купилъ двѣ большихъ иконы и требовалъ, чтобы ихъ поставили на самомъ видномъ мѣстѣ. Священникъ не согласился и отвелъ имъ другое мѣсто, сбоку—на стѣнѣ. Плѣшаковъ такъ разобидѣлся на это, что долгое время злился на священника, ругалъ его при всякомъ случаѣ и говорилъ, что всему злу причина у насъ—священники, оттого часто люди и отъ церкви отпадаютъ и въ расколъ идутъ, и съ этихъ поръ сталъ считать священника первымъ своимъ врагомъ.

Въ деревню Плѣшакову пришлось перебраться потому, что у него сталъ портиться характеръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ сталъ напиваться и загули-

вать и не позволялъ дѣлать себѣ замѣчаній своему старшему. Онъ не признавалъ за нимъ этого права и говорилъ, что онъ ему хлѣбъ далъ. Тотъ долго сносилъ всѣ его выходки, но, наконецъ, должно быть, у него не хватило силъ, и онъ не сталъ оправдывать его передъ хозяевами. Тогда Плѣшакову пришлось разстаться со своимъ мѣстомъ.

Плѣшаковъ этого не ожидалъ. Онъ осунулся, сразу постарѣлъ, обрюзгъ и посѣдѣлъ, на своего старшаго онъ сталъ жаловаться и упрекать въ неблагодарности. Прежде онъ гордился, что ему приходилось пить пиво съ околоточнымъ, а теперь началъ ругать все начальство и кричать на всѣхъ углахъ, что начальство народъ въ бараній рогъ согнуло. Своими рѣчами онъ обратилъ на себя вниманіе полиціи, она навѣстила его,—тогда Плѣшаковъ такъ струсилъ, что прикусилъ языкъ, всю Пасху не пилъ водки и держалъ себя тише воды, ниже травы.

XLV.

Пашня была вспахана, бороновали бороньбу. Кто сѣялъ горохъ, кто пахалъ подъ картофель. Бывшій передъ этимъ годъ былъ дождливый. Хлѣба какъ будто и вызрѣли, но когда ихъ пробовали растить, они не давали всходовъ. Сѣять ими было опасно. Также опасно было и покупать сѣмена на рынкѣ,—и тѣ могли оказаться невсхожими. Узнавши, что управа выписывала сѣмена, и наши мужики кое-кто сунулись было туда, но имъ тамъ отказали и наши мужики въ свою очередь стали ругать управу.

— Какого же это чорта она спитъ?!—ругался Степанъ Кузьминъ.—Купила-бъ побольше, порастила, да и торговала-бъ.

Насъ стояло въ кучкѣ нѣсколько человѣкъ. Услышавши такое обвиненіе управы, я вздумалъ за нее заступиться и проговорилъ:

— Надо бы впередъ было заказать, а то безъ заказа какъ же покупать... А если не разберутъ, куда ихъ тогда дѣвать?

— Это вѣрно, наша нужда, намъ бы съ нею и толкнуться, поддержалъ меня мой сосѣдъ Матвѣевъ.

— Объ этомъ надо впередъ думать,—сдѣлалъ свое замѣчаніе Михайло Платоновъ,—а мы заднимъ умомъ крѣпки. Сидимъ зиму-то каждый у себя за печкой да сопли на клубокъ мотаемъ, а придетъ весна „ахъ, ахъ, того нѣту, это не припасено, поѣхалъ бы куда—дороги нѣтъ". Оттого у насъ столько и упущенья.

Никто на это ничего не сказалъ,—должно быть, всѣ чувствовали справедливость этого упрека.

— Скорѣе бы разрѣшали намъ общество. Собрались бы мы чинно, благородно, обдумали бы загодя, у кого своей смѣкалки не хватило. Можетъ быть, послушали бы да что нужно во̀-время и запасли бы: и себѣ легче, и для дѣла надежнѣе.

— Опчество хорошо бы,—согласился и Степанъ.

— На что лучше,—поддакнулъ ему стоявшій съ нимъ старикъ Ягинъ.—А то надѣемся на управу, а въ управѣ-то кто? Иванъ Васильевъ. Что же онъ тебѣ о насъ хлопотать будетъ? Ему разсчета нѣтъ. Ему только денежки подай, тамъ устраиваться-то, какъ хочешь, самъ устраивайся.

— И удивительно, братцы мои, какъ эти люди скоро заѣдаются!—воскликнукъ, очевидно, возмущенный Степанъ. — Взять хоть теперь старшину. Вѣдь онъ нашъ работникъ, съ насъ онъ деньги-то деретъ, а кому онъ служитъ? Ему всѣ ходы открыты, а что̀ онъ для насъ дѣлаетъ?

— Ахъ ты, братецъ ты мой,—сказалъ Ягинъ,—нешто даромъ пословица-то говорится: „Отсѣки ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ“.

— Вѣрно, братъ, — подтвердилъ Матвѣевъ,—посади тебя въ старшины, пожалуй, и ты такимъ будешь.

— Ну, нѣтъ, — горячо воскликнулъ Степанъ, — такъ будетъ дѣлать, кто самъ нужды не видалъ, а кто нужду-то видѣлъ, тотъ и вспомнитъ, и пойметъ.

— Анъ, пожалуй, и не вспомнитъ, — сказалъ Матвѣевъ,—онъ будетъ помнить объ одномъ, какъ онъ былъ въ нуждѣ, и побоится, какъ бы ему опять не опуститься, вотъ онъ и станетъ такъ дѣйствовать. Ему до тебя не будетъ дѣла, а какъ бы самому удержаться.

— Извѣстное дѣло, — поддержалъ Матвѣева Платоновъ.—Отчего же у насъ всѣ одинушками жить-то хотятъ, все изъ-за того, какъ бы мое за тебя не перешло, пусть, молъ, мое за мной и останется. Всякъ объ себѣ только и думаетъ, а объ другомъ и заботы нѣтъ.

Ягинъ, молчавшій нѣсколько времени, задумчивый встрепенулся и проговорилъ:

— А все это отъ дурости.

— Что̀ отъ дурости?

— Да вотъ по особнякамъ-то мы лѣземъ, всякъ объ себѣ-то... То ли дѣло въ кучкѣ-то жить, артелью заботиться. Сегодня я побольше сдѣлалъ, а завтра—ты, такъ по всѣмъ и равняется. И не обидно никому, и скоро. Эна мы осенью осьмакомъ дрова-то подбирали, по десятинѣ-то прошли, какъ огнемъ выжгли. Одинъ поднимаетъ, другой подрубаетъ, третій подхватываетъ. И скоро, и хорошо. Такъ и въ другомъ дѣлѣ.

— Дрова-то подбирать хорошо, а жить-то въ міру нехорошо,—сказалъ Матвѣевъ.

— Отчего?

— Ходу тебѣ нѣтъ. Живи вотъ на этомъ гнѣздѣ, а

пахать поѣзжай за ковырюшку, а скотину гони въ мелкій лѣсъ, все время-то и проходитъ въ гоньбѣ да въ ѣздѣ.

— А тебѣ хочется какъ, чтобы каждому отдѣльный хуторъ?

— И отдѣльный хуторъ ничего бы, а то, просто, полосы покрупнѣе. Мнѣ приходится семь десятинъ,—вотъ и отведи ихъ мнѣ за моимъ дворомъ.

— А мнѣ-то гдѣ-жъ свою землю взять? — спросилъ Кузьминъ.

— А тебѣ за твоимъ. А кому не хватитъ, то дворъ туда перенести.

— А куда-жъ тогда скотину-то будетъ гонять?—спросилъ Ягинъ.

— Зачѣмъ мнѣ тогда ее гонять? Какой отъ этого толкъ,—молоко терять?... Вѣдь мы по настоящему тогда молоко-то и видимъ, если когда корму довольно и корова на дворѣ стоитъ. Она тогда только какъ слѣдуетъ и даетъ. А какъ выгналъ въ поле, то она и убавила: то трава не выросла, то выросла трава, луга заказали, а тамъ Петровки пришли, слѣпни появились — донимаютъ. Жаръ, сухо, а въ покосъ она уже выдаивается. А какъ стояла бы она у меня, матушка, на дворѣ, всегда бы она была сыта да покойна. Соскучилась бы,— выпустилъ ее погулять на часокъ, другой, а потомъ опять въ хлѣвъ. Клеверъ у насъ поспѣваетъ рано,— коси да носи, а то вики посѣялъ бы.

— Больно хлопотно тогда будетъ,—пошевеливая плечами,—сказалъ Ягинъ.

— Ничего не хлопотно, это только такъ кажется. Намъ бы много коровъ держать и не нужно было-бъ. Одна за двухъ сослужила-бъ, — увѣренно проговорилъ Матвѣевъ.

— А навозу-то гдѣ будетъ взять? Не будетъ навоза, и хлѣба не будетъ.

— Навозу-то будетъ не меньше, а больше. Она его у тебя не растеряетъ, а весь въ цѣлости сохранитъ. А если ужъ не хватитъ,—порошку можно подсыпать: тогда и порошку будетъ разсчетъ покупать... Хлѣбъ у тебя будетъ родиться какой посѣешь. Опять лошадь или корова — огуляется съ тѣмъ, кого ты хочешь подпустить, а то теперь въ стадо выпустишь матку, тебѣ нужно, чтобы она холостая проходила, а она огулялась. Всю зиму брюхо носитъ, а весной принесетъ какого-нибудь мыша; онъ тебѣ и не нуженъ, и она ужъ лѣто не работница... Такъ же и корова...

— Все это хорошо, только съ нашимъ народомъ этого не устроишь,—сказалъ Ягинъ.—Надо сперва такъ устроить, чтобы всѣ поняли это хорошество-то, сговориться да согласиться.

— Вотъ выйдетъ разрѣшенье на наше прошенье, будемъ сбираться мы, до всего и договоримся, — замѣтилъ Михайло Платоновъ. — А то вѣрно, что мы не дружны. Одинъ—въ лѣсъ, другой—по дрова; какой изъ этого толкъ?.. Всѣ бѣды оттого, что не дружны мы. Въ деревни-то насъ хотя и сбили, ну, только не по доброй волѣ; отъ этого мы другъ съ дружкой чуть не за воротки и водимся. Одинъ думаетъ такъ, другой—этакъ, и никогда у насъ никакого согласья. А какъ мы сберемся куда не по обязанности, то тогда у насъ пойдетъ другой разговоръ. Мы будемъ впередъ знать, зачѣмъ мы собираемся, такъ у насъ и голова ужъ будетъ работать. А то ты сидишь гдѣ-нибудь въ овинѣ, пеньку сушишь, а тебя на сходку требуютъ, ну и бѣжишь, какъ на барщину, стоишь да думаешь, какъ бы поскорѣе отдѣлаться. Какъ дѣло ни рѣшится—ладно, все равно это не мнѣ одному

— Да, опчество нужно, необходимо, въ одиночку намъ никогда на путь дѣло не направить, — сказалъ и Кузьминъ.

Всѣ были съ этимъ согласны, и всѣ были увѣрены, что у насъ скоро образуется сельскохозяйственное общество. Но въ этотъ же вечеръ изъ той деревни, откуда была послана бумага на разрѣшеніе общества, пріѣхалъ верхомъ староста и заявилъ, что къ нимъ пріѣхалъ урядникъ и объявилъ, что общество сельскаго хозяйства у насъ начальство разрѣшить не можетъ.

Степанъ Кузьминъ энергично выругался и проговорилъ:

— Не любо имъ это. Боятся, поправится мужикъ, носъ задеретъ. Ахъ вы, наши благодѣтели!

Матвѣевъ и Михайло Платоновъ на это промолчали и угрюмые, съ поникшими головами, пошли каждый къ своему двору.

XLVI.

Извѣстіе объ отказѣ открыть сельскохозяйственное общество особенно горячо было встрѣчено старшиной съ писаремъ.

— Ага! Что̀? Мы говорили, что прежде нужно бы съ нами посовѣтоваться. А то ишь какіе выискались. Безъ насъ хотѣли дѣло завесть... Нѣтъ, братцы, безъ насъ вы ничего не устроите.

Это были не пустыя слова. Вершителемъ деревенскихъ судебъ, дѣйствительно послѣднее время стали старшина съ писаремъ. И въ особенности писарь, какъ болѣе грамотный, по долгу службы своей знающій законы о крестьянахъ, а отчасти и другіе законы; онъ также зналъ и то, что окружающее его населеніе не знаетъ никакихъ законовъ, никакихъ своихъ правъ, и могъ поэтому вертѣть деревенскимъ міромъ, какъ ему вздумается. Онъ оказывалъ большое вліяніе на всѣ крестьянскія дѣла, на волостной судъ, даже на рѣшеніе

дѣлъ у земскаго начальника. Поэтому нѣкоторые изъ писарей и играли въ деревнѣ большую роль.

Въ сосѣдней волости Зарузьи писаремъ уже много лѣтъ служилъ почтенный человѣкъ: умный, трезвый, серьезный, который поучалъ и другихъ писарей, старшинъ, земскихъ начальниковъ. Земскіе начальники, несмотря на свою фанаберію, открыто ѣздили къ нему и спрашивали: „Порфировъ! Какъ быть въ этомъ случаѣ?..“ Съ такимъ писаремъ въ волости жить было хорошо. Нашъ же писарь, къ сожалѣнію, былъ не такой. Это былъ молодой малый, по повѣрью народа, что „Богъ шельму мѣтитъ“, дважды отмѣченный природой, какъ плутъ: онъ былъ хромой и подслѣповатый. Повѣрье народа въ этомъ случаѣ оправдалось. Онъ былъ, дѣйствительно, шельмоватъ. Въ началѣ своей писарской карьеры онъ терся около земскихъ начальниковъ и набрался тамъ презрительныхъ взглядовъ на мужиковъ. Онъ не считалъ ихъ достойными вниманія, а говорилъ, что это бараны, стадо которыхъ безъ взнуздки никуда не прогонишь. А взнуздать крестьянъ могло только ихъ прямое начальство и его сатрапы, т.-е. они, старшины и писаря. И они при всякомъ удобномъ случаѣ старались ихъ взнуздать и забраться къ нимъ на сугорбокъ. Зажиточныхъ, касавшихся до нихъ, они опивали, объѣдали, брали съ нихъ чѣмъ возможно. У голи же они прямо вымогали. Вымогали они тѣмъ, что жали при всякомъ обращеніи къ нимъ и кормили завтраками; нужно составить приговоръ объ раздѣлѣ, условіе, получить разрѣшеніе на постройку, копію съ рѣшенія волостного суда, всегда можно было разсчитывать услышать: „Приди завтра“. Хотя, чтобы получить нужную ему бумажку, мужикъ бросалъ иногда неотложную работу и прошелъ за нею чуть не десять верстъ. Если онъ требовалъ этого настойчиво, то на него кричали и выгоняли вонъ.

Презирая мужика въ отдѣльности, они не считались и съ мужицкими представителями — сельскими старостами. По закону волостное правленіе состоитъ не изъ одного старшины и писаря, а также и изъ сельскихъ старостъ. Старосты обязаны ежемѣсячно являться въ волость и вмѣстѣ съ старшиной обсуждать волостное хозяйство, намѣчать какое-нибудь мѣропріятіе и провѣрять волостное правленіе. На самомъ дѣлѣ старосты вызывались въ волость только затѣмъ, чтобы взносить недоимки, а такъ какъ подати вносятся населеніемъ всегда неаккуратно, то старшина ставитъ старостамъ это на видъ, называетъ нерадивостью съ ихъ стороны и поблажкой, и старосты считаютъ всегда себя передъ нимъ виновными. А чувствуя себя виновными, они уже боятся заикнуться о своихъ правахъ; почему они и отстраняются отъ участія въ волостномъ управленіи. Благодаря этому, старшина и писарь и ведутъ все дѣло безконтрольно одни. Они даже сами себя учитываютъ. Крестьянъ же собираютъ разъ въ годъ „для проформы“, прочитываютъ передъ ними заранѣе составленныя статьи и приговоры и отбираютъ подписи. И подписывающіеся, можетъ быть, изъ десятка одинъ понимаетъ о чемъ идетъ рѣчь, а остальные ничего не понимаютъ.

Что сходчики ничего не понимаютъ въ общественныхъ дѣлахъ, — не есть признакъ поголовной деревенской темноты, а опять тутъ своего рода „политика“. Какъ „истинно-русскіе люди“ распинаются за то, что народъ не надо учить, что ученье ему пагуба, такъ и старшина старается, чтобы въ сходчики не попали люди толковые, съ головой. Дѣлается это обыкновенно такъ: въ началѣ новаго года старшина съ писаремъ ѣздятъ по деревнямъ учитывать старостъ. У старосты они совѣщаются, кого бы назначить помалосильнѣе, понеспособнѣе. Старшина говоритъ, что это дѣло не важное,—

„кого-нибудь“, и вотъ они и намѣчаютъ „кого-нибудь“. Когда собираются мужики, старшина предлагаетъ намѣченныхъ, подтверждаетъ, что это дѣло не важное, и намѣченные заранѣе кандидаты обыкновенно и утверждаются.

Съ такого рода представителями міра бываютъ въ волости курьозные случаи. Помню, когда я прежде участвовалъ на волостномъ сходѣ, приходилось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ. Выбирали земскаго гласнаго. Выбрали по обыкновенію старшину, такъ какъ старшина предварительно объявилъ, что выбранный кандидатомъ въ гласные не волостной старшина, губернаторомъ утвержденъ не будетъ. Послѣ выборовъ „представители сельскихъ обществъ“ окружаютъ старшину и поздравляютъ его „съ новой должностью“.

— Спасибо, спасибо,—говоритъ старшина.

— Такъ какъ же, на вспрыски бы съ вашей милости. На угощенье.

— А не съ васъ угощенье-то?—говоритъ старшина.

— Зачѣмъ же съ насъ? Всегда тотъ, кого выбираютъ, тотъ и ставитъ.

— Да вы поймите: я буду служить въ земствѣ, мнѣ отъ этого только забота, жалованья не полагается, я изъ-за васъ хлопочу.

— Мы этого не понимаемъ, а ты вотъ выкидывай четвертную, и разговоръ весь...

Подобный этому случай у насъ былъ при объявленіи войны. Земскій начальникъ, недавно свалившійся къ намъ изъ какой-то губернской канцеляріи, большой патріотъ, захотѣлъ вызвать подъемъ патріотическаго чувства въ народѣ. Онъ собралъ волостной сходъ для объявленія крестьянамъ манифеста о войнѣ, пригласилъ священника отслужить молебенъ и послѣ этого сказалъ рѣчь, что мы выступаемъ противъ коварнаго врага за

правое и святое дѣло, а такъ какъ за правду и самъ Богъ, то мы съ Его помощью супостата въ порошокъ изотремъ. И онъ настолько проникся этимъ чувствомъ, что самъ себѣ закричалъ „ура". И когда земскій уѣхалъ, то нѣкоторые изъ сходчиковъ обступили старшину и стали просить у него промочить горло. И когда старшина опять отказалъ, то они остались очень недовольны имъ. „Коли бы мы знали, мы бы такъ не старались"— говорили они.

И съ такими сходчиками старшинѣ свободно можно было дѣлать, что угодно, такъ какъ они въ общественномъ дѣлѣ ничего не смыслили и смыслить не хотѣли, и предоставляли все другимъ, а заручиться ихъ голосами было не такъ трудно, на что угодно,—стоило только раскошелиться передъ ними на казенку. Если же какънибудь случайно попадались между сходчиками дѣльные люди, они оставались одинушками, ихъ предложеніе иначе вести волостное дѣло не принималось. Тѣ же, которые, не смущаясь этимъ, продолжали дѣйствовать настойчиво, то ихъ въ концѣ концовъ отстраняли отъ участія на сходахъ при посредствѣ земскаго начальника.

LVII.

Земство смѣшивали у насъ съ казенными учрежденіями очень многіе. И часто то, что̀ исходило отъ земства, принимали какъ отъ казны, а что̀ исходило отъ казны, принимали какъ отъ земства. Мало кто зналъ, что земство есть мѣстное самоуправленіе, которому отведена забота служить населенію и удовлетворять тому, что̀ въ одиночку крестьянину трудно завести: школу, больницу, дорогу, мостъ, выписывать лучшія сѣмена для посѣва, производителей для скота.

Они не понимали, что земство сбираетъ гроши, а даетъ на рубли, а видѣли, что оно сбираетъ налоги, и поэтому думали, что оно обременяетъ ихъ. Особенно тяготились земствомъ трактирщики, лавочники, владѣльцы промышленныхъ заведеній. Они ругали земство за все повышающееся обложеніе и косились на земскихъ служащихъ — агронома, страхового агента, землемѣра и кричали:

— Всѣ на нашей шеѣ сидятъ, хлѣбъ ѣдятъ. На кой чортъ ихъ только держатъ?

И когда имъ указывали, что земство тѣмъ хорошо, что оно служитъ одинаково всѣмъ, бѣднымъ и богатымъ, оно равно даетъ, какую можно, помощь, — они на это кричали:

— Не нужно намъ этой помощи, безъ нихъ бы управились.

— Нѣтъ, не управились бы. Травосѣяніе-то кто вамъ завелъ? А машины, серпы, косы, лопаты, развѣ это прежде было у насъ?

— Что же это оно намъ задаромъ даетъ! — за все беретъ денежки.

— И прежніе торговцы отъ денегъ-то не отказывались, да что они за деньги-то давали?

Это было въ лучшія для земства времена, когда наша управа стояла на настоящей земской дорогѣ и употребляла не мало усилій на то, чтобы въ крестьянскую жизнь провести какъ можно больше хорошихъ, разумныхъ пособій, съ которыми крестьянинъ скорѣй бы поднялся на ноги и зажилъ бы болѣе человѣческой жизнью. Чтобы было больше пользы отъ полевого хозяйства крестьянъ послѣ введенія травосѣянія, т. е., чтобы хорошій кормъ не пропадалъ въ дрянномъ скотѣ, земствомъ было задумано улучшить рогатый скотъ. Для этого хотѣли завести ярославскихъ быковъ и раздавать ихъ по

деревнямъ, устраивать выставки скота и награждать на нихъ лучшихъ коровъ и телятъ преміями. Конечно, все это должно было вызвать новые расходы и увеличить обложеніе. Обложеніе выростало на гроши, польза же отъ всего этого была, несомнѣнно, большая для крестьянъ.

Но противъ этого возстали крупные землевладѣльцы,—имъ былъ невыгоденъ подъемъ крестьянскаго благосостоянія. Посѣвъ травы на крестьянскихъ поляхъ отбилъ у нихъ покупателей покосовъ, а сѣмена, продаваемыя земскимъ складомъ, не давали имъ возможности самимъ продавать хлѣбныхъ сѣмянъ. Торговцы, снабжавшіе крестьянъ мелкими орудіями, принужденные заводить лучшій товаръ и понижать на него цѣну, тоже были недовольны управой и открыли на нее походъ. Полетѣли жалобы, что лица, служащія въ земствѣ и заботящіяся, чтобы мѣстная жизнь была улучшена, есть вредные люди, что они, будто бы, возбуждаютъ крестьянъ, чтобы они больше требовали къ себѣ вниманія и отъ земства и отъ правительства. Изъ Петербурга явилась ревизія. Главный дѣятель въ нашемъ земствѣ—умный, дѣльный, справедливый—былъ признанъ вреднымъ человѣкомъ и отъ земской дѣятельности устраненъ. Разная мелкота, поддерживавшая его изъ лакейской угодливости, поджала хвостъ, а гласные отъ крестьянъ, волостные старшины по своей сообразительности рѣшили, что разъ имъ начальство недовольно, то, стало быть, онъ, дѣйствительно, вредный человѣкъ. Противники земства восторжествовали. Все склонилось на ихъ сторону такъ быстро, какъ они не ожидали.

Стали выбирать новаго предсѣдателя. Выбрали одного князя.

Выбрали его дворяне и земскіе начальники. Приступая къ своей работѣ, онъ заявилъ, что онъ, не въ при-

мѣръ своимъ предшественникамъ, на своей службѣ будетъ держаться законности, одной законности, намекая тѣмъ, что прежнія работы земства были незаконны. Его одобрили дворяне, а за ними и волостные старшины. И вотъ пошло насажденіе законности. Прежде всего уволили завѣдующаго школьнымъ хозяйствомъ, служившаго по вольному найму, человѣка образованнаго, понимающаго, какую книжку выписать, какія чтенія провести, и на его мѣсто выбрали третьяго члена управы — прогорающаго землевладѣльца изъ купцовъ. Потомъ ушелъ секретарь, агрономъ,—человѣкъ очень свѣдущій и интеллигентный. Оставшіеся земцы были этому рады. Они стали подбирать на мѣсто ушедшихъ болѣе подходящихъ; и вотъ прежде заведенное и намѣченное въ земствѣ остановилось. Въ школахъ чтенія не возобновлялись, учительская комиссія не собиралась. Пособіе къ улучшенію скотоводства отложилось въ дальній ящикъ. И этой весной выписанныя для крестьянъ яровыя сѣмена разобрали управцы, крестьянамъ же не хватило. Одна деревня, заказавшая сѣмена еще въ февралѣ и пріѣхавшая за ними передъ началомъ сѣва, получила отказъ. Имъ сказали, что сѣмянъ нѣтъ, пусть пріѣдутъ послѣ. Мужики взбунтовались. Одни зашумѣли, такъ что для нихъ пришлось ѣхать на станцію выручать овесъ. Другіе же, ведшіе себя посмирнѣе, такъ ничего и не получили. Имъ вмѣсто овса предложили льна. Пришлось взять ленъ.

LVIII.

Мнѣ всегда было удивительно, какъ это при началѣ войны съ японцами многіе люди, всю свою жизнь положившіе на то, чтобы загонять и забивать душу человѣческую въ простолюдинѣ, не позволять ему смѣть свое

сужденіе имѣть, — возлагали на этотъ простой народъ великую надежду, что онъ станетъ побѣдителемъ неизвѣстнаго врага. Ссылались на прежнее время, когда личность человѣческая не менѣе была унижена но всетаки русскіе воины дѣлали чудеса храбрости,—и забывали, что въ прежнее время было больше близости между начальствующимъ и подчиненнымъ, господиномъ и слугою. Прежній помѣщикъ имѣлъ связь и общность съ крѣпостными, они другъ друга поддерживали, — а какая могла быть связь между теперешнимъ барчукомъ и крестьяниномъ? Хозяиномъ и работникомъ? Воля крестьянину была объявлена болѣе 40 лѣтъ. Вслухъ говорилось о братствѣ и равенствѣ всѣхъ людей, а между тѣмъ эти великія начала одними вышестоящими не признавались, устранялись, и такимъ образомъ, вмѣсто общности являлись двѣ враждующія стороны, которыхъ связали одной веревкой и погнали въ невѣдомую страну проливать кровь неизвѣстно за что. Прежнія войны простому солдату были понятны, что онѣ ведутся за вѣру, царя и отечество. Къ японской же войнѣ нельзя было притянуть ни вѣры, ни отечества. Какія же тутъ было возлагать надежды?

А надежды возлагались большія. И прежде всего начальственными лицами. Земскій начальникъ, а вслѣдъ за нимъ старшина и писарь, выписывавшіе на крестьянскій счетъ одинъ изъ московскихъ листковъ, гдѣ каждый день сочинялись побѣды надъ врагомъ: сожженіе города Хакодате, потопленіе огромныхъ японскихъ отрядовъ при высадкѣ ихъ на корейскіе берега, уничтоженіе чуть ли не всего японскаго флота,—шумно радовались этимъ побѣдамъ. Побѣдъ нашимъ администраторамъ хотѣлось для того, чтобы поднять свое расшатывающееся положеніе. Они чувствовали, что къ нимъ всюду начинаютъ выражать все меньше и меньше уваженія, и же-

лали его возстановить. И они разсчитывали вѣрно. Окажись русское начальство распорядительнымъ и храбрымъ на войнѣ, разбей врага, тогда-бъ они подняли голову и всѣмъ стали колоть въ глаза: „А что, вотъ мы какіе! Самъ Богъ за насъ! Кто же противъ насъ?“ И они надѣялись на это. Земскій начальникъ, получивши газету и прочитавши о новыхъ побѣдахъ русскихъ, чуть не лобызался со своимъ кучеромъ и письмоводителемъ, а волостной писарь кричалъ „ура“ и шелъ въ трактиръ пить пиво. Онъ не мало опорожнилъ бутылокъ за здоровье русскихъ побѣдителей, и когда узналъ, что это было напрасно, перешелъ на очищенное и въ немъ топилъ свое горе.

Но были жаждущіе побѣдъ и вѣрящіе въ нихъ и помимо офиціальныхъ лицъ. Изъ такихъ у насъ былъ Ефимъ Степановъ, семья Власовыхъ и еще кое-кто. У Ефима Степанова была очень сильна вѣра въ силу ума, сметку, находчивость и выносливость русскаго солдата. Онъ хотя былъ безграмотенъ, но очень хорошо зналъ и помнилъ исторію Россіи, конечно, по лубочнымъ источникамъ, отъ самаго Петра I. Я помню, еще въ дѣтствѣ, онъ разсказывалъ намъ о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго на охотѣ, про остроумныя выходки шута Балакирева, про графа Румянцева, казака Платова, Суворова и прочихъ героевъ. Сказки про мужичка, одурачивающаго барина или задававшаго непосильныя задачи самому царю Петру, были его любимыми сказками. Господъ онъ не считалъ ни во что. Онъ думалъ, что они и слабосильны, и трусливы, и измѣнчивы. Онъ разсказывалъ легенды про Паскевича, который отравился, про Дибича, который зарѣзался бритвой. Они казнили себя, уличенные въ измѣнѣ. Севастополь продалъ врагамъ князь Меньшиковъ, Александра II убили господа за то, что онъ у нихъ крестьянъ отнялъ. Правда съ вы-

думкой у него мѣшалась на каждомъ шагу такъ же, какъ перемѣшивалось и время событій.

Власовы разсчитывали и желали побѣдъ по другой причинѣ: ихъ побуждалъ желать этого религіозный интересъ. Они были старообрядцы, и за побѣдой русскихъ они видѣли скорѣйшее наступленіе торжества своей вѣры. Среди нихъ жило откуда-то занесенное къ нимъ пророчество, что въ скоромъ времени начнется война съ Турціей. Въ этой войнѣ русскіе одолѣютъ невѣрныхъ мусульманъ, возьмутъ Константинополь и войдутъ въ храмъ Премудрой Софіи, обращенный невѣрными въ мечеть. Въ этомъ храмѣ въ одной изъ стѣнъ заточено православное священство, служившее въ немъ, когда городъ брался врагами. При вступленіи враговъ въ храмъ алтарь, въ которомъ происходила служба, былъ загороженъ, таинственной силой, стѣной и скрытъ отъ яростныхъ враговъ. Теперь же, какъ только русскіе возьмутъ городъ и войдутъ въ храмъ, эта стѣна падетъ, алтарь опять откроется взорамъ людей, и замуравленное на сотни лѣтъ духовенство въ полномъ облаченіи выйдетъ изъ него, отслужитъ благодарственный молебенъ, провозгласитъ многолѣтіе побѣдителямъ, благословитъ воинство и весь русскій народъ и преставится.

Для Власовыхъ было тутъ важно то, что чудо проявится со стороны древняго священства и чинъ службы будетъ совершенъ, не по никоніански, а по старинному. Государь, получивши благословеніе отъ древняго іерейства, крестящагося и благословляющаго двумя перстами, увидитъ силу и благодать въ старой вѣрѣ и пожелаетъ сдѣлать ее господствующей.

И тая въ душѣ эти надежды, Власовы жадно ждали каждой вѣсти о побѣдѣ, принимая за правду всякій слухъ и были увѣрены, что побѣды идутъ, русское воинство

побѣдоносно разитъ врага, а съ этими побѣдами приближается и день ихняго торжества.

Надѣялся и вѣрилъ въ побѣду и Плѣшаковъ, но у него не было связано съ побѣдой никакихъ личныхъ видовъ. Онъ только понималъ, что мы русскіе, а русскіе лучше всѣхъ людей на свѣтѣ, такъ же какъ и онъ— самый первый человѣкъ въ деревнѣ; такъ, кто же можетъ насъ превзойти? Онъ иногда разглагольствовалъ:

— Какъ же можетъ быть, чтобы какой-нибудь косоглазый насъ побѣдилъ?.. У него и глаза-то раскосые... Я ихъ видѣлъ въ Москвѣ, у нихъ магазинъ на Кузнецкомъ,—да мы ихъ въ кольцо согнемъ, да черезъ заборъ перекинемъ... Гдѣ имъ съ нами сладить...

— Да вотъ ладятъ же они съ нами?

— Кто это говоритъ-то? С. Т-въ? Онъ какія газеты читаетъ? Онѣ нарочно на руку японцамъ гнутъ. Въ нихъ что угодно напишутъ, все японскія деньги тамъ дѣйствуютъ, а имъ хочется наше начальство уронить. Вотъ онѣ и выдумываютъ. Нѣтъ, что ни выдумывай, а мы этимъ макакамъ зададимъ трезвону! У насъ тамъ теперь самъ Скобелевъ.

— Какъ Скобелевъ? Скобелевъ давно померъ...

— Померъ, а на этотъ разъ воскресъ. Его Самъ Богъ поднялъ: „Иди, покажи, какова русская сила-мочь"... Вотъ онъ и покажетъ! Зовутъ теперь этого Скобелева генераломъ Линевичемъ. Я самъ слышалъ, какъ объ этомъ листокъ читали.

Въ Москвѣ, дѣйствительно, продавался какъ-то листокъ, въ которомъ говорилось о воскресеніи геройскаго духа Скобелева въ генералѣ Линевичѣ, а Плѣшаковъ понялъ это, какъ утвержденіе воскресенія настоящаго Скобелева.

— А вотъ Портъ-Артуръ-то у насъ взяли?

— Что-жъ Портъ-Артуръ? Его Стессель отдалъ, — а

кто такой Стессель? Англичанинъ... Онъ и отдалъ его затѣмъ, чтобы англичанкѣ угодить... Все дѣло у насъ портятъ нѣмцы да англичане, а вотъ бы смести ихъ метелкой да послать бы однихъ русскихъ, они бы японцу живо носъ утерли... Тогда сразу японцу капутъ бы.

— Были тамъ и русскіе: Алексѣевъ, Макаровъ...

— Ну, что-жъ Макаровъ? Макаровъ и дѣйствуетъ. Вы думаете, онъ погибъ? Вовсе не погибъ. Хоть его броненосецъ потонулъ,—только не совсѣмъ, а до поры до времени. Придетъ время, и „Петропавловскъ" опять появится. Я своими ушами слышалъ, какъ говорили про „Петропавловскъ". Опустился туда водолазъ разузнать, гдѣ потонулъ этотъ броненосецъ, доплылъ до него; видитъ—стоитъ „Петропавловскъ" на днѣ, каюты его освѣщены, и въ одной собрался весь народъ; стоятъ и службу служатъ. Священникъ служитъ, а они Богу молятся. Водолазу и говорятъ: „Ступай, братъ, и скажи всему нашему воинству, чтобы оно не робѣло. Будетъ ему побѣда. Мы всѣ объ этомъ Господа просимъ"...

Такія сочиненія многими въ деревнѣ принимались за истинную правду, и многіе поэтому вмѣсто чистой правды о всѣхъ нашихъ дѣлахъ имѣли самыя невѣроятныя понятія.

LIX.

Къ вешнему Николѣ въ сосѣднюю деревню пріѣхалъ изъ Москвы одинъ мастеровой Тимофей Ивановичъ. Съ его пріѣздомъ сознательная часть мужиковъ въ деревнѣ значительно пополнилась. Онъ одинъ вносилъ въ деревенскую жизнь много содержанія и всему деревенскому міру задавалъ тонъ.

Тимофею Ивановичу было лѣтъ 30. Въ Москвѣ онъ жилъ по зимамъ, а на лѣто пріѣзжалъ въ деревню,

впрягался въ крестьянскій хомутъ и шелъ съ другими наравнѣ до самой осени. Его односельцевъ это очень подбадривало. Глядя на него, не брезговали работой другіе „Москвичи", которымъ сѣрая деревенская работа казалась порой унизительной.

Тимофей Ивановичъ былъ трезвый, очень развитой, зажиточный и отзывчивый на всѣ человѣческія нужды. Этимъ качествомъ онъ многихъ привлекалъ къ себѣ. У него въ деревнѣ была порядочная библіотека, изъ которой онъ охотно раздавалъ книги. Потомъ онъ выписывалъ „Русскія Вѣдомости", которыя нерѣдко читалъ вслухъ. Это все такъ дѣйствовало на подростковъ и молодежь, что подростки, учась въ земской школѣ, отличались отъ другихъ и въ ученьи и на экзаменахъ. А ребята, уходя въ Москву, поступали тамъ на лучшія мѣста, и многіе изъ нихъ дѣлались чуть не интеллигентами...

И только нѣкоторыхъ возстанавливало противъ него то, что онъ на сходахъ шелъ противъ пьянства, міроѣдства и былъ равнодушенъ къ обрядамъ въ религіозной жизни деревни. Онъ рѣдко ходилъ въ церковь и также какъ и я, ѣлъ по средамъ и пятницамъ скоромное. Хотя онъ велъ трезвую жизнь, никогда ни съ кѣмъ не дрался, не пользовался чужимъ, но это не считали большимъ достоинствомъ, его же особенности считались большимъ грѣхомъ. На него нерѣдко клеветали и говорили, что онъ перешелъ въ хлыстовскую вѣру или въ молоканство.

Когда Тимофей Ивановичъ пришелъ къ намъ въ деревню, Плѣшаковъ сразу же его возненавидѣлъ. Ему, очевидно, было непріятно, что такой человѣкъ пользуется вліяніемъ на сходѣ, имѣетъ за собой нѣкоторыхъ сторонниковъ, а онъ, болѣе пожилой, зажиточный, жившій въ Москвѣ, никого къ себѣ не привлечетъ. И онъ

началъ задирать Тимофея Ивановича и, придираясь къ какимъ-нибудь сказаннымъ ему словамъ, говорилъ:

— Ну, да вѣдь это что... Если бы это говорилъ настоящій, а то вѣдь ты... А что такое ты?

— А что такое я?—поднимая брови и съ любопытствомъ уставляясь на Плѣшакова, спросилъ разъ Тимофей Ивановичъ.

— Извѣстно что̀,—послѣднее слово въ азбукѣ. Мы будемъ слушать кого-нибудь путнаго, а не такихъ, которые религіи не исполняютъ.

Сначала Тимофея Ивановича это забавляло, но потомъ стало раздражать. Онъ отвѣчалъ на нападки Плѣшакова, и такъ, что Плѣшаковъ оставался въ друракахъ и это злило того до бѣлаго каленія. Когда не было Тимофея Ивановича, Плѣшаковъ кричалъ:

— Такихъ людей никуда не должно допускать, и на сходѣ голоса не давать, потому что они супротивники противъ всего міра!.. Онъ постовъ не соблюдаетъ, ему наши праздники нипочемъ. Нешто онъ христіанинъ? Онъ что еврей или татаринъ, его надо изъ деревни вонъ выгнать!

Однажды Тимофей Ивановичъ ѣхалъ со станціи, замѣтивъ, что у двора Ефима Степанова стоитъ кучка мужиковъ, подошелъ къ нимъ и, печально глядя на всѣхъ, проговорилъ:

— Ну, мужички, съ радостью васъ.

— Что такое? — по виду Тимофея Ивановича чувствуя, что онъ не о радости говоритъ, спросилъ Матвѣевъ.

— Съ нашими эскадрами японцы покончили. Разбили ихъ въ пухъ и прахъ.

— Неужто?..

— Ей Богу... Вотъ послушайте!..

Онъ полѣзъ въ карманъ, дрожащей рукой досталъ от-

туда газету, торопливо развернулъ ее и сталъ читать... И жутко становилось отъ прочитываемыхъ имъ извѣстій. У мужиковъ вытягивались лица. Ягинъ даже поблѣднѣлъ.

— Это что же такое, братцы? Какъ же это такъ?— растерянный и взволнованный проговорилъ Михайло Платоновъ.

Наступило долгое, тяжелое молчаніе...

— Вотъ до чего мы дожили!—воскликнулъ Тимофей Ивановичъ, еще болѣе взволновавшійся во время чтенія, и глаза его были влажны.—Никогда еще русскіе такого позора не испытывали, а теперь вотъ дождались!..

— Что же это теперь будемъ дѣлатъ-то?—опять сказалъ Михайло Платоновъ.

— Надо земскій соборъ созывать да войну скорѣй кончать,—больше ничего,—проговорилъ Матвѣевъ.—Нечего намъ тамъ больше отличаться,—пора за домашнія дѣла приниматься...

— Теперь больше дѣлать нечего, только, знай, раскошеливайся,—сказалъ съ печальнымъ видомъ Ефимъ Степановъ.

— Вотъ тебѣ и макаки!..—крутнувъ головой и глядя въ сторону, вымолвилъ Степанъ Кузьминъ.

— Что-жъ тебѣ макаки?—Макаки и есть!—выпалилъ вдругъ Плѣшаковъ.—Нешто они противъ насъ что̀ сдѣлаютъ?..

— Да вотъ разбили насъ, чего-жъ тебѣ еще хотѣть?— тоже возвышая голосъ, воскликнулъ Матвѣевъ.

— Ну, еще этому вѣрить-то надо погодить. Можетъ быть, это газеты наврали... Не можетъ быть, чтобы православныхъ да какіе-нибудь невѣрные одолѣли.

Тимофей Ивановичъ не выдержалъ и проговорилъ:

— Если бы ты былъ поумнѣе, я бы тебя дуракомъ назвалъ, а теперь я не знаю, что̀ тебѣ и сказать!..

Плѣшаковъ точно подавился и вытаращилъ глаза.

Онъ не нашелся, что̀ ему отвѣтить, и такъ и проглотилъ нанесенную ему обиду. Тимофей Ивановичъ больше не обращалъ на него вниманія.

LX.

Вскорѣ послѣ этого у насъ была сходка объ навозницѣ. На этой сходкѣ опять появился Тимофей Ивановичъ. Когда уговорились работѣ Тимофей Ивановичъ сказалъ:

— Ну, теперь я вамъ кое-что скажу, будете слушать.

— Что такое?—спросили мужики въ нѣсколько голосовъ.

— Въ газетахъ есть важное извѣстіе. Приходитъ конецъ чиновничьему хозяйству, скоро у насъ устроится такъ, какъ всѣ хорошіе люди желаютъ.

— Объ этомъ уже давно объявлено,—поспѣшилъ заявить свою освѣдомленность Плѣшаковъ.—Какая же это новость!

— Объявлено да неясно, а теперь все ясно. Государю депутація представлялась и высказала ему, что̀ нужно для установленія настоящаго порядка въ государствѣ.

Тимофей Ивановичъ передалъ содержаніе рѣчи князя Трубецкого передъ Государемъ о томъ, что страна нуждается въ обновленіи, а окружающіе Государя люди неспособны на это. Это доказываетъ то, что мы проиграли войну и пришли къ разоренію во внутренней жизни, и что такъ вести дѣла дальше нельзя. Государь согласился съ этимъ и сказалъ, что его намѣреніе созвать на помощь себѣ народныхъ представителей „непоколебимо", и онъ осуществитъ это непремѣнно.

— Какъ же это теперь дѣло-то будетъ?—спросилъ Ефимъ Степановъ.

Тимофей Ивановичъ сталъ дальше объяснять:

— А такъ... Теперь законъ будетъ составляться не чиновниками, а выборными людьми отъ всѣхъ классовъ населенія, отъ землевладѣльцевъ, отъ горожанъ и отъ нашего брата. Законы эти будутъ всѣми обсуждаться и поправляться. Если, напримѣръ, будутъ предлагать такой законъ, который намъ никакой пользы не обѣщаетъ, мы будемъ противорѣчить имъ, доказывать, что это не на пользу, а во вредъ, и не соглашаться. Отъ этого будутъ проходить только такіе законы, которые будутъ на пользу всему народу, а не какому нибудь одному сословію. Вотъ какъ князь говоритъ: „Русскій царь—не царь дворянъ, торговыхъ людей или крестьянъ, а царь русскаго народа, такъ и законы должны быть на пользу всему народу!“

Тимофей Ивановичъ говорилъ горячо и плавно; нѣкоторые слушали его со вниманіемъ, но для другихъ его рѣчи были, что въ стѣну горохъ.

— Хотятъ, стало быть, мужика рядомъ съ господиномъ посадить,—заявилъ, Могачевъ, насмѣшливо ухмыльнушись и разглаживая усы. — Честь будетъ нашему брату.

— Мужиковъ тогда не будетъ, а будутъ депутаты въ государственную думу,—объяснилъ Тимофей Ивановичъ.

— Какъ поросенка ни назови, во что его ни наряди, онъ все поросенкомъ останется,—пустилъ опять Плѣшаковъ.

— Нешто мужикъ и поросенокъ одно и то же?—спросилъ Тимофей Ивановичъ.

— А то что-жъ?

— Всякіе мужики бываютъ. Конечно, много такихъ, какъ и ты, ну, есть и честные и дѣльные—съ головой.

— Есть-то есть, да плоха имъ честь,—вздохнувъ, замѣтилъ Степанъ Кузьминъ.

— Какъ плохая честь?

— Не допустятъ ихъ. Вотъ С. Т-ва сходочнымъ не допустили быть, такъ и кого другого.

— Ну, теперь такъ, пожалуй, поступать будетъ нельзя... При общихъ выборахъ нельзя будетъ отбирать. одного въ одну сторону, другого—въ другую. Хозяева всему мужики будутъ,—кого они пожелаютъ, того браковать нельзя.

— А кого мы желать можемъ?

— Того, кто наши нужды понимаетъ да отстоять ихъ сумѣетъ.

— Сумѣть-то онъ сумѣетъ, да не будетъ онъ отстаивать ихъ!—увѣренно качнувъ головой, сказалъ Ефимъ Степановъ.

— Отчего?—спросилъ Тимофей Ивановичъ.

— А оттого, что мужикъ золъ. Онъ не можетъ о своемъ братѣ заботу имѣть, а только жать его и можетъ. Кто у насъ отца, матери не почитаетъ?—Мужикъ! Кто сосѣда жметъ?—Все онъ же!.. Всякихъ судовъ да кляузъ все больше среди мужиковъ. Онъ тебя за соломинку коломъ норовитъ. А какъ изъ грязи-то вылѣзетъ въ князи, онъ и совсѣмъ носъ задеретъ... Видали мы всякихъ, и бурмистровъ, и управляющихъ... Господа, бывало, какъ ни злы, а все—поклонишься, и милость получишь, а отъ своего брата милости никогда не жди.

— Все это правда и все это неправда,—сказалъ Тимофей Ивановичъ.—Мужикъ считается злымъ не потому что у него такая натура, а потому, что его до сихъ поръ только и заставляютъ исполнять такія дѣла. Онъ дѣйствуетъ не по своей волѣ, а по чужой. И староста, и городовой, и солдатъ, и палачъ,—всѣ они изъ мужиковъ, а нешто они по своей волѣ дѣйствуютъ? А

вотъ когда дадутъ такое право, когда онъ миловать можетъ, можетъ-быть, онъ будетъ подобрѣе, а злыми-то окажутся тѣ, которые до сихъ поръ считались добренькими.

— Кто отъ Хама взятъ тотъ Хамомъ и будетъ,—презрительно щурясь, сказалъ Плѣшаковъ.

— А какъ же мужиковъ въ Думу-то позовутъ, не съ каждой же деревни туда соберутся?—сказалъ Егоръ Власовъ.

— Не только съ деревни, а, може, и съ уѣзда-то ни одного не пройдетъ. Россія-то вонъ какая, а въ Думу-то потребуется, можетъ быть, съ цѣлаго милліона два или три жителя.

— Такъ мы и знать не будемъ, кто отъ насъ попадетъ?..

— Если такъ будемъ жить, какъ до сихъ поръ жили, то, конечно, не будемъ знать,—нужно мѣнять жизнь. Надо и намъ вникать, какъ какія дѣла ведутся и кто какъ старается. Теперь допущены всякія собранія. Вотъ мы и должны ими пользоваться, собираться, обсуждать и выяснять, какія у насъ нужды, и когда мы эти нужды выяснимъ, то можемъ устроить съѣздъ и на этомъ съѣздѣ спѣться уже цѣлымъ уѣздомъ, что намъ требовать отъ закона для себя, и такого выборнаго, который возьмется эти законы поддерживать и проводить.

Сложность предстоящей работы произвела на многихъ тяжелое впечатлѣніе. Мужики стояли какъ пришибленные. Ефимъ Степановъ окинулъ всѣхъ любопытнымъ взглядомъ и, насмѣшливо улыбаясь, сказалъ:

— Эва, вы какую штуку загибаете. А хватитъ ли у насъ время-то на это? Это вѣдь въ копеечку стукнетъ.

— Зато вѣдь время-то какое настало! Это дѣло-то поважнѣе, чѣмъ воля. Если мы продремлемъ да не сумѣемъ послать отъ себя хорошихъ представителей,

то намъ тамъ такихъ штукъ наворотятъ, что ихъ цѣлый вѣкъ не стрясешь.

— Ну и пусть! Хуже этого, чѣмъ сейчасъ, не сдѣлаютъ, а мы и такъ проживемъ, а дѣти будутъ,—сами себѣ, что нужно, добудутъ.

— Вѣрно! Что пустое слушать! Не нужно намъ никакихъ перемѣнъ! — воскликнулъ Плѣшаковъ. — Всякъ своей нуждѣ самъ поможетъ.

Сходъ раскололся. Мужики зашевелились. Устали-ль они, или не понимали, что̀ говорилъ Тимофей Ивановичъ, но мужики стали говорить, что нужно расходиться.

LXI.

Тимофей Ивановичъ былъ бодрый человѣкъ, но такая безтолковость общества, какою она высказалась на послѣднемъ сходѣ, и безразличность многихъ къ такому важному для самихъ крестьянъ дѣлу, какъ обновленіе государственной жизни, должно быть, расхолодили его. Онъ больше не заикался о необходимости государственныхъ перемѣнъ и даже при встрѣчѣ съ нами, всегда поддерживавшими его, воздерживался отъ разговоровъ о политикѣ.

Да и время наступило такое, когда было не до политики. Работы надвигались одна за другой и захватывали каждаго хозяина въ свои лапы и цѣликомъ. У большинства только и думъ было: хватитъ ли навоза, почемъ будутъ покупать клеверное сѣно, гдѣ прикупить травки, поспѣетъ ли на сѣмена рожь? Объ этомъ шли всѣ разговоры и хлопоты. За все это время отвлекло отъ личной заботы и вызвало другой интересъ только распоряженіе, пришедшее изъ волостного правленія. Въ немъ предписывалось нашему обществу, какъ и

другимъ, непремѣнно выбрать изъ среды себя грамотнаго крестьянина на должность полицейскаго десятника, назначить ему жалованье за службу по усмотрѣнію общества и сообщить это особымъ приговоромъ. Десятники эти должны были вступить на службу съ 1 іюля, когда у насъ вводились полицейскіе стражники. Мужики недоумѣвали, на что понадобилось новое начальство, и, собравшись на сходѣ, стали обсуждать полученное распоряженіе.

— На што же они намъ, эти десятники?—спросилъ Яковъ Усанъ, прозванный такъ за свои тараканьи усы.

— На што-нибудь нужно, коли велятъ,—заявилъ староста.

— Велятъ-то они намъ, велятъ, и насъ заставляютъ ему жалованье платить... А нуженъ ли онъ намъ?

— Безъ десятниковъ жили и впредь проживемъ!

Это говорилось такими мужиками, которые прежде безучастно относились ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ. Въ числѣ протестующихъ былъ и старикъ Ефимъ Степановъ.

— Рожна имъ, прости Господи!—съ неудовольствіемъ сказалъ онъ.—Каждому мужику хотятъ на оба плеча по архангелу посадить. Да что мы, разбойничать, что-ль, собираемся?

— Такъ какъ же быть, братцы?—спросилъ староста.— Писать приговоръ али нѣтъ?

— Писать, что не желаемъ. Такъ и проставить, что такого человѣка у насъ не находится и мы заводить десятниковъ не желаемъ.

Начали составлять приговоръ; мужики подписывали храбрясь, но у многихъ изъ нихъ сквозило опасеніе, какъ бы за это не нагорѣло. И это опасеніе было замѣтно по крайней мѣрѣ у доброй половины мужиковъ.

Староста немедленно отправился съ приговоромъ въ

волостную контору. Вернувшись, онъ сказалъ, что старшина съ писаремъ очень недовольны этимъ приговоромъ. Хотя такого рода приговоровъ было представлено по крайней мѣрѣ изъ 20 деревень нашей волости.

— Ого! Значитъ, не мы одни умники-то!—воскликнулъ Степанъ Кузьминъ и повеселѣлъ отъ этого извѣстія.

Повеселѣли и другіе. Но староста добавилъ:

— Все-таки они велѣли выбрать человѣкъ трехъ и къ земскому начальнику сходить. Онъ, навѣрно, вызоветъ. Такъ нужно будетъ ему объяснить.

— И выбирай, — что-жъ? Вотъ Степанъ Кузьмичъ пойдетъ, Матвѣевъ... Третьимъ назвали меня.

На третій день, дѣйствительно, въ деревню пріѣхалъ волостной разсыльный и сказалъ, что земскій требуетъ къ себѣ мужиковъ въ слѣдующее воскресенье.

Въ воскресенье съ утра черезъ нашу деревню потянулись мужики изъ другихъ деревень къ земскому. Земскій жилъ въ это время въ Степанковѣ. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, стоялъ около стараго березоваго лѣса, въ которомъ лѣтомъ была всегда пахучая, прохладная тѣнь.

Когда онъ никуда не уѣзжалъ, онъ все время сидѣлъ на террасѣ, выходившей къ дорогѣ, проходившей мимо дома. Дѣло же у него велъ писарь изъ запасныхъ солдатъ. Самъ онъ дѣломъ занимался мало. На съѣздахъ и собраніяхъ онъ, какъ говорили, больше молчалъ, такъ какъ не зналъ ни жизни, ни законовъ.

Въ это утро его на террасѣ не было. Мужики собирались и располагались около террасы на травѣ и сговаривались, что̀ имъ говорить и какъ держать себя. Всѣ знали, зачѣмъ ихъ вызывали, и всѣ говорили, что этому требованію подчиняться не слѣдуетъ.

— Не ко времени, братцы, года тяжелые, и что

есть-то податей, не исправишь, а тутъ еще наворачиваютъ да наворачиваютъ. Намъ они не нужны. А кому они нужны, тотъ пусть и нанимаетъ ихъ и платитъ.

Это сказалъ одинъ мужикъ изъ крайней по нашей волости деревни, по имени Василій Петровъ, бѣлокурый малый, съ слегка рябоватымъ лицомъ, съ прямымъ взглядомъ сѣро-голубыхъ, чистыхъ глазъ. Его поддерживалъ худощавый, весноватый, рыжебородый староста изъ сосѣдней деревни.

Другіе мужики держались тоже храбро и независимо. Обычной мужицкой пришибленности и стѣснительности не было и признака. Я только не могъ разобраться, почему это такъ. Такой ли духъ проникъ мужиковъ за послѣднее время или же тутъ были собраны отборные мужики? Я пожалѣлъ, что между нами нѣтъ Тимофея Ивановича. Онъ бы, глядя на это, навѣрное, воспрянулъ духомъ.

Мужики продолжали подходить и подъѣзжать. Скоро ихъ собралась толпа около сотни и запрудила всю площадь передъ террасой. Нѣкоторые начали высказывать нетерпѣніе, почему земскій такъ долго не показывается. Рѣшили сходить въ канцелярію и заявить о своемъ недовольствѣ.

Только вернулся посланный, какъ дверь, ведущая изъ комнатъ на террасу, отворилась, и передъ мужиками предсталъ земскій. Это былъ маленькій, черноволосый, тщедушный человѣкъ, съ влажными красными губами и масляными глазами. Онъ наморщилъ свой закинувшійся и начинавшій лысѣть лобъ и сдѣлалъ строгіе глаза. Вся фигурка его казалась дутою отъ напущенной имъ на себя важности.

— Ну-у, здрассте!..—кивнулъ мужикамъ земскій.—Я созвалъ васъ, чтобы объявить вамъ вотъ о чемъ. Ко мнѣ поступило нѣсколько приговоровъ, въ которыхъ

общества постановляютъ, что они не желаютъ выбирать десятскихъ...

— Не желаемъ!—гаркнули мужики въ нѣсколько голосовъ, не дождавшись окончанія рѣчи земскаго начальника.

— То-есть, какъ не желаете?—мгновенно краснѣя и вытаращивъ глаза, сказалъ земскій.—Если вамъ приказываютъ?!

— Намъ никакіе десятскіе не нужны!..

— А если кому нужно, пусть тотъ и назначаетъ.

— Нужны они не мнѣ. На это есть распоряженіе изъ Петербурга. Я самъ не знаю, для чего они нужны, а распоряженіе я исполнить долженъ.

— Мы до этихъ поръ все исполняли, а теперь намъ хочется узнать, для чего эта должность?—сказалъ Василій Петровъ.

— Это тебѣ нужно узнать?—набросился на него земскій.—Что ты за храбрецъ, что одинъ выступаешь?

— Онъ за насъ говоритъ!.. За всѣхъ!.. Мы всѣ то же скажемъ!—въ одинъ голосъ загалдѣли мужики, и это оказалось настолько внушительнымъ, что земскій съежился, и въ его глазахъ промелькнулъ испугъ.

— Да вы, что же, бунтовать вздумали? Вы знаете, что̀ за это будетъ? Я васъ всѣхъ могу оштрафовать и подъ арестъ посадить! По-онимаете?..

— Штрафуйте, коли слѣдуетъ, а мы, что̀ нужно, должны сказать... Скажемъ и сдѣлаемъ. Мы за себя постоять сможемъ.

Лица у многихъ мужиковъ начинали краснѣть, раздувались ноздри, и выраженіе глазъ мѣнялось.

— Такъ вы не хотите, чтобы десятниковъ ставить?—черезъ минуту молчанія спросилъ земскій.

— Не желаемъ!..

Земскій пожалъ плечами.

— Какъ хотите. Я такъ и сообщу губернатору, а тамъ, какъ онъ распорядится.

— Ну, что-жъ, пущай! Пусть онъ намъ объяснитъ, для чего эти самые десятники.

— Ну, больше мнѣ говорить вамъ нечего.

Земскій, повернувшись, скрылся въ дверяхъ.

Мужики, продолжая горячо разсуждать, разбивались на кучки и собирались расходиться.

Мы поспѣшили домой, чтобы подѣлиться всѣмъ слышаннымъ съ нашими деревенскими мужиками.

LXII.

Была свѣтлая, теплая іюньская ночь, на блѣдномъ небѣ слабо мерцали рѣдкія звѣздочки. Воздухъ былъ пропитанъ влагой росы и ароматомъ цвѣтущихъ травъ. Гдѣ-то скрипѣлъ дергачъ, да у двора Ривцова, гдѣ обыкновенно собиралась молодежь, слышался веселый говоръ и взрывы смѣха еще не разошедшихся съ улицы парней и дѣвокъ. За деревней слышно было посвистыванье пастуха въ ночномъ. Все это было очень явственно слышно въ ночной тишинѣ.

Вдругъ въ Бухоловѣ раздался ударъ колокола. За первымъ послышался второй ударъ, третій. Звонарь зачастилъ.

„Ба-а-мъ, бамъ!“ неслись тревожные звуки, и всякій, кто только услыхалъ ихъ, проникался тревогой. Молодежь вскочила со своихъ мѣстъ и высыпала на середину деревни. Выскакивали мужики, бабы. Всѣ понимали, что это—пожаръ, самое страшное несчастіе и бичъ деревни. До сихъ поръ въ эту весну у насъ поблизости пожаровъ не было, и деревня была спокойна, но разъ пожаръ случился, то это напоминало,

что не сегодня—завтра эта напасть можетъ постигнуть и насъ.

Бывшій ночнымъ сторожемъ Матвѣевъ сталъ опредѣлять, гдѣ могъ случиться пожаръ. Небольшое зарево разливалось по небу какъ разъ надъ Бухоловымъ. Видно, занималось что-нибудь въ селѣ. Разобравши это, Матвѣевъ побѣжалъ ко двору старосты и, чтобы поднять скорѣй всю деревню, сталъ бить въ чугунную доску.

— Что такое? Что такое?—спрашивали выбѣгавшіе изъ дворовъ неслыхавшіе набата мужики.

— Горитъ въ Бухоловѣ!

— Горитъ! Горитъ!

— Трубу давай!

— Бочку!

— Лошади гдѣ? Сторожъ, гдѣ лошадь?

Лошади оказались въ стадѣ. Матвѣевъ и еще одна баба, бывшая подсторожей, побѣжали въ стадо. Мужики суетливо отпирали пожарный сарай и выкатывали пологъ съ трубой и бочкой. Бабы, вскочившія съ постелей, бѣжали, завязывая на ходу платки, и торопились разбирать ведра.

Вскорѣ у пожарнаго сарая составился цѣлый отрядъ, который и двинулся по направленію къ Бухолову. Шли бойко, рысью, и только, подойдя къ лѣсу, принуждены были перейти на шагъ изъ-за узости и неровности дороги, пролегавшей лѣсомъ. Поднимались догадки: у кого горитъ, отчего загорѣлось? Когда проходили лѣсъ, слышалось, что бочки съ трубой уже громыхали сзади и догоняли насъ.

За лѣсомъ начиналось поле, съ котораго открывался видъ на Бухолово. Горѣло, казалось, въ Бухоловѣ. Но въ селѣ была удивительная тишина. Ни крика ни плача. Было странно.

— Ребята, а это вѣдь не въ Бухоловѣ, — догадался Григорій Львовъ.

— Ну!

— Ей Богу!

— Гдѣ же это,—въ Высоковѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, въ Высоковѣ.

— Въ Высоково мы итти не обязаны.

— Нужно подождать старосту.

Толпа остановилась въ ожиданіи, когда подъѣдетъ староста. Поглядывали на пожаръ, какъ кружился, вился сѣдой дымъ, какъ огонь вспыхивалъ въ новыхъ мѣстахъ. Въ толпѣ кто сталъ вертѣть папироску, кто отошелъ въ сторону.

— Какъ это всегда обманываешься на пожарѣ. Думаешь,—близко, а на самомъ дѣлѣ—далеко...

Подъѣхалъ Матвѣевъ и Авдотья-вдова съ трубой и бочкой. Съ ними ѣхалъ и староста. Лошадей остановили. Начался совѣтъ: ѣхать или не ѣхать на пожаръ.

— Нужно ѣхать,—рѣшилъ староста.—Больше половины дороги проѣхали, назадъ ворочаться нехорошо.

Толпа снова двинулась.

Высоково было въ верстѣ за Бухоловымъ.

Лишь только мы прошли Бухолово и подошли къ овинамъ Высокова, какъ увидали, что два гнѣзда горѣли во всю. Пламя отчаянно спѣшило уничтожить попавшуюся ему добычу. Надъ огнемъ кружились милліоны красныхъ искръ. Вверху, въ дыму носились жившіе въ сгорѣвшихъ домахъ, оставшіеся безъ крова, голуби. Вокругъ пожара съ крикомъ суетились краснолицые люди, таская воду, разламывая баграми горящія стѣны и заборы. Кто-то гдѣ-то плакалъ въ голосъ.

Всѣ наши, какъ только увидѣли огонь, то, какъ лихіе солдаты, увидѣвъ непріятеля, забыли свою нерѣшительность и бѣгомъ бросились къ пожару.

Всего народу на пожарѣ было съ шести деревень. Работали четыре трубы. Особенно отличалась деревня Колышкино. Это была дружная земледѣльческая деревня, съ трезвыми и зажиточными мужиками. У нихъ была самая лучшая труба, и люди, работавшіе у трубы, старались на отличку. Одинъ усатый молодецъ, въ пиджакѣ на распашку и съ картузомъ, сдвинутымъ на затылокъ, качая у трубы, командовалъ всѣми. Онъ кричалъ бодро, даже весело, и этимъ ободрялъ работу другихъ.

— Эй, не дремли! Наводи кишку въ печной уголъ! Обдай вонъ тѣхъ-то, а то имъ жарко!..

Неподалеку отъ этой трубы стоялъ земскій начальникъ и съ нимъ, должно быть, гость его, юноша, совсѣмъ еще молодой человѣкъ. Онъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы, и, потягивая папироску, съ самымъ шалопайскимъ видомъ поглядывалъ на огонь. Усатому молодцу, должно быть, не понравилась эта фигура, и онъ насмѣшливо крикнулъ:

— Эй, мусью безбородый! Что такъ-то стоять? Взялъ бы кишку да поработалъ.

Молодой человѣкъ оскорбился такимъ обращеніемъ усатаго и, обернувши къ нему гнѣвное лицо, проговорилъ:

— Что такое?

— Поработалъ бы, говорю, чѣмъ такъ-то стоять, — тутъ любоваться нечѣмъ.

— Какъ ты смѣешь такъ со мной обращаться?

— А почему же не смѣть-то?

На помощь къ молодому человѣку выступилъ земскій начальникъ. Онъ подошелъ къ трубѣ и, обращаясь къ храбрецу, спросилъ:

— Ты что тутъ грубишь?

— А ты какое имѣешь право дѣлать мнѣ замѣчаніе? — въ свою очередь задорно спросилъ парень.

— Я земскій начальникъ!—спѣсиво поднимая голову, проговорилъ земскій.

— А! Очень пріятно,—насмѣшливо кривя губы, сказалъ парень,—а я—литографскій машинистъ. — И, бросивъ качать, отошелъ въ сторону и, засунувъ руки въ карманы, подступилъ ближе къ земскому начальнику.

— Ты, грубіянъ, не имѣешь права обращаться такъ съ порядочными людьми.

— А почемъ я знаю, что онъ порядочный, у него на лбу не написано. Я вижу, что онъ стоитъ руки въ карманы, когда люди работаютъ, и не вытерпѣлъ.

Колышковскіе мужики сдержанно засмѣялись на бойкіе отвѣты своего односельца, но земскаго все болѣе и болѣе разбирало.

— Да, но ты видишь, что онъ со мной?

— Такъ что же изъ этого?

— То-есть какъ что? — вскипѣлъ земскій и подскочилъ къ парню вплотную.

Тотъ отстранилъ отъ себя земскаго и сказалъ:

— Ну, ты, баринъ, не очень! Мы на пожарѣ, а не гдѣ-нибудь. — И, принимая грозный тонъ, онъ добавилъ: — Давай намъ людей на смѣну! Если ты начальникъ, то за порядками слѣди. Почему мы одни качаемъ все время, а другіе нѣтъ? Смѣну давай! Бросай, ребята, пусть другихъ на наше мѣсто ставитъ!..

Колышковскіе мужики дружно бросили качать и отступили отъ трубы.

Земскій поблѣднѣлъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ. Пересѣвшимъ голосомъ онъ крикнулъ:

— Староста!

Изъ толпы выступилъ староста.

— Арестовать его!

— Не могу,—заявилъ староста.—У меня людей нѣтъ.

— Что?—взвизгнулъ земскій.—Какъ ты смѣешь?

Но староста отошелъ въ сторону и сталъ распоряжаться, чтобы растаскивали горѣлыши.

— Обираловскій староста! — опять крикнулъ земскій.

— Подождите, я его позову,—сказалъ усатый парень и, отвернувшись, смѣшался въ суетившейся толпѣ.

Земскій начальникъ стоялъ какъ столбъ и не зналъ, что ему дѣлать.

Пожаръ къ утру прогорѣлъ. Народъ сталъ расходиться, но и при окончаніи пожара, и когда народъ расходился, разговоръ былъ не столько о пожарѣ, сколько о смѣлости усача. Всѣ были очень довольны, какъ онъ отбрилъ земскаго начальника, и загадывали, что̀ ему за это будетъ.

Черезъ нѣсколько дней пошли разговоры, что въ Колышки пріѣзжалъ старшина и привозилъ постановленіе земскаго начальника арестовать старосту и литографскаго машиниста. Старосту на семь дней, а того— на три. Но мужики такъ насѣли на старшину, что онъ обязался сказать земскому, что литографъ уѣхалъ въ Москву, а старостѣ теперь сидѣть некогда, что пусть земскій сажаетъ по окончаніи полевыхъ работъ.

LIII.

Начался покосъ. На подмогу многимъ хозяевамъ пріѣхали москвичи. У москвичей было больше свѣдѣній о поднявшейся по всей Россіи волнѣ недовольства и о томъ, гдѣ и какъ эта волна разсыпается. И они занимали разсказами объ этомъ мужиковъ.

На второе утро, какъ начали мірской покосъ, когда скосили все дѣленное, въ ожиданіи, когда дѣлельщики нарубятъ новыхъ полосъ, народъ разсѣлся по кучкамъ.

Среди мужиковъ сидѣли москвичи Сергѣй Кузнецовъ и Павелъ Іевлевъ. Первый — слесарь, а второй — картонщикъ съ фабрики. Оба—начитанные и развитые ребята. Они разсказывали про вторую депутацію, представлявшуюся Государю отъ „союза русскихъ людей". Хотя они говорили въ томъ же духѣ, какъ и Тимофей Ивановичъ, но ихъ слушали съ большимъ интересомъ, потому что они были свѣжіе для деревни люди.

— Собрали они людей разной шерсти, — разсказывалъ Кузнецовъ, — графовъ, князей, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ.

— Чего же это они хотятъ-то? — спросилъ Степанъ Кузьминъ.

— Хотятъ, чтобы никакихъ перемѣнъ не было, а какъ было, по старому, такъ все бы и осталось.

— Стало быть, перемѣны имъ не по сердцу?..

— Видимо, не по душѣ...

— Имъ и безъ перемѣнъ не плохо,—улыбаясь, сказалъ Матвѣевъ.—Живи безъ заботы и печали: мужикъ деньгу принесетъ и работать къ нимъ пойдетъ.

— Видимо, никто самъ себѣ не ворогъ,—проговорилъ Степанъ Кузьминъ.

— Извѣстно, всякому свое дорого, кому не доведись,—задумчиво замѣтилъ старикъ Ягинъ.

— И много ихъ въ Москвѣ, такихъ-то? — спросилъ Яковъ Усанъ.

— Должно, много; собранія собираютъ и толки ведутъ,—отвѣтилъ Кузнецовъ.

— Гдѣ же, въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ, въ домѣ государственнаго конноза-водства.

— Къ конюшнямъ поближе!—воскликнулъ Степанъ Кузьминъ.—Хорошо! Мѣсто подходящее подыскали!

— Старину по старинному и отстаивать нужно!..

— Старина—дѣло хорошее,—криво усмѣхаясь, проговорилъ Іевлевъ,—особенно для нихъ, за нее и постоять можно. Они сколько сотъ лѣтъ жили, какъ у Христа за пазухой. У нихъ и земелька, имъ и почетъ, ихъ голоса и царь больше слушаетъ, ихъ и солдатъ защищаетъ. Имъ, правда, хоть ничего не дѣлай, а земля денежку дастъ. А за деньги они того же мужика заставятъ другому лопатки вывертывать.

— Баринъ пахать не поѣдетъ, — замѣтилъ старикъ Ягинъ.

— Ихъ никто не заставляетъ. Иди служи, управляй... Нешто мало у насъ службы-то? И при новыхъ порядкахъ безъ управителей не обойдешься, только не лежи на мужицкомъ сѣнѣ, а то вѣдь они на землѣ-то, какъ собака на сѣнѣ,—самъ не ѣстъ, и другимъ не даетъ.

— Ну, ладно,—вмѣшался въ разговоръ Яковъ Усанъ,—а отчего же съ ними мужики-то вотъ идутъ?.. Они тоже мужики, имъ тоже понятно, что мужичье житье было плохое,—почему же они за своего брата не застаиваютъ, а вотъ съ ними идутъ?..

— Они, значитъ, вѣру застаиваютъ,—сказалъ старикъ Ягинъ.—По новому хотятъ, чтобы вѣры никакой не было, а они хотятъ, чтобы наша православная вѣра не нарушалась, а какъ была она первая, такъ бы и была.

— Вовсе не вѣру,—увѣренно заявилъ Тимофей Ивановичъ,—а помазали ихъ по губамъ; а они по своей дубоватости и уперлись. Кричатъ, что они правую вѣру защищаютъ. Они стараются не за правду, а потому, что надѣются—выиграетъ баринъ дѣло, и имъ что-нибудь перепадетъ. Изъ нихъ-то и составляются вотъ эти противники всего новаго и защитники старины.

— Ну, не изъ-за одного изъ-за этого они стараются—не согласился старикъ Ягинъ.

— А изъ-за чего же?—задорно спросилъ Тимофей

Ивановичъ.—Что же они, правда, добра кому желаютъ? Вѣдь старину отстаивать, вѣдь это, значитъ, жалѣть о тѣхъ временахъ, когда мужиковъ на собакъ мѣняли, въ карты проигрывали, ихъ женъ и дочерей насиловали. Господамъ, конечно, выгодно эти права себѣ воротить, а намъ-то какая выгода?..

— Если же они изъ-за вѣры стараются,—поддержалъ Тимофея Ивановича Іевлевъ,—то тоже нельзя ихъ понять. Истинная-то вѣра что̀ говоритъ? Не гонись за богатствомъ, ничего не желай другому, чего себѣ не желаешь, становись въ одинъ рядъ съ обиженными... А они съ кѣмъ становятся?.. Или они, можетъ быть, считаютъ господъ обездоленными?..

— Такъ объ чемъ же они хлопочутъ, — неужели, правда, о своей шкурѣ?—спросилъ Яковъ Усанъ.

— Ну, объ чемъ же, какъ не объ этомъ? Разскажи мнѣ, объясни, а то я совсѣмъ этого не понимаю...

Мужики молчали. Первымъ послѣ этого открылъ ротъ Матвѣевъ.

— А какъ они весь народъ подведутъ! Ей Богу, правда...

— Ну, не всѣ же спятъ, тоже не дремлютъ и крестьяне, — сказалъ Іевлевъ. — По всѣмъ губерніямъ заявляютъ о томъ, что тѣ порядки, которые были до сихъ поръ, скверны. Отъ нихъ и мужицкое разоренье, и все неустройство, и наши неудачи на войнѣ.

Кое кто засмѣялся довольнымъ смѣхомъ, но Тимофей Ивановичъ серьезно проговорилъ:

— Радоваться нечему, и смѣшного тутъ мало. Это не дѣло. Шевелиться нужно съ умомъ. И перво-на-перво мозгами. Силой ничего хорошаго не подѣлаешь. Нужно не захватить, что намъ нужно, а получить да укрѣпить. А какъ ты укрѣпишь что-нибудь, когда будешь посту-

пать не по закону? Нужно прежде выяснить, кому что по Божьи слѣдуетъ, потомъ и укрѣплять это,—не скоропалкой, а твердо. Мы вотъ купили себѣ землю и сыты. И помѣщикъ доволенъ. Онъ свое получилъ. У насъ нѣтъ ни вражды, ни ссоры.

— Мы-то купили свою землю по сорока рублей, а теперь-то она по сто съ четвертью... Поди-ка купи ее! Такой хомутъ надѣнешь, что и не стрясешь!—замѣтилъ Матвѣевъ.

— Конечно, и это не порядки,—продолжалъ Тимофей Ивановичъ. — Такую цѣну нельзя считать правильной. Эта цѣна незаконная. Это все равно, что въ сказкѣ объ оси и чекѣ. У одного извозчика въ степи сломалась ось, а у другого была запасная. Онъ ее уступилъ ему, только взялъ-то съ нее вмѣсто гривны полтину,—это ужъ не цѣна, а грабежъ!..

— А какъ же эту цѣну измѣнить?—спросилъ Кузнецовъ.

— Очень просто. Спросить господъ, почемъ они цѣнятъ свою землю, когда на нее вырабатывается обложеніе? Сколько они сами заявляютъ съ земли дохода,— по этому доходу и цѣну установить. И по этой цѣнѣ купить у нихъ землю въ казну и сдать ее мужичкамъ во владѣніе въ разсрочку.

— Тамъ оцѣнка низкая, по рублю съ десятины доходности.

— А коли рубль дохода, то и вся цѣна ей двадцать пять рублей.

— Это хорошо бы, только они на это не согласятся.

— Ну, прибавить немножко.

— Вѣрно, вѣрно!—послышались голоса.

Видимо, такое рѣшеніе вопроса всѣмъ пришлось по душѣ. Яковъ Усанъ всталъ, оправилъ измявшуюся рубашку и, поднимая косу съ земли, проговорилъ:

— Ну, что-жъ, пусть стараются; хорошаго добьются, и намъ перепадетъ.

— А ты до тѣхъ поръ будешь сложа ручки сидѣть? Ахъ ты, клопъ этакій! — крикнулъ на него Сергѣй Кузнецовъ.

Это восклицаніе было встрѣчено громкимъ хохотомъ мужиковъ. Не смѣялся только Тимофей Ивановичъ.

LIV.

Подходила Казанская. Наканунѣ ея былъ жаркій день, и уборка сѣна шла очень горячо. Казанскую въ округѣ многіе праздновали, и изъ нашихъ деревенскихъ собирались кое-кто, кто погостить, кто погулять по этимъ деревнямъ; поэтому спѣшили все подкошенное перевезти къ сараямъ. Работа кипѣла до поздняго вечера. Передъ вечеромъ, когда я съ своими домашними убралъ послѣдній возъ, и мы поставили телѣгу въ сарай, ко мнѣ подбѣжалъ ѣхавшій домой съ послѣднимъ возомъ Сергѣй Кузнецовъ и проговорилъ:

— Что, не очень усталъ?

— Да есть-таки,—отвѣтилъ я.

— Ну, завтра праздникъ, отдохнуть какъ слѣдуетъ можно. Сходимъ послѣ ужина на мельничную гору.

— Зачѣмъ?

— А тамъ узнаешь. Тамъ сегодня собирается кое-кто съ другихъ деревень, зовутъ и нашихъ, конечно, кто посознательнѣй. Человѣкъ пять наберется.

— Ладно, я пойду.

— Ну, такъ ужинай, да жди, мы за тобой зайдемъ...

Солнце шло къ закату. Пригнали стадо, загнали скотину по дворамъ. Бабы подоили коровъ, поужинали, и кое-кто собирался уже заваливаться спать. Собирались

на покой и въ нашей семьѣ. Накинувъ пиджакъ, я вышелъ ко двору и сталъ дожидаться, когда за мной зайдутъ. Я сидѣлъ и наблюдалъ, какъ сумерки сгущаются надъ деревней. Теперь не то, что до Петрова дня,—ночь наступала скорѣй и была уже гораздо темнѣй.

Вдругъ ко мнѣ подбѣжалъ подростокъ Егорка Вдовинъ и проговорилъ:

— Идемъ, тамъ собрались уже.

Я всталъ съ завалинки, и мы пошли къ сараямъ. Тамъ стояло уже нѣсколько человѣкъ: Кузнецовъ, Матвѣй, Василій, внукъ Ефима Степанова, до сихъ поръ стоявшій какъ-то въ сторонѣ отъ „мужиковъ" и водившійся больше съ беззаботной молодежью и Тимофей Ивановичъ.

— Ну, значитъ, всѣ?—спросилъ Тимофей Ивановичъ.

— Всѣ,—сказалъ Кузнецовъ.

— Ну, тронемся.

И мы пошли по направленію къ мельницѣ.

— Зачѣмъ собираются?—спросилъ я у Тимофея Ивановича.

— Хотятъ кое о чемъ потолковать, о томъ, что̀ накопилось. Это хорошо. Вотъ только то плохо, что мы, какъ разбойники какіе, должны скрываться, а не открыто дѣйствовать. Вотъ насколько мы не свободны!

— А отчего же намъ днемъ не собраться въ какой-нибудь деревнѣ или въ трактирѣ?

— Неудобно. Явятся сейчасъ разные горланы, высказаться не дадутъ и незнамо что̀ изъ этого выведутъ, а тутъ будутъ люди интересующіеся, они хотя мѣшать не будутъ.

Верстахъ въ двухъ была мельница, а за нею на той сторонѣ рѣки поднимался бугоръ горы. Съ вершины горы былъ красивый видъ на окружающія деревни. Сюда ходила по праздникамъ молодежь, пріѣзжала на пикники сельская интеллигенція. Мѣсто быле извѣстное

всѣмъ, и мы шли увѣренно и бодро, несмотря на проведенный въ работѣ день и порядочную усталость.

А между тѣмъ стемнѣло окончательно. Когда мы подошли къ мельницѣ, была уже настоящая ночь. Спала рѣка, гуси на мельницѣ, собаки въ конурѣ и семья мельника. Нашъ переходъ черезъ плотину растревожилъ всѣхъ: поднялся гусиный крикъ, лай собаки, высунулась въ окно лохматая голова самого мельника, который въ недоумѣнiи глядѣлъ, что это за люди тутъ шляются.

Лишь только мы начали подниматься на гору, какъ съ вершины ея раздался пронзительный свистъ. На свистъ отвѣтили свистомъ и съ нашей стороны. И мы вскорѣ подошли къ толпѣ человѣкъ въ 40, состоявшей изъ людей всякаго возраста. Тутъ были и подростки въ родѣ Егорки Вдовина, были люди среднихъ лѣтъ, пожилые и совсѣмъ старые: нѣкоторые были знакомые, но были и совсѣмъ незнакомые. Поздоровались мы, пошли на вершину горы. Я, насколько было возможно, въ темнотѣ приглядывался къ тѣмъ, кто былъ отъ меня близко. Лица были очень характерныя. Вотъ высокiй, крѣпкiй, точно выкованный изъ костей и жилъ, мужикъ лѣтъ за 40, съ мужественнымъ, немного рябоватымъ лицомъ. Вотъ небольшой старичокъ съ подстриженной сѣдой бородой, вотъ ипатьевскiй фабричный, якимовскiй портной и два старосты, рабочiй изъ московской литографiи Голубевъ. Остальные были мнѣ неизвѣстны, и лица ихъ совершенно незнакомы.

LV.

Всѣхъ увѣреннѣе и спокойнѣе держалъ себя Голубевъ; онъ былъ средняго роста, худощавый, благообразный мужчина, съ интеллигентнымъ лицомъ, тоже какъ и Тимофей Ивановичъ, городской мастеровой, но трезвый,

умный и развитой. Онъ, какъ выяснилось, и собралъ сюда народъ.

Когда всѣ поднялись на вершину горы, Голубевъ сказалъ:

— Я думаю костеръ разложить, лучше будетъ другъ дружку видѣть, а потомъ, можетъ быть, прочитать что придется.

— Изъ деревни увидятъ, пожалуй, встревожатся,— сказалъ старичòкъ со стриженой бородой.

Всѣ взглянули на раскинувшуюся за рѣкой спящую деревню и, почувствовавъ, что это соображенiе вѣрно, задумались—какъ же быть?

— Ну, такъ въ кусты спустимся. Съ этой стороны будемъ за кустами, а съ той—за бугромъ,—предложилъ Голубевъ.

Рѣшили спуститься за кусты. Сейчасъ же былъ натасканъ цѣлый возъ дровъ, старыхъ пней, еловаго сушняку, орѣховыхъ палокъ, и загорѣлся костеръ. Когда дрова достаточно разгорѣлись, всѣ усѣлись вокругъ, и Голубевъ, стоя на колѣняхъ передъ огнемъ, обращаясь ко всѣмъ, началъ:

— Ну, братцы, вотъ что: намъ нужно кое о чемъ потолковать касательно нашего положенiя, такъ давайте попытаемъ устроить правильную бесѣду. Выберемъ предсѣдателя и будемъ разговаривать не какъ у насъ на сходкѣ, безъ толку, а по очереди. Выскажемъ, что кто можетъ сказать, и сдѣлаемъ выводы. Или же безъ очереди, какъ на сходкѣ?

— По порядку!—послышались голоса.—Чего какъ на сходкѣ, намъ и на сходкахъ-то нужно бы заводить настоящiй порядокъ, а не галдѣть.

— Такъ выбирайте предсѣдателя.

— Тебя просимъ! Васъ! Голубева!—послышались голоса.

— Хорошо... Такъ позвольте начать?

— Начинайте.

Голубевъ оправился, но не измѣняя положенія, а оставаясь стоять на колѣняхъ на росистой травѣ и держа въ рукахъ палочку, немного помолчавъ, началъ:

— Видите ли въ чемъ дѣло. Мы сюда собрались съ разныхъ деревень, разные люди, но мы всѣ—крестьяне. Крестьяне у насъ—самое забитое и загнанное сословіе. Конечно, намъ даны и кое-какія права. Мы можемъ купить землю, заняться торговлей, выйти въ купцы. Это намъ дано, да только съ чѣмъ за это дѣло взяться,—намъ не дано. Казна намъ можетъ выдавать только на покупку земли, и то не больше пятисотъ рублей, чтобы мы покупали землю работать. Мы какъ бы самимъ закономъ присуждены работать одну черную работу, а другихъ способностей въ насъ нашъ законъ не допускаетъ. Точно мы на свободѣ не можемъ устроиться лучше и жить сами, какъ слѣдуетъ, и исполнять добросовѣстно всѣ повинности. Вѣдь хорошіе хозяева для скота норовятъ все завести получше, а не только для работниковъ. Они знаютъ, что это не пропадетъ. А у насъ глядятъ по другому. Это несправедливо и невыгодно для всего государства. Нужно намъ такъ устраиваться, чтобы намъ не совѣстно было считаться людьми, чтобы всѣмъ намъ быть сытымъ, одѣтымъ, обутымъ, было бы въ чемъ въ церковь прійти да Бога поблагодарить, ребятъ бы выучить, и чтобы этотъ достатокъ у насъ былъ не отъ кулачества и міроѣдства, какъ теперь мужицкій достатокъ пріобрѣтается, а отъ честнаго, полезнаго труда.

Голубевъ перечислилъ, сколько мы платимъ за все, и продолжалъ развивать свое понятіе дальше.

— Если бы у насъ не втесывались въ наши труды и мы бы могли показать себя... Можетъ быть, изъ нашего брата вышли бы такіе молодцы, которые и японцамъ на

войнѣ не уступили. А то одни у насъ голодаютъ, а другіе жирѣютъ. Вотъ изъ-за этого ничего и не выходитъ. Ни тѣ, ни другіе для дѣла не годятся... Теперь уже всѣ это поняли, всѣ негодуютъ на это и всѣ требуютъ перемѣны, и начальство сознаетъ, что перемѣны нужны. Самъ Государь говоритъ, что нужно переустройство, и у насъ скоро будутъ въ правительствѣ представители отъ народа. Въ эти представители выберутъ и крестьянъ. Это очень хорошо, по теперешнему времени намъ и желать большаго нельзя, но вотъ въ чемъ плохо: тѣ господа, которые жили однѣми поблажками, тѣ ничего знать не хотятъ. Имъ не хочется разставаться съ своими выгодами, и они открыли настоящій походъ противъ новыхъ порядковъ. Они собрались, назвали себя союзомъ „истинно-русскихъ людей" и дѣйствуютъ. И мало того, дѣйствуютъ: они заманиваютъ къ себѣ крестьянъ и вмѣстѣ съ ними хотятъ добиться, чтобы не было никакихъ перемѣнъ. Крестьянъ они выбираютъ такихъ, которые отъ нихъ зависимы: волостныхъ старшинъ, писарей, судей. По нашей губерніи уже много ихъ записалось. Объ этомъ надо намъ подумать и подумать серьезно.

— Безпремѣнно нужно!—горячо воскликнулъ немного сиплымъ голосомъ одинъ парень въ стареолькомъ пиджакѣ и рыжихъ сапогахъ съ корокими голенищами, очень похожій на сапожника. Онъ вскочилъ на ноги и, энергично размахивая руками, продолжалъ:

— Товарищи! Если они одержатъ побѣду, они снова всѣхъ насъ будутъ въ бараній рогъ гнуть, чтобы мы долгое время не вздумали опять кверху голову поднимать. Поэтому я предлагаю, братцы, вотъ что: не взирать на то, какъ хитрятъ эти толстосумы, а итти имъ навстрѣчу и не давать имъ никакого ходу.

— Знамо, чего на нихъ смотрѣть!—воскликнулъ изъ темноты кто-то другой, не менѣе горячо, чѣмъ сапож-

никъ.—Они намъ спуску не давали, и мы не дадимъ. Бороться, такъ бороться...

— Они всѣмъ пользовались... Имъ все было предоставлено...

— Пора и намъ праздникъ справить!—воскликнулъ третій, маленькій, смуглый, съ припухшей щекой и черными усами.—Что же мы-то, нешто не изъ того тѣста свалены? Или мы не сумѣемъ добромъ попользоваться? Дай-ка мнѣ его часть, то я бы вотъ какъ голову поднялъ.

— Въ хлѣбѣ скусу мало, а вотъ говядины побольше да вина вволю. Чтобы водка была безъ акциза... А то это что?

— Вѣрно, вѣрно!—послышались неувѣренные голоса.

— Какой вѣрно,—пустякъ!

— Нѣтъ, не пустякъ!

Поднялось нѣчто такое, что совсѣмъ нарушило порядокъ бесѣды.

— Будетъ, довольно! говорите кто дѣломъ!—загалдѣли въ толпѣ, и мало-по-малу порядокъ возстановился.

— Могу я сказать?—спросилъ, поднимаясь, Тимофей Ивановичъ.

— Самое лучшее,—намъ подготовиться къ думѣ, выдвинуть такихъ ходоковъ, которые тамъ бы проводили новые законы, которые и измѣнили бы порядокъ, а другого выхода я не вижу...

— Вѣрно, вѣрно, правильно! Къ этому и готовиться нужно,—раздалось нѣсколько голосовъ.

Вслѣдъ за этимъ было пущено грубое ругательство противъ Тимофея Ивановича. Но на это не было обращено никакого вниманія.

— Какъ же намъ къ этому готовиться?—спросилъ предсѣдатель.

— Я полагаю, вотъ что, братцы,—заговорилъ Сергѣй Кузнецовъ,—намъ однимъ тутъ дѣлать нечего. Очень ужъ мало насъ, а нужно намъ скликнуться съ другими. „Истинно русскіе люди“ устроили свой союзъ, а противъ нихъ заводится другой союзъ—крестьянскій. Оборотимся къ нему. Пусть онъ пришлетъ намъ человѣка, который кое-что и разъяснитъ намъ, какъ дѣло идетъ въ другихъ мѣстахъ, къ чему готовиться.

— Ну что жъ, обратиться не мѣшаетъ.

— Кто согласенъ съ этимъ?—воскликнулъ Голубевъ.

— Я, я, я!—послышались голоса.

Началось записыванье именъ.

Уже забрезжилась заря, когда стали расходиться. Расходились въ разныя стороны, и по росѣ было долго слышно, какъ расходящіяся кучки вели самыя оживленныя бесѣды. Бесѣды были о предстоящемъ переустройствѣ всей народной жизни.

LVI.

Наступилъ Ильинъ день. Въ селѣ Ильинскомъ собирался рынокъ, и на него сходились и съѣзжались со всѣхъ сосѣднихъ деревень. Пошли и мы въ надеждѣ встрѣтить товарищей, бывшихъ на нашихъ собраніяхъ. Насъ всѣхъ интересовало, какой отвѣтъ получится изъ Москвы, что намъ скажутъ и какъ мы вступимъ въ крестьянскій союзъ, въ который тянуло насъ отъ всей души.

Мы ходили по праздничной нарядной толпѣ, беззаботно разгуливавшей по селу, и вглядывались, встрѣчая одно за другимъ знакомыя лица. Не попадался только Голубевъ. Онъ былъ вожакомъ нашей крестьянской молодежи. Безъ него мы не знали, что намъ дѣлать и къ чему приступить.

Но вотъ показался и Голубевъ. Онъ былъ франтовато одѣтъ, въ легкомъ сѣромъ пиджакѣ, вышитой рубашкѣ и казался больше похожъ на беззаботнаго зятя, пришедшаго въ праздникъ къ тещѣ въ гости, чѣмъ на устроителя мѣстнаго союза крестьянъ для улучшенія ихъ быта. Онъ любезно здоровался со всѣми и просилъ выходить за овины.

Мы выбрались за овины и стали располагаться тамъ на краю оврага, перекидываясь кое-какими словечками. Съ каждой минутой собиралось больше и больше людей. Собралось уже около полсотни. Когда всѣ собрались, пришелъ и Голубевъ. Онъ подсѣлъ къ размѣстившимся на землѣ кучкамъ и, когда всѣ смолкли, Голубевъ заговорилъ:

— Ну, братцы, вотъ что. На то, что вы поручили мнѣ снестись съ московскимъ союзомъ, я могу сказать слѣдующее: я писалъ туда и получилъ вотъ какой отвѣтъ. Тамъ готовы прійти къ намъ на всякую помощь, но для этого намъ нужно показать, что мы дѣйствительно желаемъ присоединиться къ нимъ. Намъ нужно составить что-нибудь въ родѣ приговора, подписаться и послать къ нимъ. Когда они увидятъ, что у насъ есть желающіе соединиться съ ними, — пришлютъ они къ намъ свѣдущаго человѣка, и онъ будетъ помогать намъ своими совѣтами и указаніями.

— За приговоромъ дѣло не станетъ,—спокойно сказалъ одинъ изъ нашей компаніи. — Составимъ и подпишемъ.

— Хоть сейчасъ,—поддержали его другіе.

— У меня есть составленный, — сказалъ Голубевъ, доставая изъ грудного кармана пиджака бумажку,—если желаете, то я сейчасъ прочту вамъ его. Коли одобрите, можно будетъ подписать и послать.

— Читай, послушаемъ!

— Хорошъ, такъ и подпишемъ!

Голубевъ откашлялся и обыкновеннымъ голосомъ, какъ и всегда, началъ читать бумагу.

Въ бумагѣ говорилось, что вотъ мы, крестьяне изъ разныхъ деревень, разнаго положенія и состоянія, испытывая всѣ безпорядки отъ неустройства крестьянской жизни, такъ же какъ и лица другихъ сословій въ государствѣ, пришли къ полному убѣжденію, что такіе порядки больше терпимы быть не могутъ. Они ведутъ къ разоренію всей страны и къ окончательной гибели крестьянскаго сословія. Собравшіеся думаютъ, что необходимы коренные перемѣны сверху донизу. Но въ стремленіи къ этимъ перемѣнамъ мѣшаютъ многіе люди изъ простого же народа, которые идутъ на приманку господъ и соединяются подъ флагомъ „истинно-русскихъ людей“. Намъ этихъ людей слушать ни въ какомъ случаѣ не должно, ни въ чемъ имъ не довѣряться, на общественную службу не выбирать, ибо, защишая старые порядки, эти люди не добра хотятъ простому народу, а худа. Вѣдь только старые порядки привели русское государство къ такому упадку. Желая во всемъ обновленія, мы вступаемъ въ ряды передового русскаго крестьянства, соединяющагося въ крестьянскій союзъ, и на ряду съ нимъ будемъ стремиться къ достиженію лучшихъ порядковъ.

Прочитавши бумагу, Голубевъ обвелъ всѣхъ глазами, какъ бы желая провѣрить, какое впечатлѣніе она произвела. Впечатлѣніе было самое благопріятное. Всѣ казались очень довольными.

— Вотъ, если хотите, можно эту подписать, а не то составимъ другую.

— Эту, эту! Какую другую? Лучше этой не составить! — послышались голоса. — Правильнѣе намъ не выставить!

— Гдѣ выдумать! Подписывай эту!..

— Такъ подпишемъ эту и отправимъ,—сказалъ Голубевъ.

— Пойдемъ въ чайную, тамъ, чай, чернила-то есть.

— Въ чайной негдѣ, лучше въ избу къ кому-нибудь.

У одного изъ бывшихъ тутъ нашелся родственникъ, который и самъ подпишется подъ бумагой и впуститъ въ избу другихъ подписаться. Рѣшили пойти къ нему и стали подниматься съ мѣста.

Не успѣли встать на ноги, какъ изъ-за сосѣдняго овина вышелъ маленькій курносый мужичишко съ галуномъ на кафтанѣ, а съ нимъ рядомъ большой бѣлобородый старикъ въ красной рубашкѣ. Первый былъ новоиспеченный стражникъ, введенный у насъ съ Петрова дня. Другой былъ какой-то десятскій. Оба были подвыпивши.

Стражникъ былъ извѣстенъ всѣмъ. Это былъ безпутный мужиченко изъ нашей округи. Лѣнивый къ работѣ, онъ любилъ посидѣть въ трактирѣ, выпить, не прочь былъ сыграть въ картишки. Когда у него не хватало на это денегъ, онъ брался за всякую службу и дѣлалъ все, что могъ. Одинъ разъ онъ подмазался къ попу и поступилъ въ церковные сторожа. Получивши такую отвѣтственную должность, мужиченко задралъ носъ и повелъ дѣло, необыкновенно строго. Онъ ходилъ во время службы по рядамъ молящихся и слѣдилъ, чтобы не вели разговоровъ, не стояли праздно и говорилъ: „Иначе за это отвѣчать придется". Одинъ разъ онъ разошелся до того, что толкнулъ какую-то старуху, прозѣвавшую сдѣлать поклонъ. Та вскрикнула. Произошелъ переполохъ. Объ этомъ узналъ попъ и долженъ былъ отказать ретивому сторожу.

Послѣ этого мужиченко запилъ, и долго не находилъ себѣ дѣла. Понемножку поворовывалъ онъ и раньше, но тутъ сталъ усердствовать, и можетъ быть, дошелъ

бы до арестантскихъ ротъ, если бы... не попалъ въ стражники.

— Зачѣмъ вы тутъ собрались?—стараясь быть какъ можно строже, спросилъ у нашей толпы стражникъ.

А вотъ хотѣли этотъ бугорокъ пососать, думали, не потечетъ ли изъ него вино или пиво,—отвѣтилъ одинъ изъ нашей компаніи.

— Бугорокъ сосать нечего,—понимая, что надъ нимъ глумятся, съ неудовольствіемъ сказалъ стражникъ.

— Теперь сами видимъ, что нечего, ничего не подаетъ. Подсохло у него все, какъ у здѣшнихъ хозяевъ.

Компанія засмѣялась, но стражникъ оставался серьезнымъ.

— Смотри, ребята, не тово... Я вѣдь сейчасъ позову міръ... Я вѣдь не кто-нибудь...

— Мы тебя отлично знаемъ,—сказалъ одинъ мужикъ изъ Петровскаго.—Помнишь, ты у нашего старосты валенки то укралъ?

— Ну ты! Поосторожнѣй! Я теперь не въ церкви, другого такъ толкну, что у него глаза на лобъ вылѣзутъ!

— А тебѣ что надо-то?

— А надо, чтобы никакихъ собраніевъ... Потому господинъ приставъ говоритъ, какъ соберутся, такъ и гони, а то подъ арестъ...

— А что-жъ ты въ селѣ-то народъ не разгоняешь?

— Въ селѣ гуляютъ.

— И мы гуляемъ!

Стражникъ сталъ втупикъ. Сотскій, покачиваясь и держа его за руку, проговорилъ:

— Пойдемъ, шутъ съ ними! Ишь, они какіе зубастые.

— Законъ,—порядокъ требуетъ.

— Ну, законъ... Намъ законъ: не думай ни о комъ,—самому больше достанется.

Стражникъ и сотскій спустились въ оврагъ, а мы гурь-

бою отправились въ село. Когда мы входили въ село въ одинъ проулокъ, изъ крыльца первой избы за нами зорко слѣдилъ урядникъ и вглядывался въ каждое лицо. Куда бы ни пошли, вездѣ мы сталкивались то съ нимъ, то съ сотскимъ, то съ какимъ-нибудь изъ стражниковъ. Видимо, они подозрѣвали что-нибудь недоброе въ нашемъ собраніи и хотѣли не спускать съ насъ глазъ.

Но, несмотря на внимательный надзоръ, бумага въ этотъ же день была подписана, и Голубевъ взялся немедленно отправить ее, куда слѣдуетъ.

LVII.

Въ слѣдующее воскресенье мнѣ пришлось ѣхать на базаръ за огурцами. Ближайшій рынокъ для продуктовъ лѣтняго урожая—сѣна, огурцовъ, ягодъ, грибовъ—былъ у насъ въ Середѣ. Середа было большое для нашихъ мѣстъ село. Въ немъ находилась становая квартира, жило два жандарма, была почта, больница, аптека, библіотека. Каждое воскресенье тамъ чѣмъ-нибудь торговали, но торговля всегда шла безтолковая; иногда, напримѣръ, столпятся нѣсколько десятковъ возовъ съ сѣномъ, а покупателей въ селѣ было 2—3, остальные имѣли свою землю, накашивали его сами и въ покупномъ сѣнѣ не нуждались. Мужику приходилось чуть не въ ноги кланяться покупателю, чтобы онъ взялъ его товаръ хоть по чемъ нибудь. И тогда сѣно брали по 7—8 копеекъ, хотя оно себѣ обходилось, не считая провоза, копеекъ по 10 пудъ, и то въ благополучный годъ. То же случалось и съ огурцами. Навезутъ нѣсколько возовъ, покупателей нѣтъ, приходится скидывать съ цѣны, и огурцы идутъ дешево. На другой базаръ огородники воздержатся много везти товара, а покупатель,

прослышавъ про дешевый товаръ прошлаго воскресенья, наѣхалъ, и огурцы идутъ нарасхватъ. Иногда въ одинъ и тотъ же день цѣны колеблются ужасно,—съ 15 копеекъ утромъ цѣна къ обѣду вырастаетъ на 35— или наоборотъ. Серединскій рынокъ былъ образцомъ того, гдѣ благочестивый русскій человѣкъ, помолившись на церковь, сообразуясь съ обстоятельствами, обдиралъ покупателя или жалъ продавца. И несмотря на это, покупатель и продавецъ никогда не переводились въ Середѣ, потому что другихъ мѣстъ, гдѣ бы можно было правильнѣе вести торгъ, поблизости не было.

Пріѣхавши въ село и выйдя на базаръ, я встрѣтилъ Голубева, который хотѣлъ тоже что-то здѣсь купить. Мы пошли съ нимъ въ трактиръ пить чай. Только мы выпили по чашкѣ, какъ въ трактиръ, уже почти полно набитый разношерстнымъ народомъ, ввалилась новая компанія. Это были серединцы. Одинъ рябой бородатый сапожникъ, другой какой-то молодой парень въ малиновой рубашкѣ, стриженый бобрикомъ, не то бывшій половой, не то фабричный, и третій высокій, худой, съ рыжей рѣдкой бородой и краснымъ носомъ. Они усѣлись за столъ, спросили чаю и завели разговоры.

— Заводится, чего у насъ не заводилось никогда,— съ негодованіемъ говорилъ красноносый, и глаза его сдѣлались страшно злыми.

Глядя на нихъ, дѣлалось жутко: въ этомъ состояніи человѣкъ былъ способенъ хватить другого безмѣномъ, пустить чайникомъ съ кипяткомъ или всадить въ грудь ножъ.

— Это басурманство, ругаются надъ святой вѣрой и надъ всѣмъ честнымъ народомъ.

— Что такое?—спросилъ степенный старикъ съ сосѣдняго стола, видимо, какъ и мы, не понимавшій, въ чемъ дѣло.

— А ты нешь не слыхалъ?—спросилъ его бородатый.

— Нѣтъ.

Красноносый выполоскалъ чашку, выплеснулъ изъ нея на полъ и, бросивъ ее на блюдце, сталъ объяснять.

— Вонъ энтотъ... штундистъ али хлыстъ,—и рыжій назвалъ Тимофея Ивановича.

Мы невольно насторожились и стали слушать, что̀ будетъ дальше.

— Народъ подбиваетъ,—продолжалъ рыжій.—Созвалъ со всѣхъ деревень, кто поозорнѣе, на мельничную гору, привелъ всѣхъ къ присягѣ и хочетъ обратить ихъ въ свою вѣру. А потомъ выкинули они флагъ и говорятъ: кто противъ нихъ будетъ,—всѣмъ смерть.

Насъ невольно передернуло, распространялось что-то нелѣпое, хотя, несомнѣнно, говорилось о нашемъ собраніи на мельничной горѣ.

— Ну-у?—недовѣрчиво промычалъ на это старикъ.

— Я тебѣ говорю!—увѣренно крикнулъ красноносый и даже кулакомъ по столу ударилъ.—Мнѣ новинскій попъ сказывалъ, а онъ нешь будетъ врать? То чужіе на насъ нападали, а то свои разводятся...

— Не врешь—такъ правда,—раздался голосъ съ одного стола.

Я взглянулъ туда,—это сказалъ молодой парень съ черными волосами и бородой.

— Зачѣмъ же мнѣ врать-то?—вскипѣлъ рыжій.

— А какъ же ты можешь правду говорить, когда тебя тамъ не было?

— Мало что не было, такъ слышалъ.

— Не всякому слуху вѣрь.

— Повѣришь, коли дѣло такъ пойдетъ.

— Такъ да не такъ,—съ увѣренностью воскликнулъ черноволосый.—Я самъ тамъ былъ да ничего этого не видѣлъ.

— Такъ и ты, стало быть, такой же?—злорадно воскликнулъ красноносый.

— Такой!

— А если такой, ты поневолѣ будешь себя оправлять и отъ всего будешь отрекаться!—очевидно, радуясь своей находчивости, воскликнулъ красноносый.

— Отъ напраслины всегда отрекусь...

— А это не напраслина!

— Нѣтъ, напраслина...

— И зачѣмъ люди тревожатся? Жили бы и жили, какъ было. А то суетятся, волнуются, а какой отъ этого толкъ?—проговорилъ, наливая чай, бородатый.

— Нѣтъ, если бы затѣвали-то что хорошее, а то вѣдь нехорошее.

— Чего хорошаго, вѣдь это разбои начнутся.

— Да еще какіе...

Въ разговоръ втягивалось больше и больше народа. У красноносаго было больше заступниковъ. Нѣкоторые такъ горячились, что готовы были вступить въ схватку. Намъ сначала было это любопытно, но дальше дѣлалось уже скверно. Слишкомъ много дикости приходилось ловить ухомъ и видѣть глазами.

— Ахъ, какъ намъ нужно просвѣщеніе, необходимо учить нужно простой народъ... Всѣми средствами!..—говорилъ Голубевъ, когда мы вышли изъ трактира.—Особенно теперь... А то вѣдь вонъ что̀ выходитъ. Хорошее дѣло они принимаютъ за разбой, а законное—за беззаконное. Съ такими деревяшками нешто можно хорошую жизнь устроить? Никогда! Непремѣнно нужно собирать людей и говорить имъ вслухъ обо всемъ, чтобы не было кривыхъ толкованій.

Нелѣпый слухъ достигъ и нашей деревни. Когда я вернулся домой и, убравши лошадь, вышелъ на улицу, то въ кучѣ бабъ шелъ разговоръ о собраніи и подпискѣ.

Между ними былъ Плѣшаковъ. Здѣсь, видимо, его свѣдѣнія не могли встрѣтить возраженія, и онъ пискливо кричалъ:

— Это люцинеры... Они подведутъ такъ, отдай да мало. Ихъ всѣхъ надо душить... А то подписку отбираютъ... Какую имъ подписку?

— Нешто они подписку?

— А то какъ же!.. Я вѣдь знаю... Я все знаю...

LVIII.

Вскорѣ у насъ опять состоялось собраніе. Получивши нашу бумагу, крестьянскій союзъ прислалъ къ намъ оратора, и онъ долженъ былъ начать объединять крестьянъ. На этотъ разъ собраніе должно было происходить днемъ, такъ какъ присланный человѣкъ вечеромъ долженъ былъ уѣхать. Но чтобы никто не помѣшалъ собранію, рѣшили устроить его въ глухомъ мѣстѣ, на Крупеневской пустоши. Это была настоящая пустошь. По берегу рѣки версты на двѣ тянулось холмистое пространство. Оно принадлежало крестьянамъ изъ другого уѣзда. Почва была очень скудная, обрабатывать ее владѣльцамъ не было возможности—далеко отъ дворовъ, а въ аренду никто не бралъ. Былъ тутъ когда-то лѣсокъ, но его вывели, новому расти не дали сосѣднія деревни, которыя загоняли сюда по веснамъ скотъ и сбивали всю зелень. Такъ земля и осталась пустыремъ. Кое-гдѣ на ней росли можжевеловые кусты и больше ничего: ни травы, ни ягодъ, ни грибовъ. Вполнѣ можно было разсчитывать, что туда никто не зайдетъ и намъ не помѣшаетъ. Итти туда было рѣшено по одиночкѣ, обходами, чтобы никто не замѣтилъ. День выдался веселый. Рожь поспѣвала и волновалась какъ море; на скошенныхъ

лугахъ зеленѣла молодая отава; шумѣли березки въ лѣсу. Время подходило къ осени, и воздухъ становился чистымъ и прозрачнымъ. Итти приходилось верстъ семь, но итти было легко и пріятно. Мы бодро шагали съ Кузнецовымъ къ назначенному мѣсту.

Часа черезъ полтора мы подошли къ мѣсту собранія. Между холмовъ въ лощинѣ сидѣли и стояли мужики разныхъ возрастовъ. Ихъ было около сотни. Попадались знакомыя лица и незнакомыя, были совсѣмъ не мужицкія фигуры. Двѣ какія-то барышни, фельдшерицы или учительницы, одинъ молодой человѣкъ въ студенческой тужуркѣ, другой—землемѣръ. Эти чувствовали себя довольно свободно, развязно, пробовали что-то объяснять, но мужики слушали ихъ неохотно и поглядывали неодобрительно. Мнѣ почему-то непріятно стало: зачѣмъ они сюда замѣшались? Что имъ до мужиковъ и какая польза мужикамъ отъ нихъ?.. Больше всего привлекалъ вниманіе пріѣзжій изъ Москвы. Это былъ простой человѣкъ, но совсѣмъ не мужицкаго типа. Одѣтый въ запылившійся пиджакъ и круглую соломенную шляпу—онъ скорѣе походилъ на бывалаго рабочаго. У него было загорѣлое лицо и длинные усы. Говорилъ онъ сильнымъ голосомъ, съ удареніемъ на „о". Онъ говорилъ, видно, до насъ. Когда мы подошли и усѣлись, онъ, очевидно, передохнувъ, продолжалъ:

— Поспали и довольно. Матушка Русь цѣлый вѣкъ спала. Другіе народы работаютъ и плоды собираютъ, а мы только потягиваемся, да почесываемся, да позѣвываемъ. А пословица говорится: прозѣваешь—воду хлебаешь. Вотъ мы жирнѣе воды ничего и не видимъ. Да и воды-то никакъ становится мало. Волга мелѣетъ, по Днѣпру ужъ на еврейскихъ спинахъ пароходы перетаскиваютъ, озера наилкомъ заплываютъ. Въ другихъ сторонахъ моря одно съ другимъ соединяютъ, чтобы

ходъ дѣлу дать, горы сверлятъ, цѣлые города въ полгода выстраиваютъ, а мы все позѣвываемъ. Лѣса вывели—наплевать! Землю вытрясли—нахчать! Скотъ переродился—не бѣда, мужики еще живы, у нихъ загорбокъ здоровый. Весь міръ кормимъ, а сами не ѣмши сидимъ. Братцы! Вѣдь это больно, стыдно, позорно!.. Если намъ самимъ терпѣть недолго осталось, такъ у насъ дѣти есть, внуки будутъ, что же мы имъ передадимъ! Мы дѣдовскимъ дышали, а имъ чѣмъ дышать будетъ? Намъ волю дали въ 61 году, мы этому благодарны, нужно добиваться, чтобы и наши дѣти насъ поблагодарить могли, чтобы мы не воспользовались этими крохами для себя однихъ. Или для насъ ничего недорого? Дѣти будутъ—сами добудутъ! А смогутъ ли они что-нибудь добыть, несчастные, обезсиленные, заморенные?

Онъ замолчалъ, и все собраніе молчало, всѣ были задумчивы. Немного спустя пріѣзжій прочиталъ только что выработанный на крестьянскомъ съѣздѣ приговоръ. Прочитавши приговоръ, пріѣзжій спросилъ:

— Согласны вы съ этимъ, братцы?

— Согласны, согласны!—раздались голоса.

— Такъ подписывайтесь, кто желаетъ.

Всѣ полѣзли, чтобы подписать бумагу, а пріѣзжій говорилъ:

— И не только это подписать нужно, а всегда слѣдуетъ помнить, о чемъ тутъ говорится, добиваться этого и къ себѣ привлекать всѣхъ, кто можетъ полезнымъ быть. И тогда, повѣрьте, все скоро измѣнится и пойдетъ по настоящей дорогѣ. Помните это!

Послѣ подписи приговора пріѣзжій сталъ раздавать книжки и листки. Всѣ съ жадностью разглядывали ихъ. Одни разглядывали, а другіе прятали въ карманы. Разговоръ начался по кучкамъ—дѣловая часть собранія кончилась.

Назадъ пошли мы уже не въ одиночку, а кучками. Съ нашей деревни шли всѣ вмѣстѣ. Когда мы вышли на дорогу, я высказался передъ своими односельцами, что я сомнѣваюсь, что изъ этого что̀ выйдетъ. Деревенскій міръ великъ, разольется все это какъ капля въ морѣ.....

LIX.

И объ этомъ собраніи узнали. Егорка Вдовинъ не удержался и сболтнулъ про собраніе и то впечатлѣніе, какое онъ получилъ отъ него, на улицѣ. Молодежь стала разспрашивать, что̀ тамъ было. Парень разсказалъ и показалъ книжку, которую ему тамъ дали. Книжку взялъ у него почитать нашъ второй пастухъ. Прочитавши ее, пастухъ съ увлеченіемъ сталъ разсказывать о томъ, что̀ въ ней написано.

Въ книжкѣ говорилось о способахъ взиманія и распредѣленія податей. Все было разъяснено толково, обстоятельно, но тамъ было одно мѣсто, гдѣ были слова „государственное неустройство". У пастуха книжку взялъ внукъ Степанъ Астафьевъ, гостившій дома. Дойдя до этого мѣста, онъ встревожился. Это было по его понятію противъ царя, и онъ объявилъ книжку вредною. Когда къ нему пришелъ пастухъ, чтобы взять книжку обратно, онъ рѣшился ему ее не возвращать.

— Какъ же такъ?—спросилъ опѣшившій пастухъ.

— А вотъ я ее въ Москву да полиціи представлю,—объявилъ Александръ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ узнаешь зачѣмъ.

— Да вѣдь книжка-то не моя.

— Мало что не твоя, я ее у тебя взялъ. А она вредная.

— Стало быть, ты меня подвесть хочешь?—сообразилъ, наконецъ, пастухъ.

Александръ промолчалъ, но пастухъ, раскусивши, въ чемъ дѣло, вошелъ въ ражъ.

— Ну, ладно, представляй,—рѣшительно сказалъ пастухъ,—только знай, ты меня подведешь, и я зѣвать не стану. Ты теперь живешь въ хорошемъ домѣ, поглядимъ, что̀ тогда будетъ!..

Разговоръ услыхали бабы. Онѣ насѣли на Александра. Мужикъ и самъ, должно быть, испугался и вернулъ книжку.

Вечеромъ въ тотъ же день на жнитвѣ говорили, что переводимыхъ въ антихристову вѣру заставляютъ отрекаться отъ отца и матери.... Кто это сдѣлаетъ, тому выдаютъ книжку, а эта книжка такая зловредная, что если про нее узнаетъ начальство, то того, у кого ее найдутъ, увезутъ въ темной каретѣ не знамо куда, на край свѣта, и тому ужъ больше не видать родимой сторонушки. Одни говорили, а другіе слушали и... и вѣрили. Плѣшаковъ подтверждалъ, что это истинная правда — потому, тутъ дѣйствуютъ „сицилисты", а имъ все ни по чемъ, ни вѣра, ни порядокъ. Отъ нихъ-то и есть все зло. Изъ-за нихъ на насъ и Богъ прогнѣвался и не даетъ намъ побѣды надъ врагами. Если бы не они, то, можетъ быть, мы бы такъ япошкамъ всыпали, что они до скончанія вѣка не забыли бы.

— А отчего же этихъ сицилистовъ такъ много расплодилось? — спрашивалъ Могачовъ. — Вонъ ужъ и въ деревнѣ появились.

— Заучились... Всѣ хотятъ сладкой жисти да легкой работы, а ходу дѣламъ-то нѣтъ. Вотъ имъ нечего дѣлать-то, они и давай народъ мутить.

— Наука ко вреду, — поддержалъ его Осипъ Рив-

цовъ.—Бывало, не было ученыхъ-то, и лучше было,— тишь да гладь да Божья благодать. Никто противъ старшого-то голоса не подастъ, а теперь съ молокососомъ нѣтъ никакого сладу.

— Озорство пошло, што говорить, — подтвердилъ, вздыхая, и Степанъ Астафьевъ.

— Сами виноваты, — поспѣшилъ заявить Плѣшаковъ. — Зачѣмъ это допускаемъ? Училищъ настроили, ребятъ возимъ, деньги платимъ. Нѣтъ, онъ за книжку, а ты ему розгу. Просибирилъ хорошенько, вотъ онъ шелковый и станетъ... А то дѣлается незнамо что, а мы молчимъ.

И онъ, должно быть, не захотѣлъ больше молчать. Нѣсколько дней спустя послѣ этого, возвращаясь съ поля, я замѣтилъ, что у старостина двора стоятъ дрожки урядника, а самъ урядникъ у Степана Астафьева чинилъ допросъ. Но Александра дома уже не было, онъ уѣхалъ въ Москву, а домашніе говорили, то они ничего не знаютъ. Какая-то книжка была, Александръ читалъ ее, но что въ ней было написано,—они не слыхали, книжка же была пастухова.

Послѣ этого урядникъ взялъ понятыхъ, пошелъ въ стадо и обыскалъ пастуха. Но у пастуха только и нашелся въ карманѣ троицкій листокъ, изъ котораго онъ вертѣлъ папироски.

Черезъ день въ деревню пріѣзжалъ жандармъ. Потомъ прошелъ слухъ, что у Голубева былъ обыскъ, искали оружіе, но ничего не нашли.

Слухи росли какъ снѣжный комъ. Говорили, что на собраніяхъ, кто неохотно переходитъ къ нимъ, даютъ деньги. И это такъ упорно распространяли, что многихъ приводило въ смущеніе. Однажды вечеромъ я встрѣтилъ Тимофея Ивановича и онъ разсказалъ мнѣ, какъ къ нему приходилъ Григорій Львовъ и просилъ записать его въ его „вѣру“.

— Зачѣмъ?—спросилъ Тимофей Ивановичъ.

— Да деньги очень нужны: баба свалилась, а работа въ самомъ ходу, что-жъ дѣлать, надо какъ-нибудь оборачиваться.

Тимофей Ивановичъ сказалъ, что онъ не понимаетъ, о чемъ тотъ говоритъ. Григорій дернулъ головой и промолвилъ:

— Лукавишь!.. Боишься открыться, а я вѣдь никому не скажу, хоть крестъ поцалую...

Было непонятно, откуда это все бралось? И отъ сознанія, насколько еще теменъ, дикъ и невѣжественъ народъ, дѣлалось грустно и брало раздумье, что тутъ ничего не поможетъ.

А нелѣпые слухи дѣлали свое дѣло. Полицейскій надзоръ за деревнями усилился. Старосты то и дѣло призывались къ земскому, въ контору. Нѣкоторымъ разсылались газеты: „Родная Рѣчь", „День" и „Дружескія Рѣчи". Распространились листки, гдѣ въ сотый разъ пѣли одну и ту же пѣсню, чтобы народъ не слушалъ никакихъ смутьяновъ, которые изъ зависти къ благополучному состоянію русскаго государства, его силѣ и мощи разрушаютъ основы и хотятъ расшатать устои, поколебать завѣты и внести разладъ. Но это служило не ту службу. Какъ ни темны были простые люди, но они понимали, что никакого особаго благополучія въ жизни голоднаго, безправнаго народа нѣтъ, и что едва ли какіе недруги будутъ разорять страну, когда она и такъ съ каждымъ годомъ разваливается, какъ разсохшаяся бочка.

Передъ озимымъ сѣвомъ былъ объявленъ законъ о Думѣ, но многимъ было не до того. Подходило время, когда въ работѣ должна быть такая спѣшка, что если шапка свалится, не оборачивайся поднимать. За одной спѣшной работой поспѣвала другая, за другой—третья.

Никому не было времени заниматься политикой. Многимъ хотѣлось поскорѣе развязаться и итти въ Москву. А изъ Москвы шли недобрыя вѣсти. Дѣла тамъ шли плохо, рабочіе на многія работы не принимались. Обращавшіеся изъ дома письмами, пріѣзжать имъ на дѣло или обождать, все больше получали отвѣты съ совѣтомъ „обождать“.

LX.

Миръ съ Японіей не произвелъ никакого впечатлѣнія. Всѣ считали, что это теперь должно быть неминуемо, что не съ нашимъ носомъ въ горшокъ съ медомъ лазить, ... Забастовка же многихъ всколыхнула; многіе заговорили и заговорили смѣло и рѣшительно. Одни говорили со злобой, осуждали забастовщиковъ, другіе оправдывали ихъ. Осуждали отцы семействъ, въ родѣ Осипа Ривцова или Могачева, которымъ некуда было на зиму дѣвать сыновей, кулаки, которые считали хозяйскія права святыней, а рабочихъ не считали ни во что, ругали забастовщиковъ на каждомъ шагу. Имъ вторили тѣ, которые ничего не понимали.

На забастовщиковъ клеветали, что они хотятъ разгромить всю Москву, ограбить банки и магазины, а потомъ пойдутъ на деревни. Деревни они тоже будутъ грабить и сжигать. Многіе вѣрили этому и спѣшили продавать лишній хлѣбъ, скотъ, благо цѣна на все стоитъ хорошая. Другіе запасали крѣпкіе замки и запирались ими. Страху было много въ каждой деревнѣ.

— До чего народъ отчаялся, совсѣмъ совѣсть потерялъ,—говорилъ, вздыхая, Ефимъ Степановъ.

— Жиду продались,—объяснялъ Плѣшаковъ. — Они

вотъ соберутъ всѣхъ въ кучу, натравятъ другъ на друга, и, пока они будутъ грызться, жиды всѣмъ и завладѣютъ. Все въ свои руки возьмутъ. Запрячутъ насъ и не дадутъ намъ воскресеніе Христово праздновать,—празднуй, скажутъ, субботу.

Другіе же молчали и ждали, что̀ будетъ дальше.

А дальше все было одинаково. Желѣзныя дороги стояли, почту отправляли на лошадяхъ. Подвозу товаровъ не было и торговцы, запасшіеся товаромъ заблаговременно, подымали цѣны до небывалыхъ размѣровъ. Сахаръ продавался по 23 копейки за фунтъ, гречневая крупа по пяти копеекъ, керосинъ чуть не по гривеннику. Эти алтынническія выходки торговцевъ очень раздражали населеніе, и многіе готовы были на стѣну лѣзть.

— Вотъ къ чему привела эта забастовка-то! — говорили одни.

Наконецъ рабочіе утомились отъ бездѣйствія, дороги пошли, пришли первыя газеты. Въ одной изъ газетъ былъ напечатанъ манифестъ. Манифестомъ давалось то, чего такъ скоро не ожидали. Тѣ, кто сочувствовалъ рабочимъ, заликовали.

За этимъ извѣстіемъ пошли другія, и все одно другого невѣроятнѣе. Вездѣ шли ликованія по случаю обѣщанныхъ въ манифестѣ свободъ. Въ городахъ устраивались собранія, шли процессіи съ выкинутыми флагами, пѣлись вольныя пѣсни. Неужели, думалось, это правда? Неужто и мы дожили до этого?

Оказалось, дожили.

— Ну, какой отъ этого толкъ? — говорилъ Плѣшаковъ.—Это не для крестьянъ и не для хорошихъ людей, эти слободы для бунтовщиковъ. Они пойдутъ теперь безобразничать, а мы и безъ этого жили и впредь проживемъ.

— Все, я думаю, полегче будетъ,—сказалъ Михайло Платоновъ.

— Нашему брату ничего легче не будетъ, объ насъ начальство пеклось, заботилось, а теперь не будетъ, скажетъ—вы всѣ равны, такъ сами себя и обдумывайте.

— А что-жъ, нешто мы и не обдумаемъ? Нешто насъ начальство хлѣбомъ кормитъ? Оно только дорогу загораживало. Мы своей магазеей распорядиться не могли. Вѣдь въ ней нашъ хлѣбъ-то, а ты иди къ земскому на поклонъ, а на него какой стихъ нападетъ, скажетъ: не разрѣшаю, ну, и прѣй тамъ вся рожь. И бывало. А вѣдь это все намъ на шею! Опять насчетъ вѣры. Одинъ Богъ знаетъ, чья вѣра-то лучше, а мы другъ друга тѣснимъ. Я, говоритъ, православный, а ты кривославный, а можетъ быть тотъ-то какъ мытарь лучше другого фарисея Богу-то угодитъ?..

— Ну, это ты Тимофея Иванова наслушался, такъ и говоришь, — съ неудовольствіемъ сказалъ Плѣшаковъ.

— Ну, ты скажи получше, я тебя послушаю... Опять объ ученьи говорятъ: за ученаго двухъ неученыхъ даютъ. Отчего же нашего брата такую цѣну себѣ набить не допускаютъ? Вонъ кто помилѣе-то имъ: господа, купцы, попы, тѣмъ всѣмъ ученье дано, а мы, стало быть, немилая скотинка, и такъ хороши! Вѣдь это кому хоть обидно. Я, може, для себя-то дороже всякаго, а меня не считаютъ ни во что. Нешь это не обидно? Это всякому, кто объ себѣ понимаетъ, безчестно даже.

— Наживи капиталъ, и тебѣ все будетъ доступно.

— Капиталъ-то нажить, да въ это нужно вложить, а что мы вложимъ, когда мы ни бе ни ме? Голой рукой-то вонъ баба портянки не выстираетъ, — все, говоритъ, мыльца дай, — такъ и капиталъ нашему брату нажить. Нѣтъ,—убѣжденно воскликнулъ Михайло Платоновъ,—

это хорошо, только, дай Богъ, свершилось бы. Намъ отъ этого не пользоваться, дѣти другой свѣтъ увидятъ.

Плѣшаковъ на это промолчалъ.

LXI.

Осень была сырая. И въ августѣ и въ сентябрѣ шли дожди и разжидили землю, какъ блинный растворъ; дорога стояла грязная. Ходить и ѣздить было такъ неудобно, что если кто и ѣхалъ куда, то по крайней, неотложной нуждѣ: на мельницу, въ больницу, на рынокъ.

Самый удобный рынокъ теперь у насъ считался на станціи, тамъ были на все покупатели, если нужно что̀ продать, и можно было все купить по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ одно изъ воскресеній, когда уже начались холода и постянуло немного раскисшую землю, на станціи собралось довольно много народа. Подводы стояли у всѣхъ трактировъ, по площади были выставлены воза съ мясомъ, яблоками, кочнами капусты, ягодными кустами. Это предназначалось для продажи мужикамъ, а мужики привезли и выставили льняное сѣмя, овесъ, рожь, сушеные грибы. Торгъ понемногу шелъ. И въ трактирахъ стоялъ шумъ. Одни пили казенку, другіе отогрѣвались чайкомъ и закуской, всякій норовилъ отвести душу послѣ голоднаго лѣта, когда у многихъ былъ въ подборѣ хлѣбъ.

За нѣкоторыми столами читали газеты. Въ газетахъ были извѣстія о праздновании свободы въ разныхъ мѣстахъ, о похоронахъ Баумана и нападеніи черной сотни. Одинъ, должно быть, очевидецъ, молодой еще парень, съ черными усами и коричневыми глазами, подвыпивши, сиплымъ голосомъ разсказывалъ:

— Выходятъ это они съ Никитской, а въ нихъ отъ

манежа какъ тра-а-хнутъ, человѣкъ двадцать кверхъ тормашками. Они сейчасъ это: „Боевая дружина впередъ!“ А въ нихъ какъ изъ манежа еще тра-а-а-хъ!.. Еще больше ихъ посыпалось.

Сидѣвшій съ нимъ смуглый, угрястый и толстый мужчина, кожевникъ Муравьевъ, большой самодуръ и забулдыга, захохоталъ отъ удовольствія:

— Ха-ха-ха! Боевая дружина впередъ, а ихъ какъ воробьевъ...

Вдругъ въ трактиръ вбѣжала перепуганная баба, съ закутанной головой и грязнымъ подоломъ и воскликнула:

— Забастовщики идутъ!

И этотъ возгласъ подѣйствовалъ на всѣхъ точно такъ же, какъ если-бъ кто-нибудь крикнулъ: „пожаръ“. Всѣ обратили къ ней испуганные взоры, нѣкоторые вскочили съ мѣстъ. Многіе схватились за шапки.

— Гдѣ? — блѣднѣя и вытягиваясь, спросилъ Муравьевъ. Онъ пересталъ смѣяться и, вставъ изъ-за стола, сталъ быстро застегиваться.

— Отъ того переѣзда. Съ красными флагами... Человѣкъ двѣсти, должно.

— Дай-ка гирьку,—сказалъ Муравьевъ трактирщику и, не дожидаясь, когда ему ее подадутъ, взялъ отъ вѣсовъ трехфунтовую гирьку и опустилъ ее въ карманъ.

— Идемъ, ребята!—сказалъ онъ своимъ молодцамъ.

Тѣ послушно встали и послѣдовали за нимъ, хотя не такъ рѣшительно, какъ онъ самъ. Вслѣдъ за ними двинулись и другіе. Не удержался, пошелъ и я.

Дѣйствительно, около почты двигалось что-то пестрое разношерстное. Толпа шла медленно и, поравнявшись съ почтой, остановилась тамъ и стала располагаться кругомъ. Высыпавшій изъ трактира народъ понемногу сталъ перебираться туда.

Толпа пришедшихъ была человѣкъ въ триста. Тутъ были всѣ возрасты, но преобладали люди среднихъ лѣтъ.

Толпа стояла кольцомъ. Посрединѣ суетилось нѣсколько людей. Они уставляли столъ, накрытый бѣлой скатертью, и укладывали на немъ хлѣбъ и соль. Видимо, готовились къ молебну и водосвятію. Всѣхъ энергичнѣе дѣйствовалъ молодой человѣкъ въ высокихъ сапогахъ и форменномъ мундирѣ съ зелеными кантами. Это былъ лѣсничій, служившій въ большомъ княжескомъ имѣніи, молодой человѣкъ, самъ вышедшій изъ крестьянъ, поэтому такъ и радовавшійся полученнымъ свободамъ. Ему помогалъ якимовскій портной и интеллигентная дѣвушка, учительница. Два бородатыхъ мужика принесли чашку съ водой, травяную метелку. Когда все было установлено, лѣсничій сказалъ своимъ приближеннымъ:

— Ну, что-жъ, можно батюшку звать? Все готово, кажется?

— Все.

— Такъ зовите.

Мужики, принесшіе чашку съ водой, пошли въ самую богатую изъ бывшихъ на станціи торговыхъ помѣщеній лавку и черезъ минуту вышли оттуда съ батюшкой. Батюшка, худой, съ длинной бородой и въ загрязненной рясѣ, чувствовалъ себя не совсѣмъ свободно, боясь, должно быть, служить и будучи не въ силахъ отказаться. Онъ глядѣлъ растерянно по сторонамъ и шелъ довольно нетвердой поступью. Подойдя къ столу онъ взялъ у дьячка свои принадлежности, надѣлъ епитрахиль и, расправивъ на головѣ волосы, дрожащимъ голосомъ началъ: „Благослови Владыко“, и, отвѣтивъ самъ себѣ: „Благословенъ Богъ нашъ“, сталъ служить благодарственный молебенъ. Моленье пошло истовое. У всѣхъ пришедшихъ появилось торжественное выраженіе на лицахъ, замелькали руки, закачались головы, воцарилась торжественная тишина.

Только слышны были голоса причта. Пришедшіе изъ любопытства и бывшіе неподготовленными смотрѣли недоумѣвающе, очевидно, думая, да можно ли тутъ молиться? Не подвохъ ли тутъ какой?

Священникъ, начавши службу робко и неувѣренно, къ концу ея оправился и велъ себя уже свободнѣй. Кончивъ службу, онъ сказалъ короткое и простое слово, поздравивъ всѣхъ съ полученными свободами и пожелавъ, чтобы эти свободы были использованы всѣми на дѣйствительную пользу.

— Спасибо, батюшка, спасибо, постараемся, — раздались голоса изъ толпы,—помоги только Богъ.

LXII.

Сейчасъ же стали убирать принадлежности молебна. Откуда-то появилась большая бочка изъ-подъ селедокъ. Ее поставили на мѣсто стола, положили наверхъ доску, и на нее взобрался лѣсничій. Окинувъ толпу взглядомъ и помолчавъ съ минуту, онъ сталъ говорить рѣчь.

— Братцы!—съ восторженнымъ взглядомъ и блаженнымъ лицомъ началъ лѣсничій.—Позвольте всѣхъ васъ назвать гражданами, мы всѣ теперь свободные граждане!.. Ожиданія лучшихъ людей нашей родины исполнились... Чего они добивались десятки лѣтъ, мы получили... Братцы, т.-е. граждане, будемъ же держаться за то, что теперь добыто, и не дадимъ, если враги наши захотятъ у насъ это отнять!..

— Не дадимъ, не дадимъ! — послышались десятки голосовъ въ толпѣ.

— Вотъ что я только и хотѣлъ сказать. Спасибо, братцы, что отозвались! Больше я ничего не могу...

Онъ расплакался, присѣлъ и ловко соскочилъ съ

бочки. На его мѣсто тотчасъ же сталъ взбираться молодой, блѣдный, весноватый, огромнаго вида парень и тоже немного помолчавъ, потомъ отчетливо, сильнымъ голосомъ произнесъ краткую пламенную рѣчь.

Когда парень сошелъ съ бочки, на нее сталъ карабкаться какой-то мальчикъ. Его подсадилъ и сталъ внизу около него средняго роста господинъ въ загрязненномъ пальто и смѣшной соломенной шляпѣ. Когда мальчикъ укрѣпился на бочкѣ, этотъ господинъ обратился къ толпѣ и, глядя на нее, выпуклыми смѣющимися глазами, началъ говорить:

— Да, братцы, великое слово свобода, она даже отроковъ вдохновляетъ. Вотъ этотъ мой ученикъ по случаю свободы написалъ стихи. Будьте терпѣливы, выслушайте его.

— Читай, читай, слушаемъ!—раздались голоса.

Мальчикъ вынулъ изъ кармана бумажку, поднесъ ее къ глазамъ, наморщилъ лобъ и громко, по-школьничьи выговаривая нѣкоторые слоги, началъ:

У насъ не было свободы,
Жили въ горѣ всѣ народы.
Драли подать съ мужика
И лупили подъ бока.
Теперь это миновалось,
Намъ свобода возвращалась.
Ей всѣ рады, старъ и младъ,
И крестьянинъ, и солдатъ.
Только тужатъ міроѣды:
Вотъ наступятъ для нихъ бѣды,
Просвѣтится весь народъ,
Отряхнется отъ заботъ,
И въ запряжку имъ не дастся...
Такъ пришлося имъ ругаться...

— Славно! Молодецъ! Хорошо!—послышались возгласы; кое-гдѣ захлопали въ ладоши...

За мальчикомъ на бочку вскочилъ черноусый парень, въ сѣромъ пиджакѣ и звонкимъ голосомъ закричалъ:

— Ужъ если тутъ стали читать стихи, дозвольте и мнѣ прочитать. Я ихъ только-что написалъ, не взыщите если не складно, какъ могъ.

— Читай! Читай!—опять послышались голоса.

Парень отеръ усы и началъ:

Встрепенулась Русь святая,
Перекрестилась въ одинъ мигъ,
И, свободу прославляя,
Собрались мы на митингъ.
Разскажу я вамъ про радость,
Что̀ намъ сдѣлана царемъ,
Что творилось прежде ночью,
Не боимся дѣлать днемъ.
Царь дозволилъ, что желали,
Укротилъ нашихъ враговъ
И себѣ на помощь нынче
Призываетъ мужиковъ.
Мужикъ такъ же вѣдь родился,
Какъ и славный дворянинъ,
Теперь долженъ быть доволенъ,
И мужикъ сталъ гражданинъ.
Въ Думу будетъ онъ заявленъ,
Какъ въ село свое домой.
Государственная Дума
Будетъ править всей страной,
Издавать будетъ законы,
И начальство учитать,
Чтобы нашимъ миллiонамъ
У казны не пропадать.
Казна такъ сильно истощала,
Что Русь стала занимать.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Мы должны молиться Богу
За народныхъ за друзей,
Что добились они Думы
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Это стихотвореніе вызвало еще большее одобреніе. Когда парень сошелъ, на бочку стали подсаживать стараго старика. Вставши на бочку и укрѣпившись на ней, онъ медленно досталъ изъ кармана бумагу, долго вглядывался въ нее и слабымъ, дрожащимъ голосомъ началъ читать тоже самимъ имъ сложенную стишину:

Встала мощная крестьянская дружина,
Что много лѣтъ подъ гнетомъ правительства служила.
Теперь мы свободные граждане,
Мы этого десятки лѣтъ ждали.
Царь намъ милость оказалъ,—
Манифестъ по Россіи разослалъ;
Хочетъ съ народомъ соединиться
И властью съ нами подѣлиться,
Желаетъ въ царскую Думу насъ собрать,
Нужду и горе наше разобрать,
А какъ крестьянскую нужду разобрать?
. . . .
Ахъ, эта дума, великая дума,
. . . .

Тамъ будутъ дворяне и купцы.
Изъ нихъ есть такіе молодцы,
Они будутъ дѣло тормозить
. . . .
Друзья! Противъ такихъ враговъ нужно грудью встать,
Кого бы поумнѣе намъ въ Думу послать...
Не нуженъ намъ ни волостной писарь ни мужикъ-кулакъ,
Ни старшина—трусъ-бурлакъ;
Они не будутъ за насъ говорить,—
Имъ теперешнее начальство не велитъ.
Они начальства такъ боятся,
Какъ зайцы отъ собакъ таятся,
Только и могутъ на цыпочкахъ передъ нимъ держаться...
А пошлемъ мы храбраго борца,
Чтобы довелъ наше дѣло до конца;
Онъ будетъ безъ страха за насъ говорить
. . . .
Если мы не пошлемъ въ Думу умнаго человѣка,
Опять будемъ жить подъ гнетомъ два вѣка...

Стихотвореніе старика было встрѣчено самымъ шумнымъ одобреніемъ. Очевидно, въ немъ онъ выразилъ все то, что думали и понимали всѣ собравшіеся тутъ. Глядя на это и слушая все это, чувствовалось что-то небывалое, новое, диковинное. И это новое такъ захватило многихъ, что нѣкоторымъ открыло глаза въ новый міръ. Они выглянули за окно своей избы и увидѣли тамъ такой свѣтъ, который рѣзалъ глаза. Лица у многихъ были серьезны, они благоговѣйно прислушивались къ каждому слову, и каждое слово имѣло для нихъ огромное, возбуждающее значеніе. И понявши это настроеніе присутствующихъ, у многихъ перемѣнилось отношеніе ко всему происходящему. Дѣло, казавшееся чуть ли не смѣшнымъ, показалось торжественнымъ и важнымъ. Я невольно взглянулъ на Муравьева и его шайку. Они стояли сконфуженные, какъ бы пришибленные. У самого хотя и горѣлъ въ глазахъ злобный огонекъ, но той развязности, которая у него была въ трактирѣ, и слѣда не было.

LXIII.

Послѣ празднества на станціи вся наша округа всколыхнулась. Разъѣхавшіеся по домамъ мужики и бабы разсказывали, что̀ они видѣли на станціи, что̀ слышали, и у многихъ мнѣнія насчетъ „забастовщиковъ" стали измѣняться. Ничего худого, что тамъ дѣлалось и говорилось, не было—все какъ будто бы такъ и надо. Говорилось дѣльное, никто не безобразилъ. Видно было, что эти рѣчи были не по сердцу брюханамъ да крючкамъ, имъ говорилось въ глаза, что тотъ порядокъ, въ которомъ они чувствуютъ себя какъ рыба въ водѣ, никуда не годится; но вѣдь если бы всѣмъ угождать, тогда бы нечего было и осуждать!

Пошли горячіе и вольные разговоры. Въ каждой кузницѣ, куда приводили ковать лошадей на зиму, открывался митингъ, въ каждой чайной образовывалось подобіе политическаго клуба. На мельницахъ, на маслобойняхъ было то же. Говорили, спорили, совѣтовались, кого лучше выбрать въ Думу, и читали. Читали газету „Сынъ Отечества", изданія „Донской рѣчи", листки свящ. Петрова. Совсѣмъ всколыхнулось болото стоячее.

Начались форменныя собранія. Теперь уже они шли не скрытно, а явно. Чтобы они шли толковѣе,—приглашали на нихъ болѣе свѣдущихъ людей. Изъ москвичей, пріѣзжавшихъ на лѣто и бывшихъ въ курсѣ дѣла, всѣ разъѣхались. Уѣхалъ Голубевъ, уѣхалъ Кузнецовъ. Остался одинъ Тимофей Ивановичъ, и на него пошелъ „расходъ": то и дѣло пріѣзжали за нимъ и увозили-то въ одну сторону, то въ другую. Собранія устраивались по школамъ, въ волостныхъ правленіяхъ, на площадяхъ, въ торговыхъ мѣстахъ. Говорились рѣчи, обсуждалось прошлое, намѣчалось, что̀ будетъ въ будущемъ. Говорилось, что

всѣмъ должна быть прибавлена земля, должны быть измѣнены налоги. Нѣкоторые уже присматривали себѣ земельку, составляли приговоры и представляли ихъ владѣльцамъ, прося уступить землю по божеской цѣнѣ, не рубить лѣсъ и проч. Въ Марковской волости крестьянскими интересами проникся весь составъ волостного правленія: старшина, писарь, сельскіе старосты. На одномъ собраніи письмоводитель станового пристава писалъ крестьянамъ приговоры. Полиція тоже притихла и какъ-то стушевалась. Исправникъ, становые, урядники, присутствовали на собраніяхъ, но не мѣшали имъ. Черносотенцы, въ родѣ Муравьева, уже не смѣялись въ открытую, они исподтишка нападали на отдѣльныхъ лицъ и били ихъ. По наущенію Муравьева, два мужика, подпоенные имъ, напали на одного старосту, который шелъ вечеромъ изъ собранія, и избили его. Одному служащему въ экономіи побили окна въ квартирѣ; во время одного собранія одинъ изъ мужиковъ замахнулся на говорившаго рѣчь учителя полѣномъ. Его удержали. Онъ сознался, что его на это подкупилъ Муравьевъ; тогда разозлившаяся толпа помяла бока Муравьеву, и такъ, что онъ уже послѣ ни на какія собранія не являлся.

Въ Москвѣ открылся съѣздъ крестьянъ. Газеты брались нарасхватъ. Изъ нашей деревни многіе ходили къ Тимофею Ивановичу или ко мнѣ и просили читать имъ, что̀ говорятъ на съѣздѣ. То, что крестьяне говорили на съѣздѣ про̀ причину своихъ бѣдствій, всѣхъ страшно подкупало и подбадривало. Читая, какъ въ одной губерніи крестьяне бьются безъ земли, въ другомъ мѣстѣ ихъ изводятъ власти и попы, тамъ жметъ свой же братъ, и освѣдомляясь о сдѣланныхъ на съѣздѣ постановленіяхъ, они говорили:

— Вотъ, вотъ. Вотъ тутъ видно, что правда настоящая, не какая-нибудь, а все самое житейское. И у насъ

то же. Вездѣ то же. Господи! Столько милліоновъ народу, и такъ страдаютъ, столько мучатся, и все отчего? Сонъ стряхнуть не могли. Теперь ужъ этого не будетъ...

Дошла очередь до собранія въ нашей волости. Оно было назначено передъ зимнимъ Николой. Устраивалось оно въ деревнѣ, гдѣ было волостное правленіе. Устраивали его Тимофей Ивановичъ, якимовскій портной и еще кое кто изъ сосѣднихъ деревень. Народу собралось додольно много. Сначала хотѣли устроиться въ школѣ, но въ школу всѣ не помѣстились, пришлось выйти наружу. Вытащили парту вмѣсто стола.

Собраніе устраивалось, главнымъ образомъ, для того чтобы разъяснить, кто не зналъ еще манифеста, такъ какъ священники отказывались разъяснять его, а другихъ мѣстъ, гдѣ бы собиралось много народа, подходящихъ не было. Началъ собраніе Тимофей Ивановичъ. Въ пространной рѣчи онъ разсказалъ исторію русскаго простолюдина, его жизнь прежде и къ чему онъ подходитъ теперь. Онъ еще не кончилъ своей рѣчи, какъ къ собранію приблизился старшина съ цѣлой свитой горлановъ и заявилъ:

— Это что за собраніе?

— Зачѣмъ къ нашей училищѣ подошли? — заоралъ мужикъ, обладающій самой широкой глоткой, который могъ служить кому угодно, лишь бы ему поставили за это полбутылки.

За нимъ закричали третій, четвертый. Орали всѣ безъ толку, не слушали увѣщаній подождать, дать кончить рѣчь, но нельзя было и понять, чего же имъ нужно. Обратились съ этимъ вопросомъ къ старшинѣ. Старшина заявилъ такую претензію:

— Отчего же вы меня не пригласили? Я бы тоже, можетъ быть, сталъ съ вами.

— Ты—черная сотня, куда ты годишься?—послышалось изъ толпы.

— Не нужно намъ изъ „союза русскихъ людей“, подлиза барская!

— Здѣсь крестьяне, а не халуи!

Возгласы послышались съ обѣихъ сторонъ. Пошла обоюдная перепалка. Кончилось тѣмъ, что старшина съ своей партіей долженъ былъ отступить.

Они отступили, но не смирились. Собравшись въ трактирѣ, старшина съ своей партіей и другіе брюханы, говорятъ, страшно ругали Тимофея Ивановича и всѣхъ, кто былъ собранъ около него. Кончилось это тѣмъ, что, когда мы стали разъѣзжаться домой, намъ вслѣдъ кричали:

— Эй, вы! сперва, какъ собраніе-то устраивать, гробы себѣ приготовьте!

— Головы-то крѣпче привязывайте, а то потеряете!

Это кричали продажныя глотки; серьезные же люди или молчали, или собирались вокругъ Тимофея Ивановича, проникаясь интересами братства, товарищества, лучшаго человѣческаго житья, и, видя этотъ блескъ, Тимофей Ивановичъ и мы не обращали никакого вниманія на желтѣвшую кое-гдѣ ржавчину.

LXIV.

Возбужденіе противъ выступавшихъ съ рѣчами и разъяснявшихъ манифестъ было и въ нашей деревнѣ. На томъ концѣ деревни, гдѣ жилъ Егоръ Емельяновъ, какъ на грѣхъ, подобрался самый безпутный народъ. Середина деревни называла его въ шутку-то щемиловкой, то грабиловкой. Но такое названіе концу подошло бы и не въ шутку. Тамъ нерѣдко и поворовывали и общественное добро пропивали. Стоявшій тамъ прежде обще-

ственный магазинъ почти каждый годъ обкрадывался, и все при участіи тѣхъ концовскихъ. Его пришлось перенести на другой конецъ. Изъ безпутныхъ мужиковъ первое мѣсто занималъ Егоръ Емельяновъ, который воровство и другія „качества" ввелъ въ свой главный промыселъ и только и жилъ этимъ. Если пропадалъ изъ овина ленъ, это было дѣло Егоровыхъ рукъ; исчезали снопы изъ поля,—навѣрное у него въ овинѣ; не досчитывался кто ягненка,—въ это время у Егора въ горшкѣ навѣрное было жирно. Онъ воровалъ лѣсъ въ сосѣднихъ рощахъ, слеги изъ костровъ, тесъ отъ сараевъ; что̀ плохо лежало, не давало ему покоя; къ этому же онъ пріучалъ и своихъ дѣтей. Кромѣ того, онъ торговалъ водкой. Изъ-за водки къ нему липли, какъ пчелы къ цвѣтку, всѣ, у кого была слабость къ ней. За послѣднее время туда сталъ похаживать и Плѣшаковъ. Выпивши, онъ начиналъ хвастаться, вотъ какой онъ богатый, какой умный, но, вспомнивъ про Тимофея Ивановича, вдругъ чувствовалъ оскомину на зубахъ и начиналъ его ругать. У него была все одна и та же пѣсня, что такіе люди порядку вредны, что ихъ нужно посократить, что не даромъ теперь по разнымъ городамъ полиція бьетъ бунтовщиковъ, и говорилъ, ка̀къ честной русскій народъ бьетъ студентовъ, жидовъ и крамольниковъ. И подвыпившіе мужичишки начинали съ нимъ соглашаться, поддакивать, и будь Плѣшаковъ пощедрѣе, поставь имъ по полбутылкѣ на каждаго, люди, готовые родную мать за полбутылки продать, исполнили бы завѣтное желаніе Плѣшакова, намяли бы бока Тимофею Ивановичу.

Шло возбужденіе противъ учителей, докторовъ. Пускались въ ходъ такіе, напр., навѣты. Одинъ лавочникъ кричалъ:

— Нашихъ же дѣтей да разврату учатъ. Мальчонко

говоритъ, какую молитву читать, а онъ говоритъ — не нужно молитвы, и такъ обойдется.

Въ селѣ Курьяновѣ былъ трактирщикъ, прежде онъ содержалъ въ Москвѣ постоялый дворъ, но прогорѣлъ. Вернувшись въ деревню, онъ снялъ кабачокъ и, одурманивая деревенскихъ простачковъ, поправился, отстроилъ себѣ новый домъ, пустилъ въ нее казенную винную лавку и жилъ беззаботно. Онъ тоже очень враждебно относился ко всякаго рода перемѣнамъ и проповѣдывалъ, что того, кто занимается политикой, надо бить. Онъ каждый день твердилъ это въ своей чайной.

Одинъ разъ вечеромъ онъ заявился въ школу и почтительно сталъ просить разрѣшенія поговорить съ учительницей. Учительница не отказалась. Тогда трактирщикъ сталъ спрашивать, что это за партіи такія, почему онѣ существуютъ и чего онѣ хотятъ, что это такое черная сотня и красный флагъ. Учительница, не ожидая подвоха, стала объяснять, какъ могла. Трактирщикъ поблагодарилъ ее и ушелъ. На другой день онъ поѣхалъ въ городъ и донесъ на учительницу, что она подбивала его противъ начальства.

Такому же доносу подвергся еще одинъ изъ учителей. На него взъѣлся одинъ изъ міроѣдовъ. Онъ хотѣлъ гнуть сыновей въ бараній рогъ, но они ему не поддавались. Онъ объяснилъ себѣ, что этому виновата школа, и возненавидѣлъ учителя. Посовѣтовавшись съ попомъ, они рѣшили сдѣлать на него доносъ. Міроѣдъ отправился къ жившему поблизости помѣщику и сталъ ему докладывать, какой у нихъ неблагонадежный учитель. Помѣщикъ обрадовался и предложилъ ему написать въ училищный совѣтъ жалобу. Міроѣдъ было заупрямился, говорилъ, что онъ нескладно пишетъ, что ему не составить жалобы; тогда помѣщикъ вызвался продиктовать ему жалобу. Общими трудами жалоба была составлена,

и вскорѣ учитель вмѣстѣ съ пѣтуховской учительницей были устранены отъ должностей.

Въ уѣздномъ городѣ всѣ интеллигенты получали подметныя письма, въ которыхъ грозили, что ихъ убьютъ. Нашъ старшина усердно возбуждалъ мужиковъ противъ больницы. Дѣлалъ онъ это очень настойчиво и политично. Пріѣхавъ куда-нибудь въ деревню по своимъ дѣламъ, на вопросъ, что новенькаго, онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Особеннаго ничего, только вотъ назарьевскіе хотятъ больницу погромить.

— За что же это, Господи?

— На докторовъ злятся, говорятъ, очень зазнались они. Сидятъ на мужицкой шеѣ, а забираютъ господскую власть.

И онъ начиналъ возбуждать противъ докторовъ. Говорилъ онъ лукаво, но увѣренно, иногда въ его голосѣ прорывалось негодованіе. Мужики поддавались на это и начинали выражать согласіе, что доктора дѣйствительно зазнались. И это дѣлалось систематически. Возбужденіе все разрасталось, и, можетъ быть, разразилась бы гроза, если бы докторъ назарьевской больницы не нашелся. Когда въ Назарьевѣ былъ сходъ, онъ узналъ объ этомъ и, одѣвшись, вышелъ на міръ. Поздоровавшись съ мужиками, онъ проговорилъ:

— Вотъ что, братцы, мнѣ всѣ уши прожужжали тѣмъ, что вы хотите больницу разгромить. Если это правда, то мнѣ очень хотѣлось бы узнать, за что вы имѣете на нее такой зубъ?

Мужики замялись и не знали, что сказать. Они переминались съ ноги на ногу; положеніе было самое тягостное.

— Мы знаемъ, что вамъ тяжело жить, что у васъ во всемъ недостатки,—продолжалъ докторъ,—но самый

большой недостатокъ вашъ—это ваша темнота и легковѣріе... Вы очень мало знаете и попадаетесь на всякую удочку... Пуститъ кто-нибудь утку, а вы ее за правду принимаете... Иная утка-то съ придѣланными крыльями, а вы думаете, что это настоящая. Вашъ братъ громитъ экономіи, бьетъ ученыхъ людей, нападаетъ на больницы, безсмысленно уничтожаетъ свое же добро. А какой изъ этого толкъ? Сердце отойдетъ? Сердце-то отведешь, да горю-то не поможешь, этимъ бѣды не избудешь. А вы вотъ лучше бы какъ сдѣлали: не нужна вамъ больница,—перестаньте ходить въ нее, потомъ придите и заявите: намъ, молъ, больница не нужна...

— Какъ больница не нужна, больница намъ нужна, что про это говорить,—послышались голоса.

— Больница нужна, вы сами говорите, ну, тогда, значитъ, докторъ нехорошъ?

Мужики молчали.

— А коли этакъ, то дѣло сдѣлать легче можно. Выбрали кого изъ среды себя да и послали сказать, мы де тобой недовольны, веди себя лучше или убирайся, куда хошь; можетъ быть, этотъ и уйдетъ, а вамъ другого пришлютъ.

— А если другой не будетъ лучше?

— Тогда третьяго. Добивайтесь, чтобы вы могли для себя всѣхъ своихъ слугъ выбирать.

Разговоръ перешелъ на всероссійскія дѣла. Посыпались разспросы; докторъ едва успѣвалъ отвѣчать. Прошло довольно много времени, докторъ спохватился, ему нужно было итти на пріемъ, приходилось заканчивать бесѣду.

— Ну, такъ вотъ такъ-то. Зачѣмъ вамъ громить больницы, жечь, это ваше-же добро, а если ужъ не стерпите, то хоть объявите мнѣ впередъ, я тогда больныхъ по домамъ отправлю. За что же имъ-то тутъ страдать?

— Да что ты, съ чего это ты взялъ,—послышались протестующіе голоса. — Нешь мы бусурмане, это кто-нибудь спьяна сболтнулъ, такъ и надо на это смотрѣть?..

— Ты вотъ лучше почаще выходи къ намъ да побольше толкуй.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше къ намъ приходите, у насъ въ ожидальнѣ сидѣть можно, да тамъ и теплѣй.

— А не осердишься?

— Нѣтъ, только было бы свободное время.

Пропаганда старшины оказалась подорванной въ корнѣ. Разгромъ больницы не состоялся.

LXV.

У Тимофея Ивановича было намѣреніе оповѣстить всю волость насчетъ манифеста, всѣхъ познакомить съ существованіемъ крестьянскаго союза и, если къ нему будетъ сочувствіе, организовать мѣстные комитеты, а потомъ устроить съѣздъ въ уѣздномъ городѣ и обсудить постановленія московскаго съѣзда, насколько они отвѣчаютъ интересамъ крестьянъ, можно ли ихъ всѣ принять, или частями, и что получится на съѣздѣ, такъ и поступать, т.-е. присоединиться-ли къ крестьянскому союзу, или отстраниться отъ него и составить какую-нибудь другую программу.

Интересъ къ союзу росъ съ каждымъ днемъ, но приговоры о причисленіи поступали туго. Его постановленія не принимались многими потому, что они были очень рискованы. Поэтому надъ постановленіями останавливались и задумывались, нельзя ли ихъ перерѣшить.

Послѣ Николы былъ назначенъ небольшой съѣздъ на станціи. На этомъ съѣздѣ и хотѣли все обсудить,

какъ намъ продолжать дѣйствовать дальше и что̀ дѣлать сейчасъ.

Собралось насъ человѣкъ двадцать. Мы пошли въ одну чайную и заняли отдѣльную комнату. Спокойствіе собравшихся было нарушено тѣмъ, что ничего не было точно извѣстно о настоящемъ положеніи дѣлъ. Шли какіе-то тревожные слухи, а настоящаго никто не зналъ. Почта уже не ходила около двухъ недѣль. Перестали ходить поѣзда. Въ Москвѣ, какъ говорили, началось вооруженное возстаніе. Вмѣсто совѣщанія намъ пришлось только выслушивать всевозможныя извѣстія одно другого печальнѣе. Говорили, что начались возстанія въ Харьковѣ, Курляндіи и Москвѣ.

Насколько все это была правда, ничего не было извѣстно, но всѣхъ охватывала жуть. Жуть и досада. Что такое? Кому и на что было нужно это вооруженное возстаніе? Чего можно этимъ добиться?

Мы забыли о томъ, зачѣмъ съѣхались, да и что мо̀жно было дѣлать теперь, когда все пошло шиворотъ на выворотъ. Волей-неволей пришлось разъѣзжаться домой безъ всякихъ разговоровъ.

Угнетенные мы пріѣхали домой. Стали ждать, что будетъ дальше.

А дальше каждый день сталъ приносить новыя страшныя вѣсти. Фабричные рабочіе, мастеровые, за остановкой дѣла, пѣшкомъ приходили домой и разсказывали разные ужасы.

Мужики, составлявшіе приговоры, страшно перетрусили, а ну, какъ и имъ что̀ сдѣлаютъ за то, что они подписались. Имъ стали грозить всякими напастями, стращали арестами, ссылкой. Потомъ изъ пришедшихъ изъ Москвы „забастовщиковъ“ оказались такіе люди, которые громко выкрикивали невѣроятную чепуху въ черносотенномъ духѣ. Землевладѣльцы, съ осени желавшіе

развязаться съ землей, стали попридерживаться. Послѣ Новаго года старшина на своихъ выборахъ одержалъ верхъ надъ другими кандидатами и опять остался на должности. Училищный совѣтъ понемногу увольнялъ болѣе сознательныхъ учителей. Потомъ начались аресты. Въ уѣздномъ городѣ арестовали нѣсколькихъ интеллигентовъ, въ разныхъ деревняхъ добрались до учителей, до крестьянъ. Изъ крестьянъ въ первую очередь былъ взятъ Тимофей Ивановичъ. Въ серединѣ зимы, когда я было перебрался въ Москву для работы въ народной газетѣ „Правда Божія", основанной свящ. Г. С. Петровымъ, арестовали и меня.

LXVI.

Меня подъ арестомъ продержали два мѣсяца. Сначала хотѣли выслать въ административномъ порядкѣ въ Сибирь или на Сѣверъ. Но такъ какъ въ моей дѣятельности въ деревнѣ все-таки трудно было найти что-нибудь преступное, то меня освободили и допустили опять вернуться въ деревню.

Это мое возвращеніе въ деревню тоже было весной, передъ началомъ работъ. Выборы въ первую Думу уже состоялись, въ скоромъ времени она должна была начать свои дѣйствія. Угнетенное состояніе деревни, охватившее ее послѣ второй забастовки, проходило. У крестьянъ еще не выдохлось то чувство общности, что зародилось прошлое лѣто и осенью и многимъ хотѣлось ихъ запечатлѣть. Я услышалъ, что опять пошли толки объ открытіи у насъ сельскохозяйственнаго Общества и теперь это легче было провести, такъ какъ все-таки были нѣкоторыя свободы. И вотъ пришлось собирать собраніе, вырабатывать и подписывать Уставъ. На собраніе

пришелъ и Плѣшаковъ. Но знавшіе его кляузническую натуру, собравшіеся не пожелали принять его въ число учредителей Общества, а онъ сейчасъ же повернулся къ уряднику и заявилъ, что у насъ собирался политическій митингъ, гдѣ будто бы говорилось противъ правительства и что митингъ былъ созванъ мною. Вскорѣ послѣ этого собрался волостной сходъ для выбора гласнаго, на сходѣ выбрали кандидатомъ въ гласные меня. Кромѣ этого волостной сходъ командировалъ меня на общественный счетъ съ приговоромъ въ Государственную Думу.

Для сельскохозяйственнаго Общества мнѣ нужно было узнать кое-что въ „Департаментѣ Земледѣлія“ и я, несмотря на то, что приговоръ отъ схода былъ не совсѣмъ грамотенъ, не отказался ѣхать въ Петербургъ... Въ Петербургѣ я передалъ приговоръ въ президіумъ и устроилъ, что было нужно въ „Департаментѣ Земледѣлія“. Но когда я возвратился домой, меня уже всюду ожидала полиція. Сейчасъ же меня арестовали и отправили въ московскую губернскую тюрьму. Опять меня продержали два мѣсяца и хотя жандармеріи нечѣмъ было подтвердить, что у насъ былъ политическій митингъ, всетаки на этотъ разъ меня не выпустили, а постановили выслать на два года въ Олонецкую губернію. И только по особому ходатайству высылка мнѣ была замѣнена выѣздомъ заграницу.

LXVII.

За два года моей подневольной жизни заграницей, мнѣ пришлось побывать въ разныхъ уголкахъ Европы и приглядѣться какъ живутъ и хозяйствуютъ земледѣльцы въ Швейцаріи, Италіи, Франціи и Англіи. Эти наблюде-

нія укрѣпили во мнѣ давнишнее убѣжденіе, что у насъ на землѣ вполнѣ возможно человѣческое существованіе, такъ какъ у насъ и земли сравнительно съ заграницей больше и цѣны ея сейчасъ вовсе не такъ высоки, и обрабатывать ее гораздо легче и дешевле, но эта возможность могла быть выполнена только при условіи освобожденія личности отъ хозяйственной опеки „міра“ и при уничтоженіи мелкополосицы.

Уничтоженіе мелкополосицы нужно потому, что дробленіе такимъ порядкомъ земли, вошедшее у крестьянъ въ обычай, знаменуетъ собою не хозяйственное, а скорѣе хищническое къ ней отношеніе. Дробленіе земли на мелкія полосы установилось еще при крѣпостномъ правѣ и установилось на томъ основаніи, что въ мелкихъ кускахъ легче ровно и справедливо раздѣлить то, что заложено въ этихъ угодьяхъ природой. Т.-е. раздѣлить уже бывшее готовымъ, накопленное не нами... Но если взглянуть на поле, какъ на мѣсто приложенія моего труда и какъ на обезпеченіе бо̀льшей его производительности въ дальнѣйшемъ, то такое бережное отношеніе къ кажущейся справедливости уже не имѣетъ никакой цѣны. Въ этомъ случаѣ прежде всего нужно имѣть въ виду, чтобы куски земли, предоставленные для пользованія крестьянину, были удобны для примѣненія сознательнаго труда, использованія сельскохозяйственныхъ познаній, когда и небольшое количество земли способно гораздо благодарнѣе оплатить трудъ. Въ послѣднее же время это стало тѣмъ болѣе необходимо, что наши земли большею частью тяжелыя, еще болѣе уплотняются введеннымъ у крестьянъ травосѣяніемъ. Тщательная разработка ихъ стала обязательной. Но какъ я могу проработать, какъ слѣдуетъ, полосу въ 4—5 аршинъ шириной, при плужной пахотѣ, когда ее пахать возможно только вдоль? Прежде всего на ней остаются непропаханныя мѣста

при запашкѣ. Если я пашу въ свалъ, то непропаханная борозда остается въ срединѣ полосы, а если въ развалъ, то по краямъ. Потомъ плугомъ дѣлаются болѣе глубокія борозды и ихъ легко размываетъ дождевой водой и уноситъ плодородную землю долой съ полосы. На мѣстѣ борозды получается канава. Чтобы заровнять эту канаву, приходится валить въ нее со сторонъ опять плодородную землю, которую при первомъ паводкѣ снова унесетъ. Для борьбы съ этимъ крестьяне часто практикуютъ такое средство, что пашутъ полосы только „въ свалъ". Но отъ этого середина полосы становится горбомъ и вся полоса принимаетъ видъ грядки. На горбу обыкновенно сбирается лучшая земля, а по бокамъ остается тощая, мертвая. Посѣянный на такой полосѣ хлѣбъ посрединѣ всегда растетъ гуще, часто даже не выстаиваетъ и полегаетъ, а по бокамъ рѣдко и жидко. Тощіе колосья вызрѣваютъ скорѣй, сильные— позже. И получается такая вещь: если жать полосу тогда, когда созрѣлъ боковой хлѣбъ, но на срединѣ зерна получаются не дозрѣвшими, пустыми. Если же ждать когда дозрѣетъ середина — то боковой хлѣбъ перезрѣетъ и обсыпется. При введеніи плуговъ и травосѣянія, очень многіе расчитывали на повышеніе урожаевъ на крестьянскихъ поляхъ, но этого повышенія не произошло и не можетъ произойти до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ существовать мелкополосица.

Кромѣ этого, узкія полосы непригодны для обработки ихъ на болѣе производительныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. На нихъ нельзя въѣхать съ широколемешнымъ или многолемешнымъ плугомъ. Нельзя употребить конной сѣялки, косилки, жатки. Слѣдовательно, мелкополосица дѣлаетъ физически недоступнымъ лучшій и дешевый способъ обработки земли и такимъ образомъ ставитъ крестьянскія земли въ низшій разрядъ урожай-

ности—что̀ конечно ненормально и требуетъ скорѣйшаго уничтоженія.

Въ то время, когда я изучалъ за границей постановку мелкаго хозяйства,—у насъ былъ обнародованъ указъ 9 ноября. Указъ этотъ очень близко совпадалъ съ тѣмъ, что мнѣ казалось необходимымъ для подъема у насъ мелкой сельскохозяйственной промышленности. И только одно меня смутило въ немъ, это необходимость прежде выдѣла земли—укрѣпленіе ея въ личную собственность. Не совсѣмъ было понятно, какое отношеніе имѣетъ это укрѣпленіе къ лучшему усвоенію болѣе культурныхъ пріемовъ въ мелкомъ хозяйствѣ? Обратить участки въ неотъемлемые? Такая неотъемлемость важна тамъ, гдѣ культура уже примѣнена и дала извѣстные результаты, а если неотъемлемость будетъ установлена для нехозяйственныхъ крестьянъ, которые какъ собаки на сѣнѣ и сами его не ѣдятъ и другимъ не даютъ, какой толкъ будетъ отъ этой неотъемлемости? Такіе участки могутъ быть менѣе производительны, чѣмъ въ мірскомъ хозяйствѣ. Если же надѣяться поднять производительность такихъ земель путемъ продажи ихъ въ болѣе хозяйственныя руки,—то при этомъ ни за что ни про что награждаются люди, ничего не сдѣлавшіе для этой земли, такъ какъ продаваться эти надѣлы будутъ за безцѣнокъ. А между тѣмъ этими дѣйствіями будетъ обиженъ міръ, привыкшій пользоваться землею на другихъ основаніяхъ, и его обида выразится такъ, что онъ неминуемо станетъ упорствовать при введеніи новаго закона въ цѣломъ и долго не пойметъ благодѣтельности его. Въ другихъ странахъ, какъ я узналъ будучи за границей, земельная культура насаждается другимъ порядкомъ. Англичане въ своихъ колоніяхъ если и отводятъ землю, такъ они требуютъ, чтобы будущій хозяинъ земли, дѣйствительно, проявилъ хозяйственное къ ней отношеніе, раздѣлалъ бы

установленную часть ея, застроилъ бы, вырылъ колодезь, и когда это будетъ сдѣлано, тогда земля и укрѣпляется за нимъ. Это дѣлалось и дѣлается въ Канадѣ, Калифорніи, Аргентинѣ. А у насъ выходило какъ разъ наоборотъ.

Невольно чувствовалось, что этимъ пунктомъ совершается какой-то политическій маневръ. Можетъ быть дѣйствіе этого маневра и достигнетъ своей цѣли, но оно никакого отношенія къ укрѣпленію земельной культуры не имѣло.

LXVIII.

. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Все, что играло роль дрожжей на мѣстахъ, было вытянуто изъ уѣздной гущи и разослано, кто куда; а когда ретивая полицейская рука сняла верхи пѣны, то лишившаяся ея гуща снова осѣла, начала закисать и въ скоромъ времени стала опять безцвѣтной, ни холодной, ни горячей, такъ что, глядя на нее, удивляешься, неужели эта масса могла возбуждать какія-нибудь надежды у мечтателей, которые становились впереди?.. Окисленію массы много способствовала природа. Всѣ три года послѣ

1906-го оказалися крайне неблагопріятными въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Все время лилъ дождь и мѣшалъ пахотѣ, сѣву, опыленію хлѣбовъ, навозницѣ, уборкѣ. Дождемъ губило всходы озимыхъ, портило всѣ дороги. Землю растворило такъ, что ѣзда въ телѣгѣ и не на далекое разстояніе становилась подвигомъ. На поляхъ не только не вызрѣвалъ хлѣбъ, но не родился картофель; въ огородахъ не было конопли, капусты, огурцовъ; почти все для семейнаго продовольствія приходилось покупать. На мукѣ у всѣхъ торговцевъ былъ самый быстрый оборотъ рубля, и другіе товары глядѣли на нее съ завистью. Совсѣмъ почти не шли ни ситцы, ни сукна, ни мѣстный товаръ: колеса, сани, телѣги, рѣшета, издѣлія бондарей.

Ужъ не о переустройствѣ стали думать, а какъ бы скоротать годъ; не до жиру, а быть бы живу, какъ-нибудь бы сколотить на мѣшокъ мучицы.

На бѣду послѣ забастовокъ въ 1905 году сократились заработки въ Москвѣ, поднялись цѣны на покупные продукты, отчего въ деревню меньше попадало денегъ со стороны. Я полюбопытствовалъ какъ шло общественное хозяйство за время моего отсутствія и то, что я узналъ на первыхъ порахъ, никакъ не могло порадовать моего сердца. Общественныя угодья на надѣльной землѣ оказались все въ томъ же видѣ, какъ и до моего отъѣзда. Никакихъ перемѣнъ въ ихъ состояніи не произошло. Кочки на лугахъ росли такъ же, такъ же торчали кусты, только въ промежуткѣ узкихъ полосъ появилось больше канавъ, ихъ безпрепятственно размывало водой во время дождей. Это было съ надѣльной землей. Купленная земля оказалась еще въ худшемъ положеніи. На купленной землѣ у насъ было десятинъ 50 лѣсу и я очень надѣялся, что этотъ лѣсъ обезпечитъ насъ навсегда топливомъ. Если мы будемъ срубать въ

годъ по одной десятинѣ и опять оставлять на этихъ десятинахъ рости заросль—то пока мы добрались бы до послѣдней десятины на первой опять стоялъ бы пятидесятилѣтній лѣсъ. Послѣ первыхъ вырубокъ нами дѣйствительно была запущена заросль и она шла буйно, по всѣмъ десятинамъ и обѣщала къ своему времени богатую дровяницу. Но дальше по вырубленнымъ десятинамъ съ первой же весны стали пускать стадо. Сначала пастухъ пустилъ самовольно, потому что коровы жадно прилегаютъ къ молодымъ березовымъ побѣгамъ и спокойно ходятъ въ этихъ мѣстахъ, потому что въ свѣжихъ пняхъ и трава растетъ слаще. Когда же я съ нѣсколькими хозяевами заявилъ, что пасти по валкѣ не нужно, то всѣ малоземельные, а также одиночки закричали, что растить лѣсъ не нужно, когда онъ выростетъ насъ не будетъ, а изъ-за этого намъ придется стѣснять стадо въ пастбищѣ. Лѣсъ коли пойдетъ, такъ и такъ выростетъ. Эти соображенія взяли верхъ, и намъ пришлось уступить и отказаться отъ надежды имѣть свой лѣсъ и дрова.

И такое хозяйство прочно установилось и вошло въ порядокъ. Скотъ пасли по всѣмъ угодьямъ. Лѣса валили уже не по десятинѣ, а по двѣ и больше въ годъ, а на свалку съ первой же весны пускался скотъ. Въ мое отсутствіе добрались до одного молодого березнячка, который совсѣмъ не время было губить, и свалили его. Кромѣ этого, нѣкоторыми изъ поселившихся за послѣднее время въ деревнѣ москвичей стали дѣлаться набѣги въ общественный лѣсъ по ночамъ. Они выбирали лучшія елки и увозили ихъ въ другія деревни, и общество глядѣло на это равнодушно, по крайней мѣрѣ оно ничего не предпринимало для борьбы съ этимъ.

Выбитая стадомъ валка все увеличивалась. На ней уже ничего не росло, а только подгнивали пни. Одно такое мѣсто общество рѣшило раздѣлить подъ распашку,

но оно забыло, что прежде эти угодья у насъ дѣлились широкими полосами и опять накромсало мелкихъ и узкихъ. Это тоже не могло особенно радовать.

Старостой въ это время у насъ былъ избранъ Ефимъ Степановъ. Ефимъ Степановъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, принялъ эту должность, потому что она давала кое-какія выгоды. Его сынъ въ Москвѣ окончательно спился и его не стали тамъ держать. Онъ переселился домой, и вотъ что бы сыну жить дома не задаромъ Ефимъ Степановъ и принялъ эту должность.

То, что въ обществѣ пошла такая жизнь, — Ефиму Степанову было безразлично, онъ только заботился какъ бы собрать подати, но подати платили плохо. Ефимъ Степановъ злился на неплательщиковъ, ругалъ, таскалъ ихъ въ волостную, и объ другомъ уже не заботился и что бы міръ ни дѣлалъ, онъ одно твердилъ:

— Пускай, какъ хотятъ, моя хата съ края.

— И міръ дѣлалъ, что хотѣлъ.

LXIX.

Дѣянія міра нравственнаго характера за это время, были равноцѣнны его хозяйственной заботливости. Онъ поддавался только на плутовство, водку, и другіе подходы людей, умѣющихъ ловить рыбу въ мутной водѣ; къ требованіямъ же справедливости, человѣчности онъ оставался глухъ. Когда же эти требованія предъявлялись настойчиво, онъ напрягалъ всю свою силу, что бы дать этому отпоръ. Когда я сталъ спрашивать про извѣстныхъ своей сознательностью крестьянъ, уцѣлѣвшихъ отъ полицейскихъ лапъ, то оказалось за послѣднее время имъ такъ тяжело стало въ деревнѣ, что одни ушли изъ нея, другіе забились въ уголъ и сократились, третьи

смѣшались въ общей массѣ. Міръ, не только не жалѣлъ о нихъ, но еще самъ способствовалъ ихъ удаленію; противъ одного онъ поднялъ полицію, у другого отнялъ имъ самимъ же данную землю, третій сгорѣлъ отъ неизвѣстной причины. И такія дѣла никого изъ мірянъ не возмущали, ихъ считали естественными, и при случаѣ были готовы одобрить ихъ.

На совѣсти нашего міра тоже было одно дѣло. Послѣ объявленія указа 9 ноября и отмѣны выкупныхъ платежей, не мало крестьянъ встрепенулись. О землѣ задумались такіе, у кого было къ ней болѣе легкое отношеніе. Одни захотѣли эту землю закрѣпить, другіе возвратить. Вдова моего прежняго пріятеля Платона, Настасья, отказавшаяся во время тяжелой болѣзни отъ надѣла, захотѣла изъ двухъ душъ, бывшихъ у ней, вернуть хотя бы одну въ пожизненное пользованіе, но міръ во главѣ съ старостой уперся и не пожелалъ возвращать ей земли. Правда, ея земля была уже опредѣлена въ другія руки, но въ обществѣ была одна душа свободной земли у другой вдовы, сына Ивана Нужды, который получилъ отъ міра землю въ годъ смерти, а два года спустя умерли и самъ Нужда и его жена, во владѣніи этой вдовы осталось три души. Міръ однако не пожелалъ возвращать землю Настасьѣ, а пригрозилъ, что если она будетъ добиваться земли, то міръ можетъ выгнать ее совсѣмъ изъ деревни. Настасья перепугалась и отказалась отъ своей претензіи. Тогда отъ нея потребовали подписку, что она больше не будетъ безпокоить общество требованіемъ земли. Настасья согласилась и на это, и общество было очень довольно, что оно предотвратило отъ себя всякое безпокойство.

Еще у насъ былъ одинъ старикъ Семенъ Сѣрый. Онъ уже лѣтъ 20 какъ бросилъ землю, жилъ въ другой деревнѣ у дочери, но у него остался въ общественной

магазеи хлѣбъ. Въ эти года хлѣбъ очень поднялся въ цѣнѣ, и Семенъ захотѣлъ получить свой хлѣбъ. Но міръ уперся и не хотѣлъ его отдавать и старому глухому старику пришлось идти на волостной судъ, и требовать хлѣбъ судомъ.

Испытала притѣсненіе отъ міра и моя семья. Лѣтъ шесть тому у насъ оказались тѣсны огороды. На нихъ нельзя стало строить овины. Чтобы помочь этому, было рѣшено сдѣлать прирѣзки отъ бывшихъ за овинами полосъ и превратить ихъ въ прибавку къ огородамъ. Дѣло было сдѣлано. На прирѣзкахъ нѣкоторые стали строить овины, другіе валить лѣсъ, дрова. У насъ овинъ стоялъ на усадьбѣ, дрова мы сваливали у сарая, мѣсто было свободное и вотъ мои домашніе рѣшили распахать эту площадку подъ картофель. Не успѣли мои допахать, какъ является староста и говоритъ:

— Это мѣсто пахать не приказано.

— Почему?

— Міръ не велитъ. Это мѣсто прирѣзано для овиновъ.

— Да вѣдь прирѣзки-то сдѣланы отъ полосъ?

— Отъ полосъ.

— У всѣхъ поровну?

— Поровну.

— Стало-быть наша земля переведена изъ полосъ сюда и причислена къ огороду, какъ же мы не можемъ ее пахать?

— Я этого не знаю, — заявилъ староста, — мнѣ міръ велѣлъ запретить, вотъ я и запрещаю.

Земля, прирѣзанная къ огороду, превращалась въ усадебную землю, она уже поступала въ угодья, передѣляемые на особыхъ основаніяхъ. На ней можно было безпрепятственно строить холодныя постройки, ставить срубы, заваливать ее дровами, но посадить картофель

не могу. Почему? Я такъ до сихъ поръ и не рѣшилъ этого вопроса.

И когда я разсказалъ объ этомъ случаѣ въ другой деревнѣ, мнѣ сообщили:

— Это еще что, — а вотъ въ Бухоловѣ одинъ вычиталъ въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ о пользѣ осенней вспашки подъ яровое и выѣхалъ осенью на свои полосы, увидали его другіе мужики, да вмѣстѣ съ старостой къ нему на полосу, взяли лошадь подъ уздцы и повели съ полосы долой.—„Какъ ты смѣешь міръ баламутить? Это на тебя глядя и другіе поѣдутъ“... А въ Курьяновѣ такого же чистяка за такое же дѣло притянули на волостной судъ и волостной судъ оштрафовалъ его на три рубля...

LXX.

Но когда я осмотрѣлся послѣ отлучки изъ деревни и разобрался кое въ чемъ, то нашлось кое-что и пріятное моему хозяйскому сердцу.

Нѣсколько времени спустя послѣ моего пріѣзда ко мнѣ пришелъ за полученіемъ недоимокъ старостинъ сынъ, прозванный почему-то въ деревнѣ именемъ японскаго генерала Куроки и заявилъ.

— Что это, братецъ мой, за дѣла. Подали мы заявленіе о томъ, что желаемъ передѣлить землю на семь полей и намъ никакого отвѣта.

— Куда же вы подали?—спросилъ я, заинтересовавшись этимъ.

— Да въ контору отнесъ. Была, значитъ, такая бумага — кто желаетъ передѣлять, мы значитъ посовѣтовались, видимъ неудобно, овса негдѣ сѣять, изъ-подъ клевера овесъ не родитъ — и порѣшили сдѣлать семь полей. Тогда послѣ клевера ленъ будетъ, а овесъ послѣ льна, по мякоти.

— Правильно и очень хорошо,—не могъ удержаться, чтобы не одобрить этого намѣренія, сказалъ я,—когда-жъ вы подали такое заявленіе?

— Еще въ августѣ, кажись.

Меня это извѣстіе просто обрадовало. Передѣлъ земли на семь полей, да если бы большими полосами, была моя мечта. Но до моего отъѣзда заграницу всѣ разговоры объ этомъ кончались въ ничью и вдругъ теперь деревня сама пришла къ такому рѣшенію. Нужно было постараться поскорѣй осуществить это намѣреніе міра.

Предложеніе на передѣлъ крестьянскихъ земель какъ оказалось, было у насъ со стороны землеустроительной комиссіи. Она разсылала объявленія по деревнямъ и предлагала свое содѣйствіе къ выходу на хутора, отруба, и передѣлъ полей на большія полосы. Какъ только у меня вышло свободное время я отправился въ уѣздный городъ и сталъ разыскивать землеустроительную комиссію. Непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи или „землеустроитель", какъ мнѣ его назвали, исполнявшій всѣ дѣла ея, былъ прежній земскій начальникъ, я съ нимъ раньше былъ немножко знакомъ. Когда я пришелъ къ нему и заявилъ, что мнѣ нужна справка, получено ли отъ нашего общества заявленіе о разбивкѣ земли на семь полей—землеустроитель сказалъ:

— Ничего подобнаго. Если-бъ было, мы бы сейчасъ на это отозвались. Мы очень охотно идемъ на встрѣчу всякому желанію крестьянъ по землеустройству.

Я почувствовалъ, что Куроки меня надулъ, но я не упалъ духомъ и сталъ выспрашивать въ какой бы степени землеустроительная комиссія помогла бы намъ, если бы мы вздумали передѣлить землю на семь полей. Землеустроитель сталъ мнѣ объяснять, какъ у нихъ помогаютъ въ такихъ случаяхъ крестьянамъ и указалъ какъ на при-

мѣръ передѣлъ въ селѣ Тимашевѣ, гдѣ крестьяне сдѣлали въ полѣ всего по двѣ полосы и теперь очень довольны своимъ нововведеніемъ.

Я понималъ, что этимъ нельзя быть недовольнымъ и съ увѣренностью, что и у насъ это можетъ быть, вернулся домой.

Дома я сталъ подробно выслушивать Куроки, куда онъ направилъ заявленіе о передѣлѣ, и было ли такое постановленіе общества?

— Ей-Богу было,—сталъ увѣрять меня Куроки.—Я его въ волостную отнесъ, Федоръ Митричъ его отсылалъ, спросите хоть его. Тогда я сталъ разспрашивать другихъ крестьянъ, какъ и когда составлялся приговоръ о передѣлѣ на семь полей. Но никто этого не помнилъ. И только послѣ новаго разспроса Куроки мнѣ удалось выяснить, какъ и куда послано заявленіе. У старосты былъ бланкъ отъ статистическаго отдѣла губернскаго земства, въ которомъ была графа съ вопросомъ, не переходятъ ли мѣстные крестьяне на новый способъ разверстки полей на четырехполье, шестиполье, восьмиполье, или не стремятся ли къ выходу на хутора или отруба? Вотъ въ этомъ-то параграфѣ Куроки и закатилъ желаніе общества перейти на семь полей и удивлялся, что на это такъ долго нѣтъ никакого отвѣта.

На первой же послѣ этого сходкѣ я обратился къ болѣе старымъ и хозяйственнымъ мужикамъ, серьезно-ли они смотрятъ на сдѣланное заявленіе о передѣлѣ земли на семь полей. Мужики заявили, что передѣлить не худо, только теперь говорятъ собственность пошла. Нужно прежде въ собственность закрѣпить. Я заявилъ, что укрѣпляться въ собственность безъ передѣла нѣтъ смысла, такъ какъ если закрѣпить въ собственность всю землю, тогда передѣлъ будетъ невозможенъ, мы можемъ навсегда остаться на мелкихъ полосахъ.

— А если мы передѣлять будемъ, другіе къ намъ не полѣзутъ, у кого сейчасъ нѣтъ земли?—опасливо заявилъ Ефимъ Степановъ.

— Можно поровнять всѣхъ.

— Это что-жъ тогда однодушникамъ земли прирѣзать?

— Отчего-жъ не прирѣзать? Ихъ у насъ немного. Оставить ихъ съ одной душой будетъ грѣшно, а изъ мірской прибавить, ничего не стоитъ.

— Какъ не стоитъ?—Нѣтъ стоитъ,—горячо запротестовалъ владѣлецъ самой большой доли въ деревнѣ Егоръ Власовъ.—Ты тогда у меня отрѣжешь, а я на ней все время хребетъ гнулъ, выкупные платилъ, повинности отбывалъ, я ее пòтомъ и кровью окупалъ, а ты у меня ее отрѣжешь?..

Я заявилъ, что мы душъ убавлять не будемъ, а сколько у кого было, столько и останется, а только прирѣжемъ душъ шесть, сдѣлаемъ изъ 102-хъ 108.

— Это все равно. Душъ-то прибавишь изъ всей земли. Душъ не убавишь, полосы обрѣжешь, сейчасъ восемь съ половиной осьмаковъ, тогда будетъ девять, а ярусъ-то все тотъ же будетъ.

Однодушники почти всѣ были на сходѣ, но они стояли въ сторонѣ и молчали. Имъ, очевидно, резоны стариковъ казались основательными и они не поднимали голоса.

LXXI.

Дѣло поравненія приходилось оставить. Я сталъ дальше объяснять, что закрѣпленіе въ собственность безъ передѣла не имѣетъ смысла, а переходъ къ семиполью можетъ быть сдѣланъ на старыхъ основаніяхъ, при этомъ только обратить полосы изъ мелкихъ въ крупныя, установить такой порядокъ землепользованія на

опредѣленные сроки, ну, хотя бы на 12 лѣтъ, а по истеченіи этого срока опять возобновить приговоръ, а если паче чаянія новый порядокъ пользованія землей окажется невыгоднымъ, тогда можно будетъ внести необходимыя измѣненія.

Мужики какъ будто бы стали соглашаться и попросили меня детально объяснить, какимъ порядкомъ это будетъ достигнуто. Мнѣ казалось необходимымъ, всю ближнюю землю у дворовъ выдѣлить особо и сдѣлать изъ нея по одной полосѣ и взять ее безъ жребія, каждому въ томъ мѣстѣ, гдѣ она ближе къ его двору. А такъ какъ у насъ въ деревнѣ два посада, то красный посадъ взялъ бы ее за овинами, а темный за сараями. Этой землей стали бы пользоваться наравнѣ съ усадебной: садили бы картофель, овощи, горохъ, которые всегда выгоднѣй имѣть подъ руками. Остальную же землю вымѣрить всю сразу, разбить ее на семь частей, равныхъ по разстоянію отъ деревни, отмѣтить полосы и сразу же кинуть жребій, чтобы у каждаго было по полосѣ во всѣхъ этихъ частяхъ. Такимъ образомъ у каждаго домохозяина стало по одной самой ближней полосѣ, по второй, по третьей и т. д. вплоть до самой дальней. Полосы же вырѣзать по мѣрѣ, и отъ этой мѣры будутъ зависѣть ихъ расположеніе и форма.

Мужики, кажется, поняли и стали соглашаться, что это будетъ ладно, только одна баба Прасковья, жившая на красномъ посадѣ, сказала:

— А у насъ ближнія полосы-то за овиномъ придутся?

— За овиномъ.

— А за сараями земля-то ближе?

Дѣйствительно, усадьбы, отведенныя подъ сады, были нѣсколько короче, чѣмъ конопляники, поэтому земля за сараями нѣсколькимъ дворамъ приходилась ближе, но всего нѣсколько дворамъ и съ одного конца, въ дру-

гомъ концѣ деревни она такъ же, какъ и за овинами, удалялась отъ дворовъ прудомъ и болотомъ.

— Но вѣдь это же пустяки, нѣсколько саженей всего.

— Нѣсколько саженей, а ближе,—многозначительно качнувъ головой, сказала Прасковья.

У другихъ явилось опасеніе, что если сдѣлать ближнія полосы попосадно, то нѣкоторымъ хозяевамъ съ темнаго посада и имѣющимъ овины на красномъ, некуда будетъ омета положить.

— На усадьбу положить.

— На усадьбу то жалко, подъ ометомъ земля плотнѣетъ и на этомъ мѣстѣ всегда худо родится.

— Да вѣдь и на полосѣ тоже земля-то такой дѣлается.

— Да полоса-то не моя, а усадьба-то моя.

Другихъ возраженій не было. Я заявилъ, что если такой порядокъ чѣмъ неудобенъ, его можно измѣнить.

— Нѣтъ ужъ, мѣнять нечего, пиши приговоръ,—согласилось большинство и всѣ стали расходиться со сходки.

Но расходились какъ-то не дружно, не какъ съ оконченнаго дѣла, уходили все больше пожимаясь. Старый девяностолѣтній старикъ Астафьевъ пошелъ прежде дома къ старостѣ своему свату, Степанъ Кузьминъ къ Михайлу Платонову, а три брата Печниковы: Плѣшаковъ, Петръ Дарьинъ и Иванъ Солдатъ,—отошли въ сторону и стали объ чемъ-то совѣщаться.

— Что это имъ Богъ совѣтъ далъ,—замѣтилъ Матвѣевъ.—До сего времени они старались другъ другу на слѣдъ не наступить, а то вдругъ вмѣстѣ сошлись.

— Развѣ они не дружно жили?—спросилъ я, мало знавшій про ихъ отношенія.

— Какъ еще недружно-то, чуть не заворотки водились,—сталъ разсказывать Матвѣевъ.—Озорные, злоб-

ные, въ Москвѣ-то жили вольготно, а какъ въ деревню то перебрались каждаго вошка покусывать начала, вотъ они и начнутъ между собой считаться. Со стороны смѣшно слушать.

Матвѣевъ со сходки подошелъ къ моему двору; съ нимъ подошли еще двое, Василій Андреевъ и Данило. Ихъ всѣхъ интересовало новое распредѣленіе земли.

— Такъ бы вышло очень хорошо,—говорилъ Матвѣевъ.—Что мы теперь полосы считаемъ. Только закидывай да откидывай бороны, а когда за снопами ѣдешь—сколько время пропадетъ: на одной воза не наклалъ, поѣзжай на другую, а другая то за болотомъ или ручьемъ.

— На что лучше,—согласился Василій Андреевъ.—На большую полосу-то выѣдешь, разложишься и гуляй—никуда тебѣ ни переходить, ни переѣзжать не нужно.

Василія Андреева поддержалъ Данило.

— Видимое дѣло. Ее и проработать лучше можно. Разъ вдоль спахалъ, другой поперекъ, а на маленькой куда ты повернешься?

— А вотъ еще покосы подѣлить по дворамъ,—опять сказалъ Матвѣевъ.—Гдѣ кому досталось, тамъ бы тотъ и пользовался. Тогда другой и кочки сравнялъ бы и кустики вырубилъ.

— Что-жъ, можно и покосы,—согласился Василій Андреевъ.—Вотъ поля передѣлимъ, примемся и за покосы.

Къ намъ подошелъ Михайло пастухъ. Этотъ былъ однодушникъ, хозяйствомъ не занимался, землю же обрабатывала его жена. Для него было безразлично какъ владѣть землей, но онъ что-то горячо относился къ предстоящему дѣлу. Подойдя къ намъ, онъ помялся, поглядѣлъ на всѣхъ и таинственно проговорилъ:

— А приговоръ-то надо поскорѣй составлять, а то какъ бы заминки не вышло.

— Отчего такое?—рѣзко спросилъ Василій Андреевъ и въ тонѣ его чувствовалось, что онъ и допустить не можетъ подобнаго оборота.

— Оттого, что тамъ Степанъ Астафьевъ голосъ противъ поднимаетъ, а онъ что̀ ни затѣетъ, за нимъ весь конецъ пойдетъ, потому у него весь конецъ въ горсти.

— А чѣмъ же ему невыгодны большія полосы?—наивно спросилъ Василій Андреевъ.

— Ну, это-то понятно чѣмъ,—сталъ разъяснять Данило.—Перво-наперво, онъ свои полосы считаетъ хорошими и ему жалко съ ними разставаться. А потомъ онъ какъ разбросился то по мірской землѣ, эна у него однихъ сараевъ сколько, молотилка, лѣсъ въ кострѣ, онъ какъ помѣщикъ какой живетъ, а все на мірскомъ выгонѣ, а тогда волей-неволей поджаться придется—вотъ ему и не нравится.

— Это и Михайлу Платонову не по нутру можетъ быть,—сказалъ Матвѣевъ.

— И Михайлѣ и Василью Ягину—подтвердилъ Василій Андреевъ,—всѣмъ міроѣдамъ. Имъ тогда указать могутъ, у тебя, молъ, своя полоса—подберись, а имъ послѣ такого раздолья это будетъ криво.

LXXII.

Въ этотъ же вечеръ я составилъ черновикъ приговора, распредѣлилъ по плану всѣ угодья, гдѣ приблизительно должно занимать какое поле и на другой день со всѣмъ этимъ пошелъ къ старостѣ, чтобы ввести его въ курсъ всѣхъ предположеній. И какъ только я вошелъ въ избу старосты, поздоровался, я по отвѣту на мое привѣтствіе почувствовалъ, что мой приходъ мало пріятенъ всей семьѣ. Самъ Ефимъ Степановъ, бѣлый какъ

лунь, съ краснымъ носомъ, на концѣ котораго торчалъ пукъ сѣдыхъ волосъ, какъ-то подозрительно щурился, какъ бы боясь, чтобы я не прочиталъ въ его глазахъ его настоящихъ думъ. Куроки взглянулъ на меня, закидалъ глаза въ разныя стороны, а Аксинья, жена Куроки, здоровенная вѣчно сонная баба, съ постоянно пересѣдающимъ голосомъ, ткнулась за чѣмъ-то въ печку, сердито загремѣвъ заслонкой.

— Ну вотъ, староста,—проговорилъ я,—я составилъ приговоръ, давай я вамъ его прочитаю.

Куроки отошелъ въ сторону, а староста придвинулся къ столу и, сложивъ руки на животѣ, проговорилъ:

— Все это такъ, только ладно ли это будетъ-то?

— А чѣмъ же не ладно-то?

— Зачѣмъ намъ такую баламутку дѣлать, всю землю мѣшать. У всякаго есть сосѣдъ. Пусть онъ съ своимъ сосѣдомъ стакнется и сдѣлаетъ полосы побольше, одинъ въ одномъ мѣстѣ возьметъ, другой въ другомъ.

— Это дѣла не измѣнитъ. Будетъ только вдвое больше полоса. Какой же изъ этого выйдетъ толкъ,—все равно на ней поперекъ ѣздить будетъ нельзя ни съ плугомъ, ни съ бороной?

— И очень-то большія полосы можетъ выйти нехорошо. Достанется неудобное мѣсто—вотъ и покряхти тогда.

— Да развѣ мы не знаемъ какія мѣста удобныя и какія неудобныя? Неудобныя мѣста мы и дѣлить не будемъ.

— И удобныя не равны.

— Будемъ владѣть ими, всѣ сравняемъ. Вотъ у насъ усадьбы тоже изъ полевой земли вырѣзаны, а онѣ вѣдь отмѣнны отъ полей-то.

— Усадьба каждый годъ пашется.

— И полосы можно каждый годъ пахать.

Куроки сѣлъ къ уголку и сидѣлъ не проронивъ ни слова. Аксинья вдругъ отвернулась отъ печи и, точно съ цѣпи сорвалась, закричала:

— Не надо намъ большихъ полосъ, намъ и эти хороши. Мы и на этихъ иной разъ сидимъ конца не видимъ. Я когда замужъ вышла, у насъ тягольныя были и то хлѣбъ родился, на маленькой полосѣ и работа-то милый свѣтъ, только зашелъ, а она ужъ и вся. Тамъ бывало все дѣлать весело, а это будетъ не полоса, а могила.

— Веселиться нужно не на работѣ, а на гуляньѣ, а на полосѣ нужно, чтобы больше родилось,—замѣтилъ я.

— Богъ уродитъ, такъ и на маленькой уродитъ. Да еще лучше. Съ большой полосы всего хлѣба не сымешь.

— А у насъ говорятъ, что большому куску и сердце радуется,—попробовалъ я пустить въ ходъ шутку.

— Мало что̀ у васъ-то говорятъ, да не про насъ,— уже совсѣмъ не сдержавшись, закричала Аксинья.— Что у васъ-то говорятъ, намъ не нужно. Жили мы безъ васъ сыты, были, а по-вашему-то очень просто безъ хлѣба насидишься.

Я поглядѣлъ на мужиковъ, оба они молчали и не у одного не было и тѣни неудовольствія на вмѣшательство въ дѣло бабы. Очевидно она выражала то, что и у нихъ было на душѣ. Я понялъ, что при такихъ отношеніяхъ обсужденія приговора быть не можетъ, сложилъ бумагу и проговорилъ:

— Ну, тогда собирай сходку, на сходкѣ все разберемъ.

Староста сталъ застегивать полушубокъ, а я, сложивъ свой приговоръ, направился къ двери.

— Жили тихо, спокойно, а онъ пріѣхалъ, баломутить началъ, — услышалъ я вслѣдъ отъ Аксиньи и опять ее никто не оговорилъ. Такое положеніе не предвѣщало ничего хорошаго.

Хотя при моемъ выходѣ староста и застегнулъ полушубокъ, но онъ долго не выходилъ на улицу. А когда онъ вышелъ и сталъ звонить въ доску, то въ работѣ его руки чувствовалось, что она дѣлаетъ ненужное не любезное ему дѣло.

На сходку собирались вяло и медленно, всѣхъ прежде пришли тѣ, которые видимо заинтересовались передѣломъ. Сторонники же старосты не спѣшили. Подходившіе одинъ за другимъ снимали шапки и становились въ сторону. Наконецъ мужиковъ собралось довольно много, пришли и бабы. Степанъ Астафьевъ, нахлобучивъ шапку на сморщенное лицо съ слезящимися глазами и опираясь на палку, стоялъ окруженный своими концовскими. Съ нашего конца тоже были всѣ. Три брата Печниковы стояли вмѣстѣ и перекидывались кое-какими словами. Они старались не глядѣть въ мою сторону и этимъ выдавали свое намѣреніе—не соглашаться съ тѣмъ, что было рѣшено на вчерашнемъ сходѣ.

Братья были похожи другъ на друга и между тѣмъ въ нихъ была огромная разница. Плѣшаковъ былъ гладкій, коренастый, съ сѣдой бородой, багровымъ лицомъ и сѣрыми глазами. Обыкновенно онъ ходилъ въ пестромъ полушубкѣ, перешитомъ изъ двухъ: одного черной дубки, другого бѣлой, причемъ талія у него была черная, а полы бѣлыя и этимъ онъ походилъ на пѣгую лошадь. Петръ хотя былъ и старше его, но у него не было той. сѣдины. У Петра отличительной чертой были глаза. Въ нихъ свѣтилось столько наглости, что непріятно было глядѣть въ нихъ. Иванъ былъ лохматый, неуклюжій, съ медленной походкой, во время которой онъ всегда глядѣлъ внизъ, говорилъ онъ громко, отрывисто. Послѣдніе два брата часто курили, передавая другъ другу цыгарку, и говорить старались шутками, при чемъ у Петра шутки были все больше саль-

ныя. У Ивана шутки были скромнѣе, но онѣ рѣдко ему удавались.

Плѣшаковъ вдругъ взглянулъ на старосту и тонкимъ. визгливымъ голосомъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ, сказалъ:

— Что-жъ, староста, говори, зачѣмъ собралъ міръ, да и судить будемъ.

— Мнѣ говорить нечего, сердито буркнулъ староста,—это вотъ С. Т-въ сказалъ, что нужно собрать сходъ, я и повѣстилъ.

Я почувствовалъ, что необходимо сдерживать хладнокровіе и елико возможно спокойно проговорилъ:

— Я составилъ приговоръ о передѣлѣ, какъ говорили вчера... Я хотѣлъ прочитать всѣмъ и со всѣми его обсудить.

— Ну, что-жъ, читай.

Я сталъ читать приговоръ, поясняя каждое отдѣльное мѣсто. Чтеніе прошло при общемъ молчаніи. Когда кончилось чтеніе, долго никто не заговарилъ. Первымъ заговорилъ Степанъ Астафьевъ.

— А зачѣмъ это намъ дѣлать передѣлъ? Жили мы безъ этого и впередъ жить будемъ.

— Ничего не мѣняя?

— Да зачѣмъ намъ што мѣнять-то.

— Да вѣдь вотъ оть васъ писали заявленіе, что хотите перейти на семь полей?

— Мало что писали, писали да не выписали. И теперь ничего подписывать не надо.

— Какъ такъ не подписывать, велѣли писать а потомъ и не подписывать,—выпалилъ вдругъ Василій Андреевъ,—коли рѣшили разбивать поля, такъ надо разбивать!

— Разобьемъ, когда время придетъ.

— Пришло, чего-жъ еще лучше.

— Тебѣ не сейчасъ пахать-то, куда ты торопишься-то?—накинулся на него староста.

— А когда пахать, тогда объ этомъ думать некогда.

— Знамо дѣло, давай подписывать—крикнулъ Матвѣевъ.

— Подписывать, подписывать,—слышались голоса, но голоса были жидкіе, неувѣренные. Многіе молчали. Я предложилъ кому-нибудь высказаться, въ чемъ заключается неудобство такого распорядка земли, чтобы принять это къ свѣдѣнію, но мнѣ на это никто ничего не сказалъ.

— Нужно подписывать, чего тутъ разсуждать,—продолжалъ кричать Матвѣевъ.

— Я подписывать не прочь,—заявилъ вдругъ Петръ Дарьинъ,—только почему по одной полосѣ въ полѣ, а не по три?

— Затѣмъ, чтобы поменьше полосъ было.

— А если я не хочу поменьше?.. Давайте по три полосы, я согласенъ, а по одной не желаю.

Его обступили и стали ему доказывать, что если сдѣлать по три полосы въ полѣ, то въ семи поляхъ опять будетъ двадцать одна полоса, опять будетъ мелкополосица, а чтобы уничтожить мелкополосицу и затѣвается все дѣло. Но Петръ вошелъ въ ражъ, у него прыгали глаза и онъ пересѣвшимъ голосомъ кричалъ:

— Я согласенъ на три полосы и больше никакихъ.

Степанъ Астафьевъ поднялся съ мѣста и проговорилъ:

— Видимое дѣло, согласу нѣтъ. Нужно кончать сходку. Больше разговаривать нечего.

— Что-жъ, пойдемте домой,—поддержали старика его сосѣди, и они все вмѣстѣ разошлись въ стороны и пошли въ тотъ конецъ. Стали расходиться и наши концовскіе.

LXXIII.

Матвѣевъ, Василій Андреевъ, Данило были очень опечалены такимъ исходомъ и ругали Степана Астафьева, который, по ихъ мнѣнію, подстроилъ такой оборотъ. Они называли его старой собакой, міроѣдомъ и припоминали, какъ онъ всегда противился всякому нововведенію. Когда заводили травосѣяніе, онъ упирался больше всѣхъ и кричалъ, что мы останемся безъ хлѣба, если займемъ травой поле; потомъ, когда рѣшили вспахать одинъ запольный лужокъ, онъ говорилъ, что такъ мы перепашемъ всѣ луга и у насъ не будетъ лугового сѣна и намъ нечѣмъ будетъ кормить овецъ. Онъ протестовалъ противъ покупки дорогого быка, хотя у самого стояли на дворѣ симентальскія коровы, присланныя изъ Москвы внукомъ. Выходку же Петра Дарьина считали просто озорствомъ. Иванъ же Солдатъ наравнѣ съ Степаномъ Астафьевымъ всегда держалъ зубъ противъ нововведеній. Послѣднее время онъ упорно твердилъ при всякомъ случаѣ, что клеверъ изъ сѣвооборота нужно вывести и передѣлить землю опять на три поля.

— Вѣдь всѣмъ лучше было бы, а они не желаютъ,— негодовалъ Матвѣевъ,—сами не хотятъ и другимъ руки связываютъ.

— Все это оттого, что ни отъ одной земли живутъ, поэтому къ землѣ-то холодно и относятся,—замѣтилъ Василій Андреевъ.—У всѣхъ у нихъ есть помога со стороны.

Дѣйствительно, у большинства противниковъ перехода были прочные приходы помимо одной земли. Только староста и Иванъ Солдатъ кормились съ одного надѣла, но старосту поддерживали раньше прикопленныя деньги, а Солдатъ бѣдствовалъ всегда какъ волкъ среди зимы.

— А если по двѣ полосы въ полѣ пустить?—задалъ вопросъ Данило.

Въ самомъ дѣлѣ, если не хотятъ по одной, давай по двѣ, все будетъ лучше, чѣмъ сейчасъ.

По двѣ полосы въ полѣ было ужъ не то, но все-таки лучше, и я согласился. Мужики пошли къ старостѣ и заявили, что желающіе передѣла согласны допустить въ полѣ по двѣ полосы, лишь бы покончить дѣло.

Пришлось передѣлать приговоръ на двѣ полосы и передать его старостѣ, чтобы онъ съ своей стороной обсудилъ его. Староста взялъ приговоръ и опять у него собрались всѣ его сторонники: Степанъ Астафьевъ, Печниковы, Ефимъ Большой, Егоръ Власовъ, который во всемъ шелъ за передовыми хозяевами, но тутъ примкнулъ къ задопятникамъ. Это можно было объяснить тѣмъ, что онъ никогда отъ мелкополосицы не страдалъ. У него была самая большая доля въ деревнѣ—шесть душъ, и полоса его занимала полъосьмака.

Послѣ совѣщанія староста уѣхалъ съ приговоромъ въ волостное правленіе и, вернувшись оттуда, объявилъ, что приговоръ перепишетъ писарь и когда онъ будетъ готовъ, онъ вернетъ его для подписи. Приговоръ былъ написанъ писаремъ черезъ недѣлю и его привезли изъ Бухолова. Стали ждать сходки. Сходка собралась; Куроки вынулъ изъ-за пазухи переписанный приговоръ и подалъ его мнѣ. Когда я прочиталъ его, то увидалъ, что приговоръ былъ далеко не того характера, что̀ составилъ я. Въ немъ перечислялось, кто сколькими душами владѣлъ изъ общественнаго надѣла и эти души укрѣплялись въ личную собственность. Но ни о какомъ передѣлѣ не говорилось.

— Да развѣ мы этого желали?—спросилъ я Куроки.— Въ нашемъ приговорѣ говорилось, что мы желаемъ передѣлить поля.

— Писарь говоритъ,—сталъ объяснять Куроки, и глаза его опять забѣгали изъ стороны въ сторону,—что сперва нужно одно дѣло сдѣлать, а потомъ закрѣпить. Вотъ давай прежде подпишемъ этотъ, а тамъ будемъ составлять другой.

Ни мнѣ, ни другимъ никому сразу и въ голову не пришло, что тутъ можетъ быть какая-нибудь каверза и мы не стали спорить и подписали приговоръ. Когда подписанный приговоръ перешелъ въ руки Куроки, то глаза его замаслились отъ удовольствія, онъ переглянулся съ Печниковыми, тѣ тоже были чѣмъ-то довольны. Я опять рѣшилъ поднять вопросъ:

— Такъ какъ же мы будемъ передѣлять поля? какъ прошлый разъ сговорились или по-новому?

— Мы передѣлимъ когда время придетъ, — заявилъ Астафьевъ, — а теперь пока повременимъ, вишь какіе года подошли, мы и такъ не спопашемся.

— Подождемъ, спѣшить некуда, — поддержалъ его Плѣшаковъ, и въ тонѣ его чувствовалась побѣдоносная увѣренность.

— Знамо, подождемъ, успѣемъ, зима-то еще наша, все сдѣлаемъ,—вслѣдъ за Плѣшаковымъ заявилъ Егоръ Власовъ.

Чувствовалось, что настойчивость будетъ безполезна и мы на этотъ разъ рѣшили промолчать, съ тѣмъ и стали расходиться по домамъ.

LXXIV.

Между другими крестьянами, у насъ былъ одинъ — Иванъ Павловъ. Самъ онъ крестьянствомъ не занимался, а жилъ въ одной Московской артели и ѣздилъ по разнымъ угламъ Россіи въ командировки. Въ это время онъ

былъ въ отпуску и жилъ дома. Его очень интересовалъ исходъ затѣяннаго нами дѣла, такъ какъ онъ тоже былъ врагомъ мелкополосицы. Когда послѣдняя сходка, не пришедшая къ желательному намъ рѣшенію — разошлась, то онъ, понимавшій упорство передъ земельнымъ передѣломъ Ефима Степанова, Власова и Астафьева, никакъ не могъ постигнуть почему этому противятся Плѣшаковъ, Петръ Дарьинъ и Иванъ Солдатъ, у кого было всего по двѣ души земли, узкія полосы и полосы которыхъ обрабатывались каждый годъ. Ему, какъ и мнѣ, казалось, что для нихъ былъ прямой разсчетъ перейти на крупнополосицу. Они быстро бы привели новые участки въ надлежащій видъ, меньше бы тратили на нихъ времени, сѣмянъ и больше бы собирали хлѣба. Рѣшившись съ ними поговорить, онъ остановилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы хорошенько выспросить. Я тоже остановился. Любопытно было, что скажутъ на это Печниковы.

— Видишь ли почему, — серьезно и внушительно сталъ объяснять Солдатъ: — раздѣлишь ты землю на большія полосы, достанется тебѣ гдѣ-нибудь вдали, заѣдешь ты на нее и сиди тамъ...

— Но вѣдь и сейчасъ у всякаго есть полосы вдали,— замѣтилъ Иванъ Павловъ.

— Есть да не въ одномъ мѣстѣ.

— Такъ какая-жъ въ томъ выгода, когда вмѣсто одной дальней у тебя ихъ пять?

— Выгоды никакой, а лучше.

— Чѣмъ лучше-то?

— Да лучше!..

— Будутъ дальнія полосы, будутъ и ближнія — не удержался, чтобы не вмѣшаться въ разговоръ я.

— И ближнія нехорошо, — попрежнему внушительну проговорилъ Иванъ, и видно было, что и Плѣшаковъ и другіе соглашаются съ нимъ.

— Какъ, и ближнія не хорошо? Это почему же?— удивился Иванъ Павловъ.

— А потому — на бою. Вырвется скотина изъ деревни—прямо въ твой хлѣбъ. Убѣгутъ жеребята изъ ночного—тоже въ него, вытопчутъ, а у тебя и была-то всего одна полоса, вотъ и останешься ни съ чѣмъ.

— Это-то такъ,—согласился Иванъ Павловъ,—только съ этимъ справиться можно, придется построже держать скотъ, потомъ огораживать. Что намъ обществу стоитъ обрыть поле канавой?

— Это нужно обрывать да городить, а теперь и безъ этого обходится.

— Теперь обходится потому, что мы хозяйствуемъ спустя рукава, а какъ слѣдуетъ взяться — необходимо придется. Вѣдь вотъ мы усадьбы-то обгораживаемъ?

— Усадьбы совсѣмъ другое...

— Да чѣмъ же другое? Та же полоса, только ближе къ дому, и такъ какъ ее легче затолочить, вотъ мы ее и огораживаемъ.

— На усадьбѣ ты получаешь въ пять разъ больше, чѣмъ съ полосы-то, тебѣ и есть разсчетъ ее выгородить.

— А полосу развѣ нельзя въ такую же усадьбу обратить? Тогда тоже будетъ разсчетъ.

— Полоса въ полѣ.

— Сейчасъ она въ полѣ, а завтра будетъ возлѣ дому. Теперь земля всякому стала собственность, на ней всякому можно будетъ строиться. Тогда все поле въ усадьбу перейдетъ.

— У насъ въ поле строиться не пойдутъ,—съ той же увѣренностью, какъ и Солдатъ, сказалъ вдругъ Плѣшаковъ.

— Почему не пойдутъ, придетъ время пойдутъ.

— Какъ же они пойдутъ, а гдѣ же скотину будутъ пасть?

— По своей землѣ

— Что̀ же это тогда каждому по пастуху нанимать?

— И безъ пастуха обойдется.

— Какъ же это такъ обойдется?

— Очень просто, — сдѣлаешь загонъ да и пустишь, а загона не хочешь дѣлать поставишь на привязь.

— Наша корова на привязи ходить не будетъ,—замѣтилъ Плѣшаковъ.

Это утвержденіе не заслуживало возраженія и никто не сталъ опровергать его, но Ивану Павлову очевидно хотѣлось узнать, насколько имъ понятно отрубное или хуторское пользованіе землей и какъ они къ этому относятся и онъ задалъ новый вопросъ

— Ну, а если мы вотъ всю землю раздѣлимъ по дворамъ, лучше это будетъ или хуже?

— Хуже,—не задумываясь отвѣтилъ Солдатъ.

— А чѣмъ хуже?

— А вотъ чѣмъ: сейчасъ у насъ не всѣ равны, кто богаче, а кто бѣднѣй, у кого есть скотина, а у кого нѣтъ. У насъ съ братьями по двѣ души земли, а скотины-то у всякаго больше, чѣмъ у другого, въ міру-то она ходитъ и ходитъ, а тогда кто побѣднѣй-то скажетъ паси на своей, а мою не трогай. Али сарай поставить, теперь я поставлю его на мірской, а тогда опять на своей. Одно мѣсто застроишь, другое затравишь, гдѣ-жъ мнѣ тогда пахать-то останется?

— Такъ значитъ ты пользуешься долей того, кто не можетъ съ тобой равняться? — поставилъ вопросъ ребромъ Иванъ Павловъ.

— Я пользуюсь мірской.

— Да въ міру-то она откуда взялась? Кто-нибудь недобралъ своего.

— А онъ добирай, кто-жъ ему не велитъ.

— Духу не хватаетъ.

— Міръ въ этомъ не виноватъ. Еще бы за него міръ подати платилъ, у всякаго—своя забота.

Выяснялось, что община была любезна имъ потому, что давала возможность при случаѣ проѣхаться на чужой спинѣ, пользуясь слабостью бѣдняка. Дальше этого ихъ вожделѣнія не шли.

— Нѣтъ, это вы не такъ понимаете,—заявилъ Иванъ Павловъ.—Это лучше выдѣлиться изъ міра, пусть всякъ пользуется своимъ, богатый ли, бѣдный ли.

— Теперь не выдѣлишься, — вырвалось вдругъ у Плѣшакова, — такъ сдѣлано, что ничего не попишешь.

— Какъ такъ?—изумленно спросилъ Иванъ Павловъ.

— Теперь приговоръ объ собственности подписанъ, а когда собственность, тогда обчее согласіе на передѣлъ нужно, а не какъ-нибудь.

LXXV.

Мы этой новости не ожидали. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ связали себя этимъ приговоромъ и навсегда останемся на мелкихъ полосахъ.

Со сходки мы пошли ко мнѣ. Я взялъ имѣвшуюся у меня книжку съ законами и сталъ разсматривать ее. Тамъ была статья, которая говорила, что домохозяева, перешедшіе къ подворно-наслѣдственному владѣнію землею, могутъ передѣлять свои земли только по единодушному соглашенію всѣхъ домохозяевъ. Если же такого согласія не будетъ, то никакого передѣла состояться не можетъ. Заявленіе Плѣшакова, слѣдовательно, имѣло основаніе и мы могли очутиться въ очень неловкомъ положеніи, мы рисковали остаться на всю жизнь на нашихъ мелкихъ полосахъ.

— Это чортъ знаетъ что такое,—возмущался Иванъ Павловъ,—какъ же это они до этого доперли?

Скоро разъяснилось почему у насъ появился такой приговоръ. Матвѣевъ откуда-то узналъ, что это дѣло Степана Астафьева и старосты. Они будто бы ѣздили въ волостное правленіе и просили помочь имъ такъ устроить, чтобы и поле не передѣлять и никого больше землей не надѣлять. Степанъ Астафьевъ заявилъ при этомъ, что онъ денегъ на это не пожалѣетъ. Тогда писарь взялся устроить по его желанію и составилъ такой приговоръ.

— Что-жъ, все можетъ быть, — сказалъ Иванъ Павловъ.

Дѣйствительно, это легко могло быть, — приговоръ краснорѣчиво подтверждалъ, что дѣло именно къ этому и велось.

— Надо не зѣвать и узнать хорошенько, если правда такая опасность есть. Если есть—такъ нужно увильнуть отъ нея, лучше выдѣлиться къ одному мѣсту.

— Что-жъ мы вдвоемъ?

— А что-жъ, и вдвоемъ это и для міра будетъ лучше. Мы за мѣстомъ не погонимся, а гдѣ дадутъ, тамъ и дадутъ.

Послѣ казавшейся возможности перейти на лучшее всей деревней, такой исходъ былъ очень мелокъ, но приходилось выбирать изъ двухъ: или скакать всю жизнь по мелкимъ полосамъ, или остановиться на послѣднемъ.

Была надежда, что выдѣлимся не мы одни, пойдутъ и другіе и тогда съ этими другими у насъ можетъ пойти новая крестьянская жизнь.

Мнѣ пришло въ голову подсчитать сколько изъ деревни выиграютъ отъ новаго способа землепользованія и сколько проиграютъ, я не хотѣлъ обманываться, я зналъ, что нѣкоторые крестьяне работаютъ только по-

тому, что работаютъ другіе. Запахали такъ нужно ѣхать пахать,—и онъ ѣдетъ, назначили возить навозъ—и онъ напрягаетъ всѣ силы и везетъ, иначе полосы спашутъ и тогда по нимъ съ возомъ не проѣдешь. За людьми онъ и на покосъ идетъ, потому что если онъ не выкоситъ свою долю, то ее затопчутъ и заѣздятъ,—предоставить такихъ хозяевъ самимъ себѣ было очень рискованно для нихъ, они ни спашутъ, ни скосятъ во время, и производительность ихъ работы несомнѣнно понизится. Я раздѣлилъ деревню на три разряда хозяевъ. Въ первый разрядъ я причислилъ такихъ крестьянъ, которые при отрубахъ повысятъ производительность земли и труда не менѣе какъ втрое; во второй разрядъ шли такіе, у которыхъ хотя и поднимается производительность, но не высоко, и въ третій пришлось отвести тѣхъ хозяевъ, которые шли на поводу у міра. Изъ 45 крестьянъ въ деревнѣ,—22 хозяина подходили къ 1-му разряду, 12—ко второму и 11 къ третьему. Сдѣлавъ подсчетъ общей производительности земли при новомъ землепользованіи, я получилъ такіе плюсы, что у меня не осталось больше ни капли сомнѣнія, что выходъ на отруба дѣло хорошее, и къ другому дню у меня уже было твердо созрѣвшее рѣшеніе, что съ переходомъ на отруба задумываться нечего.

LXXVI.

На другой же день мы съ Иваномъ Павловымъ отправились въ волостное правленіе. Мы пріѣхали туда ужъ передъ вечеромъ. Въ конторѣ сидѣли только старшина и помощникъ писаря. Писаря не было. Онъ, какъ оказалось, всю ночь проигралъ въ карты, послѣ этого у нихъ была выпивка, онъ, по словамъ старшины, не-

множечко „подмокъ“ и теперь „просушивался“. Мы заявили, что хотимъ выходить на отруба и намъ нужно узнать форму, какъ описывать угодья передъ укрѣпленіемъ въ личную собственность.

Что же, это значитъ въ деревнѣ жить надоѣло?— спросилъ старшина.

— Нисколько, мы остаемся въ деревнѣ, а только земля у насъ будетъ въ отдѣльномъ углу.

— Этого, кажись, нельзя,—заявилъ старшина.

— Какъ нельзя?

— Да вотъ у насъ въ Курьяновѣ было дѣло—Василій Тимофеевъ выдѣлился. Выдѣлили ему землю-то, а потомъ говорятъ, у тебя здѣсь нѣтъ земли, убирайся, такъ и переходитъ теперь въ поле, да еще въ какое мѣсто-то, въ болото.

— А развѣ онъ плана и усадьбы не оставилъ за собой?

— Да нельзя оставить.

— А какъ же землеустроитель говоритъ, что можно?

— Ну, что онъ знаетъ,—презрительно сказалъ старшина,—ему бы только народъ опутывать...

— А другихъ случаевъ выхода кромѣ Курьяновскаго не было?

— Покамѣстъ нѣтъ, да и слава Богу. Одинъ случай и то замучилъ. Всѣ его полосы нужно было обмѣрять, описывать сосѣдей съ правой и лѣвой стороны,—три дня хороводились.

Заявленіе старшины насъ немного огорчило. Мнѣ совсѣмъ не улыбалась необходимость выходить изъ деревни. Ивану же Павлову совсѣмъ было нельзя. У него дома жили однѣ женщины, на отлетѣ ихъ бы зимой снѣгомъ занесло.

„Нѣтъ, это что-нибудь да не такъ“,—думалъ я, вспо-

миная ту увѣренность, съ какою землеустроитель дѣлалъ мнѣ разъясненія.

Мы попросили показать намъ форму, по какой описывались угодья и узнавши, что̀ намъ было нужно, вернулись домой.

На первой же сходкѣ мы заявили, что если передѣла не будетъ, то мы выйдемъ на отруба и просимъ указать намъ мѣсто, гдѣ міръ согласенъ отвести намъ участки.

— Мы вамъ отведемъ за блюдное болото, къ Дубровинской межѣ, — объявилъ намъ Михайло Платоновъ.

— Ну, что-жъ, намъ все равно, давайте къ Дубровинской межѣ.

— А если къ Ольхову болоту?

— Все равно, гдѣ хотите, мы вездѣ возьмемъ, лишь бы къ одному мѣсту.

Мужики задумались и долго топтались, не говоря ничего рѣшительнаго. Мы, видя, что имъ трудно сегодня дать намъ какой-нибудь отвѣтъ, заявили:

— Подумайте хорошенько и къ слѣдующей сходкѣ дайте отвѣтъ. Гдѣ вы рѣшите намъ отвести землю, — тамъ мы и возьмемъ.

На этотъ разъ со сходки пошли взволнованные, громко разсуждая о нашемъ заявленіи. Одни говорили, что насъ нужно загнать въ какое-нибудь болото или лѣсную вырубку. Ефимъ Большой кричалъ, что нигдѣ намъ отводить земли не слѣдуетъ, гдѣ ни отведи все будетъ уронъ, у общества земли убавится. Матвѣевъ хотя и возражалъ ему, что мы, принимая дальнюю землю, оставляемъ въ міру ближнія полосы въ пользу міра и такимъ образомъ общество отъ этого только выигрываетъ, — но это соображеніе какъ-то не прививалось. Большой кричалъ, — пусть живутъ какъ раньше жили, его поддерживалъ Василій Ягинъ.

— Я думаю и такого закона нѣтъ, онъ это изъ своей головы выдумалъ,—сказалъ про меня Василій Ягинъ.

— Извѣстное дѣло, — поддакнулъ ему Петръ Дарьинъ.—Шлялся тамъ по заграницѣ-то и выдумалъ.

Петра поддержалъ Плѣшаковъ:

— Если и есть законъ, такъ не русскій, его люцинеры выдумали, нѣшто можно чтобы русскіе такой законъ составили! Имъ никогда въ голову этого не придетъ.

— Да онъ самъ люцинеръ,—заявилъ Куроки,—мнѣ приказано за каждымъ шагомъ его слѣдить, кто къ нему пріѣзжаетъ, у кого онъ бываетъ; если бы онъ спокойный человѣкъ былъ, нѣшто полиція слѣдила-бъ за нимъ?..

Не прошло и пяти минутъ, какъ я пришелъ домой со сходки, ко мнѣ пришли Матвѣевъ, Данило, Василій Андреевъ и заявили, что они тоже идутъ на отруба.

— Да вѣдь мы за мѣстомъ не гонимся, — предупредилъ я,—намъ если и неудобную землю отведутъ, мы и ту возьмемъ.

— Все равно, гдѣ вы, тамъ и мы. Какъ ни плоха земля достанется, хуже того, что сейчасъ есть, не будетъ.

Съ одной стороны это было пріятно, а съ другой и нѣтъ. Василій Андреевъ съ Данилой были какъ разъ такіе хозяева, которыхъ я поставилъ въ третій разрядъ. Я высказалъ свои опасенія Ивану Павлову, но тотъ глядѣлъ на это болѣе оптимистически чѣмъ я.

— Не загуляются небось; разъ прогуляютъ, ничего не уродится, другой—поневолѣ за умъ возьмутся, сами не захотятъ землю работать, въ аренду сдадутъ. Теперь кто у нихъ пустыри-то сниметъ? Кому охота собирать ихъ? А тогда цѣлыми десятинами сдавать будетъ можно и настоящую цѣну получать.

— Выгодно будетъ въ аренду снять, выгодно и ку-

пить. Скупятъ у нихъ ихъ участки, и останутся они безъ земли.

— Ну, на это я вотъ что̀ думаю. Петлинская земля у насъ куплена небось лѣтъ 30, а Вредовская 15, это ужъ частная собственность, а никто что-то не продалъ изъ нея. А вѣдь нужняки-то за это время не переводились, и времена крутыя были. Нѣтъ, земля ни что другое, ею швыряться не будутъ...

Въ слѣдующую сходку мы получили отъ міра такой отвѣтъ, что міръ нигдѣ не желаетъ отводить намъ землю къ одному мѣсту, а если есть такой законъ, чтобы безъ согласія міра позволялъ вырѣзать землю изъ общества, то пусть мы дѣйствуемъ по этому закону.

LXXVII.

Послѣ такого отвѣта мы немедленно составили заявленіе въ землеустроительную комиссію о выдѣлѣ насъ на отруба и стали ждать, что̀ будетъ. Міряне все-таки безпокоились какъ бы мы въ самомъ дѣлѣ не вырѣзали себѣ землю и собирались между собой, судили какъ имъ быть. Одни говорили, что быть не можетъ, чтобы противъ міра кто что̀ сдѣлалъ, другіе допускали, что можетъ случиться, и тогда какъ бы имъ не прогадать. Они перехаживались другъ къ другу, засиживались иногда до пѣтуховъ и ходили мрачные, озабоченные.

А между тѣмъ шли слухи, что и въ другихъ обществахъ шли передѣлы. Въ большомъ селѣ Середѣ разбивалось все населеніе. Одни выходили на хутора, другіе на отруба, третьи хотя оставляли землю въ черезполосномъ владѣніи, но разбивали ее на большія полосы. Въ другомъ селѣ — Новлянскомъ, послѣ выдѣла трехъ хозяевъ на хутора, остальные готовились перейти на отруба.

Въ уѣздѣ, говорятъ, были селенія, гдѣ уже поставлены столбы. Разговоры дальше—больше распространялись. Они заводились на базарахъ, въ селахъ около церквей между службой, въ трактирахъ, чайныхъ. Новый законъ извѣстенъ былъ плохо, понимали его смутно, приписывали ему свойства, какихъ въ немъ не было, и одни одобряли его, другіе отрицали. Отрицали иногда по причинѣ малоземелья у крестьянъ, потому что онъ разобщаетъ; говорилось, что на хуторѣ скорѣй ограбятъ, сожгутъ, и никто не выставлялъ возможности больше получить отъ земли, облегчить свой трудъ, очевидно въ это никто не только не вѣрилъ, но и не думалъ объ этомъ.

Желая выяснить, какой же сортъ крестьянъ въ другихъ мѣстахъ стоитъ за выдѣлъ, отъ кого идетъ починъ къ переходу на новую форму землепользованія, я узнавалъ, что всюду начинаетъ дѣло прогрессивное крестьянство, грамотное, читавшее, участвовавшее въ 905 году на собраніяхъ, сочувствовавшее крестьянскому союзу. За старый порядокъ стояли совсѣмъ черные или равнодушные; и только небольшое число сознательныхъ, очевидно слѣпо подчинявшихся рѣшенію лѣвыхъ партій не поддерживать этого закона, стояло вмѣстѣ съ противниками выдѣловъ.

Однажды я проходилъ у себя по-засараями и встрѣтилъ около своей усадьбы Селиверста, который до сихъ поръ не высказывался ни за, ни противъ новаго порядка. Онъ неожиданно для меня заговорилъ о выдѣлахъ и сталъ расхваливать это дѣло.

— Развѣ ты считаешь, что выдѣлъ лучше,—спросилъ я нѣсколько удивленный.

— А какъ же, я давно объ этомъ думалъ. Я, еще когда ты заграницей былъ, думалъ: вотъ если бы ты былъ, тогда у насъ скорѣе бы передѣлъ пошелъ. А то

вѣдь что. Мучаешься, а толку нѣту. Скачешь съ полосы на полосу всей семьей, только и время проводишь въ переходахъ и переѣздахъ.

— Тебѣ кажутся лучше большія полосы?

— А то какъ же... большія полосы куда лучше... А если бы всѣ полосы въ одно мѣсто отрубили-бъ, совсѣмъ было-бъ хорошо. Я бы туда стройку перенесъ, садъ развелъ, пчелъ.

— А свои яблони куда-бъ дѣлъ?

— Продалъ бы кому-нибудь...

— А вѣдь вотъ другіе боятся этого, упираются.

— Есть которые во всемъ упираются и ни во что не вѣрятъ. Говорятъ, закона такого нѣтъ. Какъ нѣтъ? А если бы не было, тогда бы не говорили ничего. Такъ было еще, когда крестьянъ на волю отпускали. Нѣкоторые господа были: не можетъ быть, говорятъ, такого закона, скорѣй у меня въ стадѣ быки будутъ телиться, чѣмъ такой законъ объявятъ, анъ объявили же... такъ и тутъ.

Сочувствіе выдѣлу такихъ хозяйственныхъ мужиковъ, какъ Селиверстъ, потомъ Михайлы Платонова, у которыхъ были большія полосы, хорошо всегда удобрявшіяся, которыхъ они лишались при передѣлѣ, еще тверже укрѣпляло насъ въ рѣшеніи добиться выдѣла, а Печниковыхъ и старосту съ Астафьевымъ больше и больше раздражало.

Собрался сходъ насчетъ выбора сходочныхъ въ волость, хотя о выдѣлѣ ничего не предполагалось говорить, все-таки разговоръ пришелъ къ выдѣлу. Началъ его Василій Ягинъ.

— Говорятъ, выдѣляютъ землю-то кой-кому.

— А то какъ же?—поспѣшилъ подтвердить это Василій Андреевъ.—Извѣстно выдѣляютъ, и намъ выдѣлятъ.

— Пусть выдѣляютъ, только къ какому мѣсту.

— Къ какому угодно, намъ все равно.

— А если мы укажемъ вамъ къ Бурцеву, какъ вы туда скотину прогоните?

— Какъ-нибудь прогонимъ.

— Въ самдѣлѣ у Бурцева возьмете?

— Возьмемъ,—отвѣчали мы.

Куроки вдругъ заявилъ.

— У Бурцева одна пахоть, они тамъ возьмутъ, а намъ луговину оставятъ. Это и я тамъ возьму.

— Да бери, Богъ съ тобой, а мы возьмемъ тогда въ другомъ мѣстѣ.

Неожиданно загорѣлся споръ. Опять послышались крики: „нигдѣ не дадимъ". „Нѣтъ, дадите". „Изъ деревни выгонимъ". „Подождете". Но спорящіе какъ-будто чувствовали все меньше увѣренности, они скоро ослабли и когда страсти немного угомонились, Михайло Платоновъ выступилъ на середину и заговорилъ:

— Будетъ вамъ спорить и ругаться. Дѣло это сурьезное, бранью ничего не добьешься, надо гадать, какъ бы всѣмъ было лучше. Вотъ о чемъ надо думать.

— Намъ и сейчасъ хорошо,—заявилъ Плѣшаковъ, злобно сверкая глазами.

— Стало-быть, нехорошо, когда это хорошество нарушить хотятъ, отъ овса кони не рыщутъ.

— Безъуемная скотина во всякомъ стадѣ водится.

— А ты возьми ее да уйми,—задорно выскочилъ опять Василій Андреевъ.

Снова готовъ былъ подняться споръ, но Михайло Платоновъ опять остановилъ ихъ и, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ:

— А что, если всѣмъ одинаково сдѣлать, какъ къ этому приступить?

Я сталъ разъяснять, какъ можно распредѣлить землю, если бы всѣ захотѣли перейти на отруба и указалъ, ка-

кія мѣста должны быть разбиты на поля, какія оставлены подъ пастбище. Расположеніе участковъ выходило выгоднымъ для всѣхъ и многіе быстро это усвоили.

— Ну, что, хорошо такъ, православные?—обратился опять къ сходу Михайло Платоновъ.

Такъ какъ не было на сходѣ старика Астафьева, то никто не возразилъ на это, а послышалось даже одобреніе.

— Такъ давайте, такъ и сдѣлаемъ, чѣмъ намъ дѣлиться,—опять крикнулъ Михайло Платоновъ.—Хорошо, такъ всѣмъ хорошо будетъ, а плохо,—такъ плохо.

— Извѣстно, такъ лучше.

— Давайте, давайте,—слышались голоса.

— Кто несогласенъ, говорите?

О несогласіи никто не заявилъ, только Плѣшаковъ съ Петромъ стали въ сторону и не высказывались ни за, ни противъ.

— Кто согласенъ? Я поименно спрашивать буду,— крикнулъ Куроки и сталъ обходить всѣхъ бывшихъ на сходѣ и отбирать у нихъ согласіе. Несогласныхъ не оказалось никого.

— Такъ надо писать приговоръ,—опять сказалъ Михайло Платоновъ.—Потрудись, напиши,—обратился онъ ко мнѣ.

Наученный горькимъ опытомъ, что не всѣ-то приговоры подписываются, которые пишутся, я отъ составленія приговора отказался и посовѣтовалъ обратиться къ писарю. Сходъ нѣсколько замялся, не ожидая отъ меня отказа, нѣкоторые стали упрашивать меня. Я заявилъ, что писарю это будетъ сподручнѣй, онъ отказаться отъ этого не можетъ и составитъ приговоръ по формѣ; сходъ согласился съ этимъ и сказалъ старостѣ, чтобы онъ ѣхалъ въ волостное правленіе составлять приговоръ.

— Вотъ и славно,—говорилъ довольный такимъ обо-

ротомъ дѣла Михайло Платоновъ,—а то споры да укоры, а тутъ раздѣлимъ поровну и дѣло къ развязкѣ, пастбище будетъ общее, а участокъ у всякаго свой.

Такъ же одобрительно отозвались о такомъ рѣшеніи Степанъ Кузьминъ и другіе мужики, жившіе на серединѣ деревни.

LXXXIII.

Степану Астафьеву, должно быть, сообщили о рѣшеніи всей деревней перейти на отруба. Вскорѣ послѣ сходки онъ пришелъ къ старостѣ, и они вмѣстѣ съ нимъ поѣхали въ волостное правленіе, къ нимъ присоединился и Плѣшаковъ.

Они ѣздили долго и вернулись поздно вечеромъ. Плѣшаковъ былъ пьяный, старики, какъ пріѣхали, разошлись по своимъ угламъ, а Плѣшаковъ ходилъ отъ одного двора къ другому и распространялъ:

— Что они думаютъ, то не выйдетъ. Это С—вская затѣя, а ей ходу не дадутъ. Этакъ всѣмъ раззоръ будетъ. А нѣшто можно такъ міръ смущать. Писарь говоритъ, что ему всего двадцать четыре часа срока, а то его отправятъ подальше, гдѣ онъ былъ.

— И земскій говорилъ,—поддержалъ его Власовъ,— чтобы онъ мутить народъ не смѣлъ. Онъ всѣхъ насъ поднимаетъ, а нѣшто это дозволено.

— Все дѣло въ насъ. Захочемъ, и его изъ деревни вонъ. А этихъ, кто С—ву-то поддакиваетъ, въ бараній рогъ согнемъ. Нѣшто можно насупротивъ міра? Нѣтъ это дѣло прикончить пора!..

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше расходился Плѣшаковъ. Онъ сталъ кричать, что ему только стоитъ шепнуть жандармамъ, какъ меня опять схватятъ и увезутъ за желѣзную рѣшетку. Онъ утверждалъ это такъ увѣренно, что

сердобольныя бабы приходили къ моей женѣ и просили ее увѣщать меня, чтобы я не очень настойчиво шелъ супротивъ стариковъ, иначе мнѣ опять не сдобровать.

Наступилъ второй день. Староста долженъ былъ собрать сходку и объявить, что̀ ему сказали въ волостномъ насчетъ приговора. Но онъ сходки не собиралъ, а похаживалъ отъ двора къ двору и потихоньку переговаривался съ мужиками. Вотъ онъ подошелъ къ Михаилу Платонову, и что-то заговорилъ съ нимъ. Вслѣдъ за старостой къ двору Михайлы Платонова подошелъ Иванъ Солдатъ и Михайло Пастухъ. Пошелъ туда и я. Увидавъ меня, стоявшій у своего двора Плѣшаковъ тоже направился къ двору Михайлы Платонова.

— Что тебѣ сказали въ волостномъ правленіи насчетъ приговора?—спросилъ я у старосты, подойдя къ собравшимся мужикамъ.

— Ничего не сказали.

— Какъ ничего?

— Да такъ. Старшина говоритъ: никакого приговора вамъ составлять не надо, а какъ жили, такъ и жить будете, и нечего вамъ затѣи затѣвать.

— Мы вотъ клеверъ завели и то безъ хлѣба стали,— заявилъ Иванъ Солдатъ, а разбей-ко еще землю-то, совсѣмъ клади зубы на полку.

— Что же, значитъ, разбивать землю не станемъ?

— Контора не велитъ, стало-быть, и не станемъ?

Я не выдержалъ.

— Какое дѣло конторѣ до насъ! Ей до нашихъ общественныхъ дѣлъ никакой заботы нѣтъ, и тебѣ нечего ее слушать.

Подошедшій въ это время Плѣшаковъ, должно быть, услыхалъ послѣднія слова и запальчиво проговорилъ:

— Что же это контора-то нѣшто ловушка какая? Слышите, ребята, — обратился онъ къ Ивану Солдату

и Михайлѣ Пастуху, — онъ контору ловушкой называетъ.

Иванъ Солдатъ сейчасъ же закричалъ, затрясъ головой староста. Въ это время на дорогѣ показался Степанъ Астафьевъ, его подозвали и объявили ему, что я назвалъ волостное правленіе ловушкой.

— Я это слышалъ,—заявилъ староста.

Я изъ этого сразу понялъ, что старики стакнулись помѣшать дѣлу выдѣла, устранивъ меня съ своей дороги и выяснивъ при помощи волостного правленія, что этого легче всего достигнуть на почвѣ моей неблагонадежности, — рѣшили пустить въ дѣло провокацію. Но такъ, какъ все это было сшито бѣлыми нитками, намѣреніе ихъ обнаружилось сразу.

— Мы этого такъ не оставимъ,—кричалъ Плѣшаковъ, мы донесемъ куда слѣдуетъ, въ конторѣ патретъ Государя Императора, а онъ ее ловушкой называетъ!

И они долго кричали и грозили мнѣ и ушли въ избу старосты. Михайло Платоновъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ и сказалъ:

— Отъ такихъ чертей не только на отруба, а на хутора уйдешь. Благо глотка широка, и давай воротить на все, ты свое-то ворочай, а чужое не замай, мы тоже крестьяне, и свою выгоду сами можемъ видѣть.

Мнѣ показалось, что съ такимъ недобросовѣстнымъ противодѣйствіемъ интересамъ большинства мириться не слѣдовало и я рѣшилъ поѣхать къ земскому начальнику и просить его содѣйствія. Я думалъ, что его содѣйствіе можетъ быть такого рода: онъ разъяснитъ старшинѣ и старостѣ, что они дѣйствуютъ противозаконно; тормозить такое дѣло, о которомъ у насъ составилось рѣшеніе, они были не въ правѣ.

Земскій начальникъ жилъ въ пяти верстахъ отъ насъ въ заброшенномъ имѣніи. Этотъ былъ въ нашемъ участкѣ

недавно. Про него ходили одобрительные отзывы. Онъ былъ изъ семьи бывшаго у насъ много лѣтъ предсѣдателемъ уѣздной управы либеральнаго помѣщика, кончилъ университетъ, хотя ни къ какой службѣ не готовился, такъ какъ имѣлъ богатое наслѣдство. Послѣ какихъ-то жизненныхъ неудачъ, онъ остался въ одиночествѣ и безъ всякихъ средствъ; чтобы какъ-нибудь существовать ему и пришлось надѣть мундиръ земскаго начальника.

Когда я пріѣхалъ къ земскому, земскій былъ дома. Онъ сидѣлъ въ камерѣ за столомъ и перелистывалъ какое-то дѣло. Это былъ молодой еще человѣкъ, пухлый, коротко остриженный. Къ моему заявленію онъ отнесся очень внимательно.

Лишь только я началъ говорить, что меня привело въ его камеру, какъ онъ сейчасъ же взялъ листъ бумаги и приготовился записывать.

— Вы говорите, что общество постановило всѣмъ перейти на отруба, а староста не хочетъ этого и не составляетъ приговора? И что его къ этому подбиваетъ старшина. Вы хотите, чтобы я привлекъ ихъ къ законной отвѣтственности?

— Я хочу не привлеченія ихъ къ отвѣтственности, а просто, чтобы вы разъяснили имъ законъ и внушили имъ, что ихъ дѣйствія противозаконны.

— Ну что-жъ, хорошо, я вотъ сейчасъ же напишу старшинѣ, чтобы онъ поѣхалъ къ вамъ въ общество, произвелъ опросъ какъ было дѣло и представилъ мнѣ. А тамъ я вызову старосту. Павелъ, пиши приказъ.

Писарь написалъ приказъ, который сейчасъ же отослали и въ волостное правленіе.

Только я вернулся домой, какъ ко мнѣ пришли нѣсколько мужиковъ и когда узнали какимъ порядкомъ

пойдетъ дѣло, высказали полную безнадежность на хорошій исходъ.

— Ничего изъ этого не выйдетъ. Старшина такъ опросъ поведетъ, что, окажется, никакого согласья не было, и самъ отъ своихъ словъ отопрется. И выйдетъ, что они съ старостой ни въ чемъ не виноваты. Нѣтъ, видно, нечего тутъ толку ждать, а писать въ землеустроительную комиссію и выходить вмѣстѣ съ вами.

И Михайло Платоновъ, Степанъ Кузьминъ и еще одинъ мужикъ Егоръ Вдовинъ написали заявленіе въ землеустроительную комиссію о содѣйствіи имъ къ выходу на отруба и отправили ихъ на почту въ тотъ же день.

LXXIX.

Я все-таки надѣялся, что земскій какъ-нибудь посодѣйствуетъ осуществленію того рѣшенія, которое было сдѣлано на послѣднемъ сходѣ, и со дня на день ждалъ въ деревню волостного старшины. Но прошла недѣля, старшины не было; прошла другая, онъ не показывалъ глазъ; очевидно приказы земскаго начальника были для него необязательны... Значеніе земскаго начальника въ нашихъ глазахъ невольно стало умаляться. Я все-таки послалъ земскому записку съ просьбой поскорѣй разрѣшить дѣло такъ или иначе. Въ отвѣтъ на это была получена повѣстка мнѣ и старостѣ явиться къ земскому. Земскому начальнику извѣстно было, какіе мужики присутствовали при спорѣ, но ихъ не вызывали никого. Мнѣ показалось это страннымъ, но я надѣялся, что у земскаго начальника все это выяснится...

Мнѣ пришлось ѣхать по повѣсткѣ земскаго одному, но со старостой поѣхали Плѣшаковъ и Степанъ Астафьевъ. Когда мы пріѣхали къ земскому, то оказалось насъ вызвали въ день судебнаго засѣданія. Земскій мое желаніе

сдѣлать внушеніе старшинѣ и старостѣ приватно превратилъ въ дѣло, поставилъ его въ очередь. Засѣданіе было назначено въ особой камерѣ, земскій начальникъ сидѣлъ въ мундирѣ и цѣпи. Въ камерѣ и около толпилось много народа.

Меня очень смутила предстоящая церемонія. Я ни съ кѣмъ никогда не судился, избѣгалъ суда, потому что не вѣрилъ, чтобы судомъ и наказаніемъ можно было чего-нибудь добиться или получить удовлетвореніе, и вдругъ вышло такъ, что я являюсь въ роли обвинителя и добиваюсь чьего-то наказанія! Это сознаніе было мнѣ очень непріятно, но дѣло было начато и нужно было ждать, куда оно поведетъ.

А въ это время пріѣхавшій со старостой Плѣшаковъ разъяснялъ любопытнымъ, зачѣмъ они пріѣхали. По его словамъ выходило такъ, что вотъ они жили тихо, мирно, честно, благородно, но явился одинъ негодяй, который шлялся, чортъ знаетъ гдѣ, и котораго давно бы надо повѣсить, и сталъ мутить міръ, хочетъ отбить землю себѣ, и подбиваетъ на это другихъ, не уважаетъ никакого начальства, а волостное правленіе, гдѣ находится портретъ Государя Императора называетъ ловушкой, но его теперь пѣсенка спѣта, за ловушку ему попадетъ, и онъ будетъ знать, какъ смущать міръ.

Мужики слушали Плѣшакова, и нѣкоторые изъ нихъ, оглядывая меня, говорили, что теперь всякіе пошли, и сокрушенно умолкали.

Наконецъ наступила очередь разбирательства нашего дѣла. Земскій вызвалъ старосту и сталъ спрашивать, почему онъ не далъ хода постановленію общества о переходѣ на отруба, о чемъ было рѣшено всѣми крестьянами 2-го января?

— Ловушкой онъ ее назвалъ, ну, значитъ и того...— отвѣтилъ староста.

— Какой ловушкой? Кого?

— Семеновъ, значитъ, волостную контору. А вѣдь это нѣшто можно? Тамъ патретъ Государя Императора.

— И я слышалъ, ваше высокородіе, — высунулся вдругъ изъ толпы Плѣшаковъ. — Вотъ и этотъ старикъ покажетъ, онъ тоже тутъ былъ.

Къ столу земскаго подошли Плѣшаковъ и Астафьевъ. Земскій очутился въ затрудненіи. Я, чтобы помочь ему, сталъ разсказывать, какъ и въ чемъ было дѣло.

— А гдѣ тѣ, что̀ слышали, какъ было дѣло съ вашей стороны?

— Они не вызваны.

— Почему? Павелъ, писалъ повѣстку?

— Писалъ.

— Отчего же ее не передали?

— Волостное правленіе не передало.

— Почему оно не передало? Вызвать сюда писаря, — закипѣлъ вдругъ земскій. Онъ, должно быть, почувствовалъ себя оскорбленнымъ, узнавъ о новомъ невниманіи къ его распоряженіямъ.

Писарь сталъ писать повѣстку, а земскій снова сталъ опрашивать старосту, почему онъ не составилъ тогда приговора.

— Писарь сказалъ, что Семеновъ не имѣетъ права созывать сходъ, что теперь у насъ охрана... Вотъ значитъ народъ баламутить и нельзя.

— Да вѣдь сходъ согласился составить приговоръ?

— Сходъ велѣлъ Семенову, а Семеновъ не сталъ. Я поѣхалъ въ контору, а старшина значитъ и говоритъ: никакого приговора не дѣлай, а какъ жили по-старому, такъ и жить будете, а онъ одинъ ничего сдѣлать не имѣетъ права. Онъ даже не хозяинъ самъ. У него отецъ постарше его.

У меня, дѣйствительно, былъ живъ отецъ, но онъ

давно уже фактически уступилъ все хозяйство мнѣ и ни въ какія дѣла не вмѣшивался. До сихъ поръ не было никакого сомнѣнія въ правахъ моего хозяйствованія и вдругъ теперь совершенно неожиданно выплывало, что я еще не правомочный крестьянинъ.

— Правда, вы не старшій въ домѣ? — обратился ко мнѣ земскій начальникъ.

Я сказалъ, что у меня еще живъ отецъ, но онъ хозяйствомъ не завѣдуетъ и все уступилъ мнѣ.

Земскій начальникъ опять сталъ допрашивать старосту, староста продолжалъ твердить нелѣпости, и все старался выставить, какой я безпокойный человѣкъ и что отъ меня житья въ міру не стало.

— Какъ сходка, такъ ругань, угрозы, хоть изъ деревни вонъ бѣги.

Земскій сказалъ, что это онъ плохъ, когда такъ распустилъ деревню, онъ не держитъ въ ней никакого порядка, если такъ безобразно дальше пойдутъ дѣла въ обществѣ, то онъ подвергнетъ взысканію старосту, или посадитъ или оштрафуетъ его.

Съ этимъ земскій начальникъ насъ отпустилъ, приказавъ на завтра явиться къ нему съ свидѣтелями съ моей стороны.

LXXX.

Староста, какъ только пріѣхалъ въ деревню, такъ сейчасъ же созвалъ сходку и заявилъ, что земскій нагналъ на него холоду за то, что онъ не составилъ приговора, и сталъ требовать, чтобы ему сейчасъ дали отвѣтъ, кто хочетъ на хутора, а кто остается въ деревнѣ.

Я заявилъ, что у насъ о хуторахъ никогда не поднималось и рѣчи. Разговоръ идетъ о томъ, будетъ ли деревня передѣлять поля на отруба или нѣтъ.

— Никакого передѣла не желаемъ и не будетъ,— вытаращивъ глаза и тряся головой заявилъ Иванъ Солдатъ,—а кто хочетъ; пусть убирается изъ деревни вонъ, и больше никакихъ.

— А если я останусь въ деревнѣ?—сказалъ Матвѣевъ.

— Тогда мы тебѣ шагу шагнуть не дадимъ.

— Отчего?

— Ступай на свою землю.

— И тутъ моя земля останется. Какъ было, такъ и будетъ. У тебя огородъ, и у меня огородъ, у тебя улица, и у меня улица.

— Не будетъ у тебя здѣсь ничего.

— Анъ будетъ.

— Будетъ все, что зря городить, — вмѣшался Михайло Платоновъ,—гдѣ же что куда дѣнется?

— А я говорю, не будетъ, — уже оралъ Солдатъ.— Коли хошь выселяться — выселяйся, а здѣсь мы тебѣ жить не дадимъ.

— Знамо не дадимъ... такимъ пакостникамъ-то? — поддержалъ брата Плѣшаковъ, и у него стало багровое лицо.—Шагу шагнуть не позволимъ!

— Не позволимъ!—какъ эхо вторилъ ему Петръ.

— Всѣ ноги переломаемъ! — кричалъ другой Петръ Кривой.

— Да нѣшто можно это, нѣщто мыслимо,—задыхаясь, хрипѣлъ Степанъ Астафьевъ.

— Все-таки подсчитать нужно, кто хочетъ, а кто не хочетъ,—твердилъ свое староста.

— И считать нечего, никто не желаетъ, такъ и земскому скажемъ, — расходился все больше Иванъ Солдатъ.—Живи, какъ мы живемъ, а мудрить нечего.

— А мы вотъ по-своему хотимъ жить, — заявилъ вдругъ Данило. — Ты хошь по-своему, а я по-своему и ты мнѣ не указъ. Я свою землю вырѣзаю, а не твою.

Данило былъ пріятель Ивана, и вдругъ такое противорѣчіе ему взбѣсило Солдата. У него налились глаза кровью и онъ заоралъ:

— А я тебѣ не дамъ!

— Нѣтъ дашь!

— Нѣтъ, не дамъ. Моя полоса, и я на нее никого не пущу.

— Что-жъ ты сидѣть на ней будешь?

— И сидѣть буду!

— Сиди не сиди, прогонятъ!

— А если я прогоню?

— Не справишься!

— Анъ справлюсь!.. возьму колъ: землеустроитель пріѣдетъ, — землеустроителя, исправникъ — исправника, никому пощады не дамъ, и ничего мнѣ за это не будетъ.

— А не думаешь, что тебя за это повѣсятъ? — не удержался сказалъ я.

— Какъ это повѣсятъ?

— Какъ нонче вѣшаютъ, очень просто.

Братья вдругъ соединились въ одну группу, закричали замахали руками.

— Вотъ что! Слышите православные!..—заоралъ Солдатъ. — Насъ вѣшать собираются!.. Если не дать имъ отрубовъ, то они насъ повѣсятъ... Нешто это можно имъ спускать?...

— Этого спускать нельзя, спускать нельзя! — кипятился Плѣшаковъ и лицо его стало похоже на покраснѣвшій чугунъ. — Какую силу имѣютъ насъ вѣшать? Грозятъ!..

Имъ вторили два Петра, Астафьевъ, Куроки, а остальные молчали, какъ пришибленные. Опять чувствовалось проявленіе придуманной ими тактики, во что бы то ни стало, ошельмовать меня и создать поводъ для жалобы къ высшему начальству. Становилось тяжело. Надежда,

что дѣло устроится такъ, какъ было признано лучше для всѣхъ—ускользала, приходилось помириться на выходѣ на отруба только тѣхъ, которые подали заявленія. Съ этимъ мы и разошлись со сходки.

Когда укрѣпилась увѣренность, что общій раздѣлъ не состоится, стала ненужной и поѣздка къ земскому начальнику. Видно было, что земскій начальникъ тутъ ужъ не поможетъ.

Но ѣхать было надобно; и на другой день я и Михайло Платоновъ съ Матвѣевымъ поѣхали къ земскому, со стороны же старосты поднялось человѣкъ шесть.

— А это онъ не зря сдѣлалъ, что повѣстки-то намъ не далъ,—сказалъ мнѣ дорогой Михайло Платоновъ про старшину.

— Почему ты думаешь?

— Больно онъ хитеръ, бестія, знаетъ, что у барина кишка жидка, и хочетъ его запутать. Вотъ вчера, ты говоришь, они про ловушку помянули, а сегодня, что вѣшать ихъ собираются, это они поднялись не задаромъ; собьютъ его, онъ и твоей правды не пойметъ.

Конечно, это было вѣроятнымъ, но я не думалъ, чтобы земскій не смогъ отличить правды отъ хулиганства и не согласился съ Михайлой Платоновымъ.

— Дай Богъ, коли такъ...—сказалъ онъ.

Къ сегодняшнему разбирательству долженъ былъ пріѣхать и старшина. Но потомъ выяснилось, что онъ побывалъ раньше и далъ свое показаніе. Мнѣ дали прочитать его. Въ показаніи старшины говорилось, что онъ никогда никакого противодѣйствія къ переходу на новое землепользованіе не оказывалъ, а напротивъ, считаетъ этотъ законъ благодѣтельнымъ для крестьянъ. Про раздѣлъ андреевскихъ ничего не слыхалъ, слышалъ только что Семеновъ смущаетъ народъ, сбиваетъ сходки и отзывается про волостное правленіе, что это „ловушка"

Писаря тоже не было. Къ дѣлу было приступлено до его пріѣзда. Пріѣхавшіе со старостой подступили къ земскому и стали жаловаться, что имъ не даютъ житья, хотятъ отнять у нихъ землю, а ихъ повѣсить, имъ хочется узнать, есть ли такіе законы или нѣтъ.

Земскому была дана задача, и онъ приступилъ къ ея рѣшенію, стараясь разъяснить то, что̀ нужно было разъяснить. Но его слушали и не понимали и все продолжали галдѣть, что они никакого выдѣла не допустятъ и вѣшать себя не дадутъ. Земскій видимо сробѣлъ. Онъ уже измѣнилъ вчерашній тонъ и не такъ ясно говорилъ, когда объяснялъ мужикамъ суть новаго закона. Вдругъ въ камеру ввалился писарь.

Писарь явился красный, какъ клюква. У него особенно ярко горѣлъ носъ, и отъ него несло сивухой. Подъ мышкой у него было нѣсколько книгъ. Онъ бросилъ небрежно начальнику „здравія желаю“ и вдругъ набросился на меня и сталъ упрекать меня за то, что мнѣ, будто бы, нечего дѣлать, и я тревожу занятыхъ по горло людей своими вздорными жалобами. Обратившись къ земскому начальнику, онъ сталъ доказывать ему, что у насъ въ губерніи чрезвычайная охрана, что сходки созывать долженъ только староста, что я по закону еще не имѣю права не только сбивать сходъ, но и участвовать на немъ, такъ какъ я не домохозяинъ. Поэтому я не имѣю права возбуждать и настоящаго дѣла.

И чѣмъ больше говорилъ писарь, тѣмъ, видимо, яснѣе представлялъ себѣ суть дѣла земскій начальникъ. Дѣтище бюрократіи, онъ, несмотря на свои прогрессивныя наклонности, должно быть, сразу почувствовалъ, что формализмъ долженъ стоять на первомъ планѣ и сталъ составлять рѣшеніе по этому дѣлу. А писарь продолжалъ жаловаться, что у нихъ такъ много занятій, теперь самое горячее время по учету старостъ.

У меня уже не хватило духа ни оспаривать такую наглость, ни выяснять земскому начальнику вновь сути всего дѣла. Земскій начальникъ справился о нѣкоторыхъ статьяхъ и вдругъ сталъ читать рѣшеніе. Въ этомъ рѣшеніи онъ, ссылаясь на такія-то и такія статьи, постановилъ оставить мою жалобу безъ послѣдствій. Что же касается того, что я назвалъ волостное правленіе „ловушкой“, земскій заявилъ, что онъ предоставляетъ волостному правленію подать на меня жалобу, а онъ съ своей стороны не можетъ не дать ей хода.

LXXXI.

Такой оборотъ дѣла такъ окрылилъ нашихъ скандалистовъ, что они вышли изъ камеры ликующіе, громко кричали, что они себя въ обиду не дадутъ, и стали подвязывать лошадей, чтобы ѣхать въ Бухолово спрыскивать свою побѣду. Пока мы съ Михайломъ Платоновымъ подправляли свою лошадь, они гикали на насъ и грозили, что они намъ теперь шагу ступить не позволятъ, не то что выдѣлиться и вообще покажутъ дворянство.

Въ этотъ день у насъ предполагалось первое собраніе возобновившагося съ моимъ возвращеніемъ Общества Сельскаго Хозяйства. Михайло Платоновъ, который предполагался въ члены совѣта этого общества и такъ прежде распинавшійся за него, вдругъ сталъ оспаривать пользу всякаго рода кооперацій.

— На что онѣ намъ, жили мы безъ нихъ и впредь проживемъ.

Я сталъ доказывать, что теперь-то онѣ намъ особенно необходимы. При выдѣлѣ, напримѣръ, однимъ достанется цѣлина, на которую нуженъ здоровый плугъ

и вотъ мы его и заведемъ. Потомъ рандаль, который превращаетъ эту цѣлину въ рыхлую землю и дѣлаетъ возможнымъ посѣвъ овса на ней въ первый же годъ. Потомъ сѣялки, косилки, жатки. Вѣдь ихъ одному купить будетъ не подъ силу.

— Не свою-то беречь не будутъ, живо все поломаютъ.

— Будемъ пріучаться бережнѣй обходиться.

— Пріучишь вотъ такихъ-то, онъ возьметъ тебѣ да на смѣхъ сдѣлаетъ. Нѣтъ, ужъ если что̀ и заводить, то не для другихъ, а для себя. Своя-то и тебѣ будетъ дороже и другой на нее не польстится. А захочетъ кто ей поработать, давай я тебѣ сдѣлаю, а ты мнѣ деньги отдай.

Я опять сталъ доказывать, что одному, да еще на такомъ количествѣ земли, какъ у насъ, всякая машина будетъ непосильна. Она поглотитъ весь доходъ и обезцѣнитъ производимый продуктъ. Какъ примѣръ я указалъ на бывшую у него молотилку, которая стоила триста рублей, молотила же хлѣбъ только его одного, котораго послѣдніе годы приходило не болѣе 30 четвертей. Процентъ на капиталъ, страховые, ремонтъ ложились такимъ образомъ цѣлымъ рублемъ на каждый куль. Но Михайло Платоновъ уперся на своемъ и не хотѣлъ принимать никакихъ доводовъ.

— Съ нашимъ народомъ никакой браги не завар зай. Веди одинъ свою линію, больше ничего. Нѣшто у насъ можно на кого положиться? Вишь онъ старикъ,— намекнулъ Платоновъ на Астафьева,—въ гробъ глядитъ, а языкомъ ворочаетъ—ложь говоритъ. Какое дѣло можно съ такими сдѣлать?

Собраніе у насъ въ этотъ день хоть и состоялось, но прошло вяло. Всѣ были недовольны оборотомъ дѣла у земскаго начальника и многіе, какъ и Михайло Пла-

тоновъ, перестали вѣрить, что едва ли что хорошее выйдетъ изъ всего, что̀ мы предполагамъ.

Черносотенцы гуляли въ Бухоловѣ до поздняго вечера; тѣ, которые пили, возвратились оттуда пьяные, шумливые и кричали, что они теперь узнали толчину какъ имъ дѣйствовать дальше, что они уберутъ всѣхъ баламутниковъ. Жена моя, ходившая на улицу, вернулась въ слезахъ. Ее напугали возможностью новой разлуки со мной, такъ какъ мнѣ долго дома не прожить. На меня сегодня было написано два прошенія, одно губернатору, другое въ жандармскую полицію и готовилось еще одно со стороны волостного правленія. И хотя мнѣ казалось, что никакихъ основаній для расправы со мной не было, но другимъ могли показаться опасными и безосновательные доносы. Волей-неволей приходилось считаться съ ихъ понятіями.

Но несмотря на такой невыгодный для меня ходъ дѣла, я все-таки не хотѣлъ оставлять того, что надумалъ, и рѣшилъ чего бы это ни стоило добиться своего.

Прежде всего нужно было отправиться въ волостное правленіе и узнать, какъ мнѣ оформить то, чтобы имѣть право голоса какъ домохозяину. И какъ мнѣ это было ни непріятно — пришлось отправиться. Писарь и старшина оказались, вопреки ожиданіямъ, очень любезными.

— Да очень просто, — заявилъ писарь, — пріѣзжайте со старикомъ, мы совершимъ сдѣлку, и готово дѣло. Да вамъ бы давно это нужно совершить, чего тамъ грызться изъ-за пустяковъ съ разными дураками.

— Какими дураками?

— Да Печниковыми-то! Они глотку дерутъ, что вы не хозяинъ, какъ же вы не хозяинъ, когда всѣмъ извѣстно, что весь домъ лежитъ на васъ. Вѣдь это они по озорству орутъ.

— А развѣ не вы ихъ поддерживаете? Они говорятъ, что вы имъ все разъясняете!

— Да Боже меня сохрани! Съ какой же это стати. Что я не знаю ихъ или васъ.

— Вотъ еще старый чортъ на меня наплелъ,—заговорилъ старшина, — что я его отговаривалъ приговоръ составлять. Какое мнѣ дѣло? Что я врагъ тому, что если хорошее дѣло затѣвается. Я, напротивъ, всегда радъ поддержать...

— Все это новый законъ надѣлалъ, — заявилъ писарь, — изъ-за него разладица пошла... Никто ничего понять не можетъ, какъ и что...

— Законъ правительствомъ объявленъ,—поспѣшилъ напомнить писарю старшина.

— Объявили его правители, а вводятъ-то землеустроители, а развѣ они что̀ способны понять?

И у писаря, какъ у старшины былъ зубъ противъ землеустроителя, я не зналъ, чѣмъ это объяснить себѣ.

— Нашъ землеустроитель, кажется, понимаетъ дѣло,— сказалъ я.

— Всѣ они понимаютъ, да ихъ нигдѣ не принимаютъ. Гдѣ имъ это дѣло понимать, когда они за столомъ только сидѣли, тутъ нужны люди практичные. Какъ они могутъ дѣйствовать, когда въ самомъ законѣ шагъ впередъ да два назадъ.

— Вѣдь вотъ берется же землеустроитель наше дѣло сдѣлать.

— Браться за все можно, да какъ его исполнить. Вотъ пусть онъ кончитъ дѣла два, тогда мы посмотримъ.

Я не придалъ особаго значенія словамъ писаря, считая ихъ обычной хвастливостью всѣхъ такого рода субъектовъ, увѣренныхъ, что они всѣ законы лучше

всякаго начальства знаютъ, и уѣхалъ домой съ тѣмъ, чтобы пріѣхать въ волостное правленіе на другой день съ своимъ старикомъ.

LXXXII.

На другой день мы оформили передачу мнѣ отцомъ хозяйства. Я получилъ на руки копію съ документа объ этомъ, и мы стали ждать пріѣзда землеустроителя.

Пріѣзда землеустроителя ждали съ большимъ волненіемъ обѣ стороны. Печниковы въ своей партіи совѣщались, что имъ теперь дѣлать, а выходящіе на отруба ждали рѣшенія своей участи. Тѣмъ болѣе, что ихъ кто-то встревожилъ, что землеустроитель можетъ уже и не пріѣхать. Ему уже сообщено, что міръ выдѣла не желаетъ, а онъ не можетъ идти противъ міра. Волненіе выдѣляющихся тѣмъ болѣе усилилось, что назначенный часъ для пріѣзда прошелъ, а чиновника все не было.

Но вотъ послѣ 12 показалась тройка гусемъ. Въ высокихъ саняхъ сидѣлъ закутанный въ доху непремѣнный членъ и съ нимъ его дѣлопроизводитель. Они подъѣхали къ старостѣ, и Куроки сейчасъ же выскочилъ изъ избы и сталъ звонить въ доску, созывая мужиковъ на сходъ.

Непремѣнный членъ прошелъ въ избу старосты, а сбиравшіеся на сходъ мужики и бабы останавливались около кучера и разспрашивали его, какъ дѣйствуетъ ихъ баринъ, выдѣлилъ-ли кого. Отвѣты кучера были благопріятны для выдѣляющихся, и они шли въ избу подбодренные.

Землеустроитель расхаживалъ по просторной избѣ старосты, и говорилъ то съ однимъ, то съ другимъ. На столѣ лежали его папка, планъ нашего надѣла, книга

съ законами. Мужики здоровались и садились на лавку.

Противники выдѣла держали себя очень развязно, особенно Печниковы. Они громко говорили, смѣялись, словомъ, нисколько не стѣснялись прiѣхавшаго начальства. Не отставалъ отъ нихъ и староста. Онъ забрался въ красный уголъ, положилъ руки на столъ и сидѣлъ независимо поглядывая на мужиковъ и начальство. Это была ужъ демонстрацiя, которой не могъ не замѣтить и землеустроитель.

Когда изба наполнилась, землеустроитель сѣлъ на свое мѣсто и сталъ объяснять цѣль своего прiѣзда. Онъ объявилъ, что имъ получено заявленiе отъ нѣсколькихъ домохозяевъ деревни о выдѣлѣ имъ надѣловъ къ одному мѣсту, что теперь есть законъ, который допускаетъ такiе выходы, и онъ прiѣхалъ съ тѣмъ, чтобы устроить этотъ выдѣлъ.

— Какой же это законъ? Что же это мы его не слыхали, разъясните намъ пожалуйста, — спросилъ вдругъ Солдатъ и оглянулся направо и налѣво, чтобы увидать, слѣдятъ ли его единомышленники, какъ онъ дѣйствуетъ.

— Извольте,—если вы не знаете этого закона,—сказалъ землеустроитель и сталъ читать статьи высочайшаго указа, въ которомъ говорилось о порядкѣ выдѣла и объ условiяхъ. Дойдя до пункта, гдѣ говорилось, что выдѣлъ долженъ быть сдѣланъ по возможности къ одному мѣсту, землеустроитель былъ остановленъ Михайломъ Пастухомъ, перешедшимъ явно на сторону противниковъ выдѣла.

— Позвольте, вы вотъ прочитали по возможности, а у насъ никакой возможности нѣтъ.

— Почему нѣтъ? — кладя книгу на столъ, спросилъ землеустроитель.

— Потому что не желаемъ,—заявилъ Плѣшаковъ и

повернулся на мѣстѣ.—Не хотимъ нарушать порядка, а какъ было, такъ пусть и будетъ.

— Нежеланіе не есть невозможность. Вы объясните, какая у васъ имѣется невозможность. Я вамъ долженъ объяснить, что я вовсе не хочу дѣйствовать въ интересахъ одной стороны. Мнѣ желательно, чтобы выдѣлъ произошелъ у васъ по согласію, чтобы никто этимъ не былъ обиженъ.

— А мы вотъ не согласны, такъ что же вы съ нами подѣлаете?—задорно крикнулъ Иванъ Солдатъ и раскинулъ руками и поднялъ голову. Изъ-за его спины послышались сочувственные возгласы. Землеустроитель почувствовалъ, что для него создается неблагопріятная атмосфера, онъ обвелъ всѣхъ глазами и проговорилъ:

— Такъ мы выяснимъ прежде, кто желаетъ.—И онъ сталъ перекликать поименно всѣхъ, подавшихъ ему заявленіе. Когда очередь дошла до Матвѣева и тотъ сказалъ, что онъ — желаетъ, староста вдругъ набросился на него:

— Какъ ты можешь желать, когда за тобой еще недоимка стоитъ? Ты оброкъ какъ слѣдуетъ не платишь, а хочешь выдѣляться.

— Я долженъ, я и заплачу,—заявилъ Матвѣевъ.

— Недоимка выдѣлу не мѣшаетъ,—замѣтилъ землеустроитель.

— Какъ не мѣшаетъ, когда у меня ихъ три двора?— они платить не хотятъ, а выдѣляться лѣзутъ?

— Да тебѣ-то какое дѣло?

— Я староста, я долженъ слѣдить.

— Ну и слѣди, только выдѣлу не мѣшай. Недоимки, когда нужно будетъ, возьмутся.

— Значитъ мы напрасно стараемся подати платить,— ядовито шепнулъ Плѣшаковъ своему сосѣду. Сосѣдъ кивнулъ головой и усмѣхнулся.

— Недоимки заплатимъ, онѣ за нами стоятъ-то, а не за тобой,—заявилъ Василій Андреевъ,—что ты больно упираешь.

— И не однѣ недоимки,—замѣтилъ Плѣшаковъ.—У насъ Вредовская земля еще въ банкѣ не оплачена. Отдай ему ее въ собственность, а онъ за нее не будетъ платитъ?..

— Можно сдѣлать такое условіе, по которому заплатить.

— А не будетъ задержки купленную землю съ надѣльной смѣшать?—спросилъ землеустроителя Селиверстъ.

— Разница въ этихъ земляхъ есть, купленную можно выдѣлить только по согласію по крайней мѣрѣ половины. Если половина желающихъ у васъ найдется, то я ее смѣшаю.

— Тогда и я желаю на выходъ.

— И я,—подалъ голосъ Иванъ Власовъ.

— Ну вотъ видите,—сказалъ землеустроитель,—желающихъ все прибавляется. Можетъ быть, еще кто примкнетъ?

— Желающихъ много, а нежелающихъ еще больше и они имъ не позволятъ, вотъ что!—прокричалъ, вытаращивъ глаза Яковъ Усанъ, и тряся головой отошелъ за спины другихъ.

Печниковы зашумѣли, ихъ поддержали бабы. Степанъ Астафьевъ выступилъ впередъ и запыхавшись, сталъ говорить, что онъ вотъ живетъ слишкомъ девяносто лѣтъ и такого дѣла еще не было, чтобы супротивъ міра.

— А ты помнишь, какъ на волю отходили?—спросилъ Егоръ Вдовинъ.

— Помню.

— Знаешь, что тогда господа говорили. Тоже гово-

рили, что не можетъ быть, чтобы крестьянъ отобрали,—анъ отобрали. Такъ и вы теперь поете господскую пѣсенку.

— Незачѣмъ вамъ выходить, вотъ что. Что̀ вамъ плохо въ міру-то?—кричалъ Егоръ Власовъ.

— Нашъ міръ вѣдь ни какой-нибудь, что вы имъ брезгаете,—вмѣшался Плѣшаковъ и вскочилъ съ мѣста.

— Горды больно, сами съ усами!..—кричалъ Солдатъ.

— Чихачи!

— Къ чему тутъ брань? Почему такая злоба,—началъ урезонивать мужиковъ землеустроитель. Если они хотятъ по-своему жить, ну и Богъ съ ними. Что же вамъ ихъ держать. Они могутъ сами понять, что для нихъ лучше. Вамъ это не нравится, а они хотятъ, и у васъ вовсе нѣтъ власти удерживать ихъ насильно. Да и странно было бы, если бы такая власть была... Что же, тогда никакіе хозяева не могутъ самостоятельно дѣйствовать. Непремѣнно должны за другими, какъ бараны, идти? Я этого не понимаю!..

— Какъ бараны? Мы нешто бараны?—воскликнулъ вдругъ Плѣшаковъ.—Слышите, православные, онъ насъ баранами обзываетъ.

— Что̀ это такое братцы? а?—завопилъ Солдатъ и глаза у него налились кровью.—Къ намъ же пріѣхали, и насъ же баранами обзываютъ?!..

Эта наглая передержка ошеломила землеустроителя. Онъ смутился, покраснѣлъ и попробовалъ объяснить смыслъ своихъ словъ.

— Я васъ баранами не называлъ.

— Нечего отвертываться-то, сами слышали, — галдѣли мужики и бабы.

— Староста, что̀ это у тебя за общество?—обратился непремѣнный членъ къ старостѣ.

— А вы зачѣмъ на ихъ руку гнете, если бы вы за насъ.

— Да вѣдь я же служу тому, чтобы помогать имъ, я для этого и назначенъ. Я еще разъ заявляю, что выдѣлиться они имѣютъ право. И если вы не согласитесь, мы ихъ выдѣлимъ въ обязательномъ порядкѣ.

— Ну и выдѣляйте, если вамъ такая власть дана, хоть всю землю имъ отдайте, пусть берутъ!—крикнулъ Плѣшаковъ.

— Пусть, пусть! Намъ тутъ дѣлать нечего, пойдемте, ребята...

Часть мужиковъ вышла изъ избы, часть осталась въ избѣ. Вдругъ къ столу пододвинулся такъ кричавшій прежде противъ выдѣла Яковъ Усанъ и, обращаясь къ письмоводителю, тихо сказалъ:

— Милый человѣкъ, а я записаться на выдѣлъ могу?

— Можешь.

— Такъ запиши и меня.

Это заявленіе разсмѣшило всѣхъ бывшихъ въ избѣ и разогнало немного сгустившуюся атмосферу. Къ столу подошли двѣ вдовы Прасковья и Настасья и попросили записать ихъ. Подошло еще нѣсколько мужиковъ. Всѣхъ заявленій теперь было подано пятнадцать. На сходѣ же было не больше тринадцати. Можно было надѣяться, что изъ живущихъ въ Москвѣ пять человѣкъ примкнутъ къ этому и тогда у насъ легко составится большинство для товарищеской части, и будетъ произведенъ выдѣлъ всей земли.

LXXXIII.

Землеустроитель разъяснилъ, что̀ намъ нужно было предпринять, чтобы окончить формальную сторону и уѣхалъ, оставивъ желающихъ выдѣлиться въ полной увѣренности, что выдѣлъ будетъ произведенъ. Выдѣляющіеся ходили, не чувствуя подъ собою земли. Они

часто собирались вмѣстѣ и обсуждали какъ имъ лучше распредѣлить землю. Предполагалось выдѣлить въ общее владѣніе самыя неудобныя мѣста, и запустить ихъ подъ лѣсъ, удобную же землю раздѣлить всю по рукамъ въ одномъ мѣстѣ и пользоваться ею, какъ кто знаетъ.

— Куски большіе будутъ, — соображалъ Степанъ Кузьминъ.

— Что говорить, у меня больше двадцати десятинъ соберется, — говорилъ Михайло Платоновъ. — Если участокъ достанется ближе къ дорогѣ, я на немъ и построюсь, чего намъ изъ деревни на него таскаться.

— Извѣстное дѣло, какой толкъ,—согласился съ нимъ Степанъ Кузьминъ.

— Тогда мои внучата счастливыми будутъ,—продолжалъ фантазировать Михайло Платоновъ. — Гришка у меня старатель. Онъ все сдеретъ, приведетъ въ чувство, у него не одинъ лоскутъ не пропадетъ. Вѣдь тогда сколько мы будемъ отъ земли-то получать.

— И какъ это старые черти въ старину не могли додуматься до этого,—выругалсся Степанъ Кузьминъ,— и сами мучались прыгамши съ полосы на полосу и насъ заставляли. Вѣдь сколько до этого растери дѣлалось. Скотина и та понимаетъ: коли на одномъ дворѣ стоитъ, то и въ стадѣ другъ къ дружкѣ жмется своя къ своей, а тутъ одного хозяина полосы, а всѣ по разнымъ угламъ.

Волновались Матвѣевъ, Данило, Василій Андреевъ. Безпокоились общинники, они тоже ходили другъ къ дружкѣ, совѣщались какъ имъ быть, такіе старики, какъ Ефимъ Большой, стали-было поговаривать, что если тѣ, которые выдѣляются, думаютъ, что хорошо, то и всѣмъ такъ надо бы, но Печниковы не давали имъ расходиться и съ увѣренностью говорили:

— Только канителятся, ничего не выйдетъ, вотъ по-

помните наше слово, сказано не дозволимъ и не дозволимъ.

Эту увѣренность, что изъ нашей затѣи ничего не выйдетъ, поддерживалъ у нихъ кто-то на сторонѣ, кромѣ этого они имѣли другую увѣренность, что долго ли коротко ли, а они уберутъ меня. Они со дня на день ждали отвѣта на свои доносы, слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ и доносили жандарму, уряднику, становому, распространяли нелѣпыя и невѣроятныя сплетни, не имѣвшія никакой почвы подъ собою. Словомъ, дѣйствовали во всѣ тяжкія, какъ только способна дѣйствовать русская темная душа. А выдѣляющіеся обдумывали какъ имъ легче ускорить раздѣлъ на выкупленной еще изъ банка вредовской землѣ. Я написалъ просьбу въ банкъ дать намъ разъясненія, какъ это лучше сдѣлать, а самъ поѣхалъ въ землеустроительную коммиссію, чтобы тамъ выяснить, въ какомъ положеніи дѣло. Старый порядокъ передѣла былъ ясно указанъ, что передѣлы могли быть только по согласію всѣхъ домохозяевъ; намъ хотѣлось узнать, почему землеустроитель увѣрялъ насъ, что для этого достаточно согласія большинства.

— Потому,—заявилъ землеустроитель,—что этотъ порядокъ подлежитъ измѣненію, у меня есть свѣдѣнія, что готовъ новый законъ, очень облегчающій большую свободу дѣйствій для крестьянскихъ товариществъ. Если у васъ только найдется большинство, я ручаюсь вамъ, что дѣло будетъ сдѣлано.

Съ этимъ я вернулся домой, и мы стали подбирать необходимое намъ большинство. Написали въ Москву живущимъ тамъ хозяевамъ, и надѣялись, что и изъ находившихся дома кто-нибудь примкнетъ къ намъ.

И раньше, и теперь мнѣ пришлось наблюдать особенность нѣкоторыхъ хозяевъ въ деревнѣ—это не только

боязнь, а неспособность выразить свое мнѣніе. Онъ узналъ, что его мнѣніе нужно, что опредѣленно выраженнымъ онъ пріобрѣтаетъ извѣстное дѣйствіе, что это дѣйствіе онъ понимаетъ и сочувствуетъ ему, но явно выразить согласіе на него у такого хозяина не поворачивается языкъ. Если его ставитъ въ свой рядъ большинство, онъ не протестуетъ противъ этого, и что̀ бы тамъ ни случилось, онъ все приметъ, но чтобы опредѣленно заявить да или нѣтъ, онъ не можетъ.

Такихъ хозяевъ у насъ было человѣкъ десять. Половина изъ нихъ явно сочувствовала выдѣлу, но рѣшиться на него не могла, пока на нашей сторонѣ не было большинства. Будь большинство, и они безропотно пошли бы, куда бы міръ ни затѣялъ, а сами одни они не пойдутъ, и это было большимъ препятствіемъ нашему дѣлу, и мы пока не знали, какъ это препятствіе преодолѣть.

LXXXIV.

Въ Бухоловѣ строилась церковь, готовъ былъ новый придѣлъ. Предполагалось освященіе его. Причтъ обратился съ приглашеніемъ на торжество къ губернатору. Губернаторъ выразилъ свое согласіе, и объ этомъ было объявлено по всей волости.

Вся волость заволновалась, узнавши эту новость. Губернаторъ посѣщалъ наши мѣста очень рѣдко, и его пріѣздъ былъ цѣлымъ событіемъ. Наши общинники тоже всполошились. У нихъ зародилась надежда, лично поддержать доносъ на меня и добиться поддержки своихъ вожделѣній.

Вотъ подошелъ и день освященія храма. Наканунѣ его я получилъ извѣщеніе, что губернаторъ желаетъ меня видѣть, и сталъ тоже собираться въ Бухолово.

Въ Бухолово съѣхалась вся волость. Снѣгъ по улицѣ

расчистили; наканунѣ по ней разъѣзжали сопровождавшіе губернатора казаки, у каждаго двора стояло по десятку подводъ, на площади у церкви сновали полицейскіе. Всѣ были принаряжены, и село имѣло праздничный видъ.

Губернаторъ былъ съ цѣлой свитой чиновниковъ и губернскихъ, и мѣстныхъ. Когда кончилась обѣдня, онъ отправился въ волостное правленіе. Послѣ принятія рапорта о состояніи волости и волостныхъ дѣлахъ и разговоровъ съ чиновниками былъ вызванъ я.

Губернаторъ заявилъ, что имъ получено на меня нѣсколько доносовъ, при разслѣдованіи они оказались ложными и вызваны моимъ упорнымъ стремленіемъ измѣнить въ деревнѣ землепользованіе. Онъ поэтому доносамъ значенія не придаетъ, а въ моемъ дѣлѣ, а также въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго общества желаетъ успѣха.

Меня это очень укрѣпило въ томъ, что противъ меня не будетъ ничего предпринято безъ разслѣдованія, а такъ какъ я ничего противозаконнаго дѣлать не собирался, то моя семья могла быть спокойна, что такой неожиданности, которая произошла со мной два года назадъ, не повторится. Это еще болѣе подбодрило и выдѣляющихся. И имъ стало ясно, что пламенныя вожделѣнія Печниковыхъ убрать меня останутся неудовлетворенными. Кромѣ этого, къ ихъ огромному удовольствію Печниковы въ этотъ разъ попали впросакъ. Стремясь устроить намъ какую-нибудь гадость, они обратились къ губернатору на насъ съ новой жалобой, и когда губернаторъ въ присутствіи землеустроителя разспрашивалъ ихъ, въ чемъ ихъ претензія, Плѣшаковъ, указызывая на землеустроителя, вдругъ выпалилъ:

— А вотъ этотъ господинъ подбиваетъ насъ не платить подати.

Непремѣнный членъ былъ крайне смущенъ такой выходкой и спросилъ:

— Когда же это было?

— А когда ты насъ баранами-то назвалъ!—свирѣпо кинулъ ему Плѣшаковъ.

Нелѣпость шла за нелѣпостью. Непремѣнный членъ помнилъ барановъ, но не помнилъ совѣтовъ не платить подати. И онъ былъ поставленъ въ очень тяжелое положеніе выяснить, въ чемъ тутъ дѣло. И только послѣ разобралось, что обвиненіе состряпано изъ тѣхъ словъ землеустроителя, которыя онъ говорилъ старостѣ по поводу недоимокъ у Матвѣева.

Губернаторъ, узнавши о томъ, чего они домогаются, заявилъ, что ихъ упорство не имѣетъ никакихъ основаній, а такого сорта жалобами они ничего хорошаго для себя не добьются.

Послѣ отъѣзда губернатора наши противники пріуныли. Они попрежнему каждый день собирались на совѣщаніе между собой, при встрѣчѣ съ отрубщиками хмурились, перестали кланяться и при малѣйшей зацѣпкѣ ругались. Сходки быстро превращались въ сплошной скандалъ, и этимъ скандаламъ были зачинщики Печниковы. Мнѣ они уже не грозили, что уберутъ, но распространяли другіе слухи. Егоръ Власовъ съ Плѣшаковымъ ходили въ сосѣднюю деревню въ чайную—гдѣ выписывалось „Русское Слово", неодобрявшее политику хуторовъ и отрубовъ и развязно увѣрявшее, что новый законъ выгоденъ только для кулаковъ—они читали ее, соглашались съ тѣмъ, что̀ говорилось на газетныхъ листахъ, и стали говорить, что я потому такъ упорно стремлюсь къ выдѣлу, что хочу подогнуть подъ себя всѣхъ простаковъ.

LXXXV.

Подходилъ день, когда намъ было нужно явиться къ земскому начальнику для укрѣпленія нашихъ надѣловъ въ личную собственность. Черносотенцы какъ-то пріутихли. Они меньше волновались; ходили слухи, что они получили новую поддержку увѣренности, что дѣло съ выдѣломъ не пойдетъ, и эта поддержка шла отъ волостного правленія. И дѣйствительно, за нѣсколько дней до вызова къ земскому начальнику ко мнѣ пришелъ староста и подалъ повѣстку изъ волостного суда. Въ повѣсткѣ значилось, что я вызываюсь въ судъ въ качествѣ отвѣтчика по иску съ меня одной души земли жившимъ въ Москвѣ нашимъ односельцемъ Андреевымъ. Эта неожиданность могла быть очень непріятной, такъ какъ дѣло, начатое въ судѣ, затягивало укрѣпленіе въ личную собственность, а съ этимъ и самый выдѣлъ. И когда я разобрался немного въ предъявленной ко мнѣ претензіи, то не могъ не согласиться, что и все дѣло заведено съ тѣмъ, чтобы затянуть этотъ выдѣлъ. Другихъ расчетовъ быть не могло. Ибо у меня не было ни излишка земли, ни такой земли, на которую бы имѣлъ право Андреевъ. Нашъ домъ еще по уставной грамотѣ получилъ три души земли и владѣлъ ею до тѣхъ поръ, пока братъ моего отца не былъ взятъ на военную службу. Когда онъ отслужилъ свой срокъ, то не вернулся домой, остался въ Петербургѣ, обзавелся семьей. Намъ земля была въ тягость и миръ согласился освободить насъ отъ одной души, которую опредѣлили нашимъ сосѣдямъ. Когда сталъ хозяйствовать я, то мнѣ всегда, когда освобождалась какая-нибудь душа земли, предлагали брать ее, но я отказывался до тѣхъ поръ, пока не освободилась душа, принадлежавшая прежде намъ. Освободилась, наконецъ, и

эта душа, и я принялъ ее. Формально получилъ я ее въ надѣлъ при частномъ передѣлѣ, въ это же время освободились другія души, и ихъ роздали другимъ хозяевамъ. Раздача земли была укрѣплена приговорами. Приговоръ о моей душѣ былъ составленъ послѣ, по полученіи отказа отъ своего права владѣнія, ликвидировавшаго всѣ дѣла въ деревнѣ Андреева. Поэтому, правда, считалось, что я какъ будто бы получилъ землю Андреева. Но все-таки онъ не имѣлъ права требовать землю отъ меня, такъ какъ я землю получилъ отъ общества, и общество было вправѣ распорядиться этой землей, такъ какъ Андреевъ самъ отказался отъ земли.

Я принялъ повѣстку и сталъ готовиться къ суду. Нужно было справиться записанъ ли приговоръ въ волостномъ правленіи, утверждавшій, что я получилъ землю отъ общества. Я отправился въ волостное правленіе, но тамъ никакихъ приговоровъ о переходѣ земли въ нашемъ обществѣ записано не было. Я тогда обратился къ старостѣ и у старосты не было ихъ. Я пошелъ къ Михайлу Платонову, бывшему старостой въ то время, когда происходило распредѣленіе свободной земли, и спросилъ куда дѣвались приговоры о распредѣленіи у насъ земли?

— Одинъ у меня, онъ въ бумагахъ валялся, а бумагу ребятишки рвутъ. Я намедни увидалъ его и припряталъ.

Онъ пошелъ къ себѣ въ каморку, вынесъ оттуда старый бумажникъ и досталъ изъ него приговоръ. Я взглянулъ на приговоръ, приговоръ былъ писанъ моей рукой, онъ былъ явленъ въ волостномъ правленіи, но въ немъ распредѣлялось семь душъ земли между другими домохозяевами, моего же имени тамъ не было. Я сказалъ это Михайлу Платонову, онъ взволновался.

— Какъ же такъ, я хорошо помню мы составляли приговоръ. Это было передъ учетомъ у насъ въ избѣ.

Стало-быть, другой есть. И онъ обратился къ своей снохѣ и крикнулъ:

— Аграфена, принеси сундучокъ изъ горенки.

Баба вышла и принесла сундучокъ. Сундучокъ былъ полонъ всевозможныхъ бумажекъ, квитанцій, записокъ, приказовъ и другихъ остатковъ отъ прежней службы Михаила Платонова. Оба мы жадно погрузились въ пыльную, мятую, бумажную рухлядь и стали искать нужнаго намъ документа. Вопросъ,—сохранился или не сохранился приговоръ, — тревожилъ насъ обоихъ, и мнѣ невольно представлялось, что если бы въ такомъ положеніи очутился болѣе зависимый отъ земли крестьянинъ, Матвѣевъ, Данила и т. п., для которыхъ душа земли въ три съ половиной десятины—фондъ для существованія, какое бы огромное значеніе могъ имѣть для нихъ исходъ этихъ поисковъ... Если мы найдемъ приговоръ, то дѣло будетъ въ шляпѣ, законность владѣнія третьей душей земли будетъ удостовѣрена имъ, и притязанія Андреева будутъ отвергнуты; не найди его — можетъ создаться непріятность, дѣлу будетъ данъ ходъ и каковъ результатъ ни будетъ, все-таки выдѣлъ оттянется, а тогда у многихъ пропадетъ энергія и можетъ не состояться все дѣло.

Мы рылись въ бумагахъ, но бумаги были все не тѣ. Вдругъ попался полулистъ, исписанный опять моей рукой съ надписью „приговоръ". Я развернулъ его и сталъ читать. Это былъ нужный мнѣ документъ. Въ немъ говорилось, что получено письмо отъ Герасима Андреева, въ которомъ онъ отказывался отъ земли и что земля обществомъ опредѣлялась мнѣ и Захару Петрову, и что съ насъ взяли въ пользу общества контрибуцію по пяти рублей. Приговоръ былъ подписанъ десятью грамотными крестьянами, но на немъ не только не было явки, но не было даже подписи старосты.

— Какъ же это случилось?—спросилъ я сначала было

обрадованный тѣмъ, что приговоръ нашелся, но потомъ опять огорченный тѣмъ, что приговоръ имѣетъ такой недостатокъ.

— А чортъ его знаетъ!—выругался Михайло Платоновъ. Забылъ, должно. Положилъ вѣрно въ книгу и забылъ.

Особенно винить Михайлу Платонова было нельзя, такъ какъ и я самъ проявилъ порядочную небрежность. Нужно мнѣ самому было позаботиться, чтобы приговоръ былъ оформленъ, но вѣдь въ то время никто не думалъ, что земля скоро перейдетъ въ такое положеніе, что станетъ даже интересной для лицъ порвавшихъ съ ней.

— Но вотъ тутъ говориться что отъ Герасима Андреева было письмо, — гдѣ это письмо? — спросилъ я Михайлу Платонова.

— Письмо было, я это хорошо знаю. Оно здѣсь гдѣнибудь, если ребятишки не утащили. Они у меня немало потаскали всякихъ бумагъ.

Опять стали рыться въ сундукѣ и разсматривать каждый клочокъ, но того письма не нашли, хотя нашли другое, не менѣе важное. Въ этомъ письмѣ, полученномъ отъ Андреева, онъ просилъ общество не препятствовать ему продать купленную имъ въ товариществѣ землю, и выдать ему хлѣбъ изъ магазеи и увѣрялъ общество, что онъ хотя и дѣлается безземельнымъ, но такое его состояніе не должно тревожить, онъ самъ понимаетъ, что̀ для него лучше, и стремится къ этому лучшему.

Получивши такіе документы, я немного успокоился и сталъ ожидать дня суда, гдѣ надѣялся доказать законность владѣнія своимъ надѣломъ, и отклонить покушеніе нарушить его.

LXXXVI.

Въ тотъ день, когда меня вызывали на волостной судъ, было назначено земскимъ начальникомъ и дѣло по укрѣпленію нашихъ выдѣляющихся въ личную собственность. Сначала пришлось побывать въ камерѣ у земскаго начальника. Земскій начальникъ, въ виду возникшаго спора о моей землѣ, не могъ укрѣпить меня въ собственность до окончанія этого спора.

Послѣ этого я поѣхалъ на волостной судъ. Когда мы пріѣхали въ волостное правленіе, то тамъ были Ефимъ Степановъ, Плѣшаковъ, Солдатъ и Михайло Пастухъ. Они пріѣхали свидѣтельствовать въ пользу того, что у меня душа земли Андреева, и общество никакого участія въ надѣленіи ею меня не принимало. Они, очевидно, хорошо спѣлись, или ихъ хорошо настроили, такъ какъ имѣли побѣдоносный видъ, и не могли скрыть удовольствія отъ увѣренности, что вотъ они какую подставляютъ намъ ногу, и что намъ не удастся ее перешагнуть.

Прежде чѣмъ приступить къ нашему дѣлу судомъ, было сдѣлано два разбирательства—одно о ссорѣ, другое объ оскорбленіи, кончившіяся миромъ. Я приглядѣлся къ ходу дѣла. Судъ состоялъ изъ четырехъ судей, на подборъ степенныхъ и хозяйственныхъ мужиковъ. Всѣ они были грамотны, но не особенно развиты. Главную роль игралъ писарь. Онъ помогалъ предсѣдателю задавать вопросы, давалъ направленіе свидѣтельскихъ показаній, и выяснялъ все въ томъ духѣ, въ какомъ ему нужно было поставить его; сообразно съ этимъ онъ все и записывалъ. И изъ этого выходило такъ, что волостныя рѣшенія были большею частію такія, какія были желательны сильной сторонѣ, но никогда не было увѣренности, что такія рѣшенія будутъ утверждены съѣз-

домъ. Какъ опровергнуть рѣшенія суда въ съѣздѣ, писарь всегда зналъ, но такъ какъ онъ самъ не имѣлъ права писать жалобы или прошенія, то у него былъ для этого помощникъ. Это былъ мѣстный крестьянинъ, судившійся неоднократно за кражи, подлоги, сидѣвшій въ тюрьмѣ, побывавшій въ арестантскихъ ротахъ, почему мѣстное населеніе считало, что онъ „знаетъ законы". И онъ самъ былъ увѣренъ въ этомъ, поэтому брался писать прошенія, жалобы и доносы. Жалобы часто имѣли надлежащее дѣйствіе, и тогда пріятели дѣлили между собой полученную мзду, и часто вмѣстѣ пропивали ее.

Началось слушаніемъ наше дѣло. Судьи приготовились разбирать его. Писарь огласилъ первоначальное прошеніе Герасима Андреева, гдѣ онъ обращался къ земскому начальнику, и просилъ его взыскать землю съ общества, которую онъ отдалъ въ его распоряженіе лѣтъ десять тому назадъ, но такъ какъ у него не было никакихъ документовъ, то земскій направилъ его въ волостной судъ. Побывши въ волостномъ правленіи, Андреевъ измѣнилъ свое первоначальное обращеніе и направилъ претензію ко мнѣ. По тому, что претензія была направлена только ко мнѣ, и объ одной душѣ, о другой же бывшей у Андреева не поминалось, видно было, что его направили съ тою цѣлью, чтобы затормозить дѣло моего укрѣпленія въ личную собственность, поэтому онъ не постарался даже выяснить, съ кого же ему искать другую душу.

Повѣренный Андреева Михайло Пастухъ заявилъ, что его довѣритель будто бы предоставилъ распорядиться землей не обществу, а мнѣ, а я безъ вѣдома общества взялъ да и оставилъ одну душу у себя. Онъ ссылался на пріѣхавшихъ съ нимъ стариковъ, готовыхъ подтвердить это.

Старики такъ и стали-было показывать, и судъ ихъ

внимательно слушалъ. Тогда я, чтобы прекратить эти измышленія, досталъ приговоръ и предъявилъ его суду.

Приговоръ произвелъ необычайный эффектъ: у писаря затряслись руки и онъ, густо покраснѣвъ, взялъ у меня бумагу и сталъ ее разсматривать; прочитавъ приговоръ, онъ вдругъ всталъ съ мѣста, отвелъ меня въ сторону и проговорилъ:

— Знаете что, въ приговорѣ большое упущеніе, нѣтъ подписи старосты. Михайло Платоновъ живъ, пусть онъ подпишетъ его.

Я почувствовалъ, что этотъ совѣтъ не что иное, какъ каверза. Подпиши на старой бумагѣ новыми чернилами что-нибудь,—это можно будетъ сразу узнать,—и тогда приговоръ будетъ испорченъ и его легко будетъ нарушить—не этого ли хотѣлъ достигнуть своимъ совѣтомъ писарь? Я отклонилъ его совѣтъ и сказалъ, что я буду доказывать свое право тѣмъ, что̀ у меня есть и ничего новаго вносить въ него я не желаю.

Писарь вернулся на свое мѣсто, разыскалъ какую-то бумажку и заявилъ:

— Вслѣдствіе требованія земскаго начальника, всѣ земельныя дѣла съ документами направлять къ нему,—это дѣло, какъ имѣющее документы, волостному суду не подсудно, поэтому оно должно разбираться у земскаго начальника.

Ефимъ Степановъ, Плѣшаковъ, Солдатъ и Михайло Пастухъ такъ были этимъ огорошены, что сразу измѣнились въ лицѣ, они растерялись; сознаніе, что они могутъ повредить мнѣ, у нихъ очевидно пропало, и они вдругъ не выдержали и стали ругаться. Они ругали и меня и Михайлу Платонова, что онъ сохранилъ приговоръ и отдалъ мнѣ. Говорили, что онъ не имѣлъ права держать у себя приговора, а долженъ былъ предста-

вить его въ контору. И мы такъ думали, но сдѣлано-то было не такъ.

Сейчасъ же я поѣхалъ къ земскому начальнику и заявилъ, что въ волостномъ судѣ дѣло мое признано неподсуднымъ. Онъ заявилъ, что онъ можетъ теперь ввести меня въ собственность и назначилъ эту процедуру черезъ два дня.

Когда черезъ два дня я явился къ земскому начальнику, то земскій сказалъ, такъ какъ у меня живъ отецъ, то онъ нашъ надѣлъ будетъ укрѣплять не въ личную, а семейную собственность. Напрасно я ему говорилъ, что я имѣю документъ на передачу мнѣ отцомъ земли, пользуясь правомъ укрѣпить надѣлъ въ личную собственность, напрасно указывалъ соотвѣтствующую статью въ законѣ, земскій начальникъ настоялъ на своемъ и сдѣлалъ постановленіе объ укрѣпленіи нашей земли въ семейную собственность. И это упрямство земскаго начальника впослѣдствіи послужило большимъ ущербомъ для нашего выдѣла.

LXXXVII.

Кончивши, что̀ необходимо было сдѣлать съ надѣльной землей, приходилось позаботиться о товарищеской части и подготовить ее къ передѣлу. Отвѣта на нашъ запросъ отъ крестьянскаго банка все еще не было, и я рѣшилъ лично поѣхать въ банкъ, чтобы узнать рѣшительно, будетъ намъ содѣйствіе со стороны банка къ облегченію перехода изъ товарищества въ единоличное владѣніе своихъ паевъ? Вспоминались увѣренія землеустроителя, что дѣло это возможное и не такъ-таки трудно осуществимое,—банкъ, вѣдь, ничего не терялъ, если мы переведемъ долгъ, каждый на опредѣленное лицо. Тѣмъ болѣе можно было поручиться, что половина должни-

ковъ при переводѣ долга на нихъ заплатила бы свои долги сразу. Такъ думалъ я, когда ѣхалъ въ Москву. Но когда я пріѣхалъ въ Москву и пришелъ въ крестьянскій банкъ и увидалъ чиновниковъ и заговорилъ съ ними, то я сразу почувствовалъ, что все учрежденіе банка проникнуто глубокимъ равнодушіемъ къ нашей судьбѣ, и не только къ нашей судьбѣ, а ко всѣмъ интересамъ землеустройства.

— Ваше товарищество составилось 15 лѣтъ назадъ. Оно должно подчиняться правиламъ, бывшимъ тогда. Тогда выходъ изъ товарищества не допускался, какъ же мы можемъ содѣйствовать этому?

— Но вѣдь теперь-то признано, что выходъ и законенъ и цѣлесообразенъ.

— Да, но это распространяется только на новыя товарищества, которыя составляются теперь.

— А развѣ этого нельзя распространить на старыя?

— У насъ нѣтъ на это права.

— А какъ же и говорятъ и пишутъ въ газетахъ, что въ дѣлѣ передѣла земли товариществъ рѣшено допустить простое большинство вмѣсто прежняго единогласія?

— Мало-ли какіе ходятъ слухи, а у насъ объ этомъ ничего неизвѣстно. Вотъ когда мы получимъ соотвѣтствующій циркуляръ...

— А нельзя-ли будетъ сдѣлать запросъ въ Петербургъ, мы опишемъ вамъ наше положеніе, а вы попросите,—не разрѣшатъ ли вамъ развязать нашъ узелъ.

— Какъ же это можно?.. Изъ этого ничего не выйдетъ.

— А можетъ быть, выйдетъ. И я сталъ объяснять, что если банкъ не дастъ намъ возможности раздѣлить товарищескую землю, то у насъ опять останется черезполосица, а вѣдь это вовсе не соотвѣтствуетъ политикѣ землеустройства.

— Ну, да вѣдь у однихъ одинъ взглядъ на землеустройство, а у другихъ другой...

Я увидѣлъ, что такъ разлакомившая насъ возможность соединить всю землю въ одно мѣсто и обезпечить себя кусками земли, которые подошли бы даже подъ размѣръ такъ называемой трудовой нормы, — оказывается неосуществимой. Намъ приходилось ограничивать свое землеустройство одними надѣлами. Я зашелъ къ одному знакомому земцу и подѣлился своими огорченіями отъ мертвечины и канцелярщины въ крестьянскомъ банкѣ.

— Какая-жъ мертвечина, напротивъ, тамъ самая жизнь. Тамъ не сочувствуютъ новому землеустройству, вотъ и вамъ они не хотятъ помогать. Они сторонники общиннаго владѣнія, и сознательно не хотятъ содѣйствовать выходамъ изъ нея.

— Такъ это же казенное учрежденіе, какое же они имѣютъ право тормозить-то, что поощряется правительствомъ?

— Казенное учрежденіе, но другого вѣдомства и ихъ старшій тому старшему всегда готовъ ножку подставить.

— И для этого забыть объ интересахъ населенія?

— А имъ что за дѣло до этихъ интересовъ.

— Вотъ ужъ истинно паны будутъ драться, а у хлопцевъ чубы трещать. Да ужъ и трещатъ.

— Да и трещатъ,—согласился мой знакомый. — Недавно одинъ крестьянинъ, выдѣлившійся на хуторъ, захотѣлъ взять ссуду подъ надѣлъ, такъ его водили-водили, измучили бѣднягу. Наконецъ выдали. Выдали свидѣтельствами сто за сто, а когда онъ пошелъ ихъ продавать, то выручилъ вмѣсто 400 рублей, что-то 340 или еще меньше.

Возвращаясь въ деревню, я чувствовалъ, что везу своимъ компаньонамъ нерадостную вѣсть. И дѣйстви-

тельно, какъ только отрубники узнали, что товарищеской землей нельзя распорядиться одинаково съ надѣльной, то очень опечалились.

— Это дѣло плохо, — печально причмокивая, говорилъ Степанъ Кузьминъ. Другому, пожалуй, выйдетъ хуже мелкихъ полосъ. Какъ достанется тебѣ участокъ у Суровцевскаго лѣса, а купленная-то она вонъ гдѣ, и будетъ далеко, а изъ деревни уйдешь, еще будетъ дальше. Насъ тогда дѣти-то проклянутъ.

— Объ дѣтяхъ думать нечего, ты про себя гадай,— сказалъ Матвѣевъ.

— Про себя-то гадай и про нихъ не забывай, земля-то и имъ будетъ нужна.

Матвѣевъ хотя уговаривалъ Степана Кузьмина, но и у него въ тонѣ чувствовалась неувѣренность.

— Можетъ быть, наберемъ половину, тогда землеустроитель намъ устроитъ.

— Теперь гдѣ-жъ набрать. Только узнай они, что нельзя по согласію, они вотъ какъ упрутся. У нихъ теперь козырь въ рукахъ.

Дѣйствительно, такъ и вышло. Узнавши, что товарищеская земля обязательному выдѣлу не подлежитъ, противники выдѣла окрѣпли духомъ и подняли головы. Они съ настойчивостью начали распространять вездѣ, что дѣло выдѣла у насъ не выходитъ, что вышло новое толкованіе, по которому и землеустроитель ничего не можетъ подѣлать. Да и что тутъ подѣлаешь: если выдѣлить имъ къ одному мѣсту надѣльную, какъ они тогда на товарищескую проѣдутъ. Поѣдутъ по мірской землѣ, а міръ-то имъ ѣздить и не дозволитъ. И они распространяли это съ такой увѣренностью, что заставили крѣпко задуматься нѣкоторыхъ изъ нашихъ компаньоновъ.

LXXXVIII.

Подходила Пасха. Въ эту весну приближеніе великаго праздника никого не окрыляло свѣтлыми надеждами. Весна была поздняя. Наступленіе тепла затянулось. Стояла еще санная дорога, и каждый день шелъ снѣгъ. Солнце пряталось за тучами, и небо скорѣе походило на осеннее. Хлѣбъ былъ давно у многихъ подъѣденъ, и къ заботамъ о хлѣбѣ прибавлялась еще забота о сѣменахъ. Своихъ сѣмянъ не было у доброй части деревни, и негдѣ было достать ихъ. Состояніе духа у многихъ стало совсѣмъ мрачное, и это увеличивало общее озлобленіе, вызванное нашимъ стремленіемъ къ выдѣлу.

Пріѣхавшіе къ празднику москвичи подливали масла въ огонь. Они, какъ жившіе не отъ земли, не заинтересованные увеличеніемъ доходности отъ нея, а чувствовавшіе большое удобство жить въ міру, гдѣ многіе заботы выполняются всѣми сообща, конечно не могли сочувствовать разрушенію этого міра. И вотъ они стали поддерживать стариковъ-домосѣдовъ и увѣрять, что новый порядокъ грозитъ гибелью всему крестьянству, что его нигдѣ не принимаютъ, и что законъ этотъ временный,—какъ только немного ослабнетъ наше правительство, его отмѣнятъ и все пойдетъ по старому. Эти разглагольствованія подсыпали Печниковымъ перцу на языкъ, и они готовы были лѣзть на стѣну. Я не одинъ разъ спрашивалъ самъ себя: не увлекаюсь ли я. Не наношу ли я въ самомъ дѣлѣ имъ какой-нибудь серьезной обиды, не попираю ли ихъ дѣйствительныхъ и важныхъ правъ, нарушеніе которыхъ такъ ихъ раздражаетъ. Я ставилъ мысленно себя на ихъ мѣсто и ихъ на свое, и никакъ не могъ найти серьезныхъ основаній для ихъ упорства,— только мелкая корысть и низменное самолюбіе, какъ

слѣдствіе общей народной темноты, могли быть причиной ихъ раздраженія. Я нѣсколько разъ пробовалъ подойти къ нимъ съ другого конца, заговорить по душѣ, по-человѣчески. Но не было уже того мостка, что перекидывается отъ сердца къ сердцу, не было естественнаго отношенія къ тебѣ, и попытки всегда кончались неудачей.

— „А что если отказаться?" — задавалъ я себѣ вопросъ, — перестать добиваться того, что̀ затѣяно, и предоставить стихійному рѣшенію этого вопроса, что изъ этого будетъ?.. А будетъ то, что у нихъ окрѣпнетъ увѣренность, что у общества правъ больше, слѣдовательно сила на ихъ сторонѣ, а разъ у нихъ будетъ право и сила, во всемъ пойдетъ ихъ распорядокъ. И все, что губило хозяйственную предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ, останется ненарушимымъ. Нѣтъ, нельзя было поддаваться малодушію. Разъ дѣло начато, нужно было дѣйствовать дальше.

Наступило Свѣтлое Воскресеніе. Погода и дорога были зимнія, съ вечера пошелъ снѣгъ и ночь была темная, беззвѣздная. Наша деревня отправилась въ село въ церковь, въ ожиданіи заутрени многіе размѣстились по чайнымъ, пили чай, вели разговоры и здѣсь темы разговоровъ были землеустройство. Одинъ фабричный критиковалъ законъ потому, что у насъ мало земли; другой находилъ невыгоднымъ потому, что придется заводить свой колодезь, каждому отдѣльнаго пастуха. Повторялись избитые шаблонные доводы незнавшихъ деревенскихъ условій противниковъ выдѣла, и нигдѣ не было настоящаго соображенія, жизненнаго взгляда на предметъ. Было что-то огульное, задорное, не желавшее ни подумать, ни обсудить сущность того, о чемъ говорится и можетъ быть даже неспособное къ этому, а между тѣмъ увѣренность, съ какою утверждалось, что высе-

лившійся, которому отойдетъ 10—12—15 десятинъ, вдругъ очутится на какомъ-то островѣ, будто у него не можетъ быть сосѣдей, съ которыми онъ и выроетъ одинъ колодезь, и будетъ по-очереди возить дѣтей въ школу и имѣть общаго быка и т. п. Ничего этого никому не приходило въ голову, а осуждалось и осуждалось.

Ударили къ заутрени. Споръ кончился, и народъ пошелъ въ церковь. Церковь ярко освѣтилась, началась служба, съ клиросовъ полились торжественные напѣвы. Но и прославленіе воскресенія, призывъ къ забвенію и любви, также какъ и практическія разсужденія, оказалось, не могли быть принятыми многими. Когда кончилась заутреня, я вслѣдъ за другими вышелъ изъ церкви и, сойдя съ паперти, остановился въ сторонѣ. Въ ночной темнотѣ я разглядѣлъ группу мужиковъ, поблескивавшихъ огоньками цыгарокъ. И въ этой группѣ я услышалъ глухой надтреснутый голосъ Ивана Солдата, который мрачно и увѣренно говорилъ:

— Пусть будетъ, что̀ будетъ, а я на своемъ настою. Только кто пріѣдетъ и пойдетъ по полю отмѣрять имъ, возьму колъ и пока не изломаю, изъ рукъ не выпущу.

— Не похвалятъ за это.

— Пусть не хвалятъ, все равно... Вонъ Кропоткинъ тогда... тряхнулъ земскаго начальника... Ну, посадили его—отсидѣлъ, не померъ. И мнѣ голову не снимутъ. А если снимутъ, пущай, по крайности за свои интересы...

Все это не могло не дѣйствовать на выдѣляющихся, и тѣ ходили грустные, задумчивые, не зная твердо, какъ имъ быть. Очевидно, у нихъ разрасталось опасеніе, какъ бы не вышло хуже изъ того, что затѣяли. Михайло Платоновъ, Степановъ Кузьминъ и обѣ наши вдовы, подавшія заявленіе на выдѣлъ,—сходились межъ собою и о чемъ-то таинственно совѣщались. Насъ они на совѣщаніе не

приглашали,—видимо, у нихъ зарождалось какое-нибудь рѣшеніе, отдѣльное отъ насъ.

Посреди Пасхи ко мнѣ вдругъ пришелъ Михайло Платоновъ, согнутый, съ измученнымъ лицомъ и заявилъ:

— Знаешь что, мы думаемъ отказаться.

— Кто это—мы?

— Я, Степанъ, Яковъ Усанъ и обѣ вдовы. Вѣдь ничего хорошаго не выйдетъ?

— Глядите, какъ вамъ удобнѣе.

— Намъ хочется узнать, что ты скажешь.

— Я скажу только, что̀ я понимаю, а вы вѣдь хотите по своимъ понятіямъ дѣйствовать.

— По своимъ.

— Ну, такъ вотъ. Такъ что же я вамъ могу сказать? Мои понятія съ вашими расходятся. Я отъ выдѣла не откажусь, потому что считаю, что собранная въ одно мѣсто земля измѣнитъ нашу жизнь.

— И мы не отказались бы, если бы намъ всю землю соединили. А то банковая будетъ отдѣльно, а мірская отдѣльно. Изъ мірской ты вырѣжь къ сараямъ, на прогонъ, на выгонъ, на пастбище, что̀ у тебя останется-то? Всего ничего.

— Столько же, сколько и въ міру.

— Въ міру я буду чужой пользоваться. Тамъ все будетъ просторнѣй, а здѣсь-то я себя обрѣжу и ужъ на чужую-то не ступи. А это вѣдь нужно все понять.

— Глядите, что выгоднѣй.

— И думается, что въ міру будетъ выгоднѣй, у меня полосы большія, насиженныя, а тутъ-то еще неизвѣстно, какія достанутся.

Я не сталъ его убѣждать, боясь какъ бы не нажить въ будущемъ упрека, и Михайло ушелъ отъ меня съ тѣмъ же рѣшеніемъ, съ какимъ пришелъ. Въ скоромъ

времени я увидѣлъ, какъ они со Степаномъ запрягли лошадь и поѣхали изъ деревни.

Вернулись они вечеромъ. Они побывали у земскаго. Земскій ихъ отказа отъ выдѣла не принялъ, а обругалъ ихъ. Писарь самъ тоже не сталъ составлять ихъ заявленіе, но направилъ ихъ къ мѣстному законнику, который и накаталъ имъ, что имъ требовалось.

LXXXIX.

— Не народъ, а черти, али черти, а не народъ,— разглагольствовалъ этимъ вечеромъ Данило.—Что же у нихъ головы не было, когда они первый разъ-то заявляли? Вѣдь сами полѣзли, никто ихъ насильно не тянулъ!..

— У нихъ воръ на животѣ,—замѣтилъ Матвѣевъ,— имъ хочется все получше. Я слышалъ, имъ не нравится, что мы заявили—гдѣ угодно возьмемъ. Пусть, говоритъ, они возьмутъ что похуже-то, да подальше, а мы, говоритъ, тогда и заявимъ—пріѣжьте и намъ къ нимъ.

— Шутъ съ ними, пусть плутуютъ, они пусть плутуютъ, а мы напрямки пойдемъ,—опять сказалъ Данило.

Я намекнулъ, что если у кого изъ нихъ нѣтъ увѣренности, что отруба лучше, то правильнѣе будетъ отказаться сейчасъ, легче будетъ всѣмъ, но ни у кого этого желанія больше не было.

— Нѣтъ ужъ, что тутъ, назадъ только раки пятятся, по-нашему, коли назвался грибкомъ, такъ полѣзай въ кузовъ.

Но и пятеро отказавшихся укрѣпили увѣренность въ міру, что дѣло отрубщиковъ пропащее. Печниковы ликовали. Они поняли, что отказавшіеся струсили ихъ противодѣйствія,—и рѣшили еще энергичнѣе вести свою

тактику, чтобы сломить остальныхъ. Прежде всего имъ нужно было обезсилить меня, съ остальными же имъ легче было-бъ справиться. Но все, что пока ни предпринималось противъ меня, не имѣло пока никакого дѣйствія. Послѣ иска у меня одной души земли на судѣ, и отказа въ разбирательствѣ дѣла,—Андреева науськивали предолжать свой искъ у земскаго начальника, но земскій начальникъ, провѣривъ приговоръ на мѣстѣ, нашелъ, что онъ составленъ правильно, но только не оформленъ, и призналъ его имѣющимъ силу и въ искѣ Андрееву отказалъ. Но Андреева подбили, чтобы онъ перенесъ дѣло на съѣздъ, такъ какъ опираться на то, какъ было дѣло въ дѣйствительности, трудно было имѣть увѣренность, что дѣло повернется въ ихъ пользу, они рѣшили измѣнить тактику: продолжая доказывать, что я владѣю прибылой душой послѣ частной передачи мнѣ ее Андреевымъ, они надумали увѣрить съѣздъ, что приговоръ былъ не оформленъ потому, что его нельзя было оформливать, что общество не участвовало въ передачѣ мнѣ земли, при провѣркѣ приговора могло бы отказаться. Они рѣшили подтвердить это свидѣтельскими показаніями и этимъ добиться, чтобы отнять у меня одну душу земли.

Вскорѣ послѣ Пасхи я былъ въ Бухоловѣ и увидалъ шедшихъ куда-то Ивана Солдата, Плѣшакова и Егора Власова. Они были подпоясаны кушаками, съ палками въ рукахъ, видимо собравшись въ далекій путь. И дѣйствительно, они шли въ уѣздный городъ, на съѣздъ въ качествѣ свидѣтелей. Въ Бухолово они зашли, чтобы получить напутствіе, какъ имъ дѣйствовать и говорить. Сидя въ трактирѣ, они хвастались, что они добьются, чтобы докорить меня, но когда мнѣ это передали, я, считая свое дѣло правымъ и право яснымъ, никакого безпокойства не испыталъ.

Но вотъ черезъ день Печниковы возвратились домой. Они были возбужденные, ликующіе. На всю улицу они объявили, что приговоръ на съѣздѣ признали фальшивымъ, землю присудили Герасиму Андрееву и что съ меня теперь потребуютъ еще за незаконное пользованіе чужою землею.

Это извѣстіе взволновало и меня, и моихъ семейныхъ, и семью Захара Петрова, который въ одно время со мною принялъ отъ общества душу земли. Земля для Захара имѣла очень большое значеніе. Сынъ Захара, на котораго была прибавлена душа земли, умеръ, послѣ него осталась вдова съ малолѣтками. Отбей у него землю, вдовѣ нечѣмъ будетъ растить ребятъ.

А Плѣшаковъ кричалъ на всю улицу, что у меня отберутъ и полевую, и усадебную душу, что усадьбу онъ сниметъ въ аренду, и вырѣжетъ душу ея изъ середины моей усадьбы, порубитъ растущія на ней яблони и оставитъ мнѣ двѣ узенькія ленточки земли. Радовался Егоръ Власовъ и староста.

— Мы ихъ всѣхъ доймемъ. Доберемся, — шумѣлъ Иванъ Солдатъ. Они будутъ знать какъ трогать міръ, храбры больно!..

Я успокоилъ какъ могъ свою семью и семью Захара. Мнѣ думалось, что Печниковы что-нибудь путаютъ, но все-таки какъ только земскій начальникъ возвратился изъ уѣзднаго города, рѣшилъ сходить къ нему, чтобы узнать укрѣпленъ ли мой надѣлъ съѣздомъ и что за приговоръ, который вынесъ съѣздъ по моему дѣлу съ Андреевымъ.

Земскій начальникъ имѣлъ на этотъ разъ смущенный видъ. На первый вопросъ онъ отвѣтилъ, что съѣздъ не могъ укрѣпить нашъ надѣлъ въ семейную собственность, потому что по имѣющемуся при дѣлѣ документу укрѣпленіе возможно только въ личную собственность. Я

напомнилъ ему, что я его объ этомъ предупреждалъ. Земскій, чувствуя свою оплошку, пожалъ на это плечами, но ничего не сказалъ. Тогда я перешелъ къ дѣлу о душѣ земли.

— И въ этомъ случаѣ ваше дѣло не важно,—сочувственно проговорилъ земскій начальникъ. — Вамъ придется возвратить землю Андрееву.

— Какъ, развѣ объ этомъ сдѣлано постановленіе?

— Постановленіе сдѣлано не могло быть, но приговоръ признанъ не имѣющимъ силы, такъ какъ онъ не оформленъ, и Андрееву предоставлено искать землю волостнымъ судомъ.

— У общества?

— Нѣтъ, у васъ съ Петровымъ. Его полосы у васъ, онъ и будетъ искать ее съ васъ.

— Но у насъ вовсе не его полосы?

— Какъ такъ? Въ приговорѣ ясно говорится, что вы получили землю Герасима Андреева.

— Мы получили землю послѣ отказа Герасима Андреева, но земля, принадлежавшая Герасиму, была припахана его братомъ еще раньше этого, намъ же пришлось взять выморочную землю, при этомъ усадьбу я получилъ свою родовую, а Захаръ Петровъ никакой усадьбы не получалъ.

— Вотъ какъ! — оживленно воскликнулъ земскій начальникъ.—Ну, въ такомъ случаѣ Андреевъ у васъ взять земли не можетъ. Онъ имѣетъ право искать только ту землю, какою онъ владѣлъ фактически, только тѣ самые участки.

— А какъ же теперь насчетъ укрѣпленія меня?

— Съ этимъ придется подождать. Искъ-то къ вамъ несомнѣнно скоро будетъ предъявленъ. А разъ дѣло въ волостномъ судѣ будетъ начато, то дѣло объ укрѣпленіи въ собственность должно быть пріостановлено.

— А если искъ будетъ вздорный, ни на чемъ не основанный?

— Все равно, разъ возникаетъ дѣло въ судѣ, то дѣлопроизводство по укрѣпленію въ собственность пріостанавливается.

— А безъ укрѣпленія въ собственность невозможенъ будетъ и выдѣлъ?

— А безъ укрѣпленія въ собственность невозможенъ выдѣлъ.

Мнѣ почувствовалось, что мое дѣло не скоро кончится и съ такими непріятными предчувствіями я ушелъ отъ земскаго начальника.

XC.

Вызовъ на волостной судъ не замедлился. Андрееву хотѣлось поскорѣе добиться возврата себѣ надѣла. И намъ не было резона затягивать дѣло. Андреевъ передъ судомъ побывалъ у насъ на сходѣ, угостилъ міръ водочкой, свидѣтелей же, ходившихъ съ нимъ на съѣздъ, попотчивалъ особо, и они явились и на волостной судъ, чтобы поддержать его. Но на судѣ оказалось, что двое свидѣтелей не могли знать существа дѣла, такъ какъ не они въ то время ходили на сходку, а ихъ старшіе, а Плѣшаковъ, всѣхъ пламеннѣе поддерживавшій Андреева, не жилъ тогда дома. Свидѣтели же съ моей стороны подтвердили существо приговора и Герасиму Андрееву въ искѣ было отказано.

Это рѣшеніе огорошило Андреева и страшно взвинтило его свидѣтелей. По окончаніи суда Плѣшаковъ набросился на Андреева и сталъ упрекать его за то, что онъ не такъ велъ себя на судѣ. Зачѣмъ онъ сознался, что посылалъ письмо объ отказѣ отъ земли,

что передавалъ землю обществу. По мнѣнію Плѣшакова, нужно было молчать объ этомъ и такъ вести дѣло, чтобы судъ призналъ самовольный захватъ нами земли. Андреевъ растерялся и по совѣту Печниковыхъ передалъ дальнѣйшее веденіе дѣла своему шурину, жившему въ томъ селѣ, гдѣ было волостное правленіе и могущаго пользоваться совѣтами какъ писаря, такъ и другого законника села. Когда выяснилось, что этимъ путемъ меня донять не удается, Печниковы и другіе старики были безпредѣльно взбѣшены. Увидѣвъ, что возможность волокитой затянуть дѣло ускользаетъ, они стали придумывать что-нибудь еще. Возбужденная мысль допускала даже физическую расправу. Возможность какой-нибудь дикой выходки со стороны Печниковыхъ была тѣмъ болѣе вѣроятна, что въ это время расправы изъ-за земельныхъ раздѣловъ шли по всей Руси. Въ газетахъ чуть ли не каждый день сообщалось то объ одномъ, то объ другомъ случаѣ столкновенія отдѣльныхъ лицъ съ міромъ, и нѣкоторыми корреспондентами прогрессивныхъ газетъ въ такихъ сообщеніяхъ подчеркивалось такое обстоятельство, что міръ тутъ возмущается нарушеніемъ своихъ идеалистическихъ „устоевъ“ и протестуетъ противъ собственности, противъ якобы нежелательнаго ему раздѣленія, особенно вреднаго теперь. И большинство благодушныхъ людей, благородно настроенныхъ, желавшихъ возрожденія народа, такъ и понимало эти извѣстія, и въ ихъ сознаніи эти нелѣпыя, жестокія, безсмысленныя выходки темныхъ и несчастныхъ людей укрѣпляли увѣренность, что народъ сознательно протестуетъ противъ ненавистнаго этимъ господамъ политическаго акта, и караетъ своими выходками яко бы за измѣну мірскому дѣлу... Газетныя извѣстія о такихъ случаяхъ, доходившихъ до насъ, чутко воспринимались противниками выдѣла и они открыто говорили:

— И у насъ до этого дойдетъ, нешто не дойдетъ?

Однажды я завелъ рѣчь о возможности какой-нибудь грубой выходки съ своими компаніонами. Я спросилъ ихъ, какъ они отнесутся, если міряне не на словахъ только, а на дѣлѣ начнутъ озорничать?

— Пороху не хватитъ, — увѣренно заявилъ Селиверстъ.—Выступить кому одинъ на одинъ, пожалуй, не одолѣешь, а если кучей, такъ вѣдь и насъ куча, что-жъ мы такъ имъ шею и подставимъ?

— Очень они озлоблены.

— Когда мужики дѣлятся, всегда злоба идетъ,—опять просто и спокойно разрѣшилъ вопросъ Селиверстъ.—И отецъ съ сыномъ за воротки хватаются и братъ съ братомъ готовы другъ дружкѣ горло перегрызть, а потомъ пройдетъ время и обойдутся и вражда забудется, и въ гости другъ къ дружки будутъ ходить. Нѣшто это не бываетъ.

Это была правда. Дѣйствительно, въ деревнѣ всякая острота быстро сглаживается, грустно было только, зачѣмъ же злоба такъ поднимается, разростается до такихъ размѣровъ, вѣдь эта слѣпая озлобленность вытравляетъ уваженіе къ такимъ лицамъ, спокойное отношеніе къ нимъ.

Селиверстъ на это отвѣтилъ:

— Отчего же благородные люди ругаются: — „Ахъ ты мужикъ“. Мужики мы неотесаные, темные, нѣтъ у насъ ни въ чемъ никакого удержу, вотъ оттого все такъ и дѣлаемъ.

XCI.

Весна задалась ужасно плохая, почти не было ни одного солнечнаго дня. Дождь лилъ все время безъ останову. Не было дороги. Пахота велась кое-какъ, у

многихъ остались незасѣянными полосы, озимь развилась слабо, ее заволакивало травой. На хорошій урожай нельзя было разсчитывать, и это совсѣмъ сбивало съ пути мужиковъ.

Несмотря на мокрую весну по деревнямъ пошли пожары. Происходили они отъ поджоговъ. Большею частью жгли сами себя за тѣмъ, чтобы получить страховку и на эти деньги завести новую стройку, а на остатокъ отъ этого беззаботно покормиться хотя нѣкоторое время. И у насъ стали поговаривать:

— Какъ бы и у насъ этого не вышло. И у насъ есть отпѣтыя головы.

Къ Троицыну дню погода нѣсколько разгулялась и весна стала похожа на весну. Первый день прошелъ весело, всѣ чувствовали себя по праздничному. Молодежь веселилась до поздней ночи и уже послѣ полночи, когда вся деревня улеглась спать, съ нижняго конца деревни послышались тревожные крики. Проснувшись и подскочивъ къ окну, я увидалъ яркій свѣтъ подъ горою и услыхалъ тотъ характерный трескъ, который бываетъ во время пожаровъ. Выскочивъ на улицу, я увидалъ, что крайніе дворы, принадлежащіе двумъ выдѣляющимся, Василію Андрееву и Данилѣ, залиты огнемъ.

Весь конецъ деревни былъ охваченъ паникой. Староста принялся спасать свое имущество, не пробивъ тревоги, и потерялъ въ суматохѣ ключи отъ пожарнаго сарая. Другіе мужики тоже бросились вытаскиваться. Прибѣжавшіе съ верхняго конца, куда пожаръ не могъ распространиться, вмѣсто помощи тѣмъ, кому угрожала опасность, вернулись къ своимъ дворамъ, чтобы спасать свое имущество. Никто ничего не предпринималъ, чтобы отстоять дворы, стоявшіе на очереди. Жившій черезъ проулокъ отъ Данилы Феклистъ, забывшій во̀время убрать набитыя подъ застреху льняныя отрепья,

увидалъ, что отрепья каждую минуту могутъ вспыхнуть отъ жары, совсѣмъ ошалѣлъ и не зналъ, что дѣлать. Съ бабой его сдѣлался припадокъ. Нужны были люди, чтобы отстаивать его дворъ и вода, но ничего не было. Отрепья дѣйствительно скоро вспыхнули и огонь захватилъ второе гнѣздо.

Дальше пока огонь не шелъ, хотя другому посаду ежеминутно грозила опасность. Вѣтеръ тянулъ туда, и дворы, стоявшіе тамъ, были крыты соломой. Петръ Дарьинъ, чьему двору грозила больше всего опасность, однако стоялъ въ сторонѣ на проулкѣ и ничего не предпринималъ, чтобы отстаивать свой дворъ. Когда же ему замѣтили это, онъ только выругался и отошелъ поглубже въ проулокъ.

А между тѣмъ, займись его дворъ, загорѣлся бы другой посадъ, могло бы перекинуть огонь на сараи и амбары, но у Петра стройка поджилась, была высоко застрахована, у него на усадьбѣ стоялъ приготовленный новый иструбъ, поэтому ему загорѣться очевидно даже хотѣлось.

Наконецъ растормошили старосту, сбили замокъ у пожарнаго сарая, достали ведра и багры, кое-какъ сбили народъ, чтобы отстаивать другіе дворы и пожаръ ограничился только четырьмя дворами.

— Ну это еще цвѣточки, а ягодки впереди, — кричалъ чей-то зловѣщій голосъ. — Погоритъ еще кой-кто, подождите!..

Стали отыскивать причины пожара и не нашли никакихъ. Вѣроятно, что былъ поджогъ, но кѣмъ онъ былъ сдѣланъ? Сами-ль хозяева его сдѣлали, посторонніе-ль? Самимъ хозяевамъ не было большого разсчета поджигать себя, такъ какъ стройка у нихъ была новая, они только два года передъ тѣмъ сгорѣли. Посторонніе могли поджечь только изъ мести; но сгорѣвшіе были

безобидные люди. Если это сдѣлано ввидѣ протеста противъ ихъ стремленія къ выдѣлу, такъ они были пассивные участники его. Послѣднее объясненіе однако распространялось охотнѣе, и противники выдѣла не оспаривали его, напротивъ они даже охотнѣе упирали на эту именно причину и выражали сожалѣніе, что мало пострадало. Это невольно заставляло настораживаться и подумать что-нибудь предпринять, чтобы обезопасить себя на случай могущей быть такой расправы. У меня постройка была застрахована въ настоящую цѣну, но движимость была не застрахована. У другихъ же и постройка была застрахована по низкому расцѣнку. Они рѣшили повысить ее. Егоръ Вдовинъ вытребовалъ къ себѣ страхового агента, и когда агентъ пріѣхалъ, сдѣлалъ оцѣнку имущества и позвалъ старосту съ понятыми, чтобы подписать актъ объ оцѣнкѣ, староста не пошелъ къ нему. Онъ созвалъ мужиковъ и сталъ возбуждать ихъ, чтобы не давать Вдовину оцѣнивать высоко стройку.

— Зачѣмъ ихъ баловать, они настрахуютъ, имъ и пожаръ не страшенъ, пусть-ко поживутъ какъ другіе.

— Знамо дѣло,—сейчасъ же согласился Солдатъ.— Одинъ отъ пожара-то разоряется, а другой только богатѣетъ, онъ заштрахуется да и подожгетъ себя, а ты изъ-за него терпи.

И стройка, и характеръ владѣльца ея не допускали возможности въ этомъ случаѣ самоподжога, да и сумма оцѣнки постройки была ниже ея стоимости, но мужики ухватились за эту мысль и шумѣли, что они страховаться Вдовину не дадутъ.

И долго пришлось убѣждать агенту старосту и понятыхъ, что ихъ упорство ни къ чему не поведетъ, что страхованіе все-таки будетъ произведено. Староста подался только подъ угрозами.

Послѣ этого Иванъ Солдатъ сталъ подговаривать мужиковъ, чтобы не давать двумъ погорѣльцамъ, выходящимъ на отруба, строиться.

— Они хотятъ уходить изъ общества, пусть уходятъ совсѣмъ. Зачѣмъ они будутъ мозолить намъ глаза. Пусть убираются, куда хотятъ.

Но и это упорство не могло нигдѣ быть поддержано и Печниковымъ пришлось помириться съ тѣмъ, что и Василій Андреевъ и Данило стали вновь строиться въ деревнѣ.

XCII.

Когда погода немного установилась, старостой снова была получена повѣстка о пріѣздѣ въ деревню землеустроителя и предложеніе старостѣ и выдѣляющимся не отлучаться въ этотъ день. На этотъ разъ землеустроитель пріѣзжалъ съ землемѣромъ. Въ этотъ пріѣздъ должно быть намѣчено мѣсто для выдѣла и составленъ приблизительный проектъ выдѣла. Мысль, что въ скоромъ времени будетъ извѣстно, къ какому мѣсту намъ вырѣжутъ участки, волновала очень многихъ изъ насъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали дня пріѣзда землеустроителя.

Волновалось и общество. Печниковыхъ и старосту съ Астафьевымъ разрывала отъ бѣшенства вѣроятность предположенія, что выдѣлъ близокъ къ осуществленію и нѣтъ никакой возможности помѣшать ему, поэтому воинственность ихъ дошла до крайнихъ предѣловъ. Они уже не только не здоровались при встрѣчѣ съ выдѣляющимися, но не могли спокойно говорить съ кѣмъ-нибудь изъ насъ. Когда мои старшіе дѣти, учившіеся въ Москвѣ, пріѣхали въ деревню, то при появленіи ихъ на улицѣ, къ нимъ придирались ребятишки, дразнили „от-

рубными", распространяли всякую напраслину про меня, на каждомъ шагу старались уязвить какъ только возможно. И какъ я ни вѣрилъ въ свою правоту, законность предпринятаго дѣла, выгоду для всѣхъ отъ предстоящей перемѣны въ формѣ землепользованія, все-таки иногда эта травля становилась невтерпежъ и я чувствовалъ себя очень подавленнымъ.

Наступилъ день, когда землеустроитель снова пріѣхалъ къ намъ. И ему, очевидно, было тяжело сходиться лицомъ къ лицу съ такими господами, которые не разбирали никакихъ средствъ, проявляя свое упрямство, но онъ держалъ себя спокойно и старался ничѣмъ не выдѣлять своего личнаго чувства къ доносчикамъ. Когда сходка собралась, онъ обратился къ міру и заговорилъ:

— Ну, вотъ я опять пріѣхалъ къ вамъ по дѣлу выдѣла девяти домохозяевъ. Какъ вы надумали и гдѣ соглашаетесь указать имъ мѣсто для нарѣзки участковъ?

— На вредовой сторонѣ къ березинской межѣ,—заявили Плѣшаковъ и Петръ.

— Это купленную?.. А надѣльную тоже въ эту сторону?

— Надѣльной мы имъ не даемъ, а что приходится надѣльной, пусть берутъ изъ купленной.

— Что же, у васъ есть согласіе раздѣлить купчую землю?

— Согласія нѣтъ, пусть такъ берутъ.

— А приговоръ у васъ составленъ?

— И приговоръ не составленъ и составлять не будемъ. А пусть берутъ безо всего, коли хотятъ...

Какъ не сдерживалъ себя землеустроитель, но все-таки, услышавъ послѣднія слова, онъ взволновался и сказалъ:

— Скажите ради Бога, хотите вы говорить толкомъ или нѣтъ?

— Мы вамъ толкомъ говоримъ. Отводимъ землю къ Березинкамъ по ту сторону рѣчки и безъ прогона, а больше нигдѣ не даемъ.

— О той землѣ, какъ еще не выкупленной изъ банка, безъ приговора товарищества разговаривать нельзя. Я могу говорить только о надѣльной и купленной на Петлинѣ. Согласны вы указать какой-нибудь уголъ въ этихъ угодьяхъ?

— Нѣтъ, несогласны.

— Почему?

— Не желаемъ.

— Почему не желаете?

— Не желаемъ и не желаемъ, Господи!... Пусть живутъ, какъ прежде жили, вотъ и все.

— Да вѣдь вы это и раньше говорили.

— И раньше говорили, и сейчасъ говоримъ, и впредь будемъ говорить, не даемъ мы имъ земли къ вырѣзу нигдѣ, пусть какъ владѣли, такъ и владѣютъ.

Изъ сегодняшняго поведенія міра землеустроитель убѣдился окончательно, что мирнаго соглашенія съ нашими мужиками не можетъ быть ни по одному пункту и рѣшилъ готовить выдѣлъ въ обязательномъ порядкѣ.

Землеустроитель пожалъ плечами и проговорилъ:

— Этотъ разговоръ совершенно безполезенъ. Нужно привести какіе-нибудь резоны и я ихъ приму. Скажите, какое у васъ поле лучше?

— У насъ всѣ хороши.

— Этого недостаточно. Мнѣ ихъ нужно самому увидать, идемте глядѣть ихъ.

— Не желаемъ.

— Какъ угодно. Пожалуй, не ходите, мнѣ достаточно будетъ одного старосты.

— А старосту мы не пустимъ. Староста нашъ, и мы имъ распоряжаться не позволимъ.

— Староста, идешь ты, или нѣтъ? — крикнулъ землеустроитель, отвернувшись отъ горлановъ и обращаясь исключительно къ старостѣ.

— Какъ же я пойду, когда міръ не велитъ?

— Хорошо. Если ты отказываешься, то я объ этомъ сегодня же сообщу земскому начальнику и губернатору.

Староста струсилъ и пошелъ за нами. Мужики бросились за нимъ, схватили его за полы и не хотѣли пускать; староста съ большимъ трудомъ вырвался отъ нихъ, и догналъ насъ уже при выходѣ изъ деревни.

— Что мнѣ теперь будетъ дѣлать,—сталъ жаловаться староста,—вы грозите и они грозятъ, вы вотъ посадите, а они сожгутъ, я и то ночи покойно не сплю, все боюсь, какъ бы не съозорничали, вѣдь нѣшто нонѣ народъ сталъ... разбойники какіе-то....

— Ну и въ старину тоже затирки были, — сказалъ Матвѣевъ,—хоть бы тебя къ примѣру взять...

— Ну, куда-же мы пойдемъ прежде?—спросилъ землеустроитель, оглядываясь направо и налѣво.

— Пойдемте хоть сюда, указали мы и пошли налѣво отъ дороги въ сторону, куда выдѣлъ всѣмъ выдѣляющимся былъ особенно желателенъ, въ виду положенія поля и разстоянія его отъ купленной земли.

XCIII.

Поднявшись на огорокъ, засѣянный клеверомъ, мы остановились и землеустроитель сталъ оглядывать всѣ наши угодья. Онъ выяснилъ границы надѣла какъ протекаетъ рѣчка, гдѣ начинается чужая земля, потомъ поднялся еще повыше и спросилъ:

— Что же эта земля вся вспахана?

— Вся.

— Тогда, видите-ли что: по инструкціи я могу вамъ вырѣзать только такое мѣсто, гдѣ пашни не больше, что вамъ приходится, гдѣ была бы и луговина и неудобныя мѣста. Иначе они могутъ оцѣнить землю выше и мы съ этой оцѣнкой должны будемъ считаться. Потомъ вамъ вѣдь придется вырѣзать и лѣсъ, есть у васъ тамъ поле за лѣсомъ?

— Есть.

— Пойдемте посмотримъ.

На ту сторону лѣса мои компаньоны пошли не такъ охотно. Въ той части надѣла была плохая луговина, ручей, овраги, болотины. Половина поля считалась совсѣмъ плохою, на него была далекая ѣзда, поэтому навоза туда не доходило. Мы стали выяснять эти свойства поля. Землеустроитель согласился съ этимъ, но по его мнѣнію это поле было болѣе подходящее. И староста сказалъ, что это мѣсто для деревни менѣе завидное, и если ужъ выдѣлять, такъ выдѣлять лучше здѣсь.

Землеустроителю подали лошадь, онъ объѣхалъ другіе углы нашихъ полей и, вернувшись, нашелъ, что это мѣсто самое подходящее для выдѣла и сказалъ, что онъ будетъ составлять проектъ на это мѣсто.

А здѣсь мы вамъ выгородимъ прогонъ, указалъ землеустроитель на конецъ деревни,—вы его огородите и будете имъ пользоваться.

Когда мы вернулись въ деревню, сходка не расходилась; воинственное настроеніе мужиковъ еще не пропало. Къ односельцамъ прибавилось нѣсколкко человѣкъ со стороны. Они пріѣхали къ Михайлѣ Платонову на маслобойню. Одинъ изъ нихъ былъ изъ селенія, гдѣ тоже шли выдѣлы, онъ заявилъ себя противникомъ выдѣла и старался убѣдить, что выдѣлы дѣлаются только по согласію міра, безъ согласія же выдѣлъ невозможенъ. У нихъ землеустроитель повелъ-было дѣло тоже такъ,

какъ у насъ, но его такъ осадили, что онъ поджалъ хвостъ.

— И нашему подожмутъ, нѣшто не подожмутъ—гремѣлъ Плѣшаковъ. Вѣдь это самоуправство—ни что иное. Нѣшто начальство можетъ это допускать?—Начальство должно заботиться о насъ, а эти разоряютъ.

Староста, подойдя къ сходу, заявилъ, что землеустроитель выбралъ намъ мѣсто у Суровцевскаго лѣса и что, по его мнѣнію, упираться не стоитъ, тамъ поле плохое и край купленной земли самый голодный. Но Печниковы сейчасъ же набросились на старосту и стали ругать его, что онъ измѣнилъ ихъ партіи и поддался намъ.

— Обошли тебя эти негодяи!—кричалъ Плѣшаковъ.— Они, сукины дѣти, кого хошь оплетутъ. Ишь начальство на ихъ сторонѣ. Ихъ всѣхъ перевѣшать мало... Негодяи, мерзавцы!...

И онъ по очереди сталъ честить всѣхъ, стараясь уязвить каждаго какъ можно больнѣе. И эта бѣшеная злоба, выражаемая имъ къ людямъ чужимъ, ничѣмъ отъ него независимымъ, была очень тяжела. Каково же было переносить, когда онъ такъ разойдется, его семейнымъ? Не даромъ отъ него разбѣгались старшіе сыновья, и не разъ покушалась вѣшаться жена.

Весь проектъ выдѣла былъ разработанъ за этотъ пріѣздъ землеустроителя, осталось составить докладъ и представить его на разсмотрѣніе съѣзда. Въ выработкѣ проекта общество не участвовало. И это было поразительно нелѣпо. Въ этомъ случаѣ общество подвергалось опасности быть опутанными на всю жизнь. Вѣдь пожелай мы поступить недобросовѣстно, мы могли бы выговорить себѣ такія условія, которыя обществу были бы не только невыгодны, а тяжелы. Землеустроитель не могъ входить во все подробно, по незнакомству со всѣми мелочами условій землепользованія. Потомъ при

такомъ противодѣйствіи общества онъ всегда будетъ на сторонѣ выдѣляющихся. И въ землеустроительной коммиссіи не было защитниковъ интересовъ общества, такъ какъ туда не пришло ни сознательное крестьянство, ни земство.

Составивши проектъ, землеустроитель уѣхалъ, а мы остались ожидать повѣстки на съѣздъ, гдѣ должно быть признано возможенъ или невозможенъ проектъ выдѣла.

XCIV.

Пришелъ день, когда намъ нужно было ѣхать на съѣздъ. Выдѣляющіеся ѣхали всѣ. А отъ общества командировались уполномоченные: староста, Степанъ Кузьминъ, Егоръ Власовъ, Ефимъ Большой и Иванъ Солдатъ. Отъ міра имъ были даны такого рода инструкціи: не соглашаться на вырѣзку участковъ, не подпускать къ деревнѣ, и не давать участвовать въ выгонѣ. Основаній же для этого не было придумано никакихъ.

Съѣздъ открылъ засѣданіе въ 12 часовъ; наше дѣло было далеко не первымъ, но мы пришли въ зало съѣзда, разсѣлись на скамьяхъ и стали приглядываться къ тѣмъ, кто участвуетъ въ съѣздѣ, и какъ съѣздъ ведетъ дѣла.

Предсѣдательствовалъ въ съѣздѣ предводитель, бравый полковникъ.

По бокамъ его помѣщались два земскихъ начальника, одинъ небольшой черненькій, съ усиками и бородкой, другой съ правильными чертами лица, съ бѣлокурыми усиками и съ холодно поблескивавшими сквозь пенснэ глазами и сутуловатой безобразно выдѣляющейся спиной. Звали его К. И-чъ. Какъ я узналъ, К. И-чъ такъ же, какъ и предводитель, были крайне правые, очень нетерпимо относившіеся ко всему, что хотя въ слабой

степени относилось къ оппозиціи. Во время засѣданія съѣзда К. И-чъ велъ себя энергичнѣе всѣхъ. Онъ командирскимъ голосомъ покрикивалъ на допрашиваемыхъ, нѣкоторыхъ грубо обрывалъ, безъ церемоній выражалъ свое сужденіе, по всему было видно, что онъ играетъ первую скрипку и твердо держится на своей позиціи.

Подошла очередь и нашего дѣла. Пришелъ землеустроитель и землемѣръ. Насъ вызвали къ судейскому столу и землеустроитель сталъ докладывать дѣло. Когда докладъ былъ оконченъ, съѣздъ сталъ разсматривать планъ, чтобы выяснить себѣ тотъ порядокъ, въ какомъ вырѣзалась намъ земля. Составивши себѣ нужное представленіе дѣла, члены съѣзда обратились къ общинникамъ и спросили:

— Ну, что вы скажете противъ этого?

— Находимъ неудобнымъ, — выпалилъ Иванъ Солдатъ.

— Почему?

— Да такъ что, какъ мы жили до этого тихо, мирно. Было у насъ все честно благородно все вопче, такъ зачѣмъ же намъ, признаться сказать, этотъ выдѣлъ?

— Да вотъ они недовольны этимъ, а хотятъ по другому пользоваться землей.

— Они хотятъ, а мы не желаемъ.

— Какія-же для васъ отъ этого могутъ быть неудобства?

— Перво на перво такое неудобство—куда они скотину погонятъ?

— На свои участки.

— А гдѣ они ее погонятъ?..

И началась опять сказка про бѣлаго бычка, что они не дадутъ прогона, не позволятъ жить въ деревнѣ, не допустятъ ходить на рѣку, и какъ имъ ни говорили, что во всѣхъ общихъ угодьяхъ около деревни будетъ и наша

часть, они не принимали ничего и твердили одно, что это для нихъ неудобно, свяжетъ ихъ и поведетъ къ безконечнымъ спорамъ.

— Ни за что не позволимъ. Если ужъ на то пошло, то пусть берутъ землю вотъ съ этой стороны, — и Солдатъ показалъ огорокъ, на который мы вошли первый разъ.

— Но вѣдь тамъ земля лучше,—заявилъ землеустроитель,—я затруднился ее вырѣзать поэтому.

Мы сказали, что мы очень охотно возьмемъ этотъ огорокъ, туда кстати будетъ и прямой прогонъ.

— А прогона мы не дадимъ.

И какъ ни бился съѣздъ, чтобы выяснить себѣ ихъ основанiе къ упорству, такъ ничего и не добился. Мужики потѣли, утирались полами, принимались говорить вдругъ; когда же ихъ осаживали и предлагали говорить по очереди, то они терялись и бормотали что-то несуразное. Предсѣдатель, выяснивъ дѣло, сказалъ:

— Если указанное непремѣннымъ членомъ мѣсто кажется вамъ невыгоднымъ уступить, то уступите то, что къ сѣверу, они согласны его взять.

— Пусть берутъ, только чтобы безъ прогона.

— А безъ прогона нельзя.

— А намъ съ прогономъ нельзя.

Съѣздъ поднялся и пошелъ въ комнату для совѣщанiя. Совѣщанiе было очень недолгое. Возвратившись предсѣдатель объявилъ рѣшенiе: съѣздъ призналъ выдѣлъ по намѣченному проэкту возможнымъ, если же стороны сойдутся—обмѣнить мѣсто и взять къ сѣверу и поручилъ землеустроительной комиссiи приступить къ разработкѣ проэкта на мѣстѣ. Недовольная сторона приглашалась подавать жалобу въ 30 дневный срокъ.

— Ну вотъ и славно, покорно благодаримъ, — сказалъ Солдатъ. И всѣ мы направились вонъ изъ съѣзда.

Я сначала понялъ, что Иванъ кинулъ эти слова въ видѣ ироніи на непріятное ему рѣшеніе, но когда мы пріѣхали домой, и у старосты собралась сходка, то уполномоченные объяснили, что выдѣлъ присужденъ къ сѣверу и безъ прогона, такъ какъ они на прогонъ не соглашались, а намъ будто бы предложено жаловаться, если мы этимъ недовольны.

— Такъ это вамъ нужно жаловаться,—сталъ увѣрять ихъ Матвѣевъ, а наше дѣло кончено, намъ выдѣлъ признали возможнымъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ баловать, — упрямо твердилъ Солдатъ,—мы больше не будемъ, мы жаловались, а теперь пожалуйтесь вы. Походите по нашей дорожкѣ.

— Да на что же намъ жаловаться, когда постановили въ нашу пользу?

— Нѣтъ не въ вашу, а въ нашу.

Солдатъ это утверждалъ, а другіе ему не противорѣчили. Видно они такъ были увѣрены въ невозможности сдѣлать, что мы добивались, что не хотѣли даже понять истиннаго рѣшенія съѣзда.

XCVI.

Въ навозницу мы рѣшили навозъ не возить что бы не затягивать своего участія во владѣніи земли въ обществѣ. Также намъ не хотѣлось уже и косить въ міру. Мы попросили отвести намъ травы гдѣ-нибудь въ углу, намъ отвели самыя плохія мѣста въ предполагаемомъ къ выдѣлу намъ углу. Мы удовлетворились этимъ и стали собираться косить.

Передъ самымъ началомъ покоса въ деревню пріѣхали землемѣры. Ихъ было трое: старшій инженеръ, а младшіе практиканты, ученики землемѣрнаго училища.

Старшій былъ въ формѣ, т. е. фуражкѣ съ кокардой, свѣтлыхъ пуговицахъ, погонахъ. У практикантовъ были только форменныя фуражки. У нихъ были всѣ принадлежности для практической работы и какъ только они пріѣхали, потребовали квартиру. Квартиру мы имъ нашли у Платоновой вдовы. Перетащивъ ихъ вещи и устроивъ ихъ на квартирѣ, мы пошли собирать сходъ. Мужики, увѣренные Солдатомъ, что съѣздъ постановилъ дѣло въ ихъ пользу и намъ предложилъ жаловаться, страшно взволновались. Сходка вышла опять шумная. Теперь на сходкѣ противъ насъ кричалъ уже и Михайло Платоновъ. Онъ считалъ, что тутъ какая-нибудь штука, какъ же такъ съѣздъ постановилъ землю не отводить, и вдругъ пріѣхали землемѣры. Старшій землемѣръ предъявилъ имъ подлинное предписаніе съѣзда.

— А что тутъ есть подпись господина Мещерина?— вдругъ задалъ вопросъ Иванъ Солдатъ.

— Нѣтъ. Бумага подписана его замѣстителемъ.

— А если нѣту, то мы этой бумаги и вѣрить не хотимъ?

— Это что же, значитъ я являюсь съ фальшивой бумагой?

— Мы тамъ не знаемъ, а на съѣздѣ былъ князь Мещеринъ и онъ велѣлъ дать имъ землю отъ Бурцева, если мы пожелаемъ, и безъ прогона.

Солдатъ говорилъ, это внушительно, какъ будто бы то, что онъ говорилъ было дѣйствительно такъ. Нѣкоторые мужики загалдѣли:

— Какъ же такъ. То говорили, какъ мы пожелаемъ, а то гдѣ они хотятъ. Это самоуправство.

Землемѣръ сталъ объяснять суть состоявшагося постановленія и показалъ имъ на планѣ, какъ постановлено вырѣзать намъ участки.

— Это что же они къ самой деревнѣ подъѣдутъ?

— Клиномъ они упираются въ деревню.

— Нѣтъ, этого мы не допустимъ. Этого быть не можетъ!

— Такъ это что-же, я неправду говорю?—вспылилъ землемѣръ и строго выступилъ противъ Солдата. Солдатъ заявилъ, что онъ ничего не боится и за „опчество“ будетъ стоять горой.

— Ну стой какъ хочешь, а я буду дѣлать свое дѣло. Мнѣ предписано вырѣзать имъ землю за горѣлымъ болотомъ, я и буду вырѣзать.

— Не дадимъ мы имъ тамъ земли,—заявилъ вдругъ Михайло Платоновъ.—Легче убьемъ человѣкъ пять, чѣмъ тамъ землю дадимъ.

Я глядѣлъ на Михайлу Платонова и изумлялся. Гдѣ дѣвался тотъ мужикъ, который раньше мечталъ о землѣ въ одномъ мѣстѣ, половину зимы бредилъ собранной въ одно мѣсто землей, который ночи не спалъ, обдумывая новый порядокъ пользованія; считалъ, на сколько дороже будетъ его владѣніе, на сколько больше оно будетъ приносить. Все пропало, осталась одна злобная сила, дикая, безразсудная. И теперь нельзя было уже къ нему приступить, всѣ увѣщанья были бы безполезны, всѣ доводы безсильны.

Землемѣръ, какъ и непремѣнный членъ, понялъ, что эти мужики не прежніе мужики. Отъ нихъ нельзя было требовать способности понять власть, а еще болѣе то, чтобы они побоялись угрозъ. Эти способы воздѣйствія на мужика приходилось оставить и искать подходовъ съ другой стороны.

— Меня это нисколько не касается,—заявилъ на угрозу Платонова землемѣръ,—и я въ вашемъ спорѣ участвовать не могу. Я тутъ не причемъ. Я нахожусь на службѣ, надо мной стоитъ начальство. Начальство послало меня вымѣрить имъ участки, и я долженъ ихъ вымѣрить, это моя служба. Если вы считаете что-нибудь неправильнымъ,

то жалуйтесь. Вѣдь вы имѣете право жаловаться и на нихъ и на меня, если я буду дѣлать что-нибудь неправильно.

Это вдругъ успокоило мужиковъ, и они согласились, что землемѣръ тутъ не причемъ. Виновники мы, выдѣляющіеся и землеустроитель.

— И будемъ жаловаться, — закричали мужики, — мы такъ не оставимъ.

— Самое правильное дѣло.

Мужики успокаивались болѣе и болѣе. Намѣреніе жаловаться захватило всѣхъ и они стали обдумывать, кому жаловаться и какъ. А землемѣръ выдалъ старостѣ повѣстку, приглашая его на слѣдующій день на межу и разослалъ повѣстки всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ наша надѣльная земля граничилась.

— Вы только въ этомъ углу будете провѣрять межу?— спросилъ я.

— Только.

— Отчего бы вамъ не обойти всю землю?

— Зачѣмъ же ее обходить?

— Провѣрить правильность. Можетъ быть земли меньше или больше. Намъ не хотѣлось бы ни излишка брать, также и что придется намъ, уступать.

— Намъ до этого нѣтъ дѣла. У насъ въ инструкціи предписывается выяснить межу только тамъ, гдѣ земля предполагается къ вырѣзкѣ.

Меня это очень огорчило. И въ новомъ законѣ была старая халатность къ интересамъ населенія. Какъ она могла быть допущена тамъ, гдѣ вмѣсто хаоса насаживается ясность и опредѣленность? Правда, той сторонѣ допускалось занести заявленіе или жалобу, чтобы перемѣряли всю землю, а если они этого не сдѣлаютъ, а у насъ вмѣсто 367 десятинъ оказалось бы 350. Гдѣ же бы взяли себѣ земли послѣдніе выдѣляющіеся?..

XCVII.

Землемѣры составили себѣ порядокъ работъ съ начала. При работахъ нужны были люди. Такъ какъ мы въ міру не косили, то намъ легко было выставить работниковъ на помощь землемѣрамъ.

Сначала рѣшили выдѣлить землю, которая оставалась въ общемъ пользованіи: улицу, выгоны, потомъ усадьбу. И тогда только приступили къ обмѣркѣ полевой земли.

Землемѣры были люди молодые, но у нихъ было полное равнодушіе къ интересамъ крестьянъ. Работали они съ „прохладцей“. Когда они выходили на работу, наши мужики успѣвали уже накоситься досыта, позавтракать, напиться чаю. Работали часа три, потомъ дѣлали перерывъ на два часа, потомъ опять выходили часа на два, и работа была кончена. Для крестьянъ, таскавшихъ цѣпь, и ходившихъ съ вѣхами, было что называется дѣла не дѣлай и отъ дѣла не бѣгай. И на нихъ это дѣйствовало непріятно. Не радовали особенно и дѣйствія общества. Каждый день послѣ покоса общество собиралось въ кучу, и отводило душу въ свирѣпой ругани. Оно грозило, что не дастъ землемѣрамъ ходить по полосамъ, прогонитъ ихъ изъ деревни. Они ругали бабу, пустившую ихъ къ себѣ на квартиру. А одинъ разъ въ деревнѣ появился не жившій дома зять этой вдовы. Его привезли въ деревню Печниковы, подпоили водкой и подговаривали устроить тещѣ скандалъ за землемѣровъ. Зять былъ парень озорной, и отъ него всего можно было ждать. Мы послали къ землемѣрамъ нѣсколько парней на всякій случай. Но зять походилъ, походилъ по деревнѣ, такъ и ушелъ, ничего никому не сказавъ.

Видя, что дѣло приходитъ къ концу, мужики раскачались и выбрали уполномоченныхъ жаловаться на наши дѣйствія. Уполномоченные поѣхали сначала въ городъ, потомъ къ какому-то князю, но нигдѣ имъ ничего утѣшительнаго не сказали.

А землемѣры подгоняли свою работу къ концу, оставалось только описаніе условій пользованія. Мѣсто, отводимое намъ, раздѣлялось надвое протекавшимъ глубокимъ ручьемъ. Намъ хотѣлось, чтобы участки раздѣлялись именно ручьемъ, такъ какъ водотекъ служилъ бы прекрасной границей между участками. Но землемѣръ сталъ объяснять, что по инструкціи этого не полагается.

— Водотекъ можетъ быть по времени измѣненъ и тогда земля одного перейдетъ къ другому, могутъ возникнуть споры, по инструкціи участокъ долженъ заходить на другую сторону ручья и граничиться только ямами и столбами.

Это было совершенно невозможно: перекинутая за ручей земля теряла всякую цѣну, потому что къ ней былъ труденъ подъѣздъ, приходилось ѣздить чрезъ чужой участокъ, а это-то могло привести неизбѣжно къ столкновеніямъ въ будущемъ.

— Для насъ это совсѣмъ неудобно,—заявили мы.— Это намъ испортитъ все дѣло.

— Какъ же я могу сдѣлать, когда у меня въ инструкціи сказано, что живыя урочища за межи не оставлять. Вотъ поглядите, какъ намъ предлагается.

Онъ показалъ инструкцію, но насъ опять это не удовлетворило, и только послѣ долгихъ торговъ землемѣръ согласился принять отъ насъ мотивированное заявленіе, что намъ выгоднѣе межеваться при посредствѣ ручья, и сталъ составлять планъ, разграничивая участки водотекомъ.

Составленіе плана и условія пользованія участками

оказалось должно было занять времени гораздо больше, чѣмъ обходъ межъ въ натурѣ. Отъ такой затяжки проэктъ не могъ попасть на утвержденіе къ іюльскому засѣданію. Крестьянъ очень волновала такая оттяжка. Намъ не только было нельзя сѣять рожь въ этомъ году, но если дѣло затянется и столбы не будутъ поставлены, мы не можемъ подготовить землю и подъ будущее яровое.

Не лучше обстояло дѣло и въ спорѣ объ моей землѣ. Повѣренный Андреева передалъ дѣло въ съѣздъ. Я хотя просилъ земскаго начальника представить дѣло къ разбирательству въ ближайшую очередь, однако оно и въ іюлѣ не пошло. Это тоже ничего хорошаго не обѣщало. Могло оттянуться дѣло укрѣпленія меня въ собственность, а съ этимъ и исполненіе утвержденія нашихъ выдѣловъ.

Землемѣровъ нѣсколько подогнало то, что въ нашу губернію пріѣхалъ осматривать работы по землеустройству петербургскій ревизоръ. Къ намъ пріѣхалъ землеустроитель и сталъ просить землемѣровъ, чтобы они поналегли на проэктъ. Ему нужно было показать планъ проэкта его превосходительству. Землемѣры постарались, и работа была окончена немного раньше. Планъ былъ начерченъ, и мы, по просьбѣ землеустроителя, повезли его показывать петербургскому сановнику.

XCVIII.

Намъ нужно было ѣхать верстъ за десять въ село, гдѣ всѣ домохозяева перешли въ хутора и отруба. Мы пріѣхали туда заблаговременно еще задолго до пріѣзда генерала.

Село волновалось. Крестьяне, такъ дружно разрѣшившіе землеустроительный вопросъ, ждали себѣ мо-

ральнаго подкрѣпленія въ своихъ новыхъ хозяйственныхъ начинаніяхъ. Первый выдѣлившійся на хуторъ, бойкій парень, городской мастеровой Алексѣй Горшковъ, намѣревался обратиться къ генералу съ рѣчью и въ этой рѣчи высказать, что крестьянство всегда готово идти навстрѣчу всѣмъ мѣропріятіямъ правительства, направленнымъ къ благоустройству трудового народа. Законъ 9 ноября они считаютъ благодѣтельнымъ, потому что въ немъ, какъ и въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, власть законодательная признала достойнымъ вниманія отдѣльнаго крестьянина и взяла его подъ свое покровительство. А отъ этого несомнѣнно будетъ упрочиваться благополучіе и благосостояніе всего русскаго государства. Рѣчь эту Горшковъ вытвердилъ наизусть, а также тщательно переписалъ на бумагу, на бумагѣ онъ хотѣлъ вручить ее петербургскому гостю на память.

Мужики въ ожиданіи особы сидѣли въ трактирѣ, а въ домѣ старосты шло приготовленіе къ пріему высокаго гостя. Со станціи пріѣхали буфетчикъ и оффиціантъ. Они уставляли и убирали столъ для закуски. Впервые крестьянская изба увидала и холодную осетрину, разные салаты и соуса, дорогія вина, спиртовые серебряные кофейники. Хозяева долго съ любопытствомъ поглядывали на эти приготовленія и вздыхали.

— Господи, какая жисть-то; вѣдь экъ что пить-ѣсть будутъ! А мы-то тутъ бьемся хоть бы хлѣбушка достать.

Но вотъ въ полѣ показались верховые. За ними тройки: одна, другая, третья. Они быстро приближались къ селу по мягкой проселочной дорогѣ, и вскорѣ въѣхали въ село и повернули ко двору старосты. Генералъ вышелъ изъ коляски, и его сейчасъ же окружила цѣлая свита. Тутъ были чины губернской инспекціи земледѣлія, чины землеустроительныхъ коммиссій, какіе-то чи-

новники изъ Петербурга. Всѣ они направились въ избу къ старостѣ. Землеустроители и землемѣры стали знакомить петербургскаго гостя съ своими работами, а потомъ всей компаніей было приступлено къ закускѣ.

Когда было изрядно поѣдено и выпито, генералъ сталъ говорить, какое впечатлѣніе производитъ на него мѣстность. Ему кажется, здѣсь нужно разбросать какъ можно больше хуторовъ. Здѣсь все, по его мнѣнію, благопріятствуетъ хуторамъ, и склоны полей, и достатокъ воды. Ему не противорѣчили. И онъ остался этимъ очень доволенъ.

— Такъ поѣдемте дальше, господа, — предложилъ генералъ. Въ планъ его экскурсій входило село Середа, гдѣ тоже вся земля разбивалась на части, а потомъ ночлегъ, въ имѣніи одного сіятельнаго помѣщика.

Свита толпой вышла изъ избы старосты, опять всѣ усѣлись въ коляски и уѣхали. Горшковъ съ своей рѣчью и крестьяне съ своими вопросами, такъ и остались, какъ были. Трудно изобразить то разочарованіе крестьянъ, которое мнѣ пришлось наблюдать тогда. Они были прямо ошарашены такимъ презрительнымъ невниманіемъ къ себѣ высокаго гостя. Сознательно разверставъ свои земли, они считали себя участниками государственнаго переустройства. Для такого чина, который къ нимъ пріѣзжалъ, они считали себя добровольной гвардіей, и у него не нашлось минуты, чтобы выйти въ поле, взглянуть, что оно изъ себя представляетъ, какой формы хутора, ни теплаго слова, чтобы дать имъ понять, что высшее правительство относится къ такимъ переходамъ съ полнымъ вниманіемъ. Видимо, эта поѣздка высокаго чиновника была устроена для отдыха или еще изъ какихъ-нибудь видовъ. И неужели для такихъ цѣлей нельзя было найти другого болѣе подходящаго мѣста, чѣмъ ревизія землеустройства?

По возвращенiи въ деревню, землемѣръ занялся окончанiемъ составленiя условiй выдѣла. Передъ самымъ концомъ землемѣрныхъ работъ, къ землемѣру пришли Михайло Платоновъ, Степанъ Кузьминъ и спросили, могутъ ли они теперь подать заявленiе о выходѣ ихъ на отруба.

— Отчего же, конечно, можете,—сказалъ землемѣръ.

— А не помѣшаетъ намъ то, что мы прежде заявили и отказались?

— Нисколько.

— Тогда сдѣлай милость, прими отъ насъ заявленiе, и вырѣжь намъ землю, съ ними рядомъ.

— Отлично, я передамъ ваше заявленiе въ землеустроительную коммиссiю, а тамъ, гдѣ она присудитъ, тамъ и прирѣжу.

Оказалось, что предложенiе моихъ компаньоновъ оправдывалось. Они тогда потому отказались, что захотѣлось взять землю поближе и получше.

XCIX.

Дѣло объ утвержденiи проекта выдѣла въ съѣздѣ было назначено на 16 августа. На этотъ съѣздъ поѣхали уже не уполномоченные, а вся деревня. На этомъ настаивалъ Михайло Платоновъ. Послѣ новаго заявленiя выйти на отрубъ, ему важно было, чтобы вся деревня услышала отъ начальства, что препятствовать этому нельзя, и тогда ихъ выдѣлъ могъ бы гораздо легче пройти. Разсчетъ былъ очень вѣрный. Съѣздъ въ нѣсколько минутъ утвердилъ проектъ выдѣла, отвергнувъ всѣ возраженiя противниковъ, и предложивъ землеустроителю приступить къ выработкѣ проекта выдѣла Михайлы Платонова и его компаньоновъ.

Мужики и бабы вышли изъ залы съѣзда опечаленные, огорченные. Когда спустились внизъ въ городъ, Михайло Платоновъ остановилъ ихъ и проговорилъ:

— Ну, теперь ихъ дѣло кончено, и съ ними ничего не подѣлаешь. Давайте думать, какъ лучше намъ быть. Хотите сдѣлать опчее пастбище, а землю разобьемъ, какъ они?

— Нѣтъ погоди, мы за себя еще постоимъ,—злобно крикнулъ Петръ Дарьинъ.

— Ну и стойте, только ничего не выстоите.

Толпа разсыпалась и разошлась по трактирамъ. Я встрѣтилъ одного знакомаго чиновника, и мы пошли пить чай съ нимъ.

— Это у васъ тамъ такъ дѣйствуетъ землеустроитель-то?—спросилъ чиновникъ.

— У насъ.

— Ишь ты, радъ стараться на такомъ дѣлѣ.

Въ тонѣ чиновника мнѣ почувствовалось недоброжелательство къ непремѣнному члену, и я хотѣлъ это разъяснить.

— Что-жъ, онъ дѣлаетъ дѣло добросовѣстно.

— Добросовѣстно, а самъ подати подговариваетъ не платить, — возразилъ мнѣ мой собесѣдникъ и ехидно усмѣхнулся.

— Развѣ вы думаете, что это правда? — спросилъ я изумленный, что здѣсь этому оговору придаютъ такое значенiе.

— А то какъ же. Развѣ это неправда?

— Я сталъ объяснять, какъ и отъ кого появилась эта выдумка. Но мой собесѣдникъ слушалъ это съ усмѣшечкой на устахъ, видимо не довѣряя мнѣ.

— Все можетъ быть, только онъ не по порядку ведетъ дѣло. Больно горячо, туда бросается, сюда бросается, а куда торопиться. Развѣ крестьянину отруба надо? Они

ихъ въ одинъ годъ спустятъ. Нужно трудиться ихъ заставить, вотъ что, да пить меньше, да власти подчиняться, а онъ съ отрубами. Недаромъ его К. И-чъ не любитъ.

Послѣднее заявленіе меня немного удивило. К. И-чъ, развязный земскій начальникъ, всегда присутствовавшій на съѣздѣ, когда обсуждался нашъ выдѣлъ, ни словомъ не противорѣчилъ ему, просвѣщалъ противниковъ, что ихъ домогательства незаконны,—вдругъ на дѣлѣ оказывался противникомъ землеустроителя. Что же тутъ политическіе расчеты или личные счеты?

Но мой собесѣдникъ продолжалъ:

— К. И-чъ тоже не меньше его дѣло знаетъ, хотя служитъ послѣ, смотрите-ко, какъ онъ ведетъ дѣла.

Черезъ одинъ день, когда началось судебное засѣданіе съѣзда, мнѣ пришлось еще разъ увидать, какъ ведетъ дѣла К. И-чъ. Въ этотъ разъ предсѣдательствовалъ уже не предводитель, а членъ окружнаго суда старый, туговатый на ухо господинъ. Между земскими начальниками былъ К. И-чъ. Онъ велъ себя, какъ и на административномъ засѣданіи, презрительно посматривая на собравшуюся въ залѣ толпу, и ему было видимо скучно. Время отъ времени онъ вмѣшивался въ опросъ тяжущихся и металлически звенящимъ голосомъ строго спрашивалъ то того, то другого. И въ этомъ засѣданіи онъ верховодилъ въ съѣздѣ и направлялъ теченіе дѣла въ томъ направленіи, какое ему казалось справедливѣе, или же сбивалъ все въ кучу, и съѣздъ, затрудняясь вынести какое-нибудь рѣшеніе,—откладывалъ его Тяжущіеся, пріѣхавшіе нерѣдко за десятки верстъ, должны были возвращаться въ свои мѣста ни съ чѣмъ, потративъ задаромъ деньги, время, прогонявъ лошадей въ горячую рабочую пору.

До моего дѣла мнѣ пришлось выслушать два очень

характерныхъ разбирательства. Одно было о раздѣлѣ. Наслѣдникъ одного изъ братьевъ, жившій на сторонѣ, и посылавшій все время деньги въ домъ, просилъ выдѣла ему изъ дома одной части. Дядя отказалъ ему, говоря, что его отецъ былъ отдѣленъ, документовъ объ этомъ не было никакихъ, общество отказывалось дать какой-либо приговоръ объ этомъ дѣлѣ. Племянникъ свидѣтельскими показаніями установилъ, что денежная помощь была, но раздѣла не было. Волостной судъ присудилъ племяннику третью часть имущества. Но съѣздъ, подъ давленіемъ К. И-ча, постановилъ отложить дѣло до представленія приговора общества былъ или не былъ раздѣлъ? Другой споръ шелъ о землѣ. Трактирщикъ изъ Москвы передъ передѣломъ полей въ обществѣ отказался отъ земли. Потомъ, когда отмѣнили выкупные и землю можно было укрѣпить въ собственность, предъявилъ искъ къ обществу. Волостной судъ отказалъ ему. Съѣздъ отмѣнилъ рѣшеніе суда и объявилъ представителямъ общества, что они должны дать истцу землю, иначе онъ присудитъ съ общества въ пользу истца сумму дохода земли; что-то баснословно высокую, какой крестьянинъ получить съ надѣла не могъ.

Дошла очередь до моего дѣла. Прочитавши аппеляціонную жалобу истца, въ которой тотъ просилъ отобрать у меня и Захара Петрова по душѣ земли, которою мы пользуемся яко бы безъ всякихъ правъ—съѣздъ не спросилъ у повѣреннаго истца никакихъ доказательствъ къ подтвержденію его словъ, а, обратившись къ намъ, повелъ разспросы, какъ мы владѣемъ спорной землей.

Пришлось повторить все то, что было говорено въ волостномъ судѣ, вплоть до того, что полосы, имѣющіяся у насъ никогда истцу не принадлежали.

— Какъ же они попали къ вамъ?

Мы объяснили.

— Но въ бывшемъ у васъ приговорѣ значится, что вы получили землю Андреева? Живо спросилъ К. И-чъ.

— Послѣ отказа Андреева отъ земли. Но земля у насъ не Андреева.

Этого не опровергалъ ни самъ Андреевъ на волостномъ судѣ, не могъ опровергнуть и его повѣренный, но съѣзду это было очевидно неясно. И особенно не могъ понять этого К. И-чъ, или же не хотѣлъ понять. Когда съѣздъ ушелъ на совѣщаніе, онъ долго спорилъ и настоялъ, что утверждать рѣшенія суда не слѣдуетъ, а нужно вызвать свидѣтелей, которые могли бы подтвердить наше заявленіе. Поэтому съѣздъ отложилъ свое рѣшеніе до сентября мѣсяца и такимъ образомъ оттягивалъ укрѣпленіе моего надѣла, а также и все дѣло выдѣла на еще болѣе долгое время.

С.

Оттяжка моего дѣла въ съѣздѣ, укрѣпляла надежду общества, что выдѣлъ скоро не состоится, или же отберутъ одну душу, и я останусь на двухъ. Это все-таки доставило бы имъ нѣкоторое удовлетвореніе. Но заявленіе Михайлы Платонова съ своей компаніей приводило ихъ въ ярость. Теперь они перенесли всю злобу на нихъ. Они считали ихъ измѣнниками и ругали въ глаза и за глаза. Но если у этой компаніи былъ расчетъ дѣйствительно прирѣзать землю поближе къ деревнѣ, почему они отказались первый разъ—то этотъ расчетъ не оправдывался. Егоръ Власовъ и другіе мужики заявили, что они считаютъ эту землю дороже и коли на то пошло оставятъ ее за собой со скидкой. Объ этомъ они заявили и землеустроителю. Землеустроитель сказалъ, что онъ

не можетъ не считаться съ такой оцѣнкой земли; и объявилъ новымъ выдѣляющимся, что ему придется убавить размѣръ участковъ въ этомъ полѣ. Михайлу Платонову и его компаніи не улыбалась убавка земли, и они рѣшили отказаться отъ этого угла и перенести свое вниманіе на другое мѣсто.

— Тогда отведите намъ къ Пьяному мосту. У Пьянаго моста хуже земля.

— У Пьянаго моста хуже земля, но мы нигдѣ вамъ ничего не дадимъ, снова запѣли свою пѣсню Печниковы.

— Поживемъ увидимъ.

Мѣсяцъ послѣ засѣданія съѣзда проходилъ. Наши односельцы, намѣченные на съѣздъ свидѣтелями, такъ же, какъ и мы, получили повѣстки. Я разсчитывалъ, что на этотъ разъ дѣло должно было рѣшиться. Свидѣтели точно знали какою землею когда-то владѣлъ истецъ и какою владѣли мы и что тѣми полосами и усадьбами, которыми владѣли мы, истецъ никогда никакъ не пользовался. Одинъ изъ свидѣтелей самъ передъ моимъ владѣніемъ пользовался одинъ годъ усадьбой и полосами, перешедшими впослѣдствіи ко мнѣ. И съ такой увѣренностью мы отправились на уѣздный съѣздъ.

На этотъ разъ съѣздъ былъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Былъ и нашъ земскій начальникъ, который зналъ все существо дѣла и былъ увѣренъ въ законности права моего владѣнія землей. Это еще болѣе укрѣпляло увѣренность, что дѣло разрѣшится въ этомъ засѣданіи и разрѣшится какъ и должно, т.-е. приговоръ волостного суда будетъ утвержденъ.

Засѣданіе началось, и мы опять были вызваны къ судейскому столу. Свидѣтелей привели къ присягѣ, и начался опросъ. И опять дѣло повелъ К. И-чъ. Насколько небрежно относился съѣздъ къ другимъ дѣламъ, настолько внимательно онъ выяснялъ всякую мелочь въ

этомъ дѣлѣ. И этой внимательностью К. И-чъ ясно обнаружилъ свою тенденцію, во что бы то ни стало, помочь Андрееву отсудить землю отъ меня и тѣмъ самымъ разрушить проектъ выдѣла, т. е. уничтожить всю работу землеустроителя. Ему хотѣлось такъ истолковать дѣло, что наше заявленіе ни что иное, какъ увертка, свидѣтели наши подговоренные, поэтому онъ сталъ стараться сбить ихъ.

— Илья Яковлевъ, вы говорите, что полосы, которыя у Семенова, находились въ вашемъ пользованіи, а до этого онѣ кому принадлежали?

— Марьѣ Михайловой.

Въ глазахъ К. И-ча вспыхиваетъ огонекъ и онъ говоритъ секретарю.

— Запишите: Марьѣ Михайловой, а С-въ говоритъ, что эти полосы принадлежали Василью Васильеву.

Я поясняю, что Василій Васильевъ сынъ Марьи Михайловой, а такъ какъ онъ жилъ въ Москвѣ и хозяйствомъ занималась мать, то ихъ владѣнія и приписывались его матери.

К. И-чъ пропускаетъ это объясненіе мимо ушей; начинается допросъ новаго свидѣтеля.

— Чьи полосы, которыми владѣетъ С-въ?—задаетъ ему вопросъ К. И-чъ.

— Ивана Алексѣева,—отвѣчаетъ свидѣтель.

— Ага, — уже не сдерживаетъ своего злорадства К. И-чъ.—Теперь новый хозяинъ;—запишите,—опять обращается онъ къ секретарю.

Секретарь опять записываетъ, а мнѣ опять приходится выяснять, что Иванъ Алексѣевъ одно и то же, что Марья Михайлова и Василій Васильевъ, такъ какъ это родоначальникъ дома, и его имя сохранилось въ памяти свидѣтеля потому, что свидѣтель самъ принадлежитъ къ людямъ стараго поколѣнія. Но съѣзду это непонятно и

онъ становится втупикъ и, уйдя на совѣщаніе, долго шумитъ и споритъ, и въ этомъ спорѣ первую скрипку играетъ К. И-чъ. Наконецъ, съѣздъ возвращается въ судейскій залъ и заявляетъ мнѣ, что до тѣхъ поръ, пока я не представлю новыхъ подтвержденій, у кого находятся полосы Андреева, съѣздъ утвердить рѣшеніе суда не можетъ.

Необходимо было вызвать то лицо, у кого были полосы Андреева. Онѣ были у его брата. Съѣздъ объявилъ, что ему пошлютъ повѣстку, и опять отложилъ дѣло на мѣсяцъ.

Братъ Герасима Андреева въ слѣдующемъ засѣданіи съѣзда пріѣхалъ и заявилъ, что полосы Герасима Андреева находятся у него и никогда въ моемъ пользованіи не находились. Съѣзду ничего не оставалось больше дѣлать, какъ укрѣпить постановленіе волостного суда.

CI.

Когда было вынесено послѣднее рѣшеніе, наступила уже зима. Снѣгъ въ эту осень выпалъ рано и рано установилась санная дорога, рано замело поля, работать было нельзя, да и по закону было препятствіе: мой надѣлъ все еще не былъ укрѣпленъ въ личную собственность.

Опять я поѣхалъ къ земскому, чтобы укрѣпить свой надѣлъ, но земскаго начальника не было дома. Онъ уѣхалъ въ отпускъ. Его ждали въ концѣ этого мѣсяца. Теперь это было все равно. Такъ какъ работать въ полѣ было нельзя, то нечего было и торопиться съ укрѣпленіемъ. Поэтому я не поѣхалъ къ замѣстителю, а сталъ ждать возвращенія своего. Какъ никакъ, а до весны дѣло укрѣпленія завершится, а весною какъ только сой-

детъ снѣгъ, все и будетъ сдѣлано. Въ этомъ былъ увѣренъ и я, и всѣ выдѣляющіеся, и землеустроитель, и даже наше общество. Оно уже исключило насъ изъ пастбища, отдѣльно наняло пастуха, отдѣльно купило быка. Намъ на первыхъ же порахъ пришлось испытать матеріальное затрудненіе. Наемъ пастуха и содержаніе быка очень чувствительно било насъ по карману, а карманы у многихъ выдѣляющихся были довольно тощи. Къ счастію, казна выслала намъ пособіе на улучшеніе скота, и мы смогли купить бычка на казенныя деньги. Это нѣсколько облегчило наше положеніе.

Общество понемногу начало успокаиваться и стало подумывать, какъ имъ быть съ оставшейся землей, какимъ порядкомъ дѣлить ее. Земля у общества осталась хорошая. Луга по рѣкѣ, поля съ прекраснымъ склономъ. Кое-кто говорилъ, что нужно сдѣлать большими полосами. Но въ этомъ еще не было согласія. Печниковы и другіе старики тянули перейти на трехполье, уничтожить травосѣяніе и жить, какъ жили въ старину. Объ этомъ спорили всю зиму и все-таки ни къ какому согласію не пришли.

Выдѣляющіеся же знали, что они будутъ дѣлать. Они подали заявленіе о выдачѣ имъ ссуды и соображали, какъ они будутъ работать на своихъ участкахъ. Кто хотѣлъ прикупить лошадь, кто орудій и на первыхъ порахъ всѣ разсчитывали побольше засѣять ярового, льна и овса, чтобы въ случаѣ урожая сразу стать на ноги и начать жить по новому. Относительно большинства это было очень вѣроятно, вызывали опасеніе только Василій Андреевъ съ Данилой.

Прошелъ февраль. Весна была не за-горами. Мною еще не было получено увѣдомленія объ укрѣпленіи меня въ личную собственность на съѣздѣ, и я рѣшилъ поѣхать въ городъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи

дѣло. Придя въ съѣздъ и справившись, какъ мое дѣло, я совершенно неожиданно для себя услыхалъ:

— Ваше дѣло отложено утвержденіемъ до представленія вами удостовѣренія, что споръ о землѣ конченъ.

— Но споръ былъ рѣшенъ самимъ съѣздомъ.

— Да, но этому нужно форменное удостовѣреніе.

— Почему же оно не было нужно земскому начальнику?

— Земскому начальнику не потребовалось, а съѣздъ рѣшилъ, что оно необходимо.

— Тогда позвольте мнѣ это удостовѣреніе сейчасъ.

— Сейчасъ не можемъ. Дѣло переслано въ губернское присутствіе по жалобѣ противной стороны еще 15 декабря.

— А когда оно можетъ быть разсмотрѣно губернскимъ присутствіемъ?

— Да не раньше весны.

Такой оборотъ дѣла далеко не соотвѣтствовалъ тѣмъ планамъ, которые строили себѣ мы. Мы могли не только не получить весною права пользованія своими участками, но могли остаться какъ безземельные. На вымѣренную намъ землю мы не могли гнать скотину, а общество, конечно насъ къ себѣ не приметъ. Поневолѣ мы должны будемъ переходить на стойловое содержаніе скота. Я къ этому былъ готовъ. На этомъ могла помириться семья Ивана Павлова, но другимъ это было недоступно, ни по средствамъ, ни по сознанію. Потомъ, по закону мы не могли пахать своихъ участковъ, а міръ съ весны можетъ передѣлить наши полосы, и намъ негдѣ будетъ сѣять и ярового. А остаться на годъ безъ урожая да послѣ плохихъ годовъ для многихъ было равносильно разоренію. Такое испытаніе способны были вынести только обез-

печенные и стойко убѣжденные въ большой пользѣ отрубовъ хозяева, а не такіе какъ наши Матвѣевъ, Василій Андреевъ и Данило.

Не легче было положеніе и землеустроителя. Онъ дѣйствовалъ образцово, энергично, въ томъ именно духѣ, въ какомъ и слѣдовало проводить новые законы и вдругъ несоблюденіе пустой формальности уничтожало всю его работу. А что если губернское присутствіе отмѣнитъ постановленіе съѣзда и мое укрѣпленіе оттянется на неопредѣленное время?.. Ужъ не выключить ли меня изъ числа выдѣляющихся, чтобы развязать руки тѣмъ. Съ этимъ я пошелъ къ землеустроителю. Я объявилъ ему, въ какомъ положеніи дѣло, землеустроитель этимъ встревожился.

— Надо просить губернское присутствіе, чтобы оно скорѣй разсмотрѣло ваше дѣло.

— А если выключить меня изъ числа выдѣляющихся, и вести дѣло только тѣхъ, — предложилъ я землеустроителю.

— Какъ же это возможно, — сказалъ землеустроитель, — когда вы вѣдь включены всюду. Вы участвуете въ общемъ владѣніи въ пастбищѣ, въ прогонѣ. Выключить васъ, нужно выключать изъ всего, а это все нужно передвигать въ натурѣ. Вѣдь это нужно передѣлывать весь планъ, всѣ вычисленія...

Я посмотрѣлъ на планъ, дѣйствительно работы было много.

— Это просто несчастіе ваше дѣло!—воскликнулъ землеустроитель, и его волненіе невольно передалось и мнѣ. И мнѣ вдругъ вспомнилось прошлогоднее увѣреніе нашего писаря, что не такъ-то легко устраивать, что кажется легкимъ, показавшееся мнѣ тогда простымъ хвастовствомъ. Нѣтъ, у него было основаніе увѣрять стариковъ и Печниковыхъ, что изъ этой затѣи ничего

не выйдетъ. Его предположеніе почти оправдывалось. Конечно, дѣло выйдетъ, но не такъ-то скоро и не у всякаго могло хватить пороху, чтобы довести его до конца.

CII.

Наступала вторая недѣля поста. Подходила „свальная середа" первый великопостный базаръ, бывавшій всегда еще по зимнему пути, гдѣ въ большомъ изобиліи выставлялось все, что было необходимо крестьянину на весну. Обыкновенно въ это время покупались лошади, плуги, бороны, сѣмена. Мои компаньоны тоже разсчитывали пріобрѣсти кое чего на этомъ базарѣ, но имъ все еще не выдавали деньги. Въ началѣ второй недѣли двое поѣхали къ землеустроителю, чтобы попросить его не задерживать деньги.

Вернулись они огорченные, разочарованные, сейчасъ же пришли ко мнѣ и заявили, что денегъ имъ не только не выдали, но и неизвѣстно, когда выдадутъ. Мое дѣло изъ губернскаго присутствія возвращается назадъ, и оно можетъ быть протянется цѣлый годъ.

— Не можетъ быть?

— Ей-Богу. Такъ самъ землеустроитель сказалъ. Онъ просилъ васъ безпремѣнно побывать въ субботу. Нужно, говоритъ, въ Москву ѣхать да хлопотать о чемъ-то.

Это было сверхъ всякихъ ожиданій. Къ чему могло придраться губернское присутствіе? Почему оно возвращаетъ дѣло назадъ? А что какъ оно въ самомъ дѣлѣ будетъ возвращено на волостной судъ, потомъ пойдетъ на съѣздъ, опять въ губернское присутствіе. Дѣйствительно, времени на это будетъ нужно не менѣе года, какъ же намъ выдѣляющимся будетъ жить этотъ годъ?..

Вотъ пришла и суббота. Я съ ранняго утра отправился въ уѣздный городъ и какъ только пріѣхалъ туда, пошелъ въ землеустроительную комиссію.

Непремѣнный членъ былъ очень разстроенъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что губернское присутствіе, за пропущеніе какой-то мелочи въ постановленіи съѣзда по моему дѣлу съ Андреевымъ отмѣнило постановленіе съѣзда и возвращаетъ его на новое разсмотрѣніе. И пока не состоится новаго постановленія—я не утвержусь въ правахъ собственности, а безъ этого нельзя будетъ ставить столбы. То-есть землеустроитель подтвердилъ то, чего мы всѣ испугались при первомъ извѣстіи, какъ узнали, что мое дѣло еще не кончено.

— Какъ же теперь быть?—смущенный такимъ оборотомъ дѣла, спросилъ я.

— Я и самъ не придумаю,—растерянно заявилъ землеустроитель.—Попали въ такую кашу... Всему виной конечно я. Зачѣмъ я такъ оптимистически смотрѣлъ на ваше дѣло. Мнѣ нужно было выключить васъ при разбивкѣ участковъ.

— Кто же этого могъ ожидать,—сказалъ я.—Дѣло вѣрное. Нѣтъ никакихъ законныхъ основаній отбить у меня душу земли.

— Если бы я не былъ въ этомъ увѣренъ, я бы и не сталъ конечно дѣлать, что сдѣлалъ,—заявилъ землеустроитель.

Онъ предложилъ мнѣ всетаки успокоить моихъ компаньоновъ, что какъ никакъ, а дѣло будетъ скоро окончено, и сталъ высказывать предположенія, что нужно теперь предпринять. Онъ поѣдетъ въ губернскую землеустроительную комиссію и будетъ тамъ хлопотать, чтобы она разрѣшила ему поскорѣе кончить дѣло.

Я покорился этому. Хотя теперь мнѣ показался ни дорогъ мой участокъ, ни выдѣлъ. Относительно буду-

щаго житья и хозяйства у меня вдругъ явились самыя тревожныя предчувствія. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И все время, пока я былъ въ уѣздномъ городѣ, меня волновали самыя безпокойныя мысли. Не оставляли меня эти мысли и когда я выѣзжалъ изъ города...

СIII.

Невольно мнѣ сталъ вспоминаться одинъ знакомый мѣстный хозяинъ изъ разночинцевъ, у котораго было небольшое имѣніе. Въ этомъ имѣніи, въ урожайные годы, при своей энергіи, знаніи и любви къ дѣлу онъ добивался удивительныхъ урожаевъ. Глядя на его буйную рожь, на его дивные овсы, тонковолокій ленъ и крупноголовые клевера, я всегда думалъ, что и на нашихъ поляхъ все это могло бы вырасти, если бы ихъ взять такъ же въ руки. И меня всегда подмывало приступить къ землѣ по его способу. Но этого нельзя было сдѣлать—мѣшала мелкополосица. И меня крайне удивляло, какъ это онъ, видѣвшій нашу крестьянскую жизнь съ ея недородами и недохватками, знающій, что и крестьянскія поля можно заставить такъ же родить, какъ и его поля—совершенно равнодушно относился къ дѣлу землеустройства. И не только равнодушно, а

временами даже враждебно. Онъ открыто осуждалъ меня за то, что я такъ пламенно отдался дѣлу землеустройства, и всегда иронизировалъ надъ двумя хуторянами, поселившимися у него подъ бокомъ.

— А Егоръ-то Петровъ баклажаны вздумалъ у себя разводить, это какъ разъ по нашему климату! Ха-ха-ха!

— А у Михайлы-то Иванова сарай сожгли. Не успѣлъ построить, а у него и сожгли.

Для меня въ этомъ было очень мало смѣшного, и я протестовалъ противъ его насмѣшекъ. Я считалъ, что этими хозяевами проявляется иниціатива, хозяйственная предпріимчивость, и они заслуживаютъ поощренія, а не насмѣшки.

— Инициатива! Надолго ее хватитъ! Баклажаны навѣрное не вызрѣютъ, а сарай-то сгорѣлъ; а въ будущемъ году еще встрѣтится какая-нибудь неудача,—вотъ и осѣкутся.

— Но вѣдь они обсѣченными и въ міру были?

— Тамъ обсѣклись-бы, тамъ и оперились, а вотъ тутъ пусть попробуютъ.

— Да неужели тутъ хуже міра?

— Непремѣнно хуже. Вы думаете что-жъ, какъ онъ перешелъ на хуторъ-то, въ немъ силы прибавилось.

— Если не прибавилось—прибавится, онъ будетъ богаче.

— Богаче?! Дадутъ ему завести богатство?! Вы читали „Крестьянина“ фонъ-Поленца?

— Конечно, читалъ.

— Ну вотъ и наши хуторяне на такой-же дорожкѣ очутятся.

Я съ этимъ не соглашался и старался доказать, что Бютнербауэръ погибъ потому, что онъ отжилъ, а у насъ такія фигуры только нарождаются. Въ нашихъ крестьянахъ при освобожденіи отъ міра и при созданіи

новой общественности въ кооперативныхъ учрежденіяхъ, забродитъ по другому кровь, и въ нихъ проснется и энергія, и хозяйственная предпріимчивость; и что этого хватитъ на долгіе десятки лѣтъ. А пока идетъ это время, создатся что-нибудь другое, для него благопріятное.

— Ну нѣтъ, это дудки,—горячо возражалъ мой знакомый.—Этакъ не пойдетъ. Наши условія задавятъ всякую энергію. Всякое растеніе, отъ котораго хочешь имѣть плодъ, нужно сажать въ благопріятную почву и соотвѣтствующія условія. Вы восхищаетесь моими урожаями, а я добиваюсь ихъ потому, что какъ можно лучше прорабатываю землю. Я не оставляю ни пласта, ни кома. Я удобряю-то какъ!.. Вотъ она и даетъ такіе урожаи. Нужно бы знать это и правительству. Если оно разсаживаетъ новыя растенія, на которыя оно возлагаетъ надежды, пусть оно раздѣлываетъ для него и почву, удаляетъ камни, комья, пласты.

— Оно и дѣлаетъ это, намѣчаетъ цѣлый рядъ преобразованій.

— Это Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Да и пріѣдетъ ли еще Улита-то. Не останутся-ли тѣ же люди въ новыхъ мундирахъ?... Очень вѣроятно, а тогда развѣ можно мечтать о возрожденіи? Чтобы пахать землю нужно запрягать въ плугъ лошадей, а не пѣтуховъ, а чтобы проводить въ жизнь новые законы—нужно сначала добиться, чтобы всѣ отъ младшаго до старшаго прониклись интересами общаго дѣла, полюбили его и дѣлали бы его не за страхъ, а за совѣсть. А у насъ можетъ это быть? А если не можетъ, то и изъ хорошаго намѣренія выйдутъ тѣ камни, которыми адъ вымощенъ, больше ничего.

Я слушалъ это тогда и пропускалъ мимо ушей. А теперь, вспоминая эти сентенціи, я чувствовалъ, что въ нихъ было не мало вѣрнаго. И вдругъ во мнѣ заколе-

балась увѣренность, что новый законъ есть дѣйствительное благо для земледѣльческой Россіи. Положительныя стороны его стали для меня утрачиваться. Но я сейчасъ же подбодрилъ себя и опять рѣшилъ, что что-бы то ни вышло, а я допью чашу до дна, а тамъ что будетъ.

CIV.

По возвращеніи изъ Москвы, землеустроитель увѣдомилъ меня, что на совѣщаніи въ Москвѣ имъ получено предложеніе, какъ только откроется весна, обставить столбами участки моихъ компаньоновъ, мой же участокъ оставить пока не остолбленнымъ. Поэтому какъ только сойдетъ снѣгъ, къ намъ будетъ присланъ землемѣръ, который и сдѣлаетъ все, что нужно. Я сейчасъ же извѣстилъ моихъ компаньоновъ и всѣ были очень обрадованы возможности скорой развязки съ міромъ и съ нетерпѣніемъ стали ждать наступленія весны.

Но вотъ сошелъ снѣгъ, просохла земля, а землемѣровъ не было и не было никакихъ слуховъ, что они скоро будутъ. Мужики опять заволновались и стали выражать нетерпѣніе.

— Что же это обманули насъ?—негодовалъ Василій Андреевъ,—когда же они пріѣдутъ-то!

— Господа, извѣстно, — иронизировалъ Антонъ Михайловъ, — може мундиръ лѣтній не готовъ, вотъ и не спѣшитъ.

— Извѣстно, чего торопиться, — подладилъ въ тонъ ему Данило, — дѣлай свое дѣло, а мужики потерпятъ, подождутъ, имъ не привыкать стать.

— Всякому терпѣнью мѣра есть. У насъ вся душа вымоталась, — съ раздраженіемъ заявилъ Матвѣевъ,—у людей озимь зеленѣетъ, а у насъ нѣтъ, люди подъ яро-

вое пахать будутъ, а мы вокругъ сараевъ ходи, чего они тамъ чешутся?

— Что, попались?—злорадствовали надъ отрубными общинники,—подождите, еще не то будетъ.

Въ этотъ моментъ насмѣшки были очень чувствительны. И они возымѣли свое дѣйствіе. Компаньоны Михайлы Платонова вдругъ опять задумали отказываться.

— Правда, нечего въ волки лѣзть, будемъ жить какъ жили.

— Да вѣдь и въ обществѣ придется землю дѣлить.

— Ну что-жъ, и раздѣлимъ, всѣмъ по ровну. Хорошо такъ хорошо, плохо такъ плохо, а то запутаютъ какъ васъ и не выпутаешься.

Вотъ стало можно и выгонять скотину. Міръ собралъ сходку и рѣшилъ свою выгонять. Къ нимъ пришелъ Михайло Платоновъ съ своей компаніей и сталъ просить принять ихъ къ себѣ.

— Не примемъ, — заорали Печниковы, — коли вздумали отъ міра прочь, такъ и гоните, куда хотите.

— Не можете не принять, они еще не выдѣлились.

Загорѣлся споръ, но дѣло все таки кончилось тѣмъ, что новую партію выдѣляющихся міръ принялъ къ себѣ, только спилъ съ нихъ за это полведра водки. На страстной недѣлѣ они выгнали свой скотъ, а нашъ еще стоялъ на дворѣ, и когда его можно было выпустить въ поле, никто не зналъ.

— Ну, видно ихъ не дождешься,—сказалъ однажды Матвѣевъ.—Чтожъ намъ теперь дѣлать? Давайте отгородимъ себѣ выгонъ, да и погонимъ. Границы мы знаемъ.

— Какъ бы чего не вышло,—усомнился было Селиверстъ.

— Ничего не выйдетъ, вотъ посмотри.

Всѣ съ этимъ согласились. Пошли отгородили выгонъ и передъ праздниками выпустили и мы скотъ на свои участки. „Міръ“ нисколько этому не противодѣйствовалъ.

Когда скотина обошлась въ полѣ, мужики немного оправились и забота ихъ стала исчезать, начались предположенія насчетъ пашни.

— Что мы, если онъ за Святую не пріѣдетъ, то и пахать такъ поѣдемъ,—сказалъ Селиверстъ. — Въ Середѣ такъ и сдѣлали: ждали, ждали столбовъ, не дождались, разъѣхали сами межи да и стали пахать...

И намъ пришлось дѣлать по примѣру Серединскихъ. Намѣтили, приблизительно, мѣста для каждаго хозяина, распахали, кто, что могъ, такъ и засѣяли...

CV.

Землемѣръ пріѣхалъ только въ началѣ іюня. Съ мѣсяцъ онъ провѣрялъ работу прежнихъ землемѣровъ, потомъ обставилъ участки столбами. Къ концу его работы кончилось и мое дѣло съ Андреевымъ и опять въ мою пользу. Волокитѣ пришелъ конецъ, мы могли уже точно знать границы своихъ владѣній. Началась подготовка земли подъ рожь, расчистка луговины, разработка совершенно заброшенныхъ мѣстъ. Сразу же обнаружился новый подходъ къ земельной работѣ, выплыла рѣдкая заботливость о землѣ. Къ осени вырѣзали землю и Михайлѣ Платонову съ его компаньонами. И тѣ мужики такъ же старательно принялись за обработку своихъ участковъ. И подъ будущій паръ и подъ яровое было вспахано съ осени. Зимою всѣ новые хозяева запаслись улучшенными сѣменами, своевременно посѣяли ихъ и

на другое лѣто получили обильный урожай. Особенно хорошъ вышелъ ленъ по осенней вспашкѣ, вслѣдствіе этого осенняя вспашка сразу дала понять новымъ хозяевамъ о своемъ преимуществѣ, и можно быть увѣреннымъ, что у большинства новыхъ хозяевъ такая вспашка войдетъ въ обыкновеніе, тѣмъ болѣе, что препятствій для нея теперь не будетъ. Сельскохозяйственное общество въ это время завело косилку и пустило ее на отрубныя земли. Опытъ показалъ, что и это орудіе такъ же практично и удобно, какъ и прежде заведенные плуги, вѣялки и молотилки. У многоземельныхъ хозяевъ явилось желаніе обзавестись такимъ орудіемъ для своего хозяйства. Слѣдующій озимый посѣвъ производился у нѣкоторыхъ отрубниковъ рядовой сѣялкой и примѣнялись химическіе туки подъ рожь. Результаты рядоваго посѣва у насъ еще неизвѣстны, но въ другихъ мѣстахъ употреблявшихъ рядовую сѣялку раньше, эти результаты вышли блестящіе.

Хорошій урожай льна и овса у выдѣлившихся совпалъ какъ разъ съ высокими цѣнами на льняное сѣмя, волокно и овесъ. И это такъ ободряюще подѣйствовало на новыхъ хозяевъ, что они забыли всѣ невзгоды и передряги, пережитыя ими во время производства выдѣла. Къ тому же и работа на участкахъ оказалась легче, производительнѣе и спокойнѣе. Многіе изъ общественниковъ глядятъ на отрубниковъ съ завистью и какъ слышно начинаютъ подумывать, не пойти ли и имъ по ихъ дорожкѣ.

CVI.

Въ то время какъ наша деревня была охвачена выдѣломъ и связанными съ нимъ заботами, въ другихъ мѣстахъ своимъ путемъ налаживался сельскохозяйствен-

ный прогрессъ. Въ тяжелое послѣ 1906 года время деревня оказалась въ совершенномъ забросѣ передъ лицемъ земства. Земство, прежде заботливо относившееся къ крестьянской судьбѣ, вдругъ измѣнило свое отношенiе. Причиной этому было то, что во главѣ нашего губернскаго земства стали люди консервативнаго направленiя и въ своей дѣятельности на первую очередь поставившiе политическую борьбу. Они яко бы занялись ликвидацiей грѣховъ бывшей передъ ними кадетской Управы, на самомъ же дѣлѣ они прекратили многiя отрасли земской дѣятельности и прежде всего занялись выборкой накопившихся за населенiемъ долговъ. Не смотря на то, что населенiе переживало тяжелыя невзгоды, вслѣдствiе неурожая, прiостановки заработковъ въ Москвѣ, безчисленныхъ пожаровъ — земство взяло на помощь себѣ полицiю и теребило свои долги, совсѣмъ прiостановивъ кредитносѣменныя операцiи, агрономическую помощь населенiю, увеличивъ страховые сборы на 20%. Въ то время какъ крестьяне мучились отъ бездорожья, ничего не дѣлало для борьбы съ этой нуждой. Отощавшее населенiе, отыскивая чтобы взять и продать у себя, ухватилось вдругъ за сѣно, родившееся хорошо и въ неблагопрiятные годы, и благодаря близости желѣзной дороги двинуло на продажу этотъ продуктъ. Ко всѣмъ станцiямъ въ уѣздѣ потянулись обозы съ прессованными брусками сухой травы. Эти обозы перегружались на платформы и сѣно увозилось, неизвѣстно куда.

Такое явленiе было мало желательнымъ для хозяйственнаго положенiя населенiя. Уходившiй съ мѣста кормъ убавлялъ производительную силу нашихъ почвъ и грозилъ вмѣсто подъема урожайности нашихъ земель истощенiемъ ихъ. Поневолѣ приходилось задумываться какъ бы противодѣйствовать этому. Единственное средство борьбы съ этимъ было увеличенiе рогатаго скота

и организація молочнаго сбыта. Наше сельскохозяйственное общество съ первыхъ шаговъ было озабочено этимъ, намъ была обѣщана поддержка со стороны губернской инспекціи сельскаго хозяйства, но дѣло было новое, трудное, хозяйственные крестьяне были заняты заботой о выдѣлѣ, другіе были враждебно настроены къ выдѣляющимся и дѣло пришлось оставить до болѣе благопріятнаго времени. Пришлось только ограничиться покупкой кровнаго быка.

Между тѣмъ тяжелые годы проходили. Въ 1909 году кончался срокъ гласнымъ земства, объявлены были новые выборы и по новому закону. Теперь уже кандидатовъ отъ волостей выбиралъ не губернаторъ, а они сами изъ среды себя. Несмотря на упадокъ духа въ деревняхъ новые выборы кандидатовъ прошли на удивленіе сознательно. Почти по всѣмъ волостямъ прошли люди прогрессивнаго направленія. Попавшіеся отъ двухъ волостей люди не опредѣлившагося взгляда въ первую голову были забаллотированы на уѣздномъ съѣздѣ. Такіе выборы были не по душѣ консервативному предводителю дворянства, онъ два раза представлялъ выборы къ отмѣнѣ, но новые выборы всякій разъ кончались въ томъ же духѣ. Наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ новыхъ гласныхъ, очень нежелательный предводителю, былъ не допущенъ яко бы за неимѣніемъ ценза, я же, выбираемый въ гласные, на всѣхъ трехъ выборахъ былъ устраненъ отъ участія въ земской работѣ, за желаніе вмѣсто присяги дать подписку въ добросовѣстномъ несеніи обязанностей гласнаго.

Несмотря на отстраненіе двухъ гласныхъ отъ крестьянъ, и на забаллотировку дворянами Д. Н. Шипова, очередное собраніе оказалось болѣе либерально, чѣмъ добивались дворяне. Въ новую управу попалъ передовой предсѣдатель, за это собраніе была учреждена

должность участковаго агронома. А такъ такъ при отсутствіи средствъ у земства на большія мѣропріятія и при оскудѣніи населенія за послѣдніе годы новому агроному дѣлать было нечего, то и пришлось въ первую очередь организовывать молочное товарищество.

Молочное дѣло, заинтересовавъ крестьянъ и привлекая ихъ къ участію и обсужденію того, что необходимо для успѣшнаго веденія такого рода предпріятія, на первыхъ же порахъ показало сколько неотложныхъ нуждъ имѣется у современнаго крестьянскаго хозяйства. Послѣ того, какъ исполнилось 50 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, за всѣ 25 лѣтъ, какъ я хозяйствую на своемъ тяглѣ, никогда не чувствовалось столько хозяйственныхъ потребностей, какъ сейчасъ. Была нужда въ землѣ, и покупкой ея нужда была удовлетворена и наступило время спокойствія, оказался недостатокъ въ кормѣ, завели травосѣяніе и населеніе испытало высшую степень довольства. Молочное же дѣло задало сразу массу новыхъ задачъ: нужно проконтролировать скотъ и, если онъ окажется невыгоденъ, постараться замѣнить его новымъ, добиться большей урожайности кормовъ, заводить новые корма, употреблять скоту избоину, заводить опыты для выясненія урожайности льна,—своихъ собственныхъ силъ и помощи участковаго агронома на это не хватитъ, нужны инструкторы по спеціальностямъ, а съ ними увеличеніе обложенія на содержаніе ихъ. А чтобы это обложеніе было не въ тягость, нужно самое быстрое увеличеніе урожайности земель, а для этого—необходимость измѣненія въ коренномъ способѣ хозяйствованія. Выдѣлы на отруба несомнѣнно будутъ развиваться, но съ выдѣлами должно распространяться и сознаніе, что одинъ въ полѣ не воинъ, и идти сознательное объединеніе крестьянъ на почвѣ хозяйственныхъ интересовъ. Такимъ образомъ должна воспитываться необходимая обществен-

ность, отсутствіе которой отличаетъ русскій народъ отъ другихъ націй, и нелюбовь къ чему русскаго человѣка причиняла въ прошломъ огромный вредъ всему народу. Счастливъ ли будетъ въ этомъ отношеніи народъ въ будущемъ, мы это должны скоро увидать.